

СОДЕРЖАНИЕ

Литературная жизнь сюжета

<i>Курьшева Л. А.</i> (Новосибирск) Об английском источнике и русских литературных связях баллады Н. Ф. Грамматина «Усад и Всемила»	5
<i>Саакян Э. А.</i> (Ванадзор) Воплощение мифа о женщине-змее в повести А. Ремизова «Мелюзина» и армянские предания	26
<i>Макарова Е. Л.</i> (Екатеринбург) Слушатель как нарративная категория в диалогии Кэтрин М. Валенте «Сказки сироты»	40
<i>Шелухина С. В.</i> (Нью-Йорк) «Братья Райт» Михаила Зенкевича: переписка с Орвиллом Райтом и другими корреспондентами (1932–1933 гг.): новые архивные разы- скания	48
<i>Веселкова Н. В.</i> (Екатеринбург) Ее жизнь их глазами. Размышления по поводу книги А. Коревановой «Моя жизнь» (1936), возникшие под влиянием переработанного изда- ния «Ее жизнь» (2020)	79
<i>Мароши В. В.</i> (Новосибирск) Мотивы «своего» и «чужого» в современной постколониальной отече- ственной прозе	103

Сюжеты литературной жизни Ленинграда 1920–1930-х годов

<i>Устинов А. Б.</i> (Сан-Франциско) Даниил Хармс в дневниках отца: избранные места	117
<i>Устинов А. Б.</i> (Сан-Франциско), <i>Галеев И. И.</i> (Москва) К истории ленинградской культуры 1930-х годов: поэтические посвя- щения Лидии Аверьяновой	166
<i>Лощилов И. Е.</i> (Новосибирск), <i>Устинов А. Б.</i> (Сан-Франциско) «Тяжелая лира»: вокруг одного шаржа Бронислава Малаховского	190

Русская литература Сибири и Дальнего Востока: сюжеты и судьбы

<i>Просветов И. В.</i> (Москва) Неизвестные сибирские стихи Василия Яна	209
--	-----

<i>Зародова Ю. П.</i> (Омск), <i>Ласкина Н. О.</i> , <i>Лоцилов И. Е.</i> (Новосибирск) Поэма Юрия Сопова «Артюрь Рембо» (1919): текст и контексты	228
<i>Проскурина Е. Н.</i> (Новосибирск) Восток в творческом сознании Б. Волкова	264
<i>Лоцилов И. Е.</i> , <i>Полторацкий И. С.</i> (Новосибирск) «Первая областническая сибирская поэма...»: Алексей Ачаир, «Казачки» (1927)	281
Требования к оформлению статьи	338

CONTENTS

The Literary Life of a Plot

- Kurysheva L. A.* (Novosibirsk)
On the English Source and Russian Literary Connections of N. F. Grammatin's Ballad "Uslad and Vsemila" 5
- Sahakyan H. A.* (Vanadzor)
The Embodiment of the Myth about the Woman-Snake in A. Remizov's Story "Melusina" and Armenian Legends 26
- Makarova E. L.* (Ekaterinburg)
Listener as Narrative Category in "The Orphan's Tales" by Catherynne M. Valente 40
- Cheloukhina S. V.* (New York)
"The Wright Brothers" by Mikhail Zenkevich: Correspondence with Orville Wright and Other Contributors (1932–1933): New Archival Findings 48
- Veselkova N. V.* (Ekaterinburg)
Her Life through Their Eyes. Reflections on A. Korevanova's Book "My Life" (1936), which Arose under the Influence of the Revised Edition "Her Life" (2020) 79
- Maroshi V. V.* (Novosibirsk)
The Motifs of "Native" and "Other" in Modern Postcolonial Russian Prose 103

Plots of the literary life of Leningrad in the 1920s–1930s

- Ustinov A. B.* (San Francisco)
Daniil Kharms in His Father's Diaries: Selected Passages 117
- Ustinov A. B.* (San Francisco), *Galeev I. I.* (Moscow)
Towards the Cultural History of Leningrad in the 1930s: Lydia Averianova's Poetic Dedications 166
- Loshchilov I. E.* (Novosibirsk), *Ustinov A. B.* (San Francisco)
"Heavy Lyre": Around one Cartoon by Bronislav Malakhovsky 190

Russian Literature of Siberia and the Far East: Plots and Destinies

- Prosvetov I. V.* (Moscow)
Unknown Siberian Poems by Vasily Yan 209

<i>Zarodova Yu. P.</i> (Omsk), <i>Laskina N. O.</i> , <i>Loshchilov I. E.</i> (Novosibirsk) Yuri Sopov's Poem "Arthur Rimbaud" (1919): Text and Contexts	228
<i>Proskurina E. N.</i> (Novosibirsk) East in the Creative Mind of B. Volkov	264
<i>Loshchilov I. E.</i> , <i>Poltoratsky I. S.</i> (Novosibirsk) "The First Regional Siberian Poem...": Alexey Achair, "Cossacks" (1927)	281
Requirements for the Article	338

Литературная жизнь сюжета

УДК 82-1, 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-5-25

Об английском источнике и русских литературных связях баллады Н. Ф. Грамматина «Услад и Всемила»

Л. А. Курышева

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Определена сюжетная основа стихотворения Н. Ф. Грамматина «Услад и Всемила». Старинная русская баллада (1810) – баллада «Храбрый Алонзо и прекрасная Имоджина» из романа М. Г. Льюиса «Монах» (1796). Для установления вероятного источника знакомства с льюисовской балладой помимо английского оригинала к сравнению привлечены русский (1803) и французский (1797) переводы романа. Сопоставление текстов приводит к выводу о непосредственном знакомстве автора с английской балладой на языке оригинала. Для придания балладе национального колорита Грамматин использовал условно-исторический фон, архаизированную лексику, а также образы и речения национальной эпической традиции. Доказано использование Грамматиным при создании баллады мотивов русских былин на схожий сюжет АТУ 974 «Муж на свадьбе жены» из сборника Кириши Данилова – о Соловье Будимировиче (контаминация двух сюжетов – о сватовстве и возвращении мужа к свадьбе жены) и о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче (сюжет о возвращении мужа к свадьбе жены). Основанием для сведения этих разных источников – якобы старинной испанской баллады об Алонзо и Имоджине (так она представлена Льюисом в романе) и русских былин – стали общие воззрения Грамматина на древнюю поэзию. Выявлены авторские акценты в популярном сюжете. По сравнению с английским образцом Грамматин усиливает тему небесной кары за вероломство: жених-мертвец приходит не только во исполнение обета верности, прежде всего он – посланец небес, посланец карающего Бога. Рассмотрены связи стихотворения Грамматина с балладными опытами Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, И. И. Дмитриева, П. А. Катенина, С. П. Жихарева и др. современными произведениями.

Ключевые слова

русская литература 1790–1810 гг., баллада, Н. Ф. Грамматин, М. Г. Льюис, АТУ 974

Для цитирования

Курышева Л. А. Об английском источнике и русских литературных связях баллады Н. Ф. Грамматина «Услад и Всемила» // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 5–25. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-5-25

© Л. А. Курышева, 2021

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

On the English Source and Russian Literary Connections of N. F. Grammatin's Ballad "Uslad and Vsemila"

L. A. Kurysheva

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The plot basis of the N. F. Grammatin's "Uslad and Vsemila. Old Russian Ballad" (1810) – the ballad "Alonzo the Brave and the Fair Imogine" from the novel "Monk" by M. G. Lewis (1796) is determined. To establish the probable source of acquaintance with the Lewis's ballad, in addition to the English original, Russian (1803) and French (1797) translations of the novel were used for comparison. Comparison of the texts leads to the conclusion that the author is directly acquainted with the English ballad in the original language. To give the ballad a national flavor, Grammatin used a conventional historical background, archaized vocabulary, as well as images and expressions of the national epic tradition. It has been proved that Grammatin used motives of Russian epics to create a ballad on a similar plot ATU 974 "The Homecoming Husband" from the collection of Kirsha Danilov – on Solovei Budimirovich (contamination of two plots – the matchmaking and the return of a husband to his wife's wedding) and on Dobryna Nikitich and Alyosha Popov (the return of the husband to his wife's wedding). The basis for combining these different sources – the supposedly "old Spanish ballad" on Alonzo and Imogine (as it is presented by Lewis in the novel) and Russian epics – were Grammatin's general views on ancient poetry. Revealed the author's accents in a popular plot. Compared to the English sample, Grammatin reinforces the theme of heavenly punishment for treachery. The bridegroom-dead comes not only in fulfillment of the fidelity's vow, first of all he is the messenger of heaven, the messenger of the punishing God. The connection of Grammatin's poem with the ballad experiments of N. M. Karamzin, V. A. Zhukovsky, I. I. Dmitriev, P. A. Katenin, S. P. Zhikharev and other contemporary works are considered.

Keywords

Russian literature of 1790s–1810s, literary ballade, N. F. Grammatin, M. G. Lewis, ATU 974

For citation

Kurysheva L. A. On the English Source and Russian Literary Connections of N. F. Grammatin's Ballad "Uslad and Vsemila". *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 5–25. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-5-25

Публикация В. А. Жуковским в 1808 г. в «Вестнике Европы» «Людмилы», подчеркнуто русской вариации баллады Г. А. Бюргера «Ленора», открыло новую страницу в истории русской литературы. «Людмила» Жуковского стала эталоном баллады романтического периода, текстом, который открыл дискуссию о национальной балладе и с которым соревновались другие авторы¹.

Спустя два года на страницах того же журнала было напечатано стихотворение Н. Ф. Грамматина «Услад и Всемила» с подзаголовком «Старинная русская баллада» (1810). До настоящего времени исследователи считали это произведение вариацией на сюжет баллады Жуковского и ее немецкого образца [Альтшуллер,

¹ Современная оценка и библиография вопроса: [Вётшева, Жилиякова, 2008; Канунова, 2008; Матяш, 2008].

Лотман, 1971, с. 838; Данилевский, 2017, с. 87]. Опыт Жуковского, по-видимому, действительно оказал влияние на выбор стихотворного размера и на разработку женского образа. Однако непосредственным сюжетным источником для поэтического вдохновения Грамматина стала баллада английского писателя М. Г. Льюиса об Алонзо и Имоджине (1796).

В задачи настоящей статьи входит сравнение «Услада и Всемилы» с прототипом для выявления авторских акцентов в заимствованном сюжете, а также установление влияния на замысел Грамматина образов и речений русских былин на схожий сюжет. Эти задачи обусловлены известными творческими интересами Грамматина. Попутно мы попытаемся решить вопрос о непосредственном источнике знакомства Грамматина с английской балладой. В конце статьи мы коснемся вопроса об укорененности опыта Грамматина в русской балладной традиции.

В нескольких словах напомним историю возникновения льюисовской баллады. Будучи в Германии, Льюис познакомился с немецкими переводами народных английских баллад о Вильяме и Маргарите и созданными не без их влияния балладами «Ленора» (1773) и «Леонардо и Бландина» (1776) Г. А. Бюргера. По возвращении в Англию Льюис дебютировал с романом «Монах» (1796), в который наряду с другими балладами был помещен «Храбрый Алонзо и прекрасная Имоджина» («Alonzo the Brave and the Fair Imogine») ². Роману одновременно сопутствовали громкий успех и скандал как в Англии, так и в континентальной Европе [Parreaux, 1960, p. 81–143; Вацура, 1975; 2002б]. Между тем именно баллада об Алонзо и Имоджине сразу завоевала одобрение читателей и критиков: в виде отдельной публикации попала в летучие листки, была удостоена отзывов в литературных обзорах и журналах и даже балетной постановки [Parreaux, 1960, p. 50–52, 63, 64; Dias Marques, 1987, p. 264, 284–285]. Баллада практически сразу вошла в европейскую литературу – появились отклики на нее, переводы и подражания. Она получила высокую оценку Р. Саути, С. Т. Кольриджа, В. Скотта, Дж. Байрона, У. Хэзлитта и др. [Parreaux, 1960; Dias Marques, 1987, p. 264, 285–286; Wilson, 1997]. Не раз она была опубликована в антологиях баллад, коллеги Льюиса по авторскому цеху отмечали ее новаторский характер в плане близости к народной простоте и в изящной ритмике [Dias Marques, 1987, p. 285–286; Folgado, 2008, p. 764; Robinson, 2013].

В романе Льюиса баллада об Алонзо и Имоджине подана как подлинно народная, взятая из сборника старинных испанских баллад. Это обстоятельство, безусловно, отвечало общему направлению увлечений Грамматина – его интересу к народной поэзии, будь то русские подлинные памятники (сборник Кирши Данилова, Слово о полку Игореве) или принимаемые современниками за таковые литературные мистификации (поэмы Оссиана, Краледворская рукопись и др.). Его научный труд «Рассуждение о древней русской словесности» (1809) основывался на публикации былин сборника Кирши Данилова (Древние русские стихотворения, 1804), много лет спустя он дважды представил свой поэтический перевод Слова о полку Игореве (1821, 1823) и сопроводил его «Критическим рассуждени-

² Подробнее об истории создания романа и баллады об Алонзо и Имоджине см.: [Parreaux, 1960; Railo, 1964; Вацура, 2002б; Atkinson, 2018; Killen, 2000]. Аннотированная библиография работ, посвященных исследованию романа Льюиса «Монах», представлена в: [Frank, 1997].

ем...» (1822) [Левин, 1983; Проскурин, 1992; Творогов, 1995; Иванова, 2016]. В сферу его интересов входили английский язык и литература: в частности, он был создателем русско-английского словаря для учащихся (М., 1808, ч. 1) и на протяжении многих лет трудился над переводом поэм Оссиана, в результате чего оставил самый большой корпус переводов творений Макферсона из всех русских авторов своего времени [Левин, 1983]. Грамматин вполне мог познакомиться с балладой Льюиса на языке оригинала. Не исключено, что ему мог быть известен русский перевод романа Льюиса и, соответственно, входящих в него баллад, сделанный с французского И. Росляковым и И. Павленковым (1802–1803)³. Нельзя также сбрасывать со счетов, что с содержанием английской баллады наш автор мог познакомиться во французском или немецком переводах (все они вышли в 1797 г., при этом на французском языке вышло два перевода). Однако первые два текста остаются наиболее вероятными источниками знакомства с балладой об Алонзу и Имоджине. Для проверки выводов нами был привлечен к сравнению доступный нам французский перевод 1797 г. (Lewis, Le Moine)⁴.

В основе баллады Льюиса и вслед за нею баллады Грамматина лежит переосмысленный фольклорный сюжет, который в исследовательской литературе получил название «Муж на свадьбе жены» (индекс ATU 974, согласно указателю сказочных сюжетов)⁵. В отличие от архаического сюжета, балладный извод имеет своим обязательным компонентом мотив неверности и завершается приходом на свадьбу призрака или мертвеца, который увлекает вероломную возлюбленную в могилу⁶.

Грамматин идет по стопам льюисовского сюжета, насыщая свою балладу национальным колоритом. Он создан при помощи условно-исторического фона (молодой витязь Услад отправляется в Литву для защиты родного края и царя), включения архаизованной лексики ('ланиты', 'храмина', 'драгий', 'златой'), фольклорных образов и выражений.

³ О русском переводе романа М. Г. Льюиса «Монах» см.: [Вацууро, 2002в, с. 206–215].

⁴ Во Франции в 1797 г. вышло два перевода романа. Первый был представлен двумя изданиями под заголовком «Le Moine», переводчики J. M. Deschamps, J. B. D. Després, P. V. Benoist, P. B. de Lamare (Paris: Maradan, 4 vols.; Paris, 2 vols.) Второй перевод, анонимный, вышел под заглавием «Le jacobin espagnol, ou Histoire de moine Ambrosio et de la belle Antonia, sa sœur» (Paris: Favre, 4 vols.). В последующие годы выходили переиздания, новый перевод романа вышел в 1840 г. В работе В. Э. Вацууро появление перевода под заглавием «Le jacobin espagnol...» ошибочно отнесено к 1798 г., в то время как в 1798 г. это было уже повторное издание [Вацууро, 2002б, с. 161, 165]. Наши данные опираются на несколько источников: специальная статья Ж. Прюно [Prungnaud, 1994, p. 43], генеральный каталог Французской Национальной библиотеки (<https://catalogue.bnf.fr/>), посвященная фантастике французская база данных Le visage vert (<http://levisagevert.com/bibliographie-auteurs>). К сожалению, нам не удалось привлечь французский перевод баллады в составе «Le jacobin espagnol...».

⁵ Обязательными звеньями фольклорно-новеллистического сюжета являются: вынужденный отъезд жениха (мужа), обязательство невесты (жены) ждать его до определенного срока, истечение срока, назначение свадьбы с другим, появление незнакомца на свадебном пиру, узнавание жениха (мужа) и воссоединение с ним, см.: [СУС, 1979, с. 249–250; Hansen, 2002, p. 201–211].

⁶ О балладных изводах сюжета «Муж на свадьбе жены» см.: [Вацууро, 2002а; Курышева, 2019].

Финал баллады Грамматина оставляет двойственное впечатление. В сцене свадебного пира внезапно появившийся мертвый жених возвращает кольцо неверной возлюбленной, при этом предъявляет права на нее и забирает с собой в мир мертвых:

*Он кольцо вручил Всемиле,
Страсти пламенной залог:
“Торжествуй! Усад в могиле...” <...>*

...из могилы
Он восстал (о, страшный вид!),
Стынет в жилах кровь Всемилы,
Гром ужасный в слух разит;
“Ты моя! ничто на свете
Нас не может разлучить”.
Так Всемилы дней во цвете
Прервалась жизни нить
(Грамматин, 1971, с. 325–326) ⁷.

Возвращение невесте кольца, которое она надела на руку жениху при расставании, казалось бы, символизирует ее освобождение от брачного обязательства. Однако невеста умирает, поскольку их связь нерушима. Читательское впечатление от финала как некоторого противоречивого авторского «послания» находит объяснение в установлении второго источника вдохновения Грамматина. В поисках художественных образов для своей баллады автор обратился к национальному фольклору. В частности, национальному эпосу известны и мотив брачного посмертного обязательства, и сюжет о возвращении мужа к свадьбе жены. Например, обязательство в случае смерти одного из супругов другому идти живым в могилу содержит былина о Потуке Михайле Ивановиче из известного Грамматину Сборника Кириши Данилова (№ 23). И все-таки мы усматриваем непосредственное влияние на замысел баллады об Усладе и Всемиле двух других былин Сборника – о Соловье Будимировиче (контаминация двух сюжетов – о сватовстве и возвращении мужа к свадьбе жены), о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче (сюжет о возвращении мужа к свадьбе жены). Определенно, Грамматин почувствовал родство сюжетов английской баллады и русских былин.

Рассмотрим подробнее. Английскую балладу открывает сцена расставания Алонзо и Имоджины. Героиня произносит клятву верности: она обещает принадлежать только возлюбленному, независимо от того, живой он или мертвый. В противном случае его призрак в праве прийти к ней на свадьбу, уличить ее в вероломстве и гордыне и забрать с собой в могилу:

“Oh, hush these suspicions,” Fair Imogine said,
“Offensive to love and to me!
For if you be living, or if you be dead,
I swear by the Virgin that none in your stead
Shall husband of Imogine be.
“If e’er I, by lust or by wealth led aside
Forget my Alonzo the Brave,

⁷ Здесь и далее в цитатах курсив мой. – Л. К.

Got grant, that to punish my falsehood and pride,
Your ghost at the marriage may sit by my side,
May tax me with perjury, claim me as bride,
And bear me away to the grave!”
(Lewis, 1796, p. 47).

В английской балладе обет верности облечен в форму юридического договора, заключенного перед лицом небес. Он сформулирован в терминах права на судебное разбирательство в случае нарушения брачного обязательства: «Твой призрак... вправе обвинить меня в клятвопреступлении, заявить права на меня как на невесту» (подстрочный пер. мой. – Л. К.). Появившийся на свадебном пиру мертвец в присутствии гостей напоминает Имоджине ее клятву:

“Behold me, thou false one! behold me!” he cried;
“Remember Alonzo the Brave!
Got grant, that to punish thy falsehood and pride
My ghost at the marriage should sit by the side,
Should tax thee with perjury, claim thee as bride,
And bear thee away to the grave!”
(Lewis, 1796, p. 49).

Французский и русский переводы баллады сохранили тему договора о брачном обязательстве:

Le preux Alonzo et la belle Imogine
(1797)

Moi t’oublier! Non, non, jamais,
Cher Alonzo! répond la belle!
Mort ou vivant, je te promets
De te rester toujours fidelle.

Si j’étois parjure à ma foi,
Que le jour de mon mariage,
A table, assise auprès de moi,
Mes yeux revoient ton image!

Que le fantôme d’Alonzo
Atteste ses droits sur mon ame!
Qu’il m’entraîne dans le tombeau,
En criant : “*Elle étoit ma femme*”!
<...>
Vois le fantôme d’Alonzo;
Rends-moi mes droits; je les réclame.
Suis-moi, je t’entraîne au tombeau...
Chevaliers, elle étoit ma femme!
(Lewis, 1797, p. 144, 145)

Храбрый Алонзо
и прекрасная Иможина (1803)

Тебя забыть? нет! нет! клянусь!
Тебя во веки не забуду,
К тебе во век не пременюсь
Мертва или жива я буду;

Когда же клятву я нарушу;
То пусть в день свадьбы моя
Увижу бледну твою душу
Сидящую вблизи меня.

Пусть тень твоя тогда покажет
Свои права всем на меня,
Влача с собою в гроб пусть скажет;
Она была жена моя!
<...>
Всмотришься в мое изображение
Теперь пришел за правом я, -
Друзья! – Она была жена моя;
Пойдем со мною в подземелье!
(Льюис, 1803, с. 20, 22)

Грамматин тоже сохраняет мотив брачного обязательства: «Ты моя! ничто на свете / Нас не может разлучить». Клятва верности в начальной сцене баллады образно выражена мотивом кольца, надеваемого на белую руку:

“Ах! могу ль расстаться, милый,
Без тоски, без слез с тобой?”
*Золото кольцо снимала
С белой рученьки своей,
Другу на руку вздевала,
Чтобы помнил он об ней.*
“Может быть, давно могила
Ждет тебя в стране чужой;
Знай, не будет жить Всемила,
Свет ей мил одним тобой”
(Грамматин, 1971, с. 323).

Вот параллели из Сборника Кирши Данилова:

Пришла она к Соловью, поздоровалась,
Взела ево за рученьку белую
И пошла за столы белодубовы,
И сели оне за яства сахарныя.
...
Целовалися оне, миловалися,
Золотыми перстнями поменялися
([Про] Саловья Будимировича, 1977, с. 15, 13).

В целом русский вариант фольклорного сюжета «Муж на свадьбе жены» был широко распространен в форме былин о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. Их записей сохранилось огромное число, в том числе относящихся к XVIII в. [Астахова, Митрофанова, 1960; Смирнов, Смолицкий, 1974]. В большей части версий эпоса о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче узнавание мужа женою происходит в момент, когда он посылает ей свой перстень в чарке вина. В Сборнике Кирши Данилова содержится две былины с сюжетом о возвращении мужа к свадьбе жены: Добрыня чудь покорила (№ 21), Соловей Будимирович (№ 1). Однако в них эпизод с узнаванием мужа либо выпущен (Добрыня чудь покорила), либо узнавание невестой нареченного происходит «по поступкам» (Соловей Будимирович). Приведем цитату из последней былины с описанием пира и узнаванием вернувшегося жениха:

Втапоры следовал со свадьбою Владимир-князь в дом свой.
И пошли во гридни светлыя,
Садилсь за столы белодубовыя,
За ества сахарныя,
И позвали на свадьбу сорок калик со каликою,
Тогда ласковой Владимир-князь
Велел подносить вина им заморския и меда сладкия,
Тот час по поступкам Соловья опазновали,
Приводили ево ко княжескому столу
([Про] Саловья Будимировича, 1977, с. 14).

В балладе Грамматина Всемила узнает незнакомца тоже «по поступкам»:

Речь и поступь ей знакомы,
Просит шлем пернатый снять
(Грамматин, 1971, с. 325).

Несмотря на то что самого мотива посылаемого в кубке вина кольца в сборнике Кирши Данилова нет, в былине о Соловье Будимировиче сохранился связанный с ним мотив – подношения чарок, угощения гостей вином (см. цитату выше)⁸. Яркой деталью пира в балладе Грамматина становится мотив кубков и изливаемого вина, которого нет ни в английском оригинале, ни во французском и русском переводах: «Алый сок драгий струится / В кубках серебряных, златых; / На ланитах радость зрится, / Пьют здоровье молодых» (Грамматин, 1971, с. 325). Он включен в семантическую цепочку радости и движения жизни на свадебном пиру, которая оканчивается замиранием жизни в невесте при узнавании мертвеца: «Стынет в жилах кровь Всемилы» (Грамматин, 1971, с. 325).

Итак, Грамматин использует мотив кольца со значением обручения в начальной сцене баллады. В финальной сцене пира мотив посылки кольца в кубке не задействован (в эпосе этот жест был адресован только жене). Хотя этот мотив был популярен в русских былинах с сюжетом о возвращении мужа к свадьбе жены, но он отсутствует в сборнике Кирши Данилова, с которым был хорошо знаком Грамматин (знал ли он другие варианты, мы установить не можем). В балладе Грамматина кольцо остается символом брачного обязательства, но возврат кольца в событийном ряду имеет другую семантику – перед всеми присутствующими на пиру он обнажает вероломство невесты.

Грамматин «вышивает» по канве английской баллады, используя образы русской лирики и национальные эпические мотивы. Отсюда проистекает и появление в финале кольца как напоминания о брачном обязательстве, взятое из русского эпоса, и предъявление права на невесту, заимствованное из английской баллады. В английской балладе жених-призрак приходит на свадьбу во исполнение обета – невеста принадлежит ему, живому или мертвому (в той же мере эта тема повторена во французском и русском переводах). По сравнению с английским образцом Грамматин усиливает тему небесной кары за вероломство: жених-мертвец приходит не только от себя «лично» («Ты моя, ничто на свете нас не может разлучить»), в то же время он – посланец небес, посланец карающего Бога (аллитерационные ряды *гр-кр*: громы – гнев – карает – Бог – кровь):

Где, Всемила, обещастья?
Где хранитель-ангел твой?
Час разлуки, час свиданья –
Позабыто всё тобой.

...

*Страшно в гневе бог карает,
Им возжжен в нас огонь любви;
Бог изменниц не прощает,
Гнев свой тушит в их крови.*

<...>

⁸ Ср. с «полным» вариантом узнавания на пиру: «Выходила она з-за стола з-за дубового. / Наливала она чарочку да зелена вина, / Подносила Добрынюшке Микитичу, / Да выпил он чарочку зелена вина, / А Добрынюшка Микитин сын / Наливал стакан да меду сладкого / И спустил он да свой злачен перстень, / Которым перстнем они да обручались... / И она выпила стакан меду сладкого, / И прикатился перстень к устам ее сахарным» (Добрыня и Алеша (№ 59), 1974, с. 239).

Он кольцо вручил Всемиле,
Страсти пламенной залог:
“Торжествуй! Услад в могиле,
Но измену видит бог;
Спят в его деснице громы,
Но он злых готов карать!”

...

Зрит Услава: из могилы
Он восстал (о, страшный вид!).
Стынет в жилах кровь Всемилы,
Гром ужасный в слух разит;
“Ты моя! ничто на свете
Нас не может разлучить”.
Так Всемилы дней во цвете
Прервалася жизни нить.

Ах, красавицы, учитесь
Клятвы данные хранить,
Изменять любви страшитесь:
Есть творец, готовый мстить
(Грамматин, с. 324, 325).

Попытаемся решить вопрос, в каком виде мог познакомиться с балладой Льюиса Грамматин. Решение лежит в обнаружении следов влияния непосредственного источника (языка, образности) в русском варианте.

На возможное знакомство именно с английским оригиналом указывают несколько сходжений английского и русского текстов. В эпизоде с появлением нового жениха, который бросает к ногам героини несметные богатства, обратим внимание на описание подарков: драгоценности и золото у Льюиса – золото, дорогие ткани и алмазы в балладе Грамматина.

Alonzo the Brave and Fair Imogine
(1796)

To Palestine hastened the hero so bold;
His love, she lamented him sore:
But scarce had a twelvemonth elapsed, when
behold,
A Baron all covered with *jewels and gold*
Arrived at Fair Imogine's door.
His treasure, his presents, his spacious domain
Soon made her untrue to her vows;
He dazzled her eyes; he bewildered her brain;
He caught her affections so light and so vain,
And carried her home as his spouse.
(Lewis, 1796, p. 48)

Услад и Всемила.
Старинная русская баллада
(1810)

Чем разгнать печаль и скуку?
Сердцу где найти покой?
Получить Всемилы руку
Вот приехал князь молодой.
Злато, ткани дорогие
И алмазы ей дарит;
“Будь моею! дни златые
Потекут для нас”, – твердит.
Долго слушать не хотела
Слов, где лести яд был скрыт,
Быть изменницей робела;
Наконец Услад забыт.
(Грамматин, 1971, с. 324)

Возможно, на описание брачных подарков в балладе Грамматина оказали влияние образы из цитировавшейся выше былины о Соловье Будимировиче, в которой жених владеет золотой казной и в качестве даров князю Владимиру и его княгине, родным будущей невесты, подносит меха и расшитую золотом и серебром камку:

И подносит ...
... камку белохрущету.
Не дорога камочка – узор хитер
...
На злате и серебре – не погнется
([Про] Саловья Будимировича, 1977, с. 11).

Напротив, во французском переводе льюисовской баллады и сделанном с него русском описание даров дано обобщенно:

Le preux Alonzo et la belle Imogine
(1797)

Douze mois se sont écoulés...
Un Baron de haute origine,
Par mille présents étalés
Demande la main d'Imogine.

L'éclat du nom et des bijoux
Eblouit la belle, et l'enchanter.
Il est accepté pour époux.
La fête arrive, elle est brillante
(Lewis, 1797, p. 144)

*Храбрый Алонзо
и прекрасная Иможина*
(1803)

Протек год; – в знаменитом чине
Барон красивой и живой
Явился к милой Иможине
Ласкаяся ея рукой.

Баронство, блеск даров склонили –
Красотку быть его женой.
Тотчас день брака положили.
Приспел он – пир был дорогой!
(Льюис, 1803, с. 20)

Следующие схождения с английским оригиналом встречаем в эпизоде появления рыцаря-незнакомца на свадебном пиру. Невеста просит гостя обнажить голову. У Льюиса эпизод насыщен немymi сценами, замедляющими ход действия. Выполняя просьбу невесты, рыцарь медленно и театрально снимает шлем, затем следует восклицание повествователя, предваряющее потрясение героини. У Грамматина мы находим совпадения с льюисовским текстом в динамике сцены, в последовательности хода действия и в риторическом восклицании повествователя, которых нет во французском и русском переводах баллады:

Alonzo the Brave and Fair Imogine
(1796)

His presence all bosoms appeared to dismay;
The guests sat in silence and fear.
At length spoke the bride, while she trembled: "I
pray
Sir Knight, that your helmet aside you woud lay,
And deign to partake of our cheer".

*Улад и Всемила.
Старинная русская баллада*
(1810)

Речь и поступь ей знакомы,
Просит шлем пернатый снять.
Долго витязь не решался
Скинуть шлем с главы своей,
Наконец повиновался, –
Что ж представилось пред ней?

The lady is silent: *the stranger complies,*
His vizor he slowly unclosed;
Oh! God! *what a sight met Fair Imogine's eyes,*
What words can express her dismay and surprise,
When a sceleton's head was exposed!
(Lewis, 1796, p. 48)

Зрит Услава: из могилы
Он восстал (о, страшный вид!)
(Грамматин, 1971, с. 325)

Даже более того, во французском переводе качественная характеристика тянущегося времени никак не обозначена, а в русском переводе – жест гостя подчеркнута порывистый:

Le preux Alonzo et la belle Imogine
(1797)

Храбрый Алонзо
и прекрасная Иможина
(1803)

D'un ton qui marque sa frayeur,
A l'étranger elle s'adresse :
"Baissez votre casque, seigneur,
"Et partagez notre alégresse".

Le guerrier se rend à ses vœux.
O ciele! *ô surprise effroyable!*
Son casque ouvert à tous les yeux
Présente un spectre épouvantable
(Lewis, 1797, p. 145)

"Сними шишак свой – покажися
Младая с трепетом рекла,
Отбрось печали – веселися
Прошу сними шишак с чела".

Сказала – Рыцарь снял в минуту
Шишак и – выражений нет,
Кто мог предвидеть участь люту!
Сей Рыцарь – был сухой скелет
(Льюис, 1803, с. 21)

Мы рассмотрели возможные «следы» знакомства Грамматина с английским оригиналом в его произведении. Коснемся черт, которые сближают балладу Грамматина с русским и французским переводами баллады Льюиса. В «Усладе и Всемиле», а также во французском и русском переводах Алонзо и Иможины, нет вводной части английской баллады, в которой описываются обстоятельства прощания и вводятся характеристики героев. Все три баллады начинаются с прямой речи персонажа:

Le preux Alonzo
et la belle Imogine
(1797)

Храбрый Алонзо
и прекрасная Иможина
(1803)

Услад и Всемила. Старинная русская баллада
(1810)

Il le faut, disois un
guerrier
A la belle et tendre
Imogine,
Il le faut; je suis chevalier,
Et je pars pour la Palestine
(Lewis, 1797, p. 143)

Свершилось! – еду в Палестину!
–
Влюбленный рыцарь говорил,
Лаская нежну Иможину, –
Быть так; я рыцарь – есмь
и был!
(Льюис, 1803, с. 19)

Радость дней моих, Всемила!
Не грусти, не плачь о мне;
Без тебя мне жизнь постыла
Будет в дальней стороне.
Не грусти, за Русь святую,
За царя, за край родной,
На Литву иду клятую;
Скоро свидишься со мной
(Грамматин, 1971, с. 323)

Вторая черта, сближающая французский и русский переводы английской баллады и оригинальную балладу Грамматина, – отсутствие «фрэнетических» подробностей, характерных для английского оригинала, а именно: описания отвратительного вида мертвеца, ползающих по его черепу червей, ужаса невесты при похищении, пирушки призраков в опустевшем замке и криков несчастной⁹.

Однако отмеченные сходства могут не быть связаны с влиянием французского или русского переводов на балладу Грамматина, а быть обусловлены эстетическими принципами автора, сформировавшимся под влиянием Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, А. Ф. Мерзлякова, В. А. Жуковского¹⁰. Например, такой же быстрый ввод действия через речь персонажа, минуя зачин повествователя, был использован Жуковским в «Людмиле»: «Где ты, милый? Что с тобою? / С чужеземною красою, / Знать, в далекой стороне / Изменил, неверный, мне...» (Жуковский, 2008, с. 9).

Баллада Грамматина тесно связана с русской литературой традицией, в частности с ранними балладными опытами его литературных предшественников и наставников – Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Мерзлякова¹¹. Также мы находим следы ее влияния на современников.

Как уже было отмечено исследователями, по-видимому, на выбор Грамматиным стихотворного размера для баллады – четырехстопного хорей – повлияла «Людмила» Жуковского. До Жуковского этим размером были написаны баллады «Граф Гваринос» Н. М. Карамзина (1789) и «Болеслав, король польский» М. Н. Муравьева (1790-е гг.).

Выбранные Грамматиным для персонажей славянские имена входят в устоявшуюся литературную традицию текстов с условно славянским колоритом. Имя мужского персонажа Услад восходит к славянским мифологическим лексиконам М. Д. Чулкова и М. И. Попова, согласно которым имя Ослад (Услад) носил языческий киевский бог «пирования и всяких роскошей» (Чулков, 1786, с. 303), «пиршеств и роскоши» (Попов, 1768). Это было повторено и развито Г. А. Глинкой в «Древней религии славян»: «бог веселья и жизненных услаждений, спутник Ладь» (Глинка, 1804). В магистерской диссертации Грамматин высказал сомнение относительно существования славянской богини любви Ладю, связывая вос-

⁹ Эта особенность русского и французского переводов романа «Монах» была отмечена В. Э. Вацуру, см.: [Вацуру, 2002б, с. 161–163; 2002в, с. 211–213].

¹⁰ Влияние карамзинского стиля прозы было велико. Так, В. Э. Вацуру отмечает черты в русском переводе «Монаха» 1803 г., говорящие об ориентации переводчиков на прозу Карамзина [Вацуру, 2002в, с. 212–213]. Приведем высказывание Ф. Ф. Вигеля, в котором он отдает должное умению Жуковского-переводчика даже «чудовищные» образы передать пленительно: «...мы в выборах его [Жуковского] увидели нечто чудовищное. Мертвецы, привидения, чертовщина, убийства, освещаемые луною, да это всё принадлежит к сказкам да разве английским романам; вместо Геро, с нежным трепетом ожидающей утопающего Леандра, представить нам бешено страстную Ленору со скачущим трупом любовника. Надобен был его чудный дар, чтобы заставить нас не только без отвращения читать его баллады, но, наконец, даже полюбить их» (цит. по: [Вётшева, Жиликова, 2008, с. 234]).

¹¹ Первые поэтические шаги Н. Ф. Грамматина были одобрены И. И. Дмитриевым, ему он посвятил свой первый стихотворный сборник; многолетняя дружба связывала Грамматина с А. Ф. Мерзляковым, В. А. Жуковским и М. В. Милоновым [Проскурин, 1992; Иванова, 2016].

кливание «ладо» в Слове о полку Игореве со значением «муж» [Иванова, 2016, с. 877]. Для художественного произведения вопрос достоверности реконструкций, по-видимому, не был существенен, поскольку славянский языческий пантеон и колорит давно стали частью поэтического языка. Семантика имен в грамматинской балладе контрастирует и резонирует с судьбой персонажа, чем усиливается драматический эффект развязки. Имя Услад как будто предвещает герою счастливую судьбу, тем острее звучит тема его ранней добровольной гибели на поле боя: «В цвете дней Услад средь боя / Жизнь отчизне в дар принес; / В землю скрыли прах героя, / И никто не пролил слез» (Грамматин, 1971, с. 325)¹². В финале Услад, носящий имя божества пиров, является призраком на свадебном пиру и вершит небесное правосудие. Имя Всемила вначале сообщает нам об общей милотности героини (ср. с Милоликой в балладе И. И. Дмитриева «Старинная любовь», 1805). Но во второй строфе через ассонансы и аллитерацию (*всемила – свет – ей – мил – одним – тобой*) усиливает оксюморонное столкновение «всех» в имени и обещание любить одного, предвещает ее измену: «Может быть, давно могила / Ждет тебя в стране чужой; / Знай, не будет жить *Всемила*, / Свет ей *мил одним* тобой» (Грамматин, 1971, с. 323). Позднее П. А. Катенин использовал в своих балладах оба имени. Услад – это певец, поэт и воин в двух его балладах – «Певец (из Гёте)» (1815) и «Певец Услад» (1817). В последней балладе развит противоположный грамматинскому сюжет: ранняя смерть уносит Всемилу, возлюбленную Услада, он ищет утешения в ратных подвигах и жизни вне родины, хранит верность возлюбленной и надеется воссоединиться с ней после смерти.

В грамматинской балладе при расставании Услад убеждает возлюбленную не грустить и не плакать о нем, но молиться о его возвращении:

Радость дней моих, Всемила!
Не грусти, не плачь о мне;
Без тебя мне жизнь постыла
Будет в дальней стороне.
Не грусти, за Русь святую,
За царя, за край родной,
На Литву иду клятую;
Скоро свидишься со мной.
Пред святыми образами,
Пред всевидящим творцом
Лучше слезы лей ручьями
О возврате ты моем
(Грамматин, 1971, с. 323).

Этот мотив защищающей от смерти силы любви был популярен в литературе. Например, в выпуске «Иппокрены» (1800, ч. 7) был опубликован прозаический отрывок «Приятное прощание Вильяма с черноглазою Сусанной» – перевод стихотворения Дж. Ге¹³, в котором развита тема спасения от опасностей и даже смерти благодаря силе любви возлюбленной:

¹² Тематически этот эпизод связан с образами павших воинов, темой оплакивания погибших и примерами верности им в стихотворении А. Ф. Мерзлякова «Ратное поле» (1996).

¹³ Источник установлен Ю. Д. Левиным [1990, с. 207].

О Сусанна! любезная моя Сусанна! Мои обеты вечно будут истинны; позволь мне облобызать сии текущие слезы! мы отъезжаем для того только, чтоб опять веселее свидеться <...> Хотя война позовет меня от твоих объятий; но ты, милая Сусанна! не тужи о том. Хотя пушки будут греметь; но Вильям будет безопасен от ударов, и возвратится к своей любезной. Любовь будет отвращать назад те ядра, которые станут летать вокруг меня, дабы только не текли драгоценные слезы из Сусаннинных очей! (Приятное прощание..., 1800, с. 86–87).

По сравнению с английским прототипом Грамматин усложняет образ героини. В его балладе подробно изображены ожидание возвращения возлюбленного и душевные страдания Всемилы, подчеркнуты сомнения и метания прежде соглашения на брак с другим¹⁴. Безусловно, в этом сказалось влияние баллады Жуковского. Сравним внутренний монолог героини, темы долгого ожидания, сомнений и несбывшихся надежд, восклицания сочувствующего повествователя в двух балладах:

Людмила
(1808)

“Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила”.
Так Людмила приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздохала.
<...>
А Людмила?.. Ждет-пождет...
<...>
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! Прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нет
(Жуковский, 2008, с. 9–10)

Услад и Всемила.
Старинная русская баллада
(1810)

Время мчится, пролетает,
Об Усладе слуха нет;
Дни Всемилы скорбь снedaет,
Ей противен белый свет.
Друга ждет назад всечасно,
День и ночь об нем грустит, –
Ожидание напрасно!
Ах, надежда тщетно льстит!
Не спешит Услад к Всемиле,
Вести к девице не шлет, –
Неужели он в могиле?
Неужель покинул свет?
<...>
Долго слушать не хотела
Слов, где лести яд был скрыт,
Быть изменницей робела;
Наконец Услад забыт
(Грамматин, 1971, с. 324)

Ряд художественных приемов Грамматина восходит к русской балладе предшествующего периода. Гром, гроза символизирующие небесную кару, были впервые использованы в балладах «Раиса. Древняя баллада» Н. М. Карамзина (1791) и «Неверность» (1781) М. Н. Муравьева: «...Грянул гром: / Сим небо возвестило гибель / Тому, кто погубил ее» (Карамзин, 1966, с. 104); «...и послышал / По спине он колесы / Громовой колесницы» (Муравьев, 1967, с. 211).

¹⁴ Ср. с описанием измены в балладе Льюиса: «His treasure, his presents, his spacious domain / Soon made her intrude to her vows; / He dazzled her eyes; he bewildered her brain; / He caught her affections so light and so vain, / And carried her home as his spouse» (Lewis, 1796, p. 48).

Для ранней русской баллады и сентиментальной прозы характерны авторские «вторжения» в решающие, эмоционально значимые моменты событийного ряда. Повествователь прямо обращается к персонажу, выражая оценку происходящему и сочувствие персонажу. Почти дословно Грамматин повторяет одно из таких восклицаний – обращение к героине в момент ее «падения» из повести Карамзина «Бедная Лиза» (1792): «Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где – твоя невинность?» (Карамзин, 1971, с. 600). Сравним: «Где, Всемила, обещаешь? / Где хранитель-ангел твой? / Час разлуки, час свиданья – / Позабыто всё тобой. / Ах! но что с Усладом будет...» (Грамматин, 1971, с. 324).

Грамматин вводит в свою балладу дидактический эпилог. Страшная картина кары за вероломство завершается обращением к красавицам, которое окрашено несколько легкими, шутивными интонациями: «Так Всемилы дней во цвете / Прервалась жизни нить. / Ах, красавицы, учитесь / Клятвы данные хранить, / Изменить любви страшитесь: / Есть творец, готовый мстить!» (Грамматин, 1971, с. 326). Этот эпилог напоминает мягкий юмор, в который была обернута баллада И. И. Дмитриева «Старинная любовь» (1805). Балладный сюжет о трагической любви, завершающийся смертью персонажей, сопровождался у Дмитриева входением в тему и дидактически-шутливым выходом из нее. Вот вступление и завершение, обращенные к читательницам-«красавицам»: «Дай для красавиц я спою, / Как в старину певцы любили <...> Она... едва на труп взглянула / Увы!.. в последний раз вздохнула. / Красавицы! песнь эта быть!» (Дмитриев, 1967, с. 139, 141).

Наконец, мы должны указать на еще один текст, связанный своим происхождением с балладой Грамматина и балладой Льюиса. Это баллада С. П. Жихарева «Всеслав и Всемила». Решение вопроса о соотношении этих трех баллад остается делом будущего. Мы остановимся только на некоторых моментах. Определенно, баллада Жихарева была создана по мотивам баллады Льюиса об Алонзо и Имоджине и, возможно, с оглядкой на опыт Грамматина, в соревновании с ним¹⁵. Несколько осложняет дело вопрос о датировке жихаревской баллады. Она дошла до нас в рукописном виде, будучи включенной Г. Р. Державиным в 3-ю часть «Рассуждения о лирической поэзии» как образец неправильной баллады¹⁶. Думается, время создания баллады «Всеслав и Всемила» можно определить, опираясь на данные «Записок» Жихарева (в них нет никаких упоминаний о работе над балладами) и время работы Державина над 3-й частью «Рассуждения о лирической поэзии»: т. е. не ранее 1807 г. и не позднее 1816 г. С балладой Грамматина жихаревскую балладу сближают имя героини (Всемила) и тема небесной кары («За нарушенный обет / Посылают боги мщенье, / И измена – к аду след. – / Боги мстят за преступленье!» (Жихарев, 1986, с. 268)). Другие ее черты, скорее, свидетельствуют о знакомстве в какой-то форме с балладой Льюиса – на языке оригинала или через французский и русский переводы. Есть в ней общие мотивы с балладой Жуковского «Людмила» (например, мотив игры ветра и месяца в небе).

¹⁵ В своих записках С. П. Жихарев вскользь, хотя и довольно язвительно, отзывается о Грамматине (Жихарев, 1989; страницы согласно *Указателю имен*).

¹⁶ Подробнее об атрибуции см. в примечаниях В. А. Западова к опубликованной им рукописи: [Западов, 1986, с. 281].

Опыт Н. Ф. Грамматина вписывается в эксперименты других русских балладников конца XVIII – первого десятилетия XIX в. «Старинная русская» баллада «Услад и Всемила» была создана им по мотивам льюисовской баллады о храбром Алонзо и прекрасной Имоджине, которая в оригинальном романе была подана автором как старинная испанская баллада. При этом Грамматин для придания национального колорита своему произведению использовал отдельные образы и речения русской национальной эпической поэзии на близкий сюжет. Основанием для сведения этих разных источников стали общие воззрения Грамматина на древнюю поэзию. Результаты сравнения баллады Грамматина с английским источником и его французским и русским переводами говорят в пользу непосредственного знакомства автора с балладой Льюиса на языке оригинала. В меру своего таланта и эстетических ориентиров Грамматин создает балладу с сильным дидактическим элементом, в приемах и мотивах пользуется общим фондом ранней русской баллады – Карамзина, Дмитриева, Мерзлякова, Жуковского. Влияние текста «Услада и Всемилы» мы усматриваем в балладах Жихарева и Катенина¹⁷.

Список литературы

Альциуллер М. Г., Лотман Ю. М. Комментарии: Н. Ф. Грамматин. Услад и Всемила. Старинная русская баллада // Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. 838 с.

Астахова А. М., Митрофанова В. В. Комментарии // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 255–304.

Вацуро В. Э. Г. П. Каменев и готическая литература // XVIII век. Сб. 10. Л., 1975. С. 271–277.

Вацуро В. Э. Н. М. Карамзин. «Остров Борнгольм». «Сиерра-Морена» // Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002а. С. 78–104.

Вацуро В. Э. «Монах» М. Г. Льюиса и «френетическая» готика // Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002б. С. 151–166.

Вацуро В. Э. Перевод «Полночного колокола» Ф. Лэтома и «Монаха» М. Г. Льюиса // Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002в. С. 200–215.

Вёттисева Н. Ж., Жилыкова Э. М. Баллады и повести Жуковского // Жуковский В. М. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3: Баллады. С. 229–240.

Данилевский Р. Ю. Немецкая литература в «Вестнике Европы» (1802–1830) // Из истории русской переводной художественной литературы первой четверти XIX века: Сб. ст. и материалов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 43–112.

Западов В. А. Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии». Приложение: Г. Р. Державин. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я // XVIII

¹⁷ Здесь отметим, что первым русским «откликом» на балладу Льюиса стала повесть Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена» (1793) [Вацуро, 2002а, с. 97–101]. Безусловно, Грамматин не мог не быть знаком с повестью, но непосредственных следов влияния образов или трактовок Карамзина на балладу Грамматина мы не обнаружили. Кроме баллад Грамматина и Жихарева, известно также еще об одном переводе льюисовской баллады, сделанном Г. П. Каменевым; к сожалению, перевод не дошел до наших дней: [Вацуро, 1975].

век. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.: Наука, 1986. С. 229–282.

Иванова Т. Г. Грамматин (Грамматин) Н. Ф. // Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 1. С. 874–877.

Канунова Ф. З. Примечания к текстам баллад: «Людмила» // Жуковский В. М. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3: Баллады. С. 266–270.

Курьшова Л. А. Стихотворная сказка Я. Б. Княжнина «Флор и Лиза» в контексте ранних русских баллад // Сюжетология и сюжетология. 2019. № 1. С. 104–122.

Левин Ю. Д. Английская поэзия XVII–XVIII вв. в русских переводах. 1745–1812. (Материалы для библиографии) // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1990. С. 203–230.

Левин Ю. Д. Примечания к «Н. Ф. Грамматин. Конлад и Кютона» // Джеймс Макферсон. Поэмы Оссиана (James Macpherson The Poems Of Ossian). Изд. подгот. Ю. Д. Левин. Л.: Наука, 1983. С. 561–563. (Серия «Литературные памятники»)

Матяш С. А. Стих баллад В. А. Жуковского // Жуковский В. М. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3: Баллады. С. 241–262.

Прокурин О. А. Грамматин, Грамматин Н. Ф. // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1992. Т. 2 (Г–К) С. 10–11.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Былины о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче // Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М.: Наука, 1974. С. 341–460.

Творогов О. В. Грамматин Николай Федорович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2: Г–И. С. 55–56.

Atkinson D. Gothic Beginnings: Dead Lovers Return // Atkinson D. The Ballad and Its Pasts. Literary Histories and the Play of Memory. Cambridge, 2018. P. 67–102.

Dias Marques J. J. Une ballade gothique anglaise dans la tradition orale de Tras-os-Montes // Litterature orale traditionnelle populaire. Acte du Colloque: Paris, 20–22 novembre 1986. Paris: Fondation Calouste Gulbenkian: Centre culture portugais, 1987. P. 257–299.

Folgado V. L. “Alonzo the Brave”: a Gothic literary ballad // Alfinge: Revista de filologia. 2008. № 20. P. 69–81.

Frank F. S. The Monk: A Bicentenary Bibliography // Romanticism on the Net. 1997. Iss. 8, November. URL: <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1997-n8-ron420/005776ar/>

Hansen W. Ariadne’s thread. A guide to international tales found in classical literature. Ithaca-London: Cornell University Press, 2002. 548 p.

Killen A. M. Roman terrifiant ou roman noir de Walpole à Anne Radcliffe et son influence sur la littérature française jusqu’en 1884. Genève, Slatkine Reprints, 2000. 255 p.

Parreaux A. The Publication of *The Monk*. A Literary Event (1756–1798). Paris: Librairie Marcel Didier, 1960. 202 p.

Prungnaud J. La traduction du roman gothique anglais en France au tournant du XVIIIe siècle // TTR: traduction, terminologie, redaction. 1994. Vol. 7, no. 1. P. 11–46.

Railo E. The Haunted Castle: A Study of the Elements of English Romanticism. New York: Humanities Press, 1964. 388 p.

Robinson D. Gothic Prosody: Monkish Perversity and the Poetics of Weird Form // Transnational Gothic. Literary and Social Exchanges in the Long Nineteenth Century / Eds. M. Elbert, B. M. Marshall. Farnham: Ashgate, 2013. P. 155–171.

Wilson L. M. “Monk” Lewis as Literary Lion // Romanticism on the Net. 1997. Iss. 8, November. URL: <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1900-v1-n1-ron420/005775ar/>

Список источников

Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава, 1804. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Древняя_религия_славян_\(Глинка\)/Боги_выспренние#Услад](https://ru.wikipedia.org/wiki/Древняя_религия_славян_(Глинка)/Боги_выспренние#Услад)

Грамматин Н. Ф. Услад и Всемила. (Старинная русская баллада) // Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 323–326. (Библиотека поэта; Большая серия)

Дмитриев И. И. Старинная любовь. Баллада // Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 139–141. (Библиотека поэта. Большая серия)

Добрыня и Алеша (№ 59) // Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М.: Наука, 1974. С. 236–240.

Добрыня чудь покорил // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / 2-е доп. изд. подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. С. 106–110. (Серия «Литературные памятники»)

[*Жихарев С. П.*] Всеслав и Всемила (в составе Приложения «Г. Р. Державин. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я» к статье В. А. Западова «Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии»») // XVIII век. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.: Наука, 1986. С. 268–270.

Жихарев С. П. Записки современника: В 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 1. 311 с.; Т. 2. 525 с.

Жуковский В. М. Людмила // Жуковский В. М. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3: Баллады. С. 9–16.

Карамзин Н. М. Бедная Лиза // Русская проза XVIII века / Вступ. ст., сост. и примеч. Г. П. Макогоненко. М.: Худож. лит., 1971. С. 591–605. (Библиотека всемирной литературы. Т. 63)

Карамзин Н. М. Раиса. Древняя баллада // Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 101–104. (Библиотека поэта. Большая серия)

[*Льюис М. Г.*] Храбрый Алонзо и прекрасная Иможина // [Льюис М. Г.] Монах, или Пагубные следствия пылких страстей. Сочинение Гж. Радклиф / Пер. с фр. И. Пвнкв и И. Рслкв. СПб.: При Императорской Академии наук, 1803. Ч. 4. С. 19–23.

Муравьев М. Н. Неверность // Муравьев М. Н. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 210–211. (Библиотека поэта. Большая серия)

Попов М. И. Описание древнего славянского языческого баснословия. М., 1768.

Приютное прощание Вильяма с черноглазою Сусанной // Иппокрена, или Утехи любословия. 1800. Ч. 7. С. 85–87.

[Про] Саловья Будимеровича // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / 2-е доп. изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. С. 9–15. (Серия «Литературные памятники»)

Чулков М. Д. Абевега русских суеверий. М., 1786.

Lewis M. G. Alonzo the Brave and the Fair Imogine // Lewis M. G. The Monk. London, 1796. Vol. 3. P. 47–49. URL: <https://archive.org/details/ParadiseLostandRegained/page/n367/mode/2up/>.

Lewis M. G. Le preux Alonzo et la belle Imogine // Lewis M. G. Le Moine / Trad. de l'anglais par J. M. Deschamps, J. B. D. Despres, P. V. Benoist, P. B. de Lamare. Paris, Maradan. An V (1797). T. 3. P. 143–146. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8626870c/>.

References

Altshuller M. G., Lotman Yu. M. Kommentarii: N. F. Grammatin. Uslad i Vsemila. Starinnaya russkaya ballada [Comments: N. F. Grammatin. Uslad and Vsemila. Old Russian ballad]. In: Poety 1790–1810-kh godov [Poets of the 1790–1810s]. Leningrad, 1971, 838 p. (in Russ.)

Astakhova A. M., Mitrofanova V. V. Kommentarii [Comments]. In: Byliny v zapisyakh i pereskazakh XVII–XVIII vekov [Epics in the records and retelling of the 17–18th centuries]. Moscow, Leningrad, 1960, p. 255–304. (in Russ.)

Atkinson D. Gothic Beginnings: Dead Lovers Return. In: Atkinson D. The Ballad and Its Pasts. Literary Histories and the Play of Memory. Cambridge, 2018, p. 67–102.

Chistov K. V. (ed.) Sravnitel'nyj ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale]. Leningrad, 1979, 438 p. (in Russ.)

Danilevsky R. Yu. Nemetskaya literatura v “Vestnike Evropy” (1802–1830) [German literature in the “Bulletin of Europe” (1802–1830)]. In: Iz istorii russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury pervoy chetverti XIX veka [From the history of Russian translated fiction in the first quarter of the 19th century]. St. Petersburg, 2017, p. 43–112. (in Russ.)

Dias Marques J. J. Une ballade gotique anglaise dans la tradition orale de Tras-os-Montes. In: Litterature orale traditionnelle populaire. Acte du Colloque: Paris, 20–22 novembre 1986. Paris, Fondation Calouste Gulbenkian, Centre culture portugais, 1987, p. 257–299.

Folgado V. L. “Alonzo the Brave”: a Gothic literary ballad. *Alfinge: Revista de filologia*, 2008, no. 20, p. 69–81.

Frank F. S. The Monk: A Bicentenary Bibliography. *Romanticism on the Net*, 1997, iss. 8 (November). URL: <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1997-n8-ron420/005776ar/>

Hansen W. *Ariadne's thread. A guide to international tales found in classical literature*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2002, 548 p.

Ivanova T. G. Grammatin (Gramatin) N. F. In: Ivanova T. G. (ed.) *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskiy slovar'. XVIII–XIX vv.* [Russian folklorists: Biobibliographic dictionary. 18–19th centuries]. In 5 vols. St. Petersburg, 2016, vol. 1, p. 874–877. (in Russ.)

Kanunova F. Z. Primechaniya k tekstam ballad: “Lyudmila” [Notes to “Lyudmila”]. In: Zhukovsky V. M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete Works and Letters]. In 20 vols. Moscow, 2008, vol. 3: *Ballady*, p. 266–270. (in Russ.)

Killen A. M. *Le Roman terrifiant ou roman noir de Walpole à Anne Radcliffe et son influence sur la littérature française jusqu'en 1884*. Genève, Slatkine Reprints, 2000, 255 p.

Kuryshcheva L. A. Ya. B. Knyazhnin's Tale in Verses *Flor and Lisa* in the context of early Russian ballads. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2019, no. 1, p. 104–122. (in Russ.)

Levin Yu. D. *Anglijskaya poeziya XVII–XVIII vv. v russkikh perevodakh. 1745–1812. (Materialy dlya bibliografii)* [English poetry of the 17th–18th centuries in Russian translations. 1745–1812. (Materials for bibliography)]. In: Levin Yu. D. *Vospriyatie anglijskoj literatury v Rossii: Issledovaniya i materialy* [Perception of English Literature in Russia: Research and Materials]. Leningrad, 1990, p. 203–230. (in Russ.)

Levin Yu. D. Primechaniya k “N. F. Grammatin. Konlad i Kyutona” [Notes to “N. F. Grammatin. Conlad and Coutona”]. In: Levin Yu. D. (ed.) *Dzhejms Makferson. Poemy Ossiana* [James Macpherson. The Poems of Ossian]. Leningrad, 1983, p. 561–563. (in Russ.)

Matyash S. A. *Stikh ballad V. A. Zhukovskogo* [Verse of V. A. Zhukovsky's ballads]. In: Zhukovsky V. M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete Works and Letters]. In 20 vols. Moscow, 2008, vol. 3: *Ballady*, p. 241–262. (in Russ.)

Parreaux A. *The Publication of The Monk. A Literary Event (1756–1798)*. Paris, Librairie Marcel Didier, 1960, 202 p.

Proskurin O. A. Grammatin, Gramotin N. F. In: Nikolaev P. M. (ed.) *Russkie pisateli: 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers: 1800–1917. Biographical Dictionary]. Moscow, 1992, vol. 2, p. 10–11. (in Russ.)

Railo E. *The Haunted Castle: A Study of the Elements of English Romanticism*. New York, Humanities Press, 1964, 388 p.

Robinson D. *Gothic Prosody: Monkish Perversity and the Poetics of Weird Form*. In: Elbert M., Marshall B. M. (eds.) *Transnational Gothic. Literary and Social Exchanges in the Long Nineteenth Century*. Farnham, Ashgate, 2013, p. 155–171.

Smirnov Yu. I., Smolitsky V. G. *Byliny o Dobryne Nikitiche i Aleshe Popoviche* [Epics about Dobryna Nikitich and Alyosha Popovich]. In: *Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich* [Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich]. Moscow, 1974, p. 341–460. (in Russ.)

Tvorogov O. V. Grammatin Nikolaj Fedorovich. In: *Entsiklopediya “Slova o polku Igoreve”* [Encyclopedia “Words about Igor's Campaign”]. In 5 vols. St. Petersburg, 1995, vol. 2, p. 55–56. (in Russ.)

Vacuro V. E. “Monakh” M. G. L'yuisa i “freneticheskaya” gotika [The Monk by M. G. Lewis and the Phrenetic Gothic]. In: Vacuro V. E. *Goticheskiy roman v Rossii* [Gothic novel in Russia]. Moscow, 2002, p. 151–166. (in Russ.)

Vacuro V. E. G. P. Kamenev i goticheskaya literature [G. P. Kamenev and the Gothic Literature]. In: XVIII vek [18th century]. Leningrad, 1975, iss. 10, p. 271–277. (in Russ.)

Vacuro V. E. N. M. Karamzin. “Ostrov Borngol'm”. “Sierra-Morena” [N. M. Karamzin. “Bornholm Island”. “Sierra Morena”]. In: Vacuro V. E. Goticheskiy roman v Rossii [Gothic novel in Russia]. Moscow, 2002, p. 78–104. (in Russ.)

Vacuro V. E. Perevod “Polnochnogo kolokola” F. Letoma i “Monakha” M. G. Lyuisa [Translation of The Midnight Bell by F. Lathome and The Monk by M. G. Lewis]. In: Vacuro V. E. Goticheskiy roman v Rossii [Gothic novel in Russia]. Moscow, 2002, p. 200–215. (in Russ.)

Vyotsheva N. Zh., Zhilyakova E. M. Ballady i povesti Zhukovskogo [Zhukovsky's Ballads and Stories]. In: Zhukovsky V. M. Polnoe sobranie sochinenij i pisem [Complete Works and Letters]. In 20 vols. Moscow, 2008, vol. 3: Ballads, p. 229–240. (in Russ.)

Wilson L. M. “Monk” Lewis as Literary Lion. *Romanticism on the Net*, 1997, iss. 8 (November). URL: <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1900-v1-n1-ron420/005775ar/>

Zapadov V. A. Rabota G. R. Derzhavina nad “Rassuzhdeniem o liricheskoy poezii”. Prilozhenie: G. R. Derzhavin. Prodolzhenie o liricheskoy poezii. Chast' 3-ya [G. R. Derzhavin's work on “Discourse on Lyric Poetry”. Appendix: G. R. Derzhavin. Continuation of lyric poetry. Part 3]. In: XVIII vek [18th century]. Leningrad, 1986, iss. 15, p. 229–282. (in Russ.)

Сведения об авторе

Курьшева Любовь Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

kurysh@mail.ru

ORCID 0000-0001-6796-2413

Information about the Author

Lyubov A. Kuryшева – Candidate of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

kurysh@mail.ru

ORCID 0000-0001-6796-2413

УДК 398.21 + 398.22 + 398.1 + 811.35
DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-26-39

Воплощение мифа о женщине-змее в повести А. Ремизова «Мелюзина» и армянские предания

Э. А. Саакян

*Ванадзорский государственный университет
Ванадзор, Республика Армения*

Аннотация

В мировом фольклоре широкое распространение имеют как миф о женщине-змее, так и мотив рождения «чудесных детей» от полулюдей-полуживотных, ставших «прародителями» царских династий.

Мелюзина – фея, героиня народного сказания кельтского происхождения. Часто изображалась как женщина-змея или женщина-рыба от талии и ниже, иногда с двумя хвостами. Легенда о Мелюзине восходит к мифологическому мотиву «священного брака» хтонического существа с небесным божеством, который затем трансформировался в сказочный мотив «чудесного супруга» (AaTh 400-459).

Рассмотренные нами народные предания о русалках и прочих травестиях женских персонажей в змее обнаруживают непосредственную связь с культом богини любви и плодородия. Все аналогичные персонажи, как и Мелюзина, выявляют связь с лунной символикой, а также с потусторонним миром. Луна и звезды имеют сакральное символическое значение в произведении А. Ремизова и сопутствуют фрагментам появления Мелюзины, а также наличествуют при всех важных и судьбоносных событиях, таких как смерть Эмери, встреча Раймонда и Мелюзины у источника, свадьба.

Нами выявлено сходство образа Мелюзины с рыбоподобными и змееподобными персонажами армянских фольклорных и мифологических текстов. Большой светящийся камень на лбу Мелюзины являет собой отголосок мотива волшебного камня на голове царя змей или лягушек. В поверьях народа змеи олицетворяют собой духи, души предков. Они живут в своих старых домах и защищают их. И змей, и дух предка заинтересованы в плодovitости рода и плодородии полей.

Структурно повесть А. Ремизова состоит из трех частей: «История повести», «Мелюзина», «Коловорот». В свою обработку легенды о Мелюзине А. Ремизов внес психологические мотивировки поступков героев.

В результате исследования легенды о Мелюзине в литературной обработке А. Ремизова, можем заключить, что Мелюзина обнаруживает теснейшую связь с языческими божествами плодородия, а также все три сестры-феи так или иначе связаны с Армянскими царствами и армянской мифологией.

Ключевые слова

запрет Мелюзины, мотив священного брака, чудесный супруг, морская дева, драгоценный камень змеи, источник

Для цитирования

Саакян Э. А. Воплощение мифа о женщине-змее в повести А. Ремизова «Мелюзина» и армянские предания // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 26–39. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-26-39

© Э. А. Саакян, 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

The Embodiment of the Myth about the Woman-Snake in A. Remizov's Story "Melusina" and Armenian Legends

H. A. Sahakyan

Vanadzor State University
Vanadzor, Republic of Armenia

Abstract

In world folklore, both the Myth of the Snake-woman and the motive of the birth of "wonderful children" from half-humans-half animals are widespread.

Melusine is a fairy, a heroine of a folk tale of Celtic origin. Often depicted as a female-snake or female-fish from the waist downwards, sometimes with two tails. The Legend of Melusine goes back to the mythological motif of the "sacred marriage" of a chthonic being with a celestial deity, which was then transformed into the fabulous motif of the "wonderful spouse" (AaTh 400-459).

The folk legends we have considered about mermaids and other travesty of female characters in snakes reveal a direct connection with the cult of the goddess of love and fertility. All similar characters, like Melusine, reveal a connection with lunar symbolism, as well as with the other world. The moon and stars have a sacred symbolic meaning in the work of A. Remizov and accompany fragments of Melusine's appearance, and are also present at all important and fateful events, such as the death of Emery, the Meeting of Raymond and Melusine at the source, and the Wedding.

We have revealed the similarity of Melusine's image with fish-like and snake-like characters in Armenian folklore and mythological texts. The large luminous stone on Melusine's forehead echoes the motif of the magic stone on the head of the king of snakes or frogs.

In the beliefs of the people, snakes personify spirits, the souls of ancestors. They live in their old homes and protect them. Both the serpent and the spirit of the ancestor are interested in the fertility of the clan and the fertility of the fields. Structurally A. Remizov's Story consists of three parts: "The Story of the Story", "Melusine", "Kolovorot". In his treatment of the legend of Melusine A. Remizov introduced psychological motivations for the actions of the heroes.

As a result of the study of the Legend of Melusine in the literary processing of A. Remizov, we can conclude that Melusine reveals the closest connection with the pagan deities of fertility, as well as all three fairy sisters are in one way or another connected with the Armenian Kingdoms and Armenian mythology.

Keywords

prohibition of Melusine, motive of sacred marriage, wonderful spouse, sea maiden, stone of a snake, water source

For citation

Sahakyan H. A. The Embodiment of the Myth about the Woman-Snake in A. Remizov's Story "Melusina" and Armenian Legends. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 26–39. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-26-39

Повесть А. Ремизова «Мелюзина» входит в последний крупный цикл произведений «Легенды в веках», над которым работал А. Ремизов в период 1947–1957 гг., после смерти С. П. Ремизовой-Довгелло, и посвящен теме утерянной, но бессмертной любви. Мелюзина – фея, героиня народного сказания кельтского происхождения, что отмечено и в повести А. Ремизова; дух свежей воды в святых источниках и реках. О ней существовала бретонская песня (лэ), содержание которой

осложнилось местными сагами и «бродячими» сказаниями литературного происхождения. Представлялась как женщина-змея или женщина-рыба от талии и ниже, иногда с двумя хвостами. Другие варианты произношения – *Мелюзайн*, *Мелизанда*.

Мудрая Мелюзина помогала мужу приобрести богатство, стать могущественным государем и основателем царского дома Лузиньянов. К концу XII в. младшая ветвь этой семьи через брак и наследование стала управлять королевствами Иерусалима и Кипра, впоследствии присоединив Малую Армению.

Старшая ветвь оказалась прочно связанной с правителями другого армянского королевства – Киликии, которое Лузиньяны опять же посредством удачного брака унаследовали в середине XIV в.

По легенде, Мелюзина родила десять детей: двух дочерей и восьмерых сыновей, в их числе Жоффруа Большой Зуб и Гвидон (Ги). В литературной обработке А. Ремизова за пять лет плодovitая Мелюзина рождает десять сыновей: Ги, Одон, Уриан, Антуан, Реньо, Жоффруа, Фруамон, Оррибль, Тъери, Раймонд. С рождением детей появлялись новые города вокруг Лузианы. Во всех версиях легенды Мелюзина воздвигала замки, распахивала земли и строила города. Первым замком, созданным ею, стал замок Лузиньян. Жан д'Аррас в труде «Благородная история Геньяна» (1393 г.) отмечает, что именно Мелюзина воздвигла за одну ночь таинственные здания с помощью толпы слуг, которые бесследно исчезли после завершения работы [Баринг-Гоулд, 2009]. А. Ремизов в повести «Мелюзина» отмечает появление «обыденного», т. е. построенного за день, города. Ср. со сказочными слугами, например, в сказке «Царевна-лягушка» [Афанасьев, 2008, с. 201–205]. Ее дети наследуют троны великих держав, становятся могущественными королями, но при этом у всех есть физический изъян – пятно на теле, звериная метка, клыки, один глаз выше другого. Ср. в повести А. Ремизова: «Одного она отравила в колыбели: это был комок колючих волос со злыми глазами, и клыки явственно прорезались в его молочном рту, она боялась, Оррибль убьет своих братьев» [Ремизов, 2001, с. 379]. Построенные ею здания точно так же имели недостатки, как и те мосты дьявола, в которых всегда недоставало одного камня. Мелюзина выходит замуж за смертного, поставив ему условие, чтобы он никогда не видел ее в зверином облике. Когда он застаёт ее в таком виде, она оставляет его.

А. Ремизов указал основные источники для создания повести: 1) Пыпин. Очерк. С. 230–233; 2) История о Мелюзине // ПДП. СПб., 1882. № XLII–LX [тексты повести]; 3) Булгаков Ф. История о Мелюзине // ПДП. СПб., 1880. № XLII. С. 73–80; 4) Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени // ПДП. СПб., 1898. № СХХVIII. С. XLIV–XLVI, 31–32; 5) Всеволодский-Генгросс В. Н. История русского театра Л.; М., 1929; 6) Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. I. С. 482; Т. IV [Ремизов, 2001, с. 354–355].

А. Ремизов выделил из основного источника (№ 2) сюжетную первооснову – историю о союзе человека и волшебного существа. Им были составлены предварительный план и списки имен героев, взятые из источников № 1–3. Первая редакция – это эпический рассказ, легенда, сохраняющая «жанровую память» сказки о «красавце и чудовище». Ее основная тема – *нарушение запрета и причинение зла*, в дальнейшем получившее название «запрет Мелюзины» [Дюмезиль, 1976, с. 254]. Во второй редакции А. Ремизов обратился к одному из первоначальных

видов драмы – античной трагедии. Усыновление Раймонда дядей Эмери было интерпретировано Ремизовым, как *легализация тайного отцовства*, а невольное убийство, совершенное главным героем, типологически сближено с мотивом царя Эдипа: «– Я всё знаю, – говорит Мелюзина, – <...> ты убил отца. – Эмери – отец?» [Ремизов, 2001, с. 370].

А. Ремизов начинает «Историю Мелюзины» с рассказа о детстве Раймонда. Описывается яблоневый сад отца Раймонда, символические «палые» яблоки, отвезенные вместе с сыном в дом Эмери. Именно в первой части А. Ремизов устами Эмери – графа Пуату, рассказывает историю проклятия Мелюзины. В отличие от вариантов легенд и обработок, А. Ремизов обращается также к судьбе двух сестер Мелюзины.

А. Ремизов сформировал новую жанровую структуру произведения с усилением роли «Хора» и авторского комментария после каждого сюжетного эпизода. При этом обозначение «Хор», связанное с античной трагедией, которое присутствовало как в предшествующих редакциях «Мелюзины», так и в других повестях-апокрифах А. Ремизова, например, «Иродиаде», в окончательной версии повести «Мелюзина» отсутствует. В «Предисловии» А. Ремизов программно заявил о трансформации мифологического сюжета в процессе его письменной фиксации и охарактеризовал свою задачу как воскрешение мифа с помощью новых художественных средств. В недатированном письме А. Мазуровой А. Ремизов так обозначил свою эстетическую задачу: «Мелюзина, как и другие мои легенды, не реставрация (воспроизведение оригинала), не пересказ (пересказ предполагает оригинал), а творчество, как я говорю, “по материалу”, который мне всегда толчок вспомнить, что я видел, чувствовал и о чем подумал однажды <...> Я учился у Эсхила и Эврипида и пробудил в себе голос судь. Мне это было нетрудно: ведь всё мое – “сужу свою душу”» [Там же, с. 363].

В свою обработку легенды о Мелюзине А. Ремизов внес психологические мотивировки поступков героев. Это – также результат выделения писателем трагического в своей первооснове «народного мифа», который, функционируя в виде сказки, приобрел «ложную» благополучную концовку в народной традиции.

Структурно повесть А. Ремизова состоит из трех частей: «История повести», «Мелюзина», «Коловорот». В первой части представлены сведения об источниках, которыми пользовался А. Ремизов. Вторая часть состоит из 12 глав, представляющих собой эпизоды развития сюжета с комментариями «Хора». В третьей части, состоящей из 7 главок, А. Ремизов представляет свою интерпретацию знаменитой легенды о Мелюзине.

А. Ремизовым представлена историческая справка о генеалогии рода Лузиньян – будущих армянских царей, в частности отмечается родоначальник династии Лузиньян – Зубастый Жоффруа, его отец «потерянный Раймонд» и мать Есташ Шабо (Eustache Chabot) – Мелюзина, также отмечены авторы знаменитых переводов мифа [Там же, с. 364]

В первой части повести А. Ремизов дает подсказку о сущности Мелюзины в вводной темой об оборотнях, духах, в частности в кельтских мифах. Себя А. Ремизов представляет как очевидца событий, глаза которого способны рассмотреть не только человека и зверя, растение и духа, но еще и человеко-зверя и человеко-духа. Вывод о сущности Мелюзины в дальнейшем подкрепляется цитатой из по-

эмы М. Лермонтова «Демон»: «Им в грядущем нет желанья, / Им прошедшего не жаль»¹ [Ремизов, 2001, с. 363с].

Союз человека и волшебного существа: мотив «священного брака» (нерогами)

Легенда о Мелюзине восходит к мифологическому мотиву «священного брака» хтонического существа (матери-сырой земли, богини очага) с небесным божеством, который затем трансформировался в сказочный мотив «чудесного супруга» (супруг / супруга или иной родственник) (AaTh 400–459) [Андреев, 1929, с. 34].

История феи Прессины и ее брака с королем Элином также является вариацией на тему брака со сверхъестественным существом. Мелюзина и Прессина – это водяные феи или нимфы, не подлежит сомнению, что обе они обитают у источника, и превращения хозяйки замка Лузиньян выдают ее водяную природу. Как отмечает Баринг-Гоулд [2009], легенда о Мелюзине – галльская, а следовательно, представляет собой кельтский миф, что подтверждается легендами о банши, форму которой порой принимает несчастная нимфа.

Согласно средневековым текстам, Элинос (Elynas, Helmas, Thiaus), король Альбы, отправившись однажды на охоту, встретил в лесу у источника прекрасную фею по имени Прессина (Pressyne, Персина). Фея согласилась выйти замуж за Элиноса, но при одном условии, что он не будет входить в ее спальню, когда она рождает или купает своего ребенка. Прессина рождает тройню. Когда Элинос нарушает запрет, она покидает королевство, забрав трех своих дочерей, и отправляется на затерянный остров Авалон.

Три девочки – Мелюзина, Мелиор (Melior) и Палатина (Palatyne) в день своего 15-летия, узнав о клятвопреступлении отца, схватили Элиноса в плен и заперли его вместе с его богатствами в скале. За этот грех сестры были прокляты матерью.

Жан Аррасский утверждает, что рыбий хвост у Мелюзины – результат заклятия, наложенного на нее феей Прессинной, но это его собственная версия. Происхождение Мелюзины было ему неизвестно, и поэтому он вынужден был вставочной сюжетной линией объяснить наличие хвоста. Мелюзина была русалкой, обитала в источнике, а рыбий хвост указывает на ее сущность [Баринг-Гоулд, 2009].

В XIV в. конструкция легенды о Мелюзине обретает законченный вид. Фабула делится на три части: фея выходит замуж за смертного (Раймонда, Раймондина, Хенно и т. д.), строго наказывая ему соблюдать запрет; пара живет счастливо и добивается значительного богатства; запрет нарушен супругом: фея исчезает, а вместе с ней исчезает и процветание, принесенное ею в качестве приданого. Ср. в повести А. Ремизова на месте замка и города оказывается пустыня, исчезает даже источник [Ремизов, 2001, с. 388].

Брат Раймонда Бертрам наговорами возбудил в нем ревность к супруге, и он решил узнать, что делает его жена по субботам. Раймонд увидел ее нагой, плавающей со змеиным хвостом. Мелюзина, несмотря на то что супруг нарушил запрет, простила его. И лишь когда один из их сыновей убил другого, Раймонд

¹ Лермонтов М. Демон. СПб.: Изд-во Тов-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1910. С. 20.

обозвал ее «змеей» перед лицом своего двора, она превратилась в дракона. *Одарив Раймонда двумя магическими кольцами Мелюзина улетела*, чтобы никогда не возвращаться, трижды облетев вокруг замка с раздирающим душу криком (*Cri de Meluzine*). Во фрагменте о передаче колец Мелюзиной возникает параллель и со сказочными текстами, например со сказкой «Змея Скарапея». С тех пор она была покровительницей дома Лузиньян, потомки которого правили и армянскими престолами в том числе, предупреждая их о грядущем несчастье. По поверью, призрак Мелюзины должен скитаться по земле до дня Страшного суда, а ее крик слышат каждый раз, когда очередной наследник Мелюзины близок к смерти.

Мелюзина ищет союза со смертным мужчиной для того, чтобы избавиться от заклятия. А. Ремизов проводит параллель с русалками, духами, желающими очеловечиться: «Но у каких-то духов, близких к человеку, неутоленное желание очеловечиться – русская кикимора» [Ремизов, 2001, с. 363].

Образ Женщины-змеи (рыбы)

Образ Женщины-змеи (рыбы) в народных поверьях и фольклоре многих народов имеет широкое распространение. Образ Мелюзины обнаруживает некоторое сходство с банши из кельтской мифологии. Ирландскую банши описывают как высокую худую женщину с непокрытой головой и длинными развевающимися волосами, облаченную во что-то, напоминающее свободный белый плащ или кусок ткани, обернутый вокруг нее. Банши издавала пронзительные вопли. У других народов также существуют мифы о вестниках смерти, «однако их персонажами не являются женщины, опекающие определенный род и возвещающие о приближении короля ужаса своими пронзительными криками в ночи» [Баринг-Гоулд, 2009]. Ср. со знаменитым криком Мелюзины.

Исследователь М. Ананикян утверждает, что у армянского народа распространено «огромное количество сказов о змеях, подобных историям о матери-змее скифского народа и Мелюзине, имеющей облик змеи, жене графа Раймона Пуатге (Лусиньяна)». Но духи армянских преданий в основном злые, имеют сходство с демонами, так как подобно демонам, они «изнуряют людей болезнями и другими несчастьями». Согласно армянским поверьям, змеи олицетворяют собой духи, души предков. Они живут в своих старых домах и защищают их. И змей, и дух предка заинтересованы в плодovitости рода и плодородии полей. Они обладают исключительной мудростью, исцеляющей силой, дарят богатство и т. д. [Ананикян, 2010]. Как видим, описание вполне подходит образу Мелюзины – хранительницы дома Лузиньян (Лусиньян).

Известно, что фольклорный образ русалок имеет непосредственную связь с луной. На первый взгляд сложно усмотреть связь между луной, богиней воды и божеством, покровительствующим деторождению; но она существует. Венера из классической мифологии родилась из пены морской и также была связана с луной. Вместе с тем она была богиней любви, и ей поклонялись беременные женщины – как в Бретани к Венере Кимперлейской обращались бездетные женщины.

Луна и звезды имеют сакральное символическое значение в произведении А. Ремизова и сопутствуют фрагментам появления Мелюзины, а также наличест-

вуют при всех важных и судьбоносных событиях: смерть Эмери, встреча Раймонда и Мелюзины у источника, свадьба.

В повести А. Ремизова портрет Мелюзины создан не четко, она не описана детально при первой встрече с Раймондином, но при этом писатель создает ее описание с помощью вовлечения символики луны: «Лицо ее лунной водой струится между черных берегов, глаза дремучая лазурь. У ее ног источник» [Ремизов, 2001, с. 370]. Отметим, что в Греции жрицы Деметры назывались мелиссами. Двойственной природой Милитты, праматери всего и одновременно богини луны, объясняется то, что в Греции ее именем стали называться и жрицы Деметры, и жрицы Селены.

Имя Мелисса, возможно, распространилось в Галлии через фокейское поселение в Массилии, современном Марселе. Оно проникло в мифологию галльских кельтов и закрепилось там в качестве общего названия нимф, а затем уже окончательно перешло к Мелюзине [Баринг-Гоулд, 2009]. В повести А. Ремизов не раз называет источник в диком лесу Коломбье заколдованным местом: «Есть на земле чистые места – Святая Земля, Мекка и Медина, и нечистые: заколдованное близ Диканьки и в Коломбийском лесу Источник – утолимая жажда. А на свадебных приглашениях указано было для сбора именно это нечистое место: Источник» [Там же, с. 376]. А. Ремизов вводит в текст аллюзию на повесть Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) о разгуле нечистой силы. Источник Мелюзины должен находиться в лесной чаще, в месте под названием Лузина, или Люсина, что означает «приносящая свет», ср. арм. «luys / lus» – «свет», «lusin» – «луна».

А. Ремизов указывает, что во время превращений глаза Мелюзины светились кровавым красным и иззелена-синим огнем [Там же, с. 387], т. е. цветами пламени, огня. Ср. с Цовинар (Շուշին, Цовян – Շուշին, т. е. «рожденная от моря») – в древнеармянской мифологии богиня воды, моря, дождя, а также дух грозы с огненными глазами, из которых выходит молния. Чтобы наказать людей, она насыпает град. Интересно, что в армянской мифологии Цовинар выступает и как повелительница грома. По народным поверьям, Цовинар появляется на небе в темную непроницаемую ночь в виде изогнутой сверкающей молнии, и с неба начинает литься живительный дождь. Однако в дальнейшем Цовинар стала ассоциироваться с Цови-мар (Շուշի մար) – живущим в воде злым духом, змеей (перс. «mâg» – «змея»). В армянских народных представлениях, Цови-мар – морские змеи – духи воды, они похожи на женщин с длинными волосами, в которых заключена их сила [Шахазиз, 1902, с. 53]. Цовинар постепенно переходит в морскую русалку. В образах русалок выявляются функции морской богини, они имеют общность с Хурник *hrēxen* «խորհրդիկ հրեղեն» (букв.: «глубоководные огненные девы») – морскими девами. Морские девы армянского фольклора необычайно красивы, частично выявляют сходство с греческими сиренами – выходят наполовину из воды, соблазняют моряков и причиняют им вред [Лалаян, 1908, с. 93].

Мелюзина в повести А. Ремизова *зовет Раймонда по имени*, и, несмотря на то что он не услышал, «судьба-конь» [Ремизов, 2001, с. 392] всё равно примчал его к источнику.

Со временем некоторые черты женщины-змеи передаются персонажам низшей демонологии, таким как русалки, духи, феи, сирены, откуда они перешли в сказки и предания. Интересно, что в славянском фольклоре мелюзинами часто называли

русалок. Кроме визуального сходства Мелюзины – «морской девы», и русалок (наличие чешуйчатого хвоста, обитание в водном-речном пространстве) и благодаря их пению прослеживается и мифолого-функциональное родство с русалками и сиренами. Во всех вариантах мифа о Мелюзине отмечается, что путник идет на звуки красивого голоса и обнаруживает деву невиданной красоты, которая либо поет, либо зовет героя по имени. Исследователь Сабин Баринг-Гоулд отмечает, что «сначала у сирен присутствовали крылья, но потом, когда появилась легенда об их раздоре с музами и низвержении в море, они приняли форму полурыб. Внешний вид их был позаимствован у Деркето» [Баринг-Гоулд, 2009]. На основе широкого распространения веры в женщин-полурыб в виде легенд и сказок о русалках кельтских народов исследователь приходит к выводу, что изначально водные нимфы были их божествами, а «круглое зеркало, которое они обычно держат в руке, – это не что иное, как напоминание о диске луны» [Там же].

Цовинар также генетически восходит к древнеармянской богине весны, земли и воды Нар. С водной стихией тесно соотносились и другие богини армянского пантеона, такие как Анаит и Астхик.

Согласно армянским преданиям, там, где сливаются реки Евфрат и Арацани, под дождем на вершине скалы часто видели невиданную красавицу с широким лбом, длинными волосами, со сводчатыми густыми бровями, с густыми длинными ресницами, миндалевидными глазами, с грудью, как круглые дыни, которая своими нежными длинными пальцами расчесывает свои волосы, разбрасывает их на плечи и грудь. Говорят, что эта красавица, которая ниже спины – рыба, а выше спины – женщина, наша мать Анаит [Мелик-Пашаян, 1963, с. 154–155].

Лягушка также является хтоническим существом: с одной стороны, она – символ нижнего мира и подземных вод, а с другой – символ хаоса, также связана с плодородием, дождем, грозой и возрождением, имеет дополнительную лунную и женскую символику. В армянской действительности культ лягушек был связан с культом богини Нар, который впоследствии объединился с культурами богини любви Астхик и богини плодородия и материнства Анаит [Кешишян, 2007, с. 250].

Лягушка, будучи нечистым животным, в народных представлениях функционально сближается со змеей. И у лягушек, и у змей есть свой царь, имеющий на голове корону. По армянским поверьям, на голове некоторых змей находится чаша. Кто завладеет этой чашей, тот станет хозяином сокровищ. По другим армянским поверьям, у царя змей в голове есть бусинка, которая светит в темноте. Бусина – лекарство от всех болезней, а также дарит людям мудрость и волшебное могущество [Лалаян, 1897, с. 60]. Ср. ремизовское описание светящегося камня: «Звезда – рубиновая росплавь – змеей лучится из окна» [Ремизов, 2001, с. 381–382].

На наш взгляд, предание о чудесном светящемся камне на лбу царя змей, отраженное в легенде о Мелюзине в виде красного камня на ее лбу, является трансформацией мотива вынимания драгоценного камня из головы змея (дракона). В более поздних фольклорных текстах мотив сначала получил форму вынимания колец из пасти змея, часто мертвого [Армянские народные сказки, 1979, с. 35], «Младшая невестка» (арм. «Մլանդր հարձեր») [АНС, 1979, с. 140–143], а затем отразился в текстах о чудесном светящемся камушке, исполняющем желания, и приносящем удачу – камень удачи (арм. դրժիթ քար), который в сюжетах дан-

ной группы уже никак не ассоциировался со змеем. Напомним, что, как нами уже было отмечено, в армянских фольклорных текстах и в мировом фольклоре змея, лягушка, рыба часто одаряют магическим кольцом (кольцами) своего спасителя, например в русской народной сказке про «Змею Скарапею»; или же кольца оставляет чудесный супруг (супруга) перед исчезновением, например в армянских народных сказках «Девушка-Лягушка» (арм. «Չորս փղիկ») [АНС, 1977, с. 54], «Змеиная бусинка» (арм. «Օձի հիւնք») [Там же, с. 51], «Бабр» (арм. «Բաբր») [Там же, 1962, с. 243–262], «Дитя змеи и Дитя солнца» (арм. «Օձ-մամուկ և Արիւն-Արմանիկ») [Там же, с. 17–182].

В связи с этим считаем целесообразным обратить внимание на внешний вид статуй богини любви и плодородия. В частности, на голове рыбоподобной статуи богини Атаргатис в Герополисе была *светящаяся бусина*, которая «освещала всё святилище», а на голове другой статуи был золотой голубь – символ богини [Абегян, 1975, с. 165].

Армянские народные сказки, составляющие группу о «Чудесном супруге» часто контаминируют с другими, схожими по сюжетной линии группами сказок. В них жених обычно является змеем-вишапом (арм. վիշապ).

Мариэтта Шагинян в качестве самых распространенных действующих сил армянской сказки отмечает Змея наряду с Морской лошастью, Хазаран блбул (Тысячеголосый соловей) и Дэвами. Причем, главная черта змей в армянских сказках – верность. Змеи могут быть способны на благородство и даже на самопожертвование, как, например, Шах-Марар – царь змей [АС, 1633, с. 16].

Оборотни-женщины армянских сказок часто настроены враждебно по отношению к человеку и хотят его извести, хотя поначалу такая женщина может взять себе в мужья бедняка и жить с ним в согласии. В армянской народной «Сказке про змею» (арм. «Օձի հերիշաք») [АНС, 1959, с. 397–403] прибывший из Индии (Китай, Стамбула) купец, догадывается о змеиной сущности женщины с помощью кольца или другого предмета и советует мужу на ночь накормить жену чем-то соленым либо мясом, которое она не ест, а после вылить всю воду, имеющуюся в доме и смотреть, что будет. Жена же, проснувшись ночью от жажды, оборачивается в змею и протягивает через трубу голову, муж видит, как по ее вытянутой шее пробегают судороги, – это жена-змея пьет воду прямо из колодца. Купец предупреждает мужа, что жена убьет его по истечении шести лет. А чтобы ее уничтожить, нужно оборотня-женщину сжечь в печи. После сжигания жены остаются *камушки, имеющие свойство превращать предметы в золото*.

Мотивы «запрета Мелюзины», «чудесного супруга», за ночь выполняющего трудные поручения, трагедии внешнего облика объединяются под сказочным типом «Царевна-Лягушка» (AaTh 402) [Андреев, 1929, с. 34]. Однако по сравнению с образом мифологической женщины-змеи образ сказочного супруга-змея чаще является положительным.

Таким образом, в армянских фольклорных сюжетах о сватовстве и браке часто выявляется образ змея-оборотня, что мы склонны рассматривать как трансформацию сюжета о священном браке – иерогамии.

Сцене свадьбы в повести А. Ремизова также отводится важное место. Мелюзина выходит к жениху именно из церкви, где шла всенощная. Значительным отличием от всех остальных вариаций легенды является то, что Мелюзина в повести А. Ремизова не боится крестного знамения, окропления, молитв. Она необычно-

венно набожна: «С каким усердием молилась она: вымоленное закрепляла истовым крестом и глубоким поясным поклоном, или в смутной тревоге умоляет продлить милость и не оставить, укрепив, и не покинуть» [Ремизов, 2001, с. 375]. Мелюзина возводит церкви: «Неподалеку от Лузианы построен был по желанию Мелюзины монастырь Меллезик: храм во имя Богородицы – Утолимая печаль» [Там же, с. 379]. Раймонд и Мелюзина венчаются по всем христианским канонам. Свадьба представлена как своеобразное карнавальное действо, все гости – ряженные, а то и неживые вовсе: «...у попа под епитрахилью гуляет воздух, а ноги куриные, и у молящихся только шейные позвонки – для виду» [Там же, с. 375]. Это действо больше напоминает похоронный обряд. Путь ко дворцу Мелюзины лежит через церковь, чтобы попасть в ее мир, Раймонд должен стать ее мужем, т. е. войти в церковь. Фактически А. Ремизовым введена сцена обряда инициации Раймонда. Поэтому именно после венчания Мелюзина объявляет о том, что Раймонд теперь господин над всеми. Он не только стал ее мужем, пройдя свадебный обряд, но и частью потустороннего, демонического мира. Перед нами отголосок престолонаследия посредством заключения брака, весьма распространенного явления в Средние века и в особенности у представителей династии Лузиньянов: «Всё, что ты видишь, было всегда, говорит Мелюзина <...> земля и вместе со мной, всё в твоей власти. // Она поднялась по ступеням к царским вратам и с амвона громогласно объявила, что не она теперь, а Раймонд господин над всем» [Там же].

Вся атмосфера свадьбы полна волшебным демоническим духом, даже без «свеч и электрических лампочек было что-то вроде электрического света со вспышкой, <...> демонские светящиеся перемиги».

В текст повести А. Ремизов вплетает славянские традиции празднования свадьбы на Руси, даже детские считалки, а в ремизовском сравнении невесты и яблони выявляются следы армянского брачного обряда: «Мелюзина – красная яблоня, в ее синей дреме робкое счастье» [Там же, с. 376]. В данном сравнении нетрудно заметить очевидное сходство женщины, женского начала с древом мудрости, ярко выраженном в традициях и обрядах разных народов, в том числе и у древних армян [Петросян, 2004, с. 30–31].

В третьей части повести о Мелюзине – «Коловорот» – А. Ремизов открывает читателю смысл повествования: «Легенда раскрывает природу человека: жалкий человек!» [Ремизов, 2001, с. 390].

Главным действующим лицом в повести выступает Судьба. Разлука как судьба наиболее полно разработана Ремизовым в «Мелюзине». По Ремизову, желание феи Мелюзины очеловечиться, неисполнимо, поэтому ее судьба и ее трагедия – разлука: «Мелюзина ждала человека, дождалась и потеряла, и на ее вечный век ждать ей нечего, разлука» [Там же, с. 392]. Разлука в случае Мелюзины – это судьба, так как «проклятие судьбинно-роковое»: Раймонду суждено убить отца, Мелюзине – быть проклятой.

А. Ремизов также вводит в текст повести на мифический сюжет своих современников. Танцоры на свадьбе, способные конкурировать и даже превзойти современного А. Ремизову французского балетмейстера Вестриса, и похожи на *змей*: «Трудно сказать, балетные ли это танцоры или змеи – змеи вылуплялись из цветного воздуха и вышелушивались из воздушных цветов» [Там же, с. 377].

В то же время гостями замка, своими глазами увидевшими конец чудесной и трагической истории, стали автор хроники графов Лузиньян Шан Дарас (XIV в.)

и переводчики этой повести на немецкий, польский и русский языки Туринг фон Рингельтинген (XV в.), Мартын Сенник (XVI в.) и дьяк Иван Руданский (XVII в.) [Ремизов, 2001, с. 388].

Представляет собой интерес также привлеченная А. Ремизовым сцена превращения Мелюзины. По версии А. Ремизова, она не травестируется сразу из женщины в змею. Писатель детально показывает переход женского тела в звериное, со лба которого повисла львиная лапа. С исчезновением лапы на плоском безглазьи «над птичьим носом сел паук, изо рта вырезались клыки, и длинный волчий волос колеблется на носу. Косматый зверь! – ноги грузно подымались скакать» [Там же, с. 387]. В этом фрагменте можно выявить детали, имеющие отношение к функциям и атрибутам божества плодородия, которое в Армении почиталось в образе рыбы, было непосредственно связано как с дождем и влагой, так и со змеиной сущностью.

Языческое божество плодородия в Ассирии, Вавилоне и Финики называли Милита, Иштар, Деркетто, Астарто, Аштарт, среди греков – Афродита, среди персов – Анаит, среди армян – Анаит и Астхик. В ее честь на территории Армении были воздвигнуты рыбоподобные статуи – вишапы. Первое письменное упоминание о вишапах выявляются в труде Езника Кохбаци «Опровержение ереси». В произведении, несмотря на отрицание народных суеверий, утверждается оборотничество вишапов из человека в змей и копытных животных [Абегян, 1975, с. 111–112]. На некоторых вишапах высечены птицы [Там же, с. 166]. Между тем богиня Астхик – Анаит – Деркетто и ее дочь Шамирам (Семирамида) всегда были связаны с голубями. В Ассирии ее почитали в облике голубя, также было предание, что Шамирам вырастили и вскормили голуби. Атрибутами богини плодородия и вод были голубь и рыба [Там же, с. 156].

На армянских вишапах бычья голова высечена со шкурой и передними копытами, что является фиксацией обряда жертвоприношения телки или белого быка – имевшего место в культе богини Астхик – Деркетто. Вишапы установлены на рыбьем хвосте, а изо рта (пасти) бычьей головы высечены волнистые линии – символ водных струй в виде змей. Интересно, что дождевые линии в древних армянских поверьях ассоциировались со змеями, которые тесно были связаны с водой. В данном случае змеевидные водные потоки означали принятие божеством жертвоприношения и, как следствие, ниспослание дождя [Там же, с. 166].

На наш взгляд, символика божества плодородия и любви в ремизовском тексте выявляются посредством косвенных упоминаний: «птичий нос», указывающий на символизирующего божество голубя, а фрагмент «ноги, грузно поднимались скакать» – на быка.

Отметим, что травести женщины в рыб часто выявляются в фольклорных текстах – армянских сказках и преданьях. Женщины в армянских легендах, стыдясь преступной любви, превращались в рыб. Ср. с превращением в рыбу богини Асгартис вместе со своим дитятей. Женщина превращалась в рыбу также в тонире («Святой тонир» арм. «Սուրբ թն՛իբր») [Там же, с. 163]. Превращение в рыбу из-за порочной связи – своего рода вариация на тему умирающего божества, когда погружение в воду равняется мистерии о спускании богини в царство мертвых за душой возлюбленного [Там же, с. 165]. Между тем богиня Астхик и ее функциональные двойники Асгартис, Иштар и Шамирам являются героинями аналогич-

ных легенд об умершем и воскресшем божестве: Шамирам-Ара Прекрасный, Иштар и Гильгамеш, Иштар-Таммуз, Астарта (Аштарг) – Адон, Афродита – Адонис.

Возвращаясь к образу Мелюзины, подчеркнем ее связь с водой, плодородием, отметим оборотничество феи, характерный светящийся камень на ее лбу и функцию оповещения о смерти потомков как наглядные следы взаимосвязи с божеством плодородия, претерпевшей трансформацию.

Поджог монастыря – судьбоносное событие, заставившее задуматься о субботных уединениях Мелюзины. Борьба доверия и тайны в душе Раймонда сопровождается сновидением, столь значимым в творчестве писателя.

Застигнутая врасплох, Мелюзина издает душераздирающий крик и улетает. Чудо-город исчезает, а на его месте появляется лес, Мелюзина и Раймонд расстаются навеки, и фея попадает в круг «забытых Богом».

Род Лузиньян (Лусиньян), прародительницей которого считается фея Мелюзина, прочно связан с армянским царством Киликии, а также с Малой Арменией. По историческим данным, во времена сложения легенды о Мелюзине представители династии Лузиньян, как уже отмечалось, посредством заключения браков стали королями Кипра и Малой Армении.

Сестра Мелюзины Палатина должна стеречь сокола в замке в Армянском царстве. Ее проклятие является трансформацией мифа перехода души в иное царство на спине птицы, в дальнейшем перешедшего в крылатого коня или дракона.

Младшая сестра Мелеас представлена в связи с походами крестоносцев. Она сможет обрести свободу, передав сокровища отца рыцарю, который должен был использовать их для освобождения христианских святынь.

В результате всестороннего фольклорно-литературного анализа нами было установлено, что в образе Мелюзины ярко проявляются параллели как внешнего облика, так и функциональные, с армянскими языческими божествами любви и плодородия: Астхик – Анаит а также с их функциональными двойниками Иштар – Деркетто – Семирамида – Астаргис – Афродитой, которые также были связаны с культом воды и дождя (грома, тумана). Отмечено, что языческое божество любви и плодородия часто представлялось в образе рыбы, лягушки или змея. Все аналогичные персонажи, как и Мелюзина, выявляют связь с лунной символикой, а также с потусторонним миром. Нами выявлено сходство образа Мелюзины с рыбоподобными и змееподобными персонажами армянских фольклорно-мифологических текстов. Большой светящийся камень на лбу Мелюзины являет собой отголосок мотива волшебного камня на голове царя змей или лягушек.

Повесть А. Ремизова «Мелюзина» считаем целесообразным отнести к общей группе сюжетного типа «Чудесный супруг» (AaTh 400–495) [Андреев, 1929, с. 34]. При этом для легенды о Мелюзине выявляется более детальное соответствие с дополнением к данному сюжетному типу, предложенным Л. Бараг и др., – СУС 409 А* «Жена-змея»: вытщенная из огня змея превращается в женщину и выходит замуж за своего избавителя; человек обещает никогда не называть жену змеей; она вновь становится змеей, когда это обещание нарушено, и исчезает [СУС, 1979, с. 131].

Спецификой повести А. Ремизова «Мелюзина» является своеобразное эклектическое соединение настоящего и прошлого, реального и ирреального, истории Армянских царств, царских династий и «бродячих» легенд о женщинах-змеях. Армянские предания, ирландские, скандинавские саги, европейский рыцарский

роман и русские переложения XVII в. составляют единое пространство повести А. Ремизова, вбирая в себя исторические события дальних времен.

Список литературы

- Абегян М.* «Вишапы» как статуи богини Астгик-Деркетто // Абегян М. Собр. соч. Ереван: Изд-во АН, 1975. Т. 7. 602 с. (на арм. яз.)
- Ананикян М.* Мифы Армении. М.: Центрполиграф, 2010. 190 с.
- Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Гос. Рус. геогр. об-во, 1929. 120 с.
- АНС – Армянские народные сказки. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР. 1959. Т. 2. 659 с.; 1962. Т. 3. 672 с.; 1979. Т. 7. 768 с.; 1977. Т. 8. 904 с. (на арм. яз.)
- АС – Армянские сказки / Пер. Я. Хачатурянца, М. Шагинян. 2-е изд. Л.: Academia, 1933. 384 с.
- Афанасьев Н.* Народные русские сказки: В 5 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. Т. 2. 320 с.
- Баринг-Гоулд С.* Мифы и легенды Средневековья / Пер с англ. И. Б. Куликовой <Гл. Мелюзина>. М.: Центрполиграф, 2009. URL: https://loveread.ec/view_global.php?id=74071 (дата обращения 10.16.2021).
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 278 с.
- Кешишян М. С.* О семасиологии орнаментов бронзовых поясов // Вестник общественных наук. 2007. № 2. С. 248–256. (на арм. яз.)
- Лалаян Е.* Провинция Новый Баязет // Этнографический журнал (Тифлис). 1908. Кн. 17. С. 86–125. (на арм. яз.)
- Лалаян Е.* Варанда // Этнографический журнал (Тифлис). 1897. Кн. 2. С. 4–244. (на арм. яз.)
- Мелик-Пашаян К. В.* Культ богини Анаит. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1963. 164 с. (на арм. яз.)
- Петросян Э.* Боги и ритуалы Древней Армении. Ереван, 2004. С. 30–31.
- Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. кн., 2001. Т. 6: Лимонарь. 784 с.
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Шахазиз Е.* Новый Нахиджеван и новонахиджеванцы // Этнографический журнал (Тифлис). 1902. Кн. 9. С. 5–82. (на арм. яз.)

References

- Abegyan M. “Vishapy” kak statui bogini Astgik-Derketo [“Vishaps” as a statue of the goddess Astghik-Derketo]. In: Abegyan M. Collection of works. In 7 vols. Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences, 1975, 602 p. (in Armen.)
- Afanasev A. N. Narodnye russkie skazki [Russian Folktales]. In 5 vols. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub State literary publisher, 2008, vol. 3, 320 p. (in Russ.)
- Ananikjan M. Mify Armenii [Myths of Armenia]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2010, 190 p.
- Andreev N. P. Ukazatel’ skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne [The index of fantastic plots according to the Aarne system]. Leningrad, State Russian Geographical Society Publ., 1929, 120 p. (in Russ.)

- Armyanskie narodnye skazki [Armenian folktales]. Erevan, Academy of Sciences of the Armenian Soviet Socialist Republic Publ., 1959, vol. 2, 659 p.; 1962, vol. 3, 672 p. 1979, vol. 7, 768 p. 1977, vol. 8, 904 p. (in Armen.)
- Armyanskie skazki [Armenian fairy tales]. Transl. by Y. Khachaturyants, intr. by M. Shaginyan. 2nd ed. Leningrad, Academy, 1633, 384 p. (in Russ.)
- Dyumezil Zh. Osetinskij epos i mifologiya [Ossetian epos and mythology]. Moscow, Nauka, 1976, 278 p. (in Russ.)
- Keshishyan M. S. O semasiologii ornamentov bronzovykh poyasov [On the semasiology of ornaments of bronze belts]. *Bulletin of social sciences*, 2007, no. 2, p. 248–256. (in Armen.)
- Lalayan E. Provintsiya Novyj Bayazet [New Bayazet Province]. *Ethnographic Journal* (Tiflis), 1908, no. 17, p. 86–125. (in Armen.)
- Lalayan E. Varanda [Varanda]. *Ethnographic Journal* (Tiflis), 1897, Book 2, p. 4–244. (in Armen.)
- Melik-Pashayan K. V. Kul't bogini Anait [The cult of the goddess Anahit]. Yerevan, Arm. Academy of Sciences Publishing House, 1963, p. 164. (in Armen.)
- Petrosyan E. Bogi i ritualy drevnej Armenii [Gods and rituals of Ancient Armenia]. Yerevan, 2004, p. 30–31. (in Russ.)
- Remizov A. M. Limonar' [Limonar]. In: Remizov A. M. Collection of works. In 10 vols. Moscow, Russian Book Publ. House, 2001, vol. 6, 784 p. (in Russ.)
- Sabin Baring-Gould Meljuzina [Melusine]. Myths and legends of the Middle Ages (Chapter 19. Melusine). Moscow, Centerpolygraph, 2009. URL: https://loveread.ec/view_global.php?Id=74071 (accessed 10.16.2021). (in Russ.)
- Shahaziz E. Novyj Nahidzhevan i novonahidzhevancy [New Nakhichevan and New Nakhidjevans]. *Ethnographic Journal* (Tiflis), 1902, vol. 9, p. 5–82. (in Armen.)
- Sravnitel'nyj ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale]. Leningrad, Nauka, 1979, 437 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Саакян Эгине Артаковна – преподаватель кафедры иностранных языков и литературы, Ванадзорский государственный университет имени Ованеса Туманяна (Ванадзор, Республика Армения)
sahakyanheghine@mail.ru

Information about the Author

Heghine A. Sahakyan – lecturer of the Department of Foreign Languages and Literature, Vanadzor State University after Hovhannes Toumanyan (Vanadzor, Republic of Armenia)
sahakyanheghine@mail.ru

УДК 82
DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-40-47

Слушатель как нарративная категория в дилогии Кэтрин М. Валенте «Сказки сироты»

Е. Л. Макарова

*Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Написанное в форме сборника сказок «1001 ночи» произведение Кэтрин М. Валенте «Сказки Сироты» насыщено пересекающимися повествованиями и сюжетными линиями. В статье рассматривается специфика воплощения в произведении таких повествовательных структур, как «рассказ-в-рассказе» и «я-рассказ».

Зарождение связанных повествований исторически связано с передачей сакрального знания мифа, т. е. истории, утверждающей самого человека как такового в мире. Своей историей рассказчик отстаивает свое право на существование, в слове отображает циклизацию природных явлений, утверждая тройное семантическое тождество: собственное божественное воплощение в качестве героя рассказа, связанные с этим определенные поступки и действия (активность) и его же рассказ о себе.

История как словесное преподношение посвящалась богу – тому слушателю, который мог данный ему рассказ понять и принять. Такой рассказ, по-прежнему хранящий следы священного, равен своему слушателю в той же мере, что и рассказчику. Стремление к сокровию сакрального воплотилось в структуре «рассказ-в-рассказе».

При выделении Слушателя в отдельную категорию мы можем охарактеризовать его следующим образом: Слушатель является равноправным участником священного рассказывания. Наравне с рассказчиком он выполняет со-творческую функцию, дублируя говорящего на семантическом уровне. Слушатель участвует в создании особого вне-временного пространства рассказа, действие которого касается слушателя лично, имеет к нему непосредственное отношение, он включен в рассказываемую картину мира.

В дилогии Валенте уникальное пространство рассказывания-выслушивания задается в рамочной истории, когда героиня находит своего слушателя. Персонажи ее историй также оказываются в роли слушателей, таким образом познавая тайну собственной жизни, своего прошлого. Параллельно их историям в многочисленных повествованиях скрыта вторая сюжетная линия, в которой раскрывается и тайна рождения девочки-рассказчицы. На примере нескольких героев мы показываем, что, выступая в роли слушателей, они наделяются определенными функциями: активный слушатель, слушатель-транслятор, слушатель-сочинитель.

Ключевые слова

Кэтрин М. Валенте, «Сказки Сироты», рассказ-в-рассказе, я-рассказ, образ Слушателя

Для цитирования

Макарова Е. Л. Слушатель как нарративная категория в дилогии Кэтрин М. Валенте «Сказки сироты» // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 40–47. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-40-47

© Е. Л. Макарова, 2021

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

Listener as Narrative Category in “The Orphan’s Tales” by Catherynne M. Valente

E. L. Makarova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsyn
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract

Created in the form of “1001 Nights” “The Orphan’s Tales” by Catherynne M. Valente is filled with intertwined stories and plots. The article is devoted to the origin of a “story within a story” and its manifestation in the novel.

The need of transferring the sacred knowledge of myth was the reason of emergence of coherent narratives, which aimed to support and approve the human beings in the unknown world around them. By his storytelling the narrator asserts the right to exist, in the verbal way he reflects the cycle of natural phenomena. He states the threefold semantic equivalence: his divine embodiment as the protagonist, the related to this his actions and gestures (acts) and his story about himself and his deeds.

As a verbal sacrifice the story is offered to the god – the only listener who is able to understand and to accept it. This kind of tale keeps the signs of sacral. The intention to verbal concealing of the sacred was implemented in the structure of “story within a story”, or embedded stories.

When we highlight the listener as the separate category in storytelling, we can describe it in the following way. Listener is an equal participant of sacral narrating. Like the storyteller the listener carries out the function of co-creating – he duplicates the storyteller on the semantic level.

As for “The Orphan’s Tales”, the unique discourse of telling-listening as stated through the numerous characters who tell and listen to each other. They carry out some particular functions: active listener; listener-transmitter; listener-composer.

Keywords

Catherynne M. Valente, “The Orphan’s Tales”, listener, story within a story

For citation

Makarova E. L. Listener as Narrative Category in “The Orphan’s Tales” by Catherynne M. Valente. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 40–47. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-40-47

Двухтомное произведение современной американской писательницы Кэтрин М. Валенте «Сказки Сироты» является уникальной переработкой разнообразных народных сказок, легенд и мифов, относящихся как к европейскому, так и к восточному культурному наследию. По форме данная книга напоминает сборник сказок «1001 ночи»: наследуя семантику структуры «рассказ-в рассказе», произведение предлагает читателю целый ряд историй, которые рассказывают друг другу необычные люди, существа и чудовища.

Феномен рассказа, или рассказывания, исторически связан с пересказом мифов. Рассказывание мифа – это передача сакрального знания, рассказывание истории, утверждающей самого человека как такового в мире, оправдывающей и объясняющей его существование. Рассказывающий и слушающий творили некое первоначальное состояние всего. Магическим образом они оказывались в начале собственного рождения, рождения мира и вещей вокруг. Содержание рассказа, как и сам процесс, становилось тайной, участники уподоблялись богам, способ-

ным на чудо творения. Постепенно ритуальные действия принимают словесную форму, требующую особого акцента на раскрытии того таинства, в котором закодированы важнейшие, имеющие непосредственное отношение к существованию человека истины (см. об этом: [Пропп, 1998; Элиаде, 2010; Фрейденберг, 1997; 1998; Мелетинский, 1995] и др.).

Изначально содержание всех священных историй и их устное изложение так или иначе сводились к символическому преодолению смерти: умирание, пребывание в загробном царстве и возвращение из мира мертвых. Суть такого рассказа – победа над смертью, возрождение в слове. Становясь условно «мертвецом», говорящий своей историей вновь возвращается к жизни. Само его слово – творящее, его способность говорить – форма существования, способность быть живым. Рассказывание и рассказ способны спасти от умирания. В этот период говорящий, как и герой повествования, есть то, что он делает, и то, о чем он говорит.

Выступая перед зрителями и слушателями, герой выносит на суд в первую очередь свою историю. Своим рассказом он отстаивает право на существование, в слове отображает циклизацию природных явлений, утверждая тройное семантическое тождество: собственное божественное воплощение, связанные с этим определенные поступки и действия (активность) и его же рассказ о себе. Значение акта рассказывания как такового дублируется в содержании истории, отражающей борьбу жизни и смерти и победу первой из них.

На этапе формирования композиции семантика сокрытого, внутреннего (что тождественно «подземному», «умирающему») и внешнего («оживающего») диктует те формы изложения сюжета, где необходим дополнительный субъект наррации. Возникают конструкции с рассказом внутри рассказа и рассказыванием «по кругу». Такие формы мы можем наблюдать в произведениях авторов Древней Греции, Ближнего Востока, в древнеиндийских текстах [Фрейденберг, 1998, с. 279].

Начав формироваться еще во времена обрядов, связанные с выполняемыми ритуальными действиями мировоззренческие смыслы закладываются в определенные словесные (и не только) структуры, которые со временем порождают новые смыслы. Но при этом система прежних значений не теряется полностью. Структура рассказа-в-рассказе сохраняет в себе древнейшее восприятие человеком себя, общества и мира вокруг как единого целого, которое может быть воплощено в некой единице (и наоборот, нечто отдельное равнозначно сложному целому). Как часть обращается к целому, так отдельная история обращается к единому повествованию и наравне с ним к другим личным рассказам. Таким образом, такой тип рассказа (я-рассказ в я-рассказе) представляет собой рассказ о себе самом, обращенный к самому себе и одновременно к высшим «миротворящим» силам. «Он, этот рассказ, ведется в первом лице; он – личный рассказ, о самом рассказчике, как и всякая молитва. Его содержание – действия и бездействия, деяния и претерпевания. Эти два противоположных элемента активности и пассивности и составляют суть древнего рассказа-мифа, передается ли он в словесной или в обрядовой форме. В таком мифе сам рассказчик идентичен своему рассказу; он сам исчерпывается активным и пассивным состояниями в борьбе с противными силами» [Там же, с. 267].

Такой рассказ-миф является частью целого. Логика мифологического и мифотворящего рассказа требует определенного выделения или отделения внутри ос-

нового произведения. Рассказ самих героев внутри сложившегося повествования по-прежнему носит сакральный характер. Вторичный рассказ снова оказывается в ситуации первоначала, единого истока всего. В ситуации двойного рассказывания божество оказывается особым Слушателем. «С отделением активного и пассивного начал рассказ получает двойственный характер: рассказ-действие обособляется от рассказа-претерпевания, а субъект рассказа – от его объекта. Прямая речь начинает внутри себя выделять косвенный рассказ “о” соделанном и претерпленном, понятых как “подвиг” и “страдание” <...>» [Фрейденберг, 1998, с. 267]. Таким образом, священный рассказ стоит в середине основного произведения.

Изложение священного знания, личной истории, означающей самого рассказчика, требовало особой аудитории, слушателей, которые такое повествование способны принять как свое, относящееся и к их реальности тоже. Слушатель в таком нарративе равен рассказчику. История, которую ему преподносят как дар и откровение, равна и тождественна ему самому в той же мере, что и рассказчику. Этот слушатель не случайный, он из той же смысловой категории. «Нельзя рассказывать мифы, не делая различия среди слушателей. У многих племен мифы не передаются женщинам и детям, то есть непосвященным» [Элиаде, 2010, с. 19–20]. Слушатель сакрального – тот, кто должен быть посвящен, тот, кто в таком общении к высшему нуждается и обладает способностью своевременно свое знание передать.

Слушатель в таком нарративе – это я-слушатель, отражение и дублирование рассказчика, при этом изначально он не человек, а само воплощение божественного. «Но первоначальное обращение носит не отвлеченный, а конкретный вещественный характер. ‘Говорить’ – значит ‘жить’... Письмена кладутся перед богом, как кладется для него стол с едой, к нему подлинно обращен личный рассказ... <...> Этот рассказ от первого лица произносится вслух (поется), и носителем его тематики является сам вожак-тотем-коллектив; рассказ обращается к себе же самому или к космическим силам природы (что то же самое)» [Фрейденберг, 1997, с. 128, 166–167].

При выделении Слушателя в отдельную категорию мы можем охарактеризовать его следующим образом: Слушатель является равноправным участником священного рассказывания. Наравне с рассказчиком он выполняет со-творческую функцию, дублируя говорящего на семантическом уровне. Слушатель участвует в создании особого вневременного пространства рассказа, действие которого касается слушателя лично, имеет к нему непосредственное отношение, он включен в рассказываемую картину мира. История говорит о слушателе как об одном из ее создателей. Выслушивание приобщает к высшему божественному началу. Сам слушатель есть воплощение этого божественного. Он способен понять и принять преподносимый ему рассказ и вместе с этим поддержать «возрожденческую» функцию говорения. Выслушивание оказывается одним из условий бытия, спасением от метафорического умирания. Слушатель является переосмысленной реинкарнацией «царя смерти», который возвращает рассказывающего к жизни.

Рассказывание-выслушивание создает момент, когда история переходит на новый виток, повествование становится циклическим благодаря «передающей» функции Слушателя. Он тот, кто может и должен своевременно передать полученное священное знание, поддержать космогоническое повторение, чтобы продолжить и свою жизнь, и жизнь своего сообщества. Если рассказчик стоит в нача-

ле линейного повествования, то Слушатель стоит в его конце, наравне с говорящим создавая священный жизнеутверждающий цикл. В этой цепочке Слушатель уникален и тем, что сам в какой-то момент способен стать рассказчиком. Он воспринимает слово, транслирует его, повторяет и создает. В структуре «я-рассказа в я-рассказе» слушатель становится элементом композиции, выполняет некую нарративную функцию, организующую повествование.

В дилогии Валенте уникальное пространство рассказывания-выслушивания задается в рамочной истории. Главная героиня исследуемого произведения – безымянная девочка-сирота, живущая в саду султана. Все придворные и жители дворца сторонятся ее, считая демоном. Изменить свою судьбу она может, лишь обретя слушателя. Многочисленные истории, запечатленные на ее глазах (в буквальном смысле, на века), обретут смысл только тогда, когда будут полностью рассказаны и услышаны. Данный мотив – нужда в слушателе – повторяется во всех ее сказках. Персонажи всё новых историй оказываются в роли слушателей, таким образом познавая тайну собственной жизни, своего прошлого. В историях, рассказываемых девочкой-сиротой и персонажами ее сказок, раскрывается тайна божественного происхождения главной героини, обстоятельства ее появления на свет.

Так, в первой части первой книги мы видим примерно 15 участников нарратива, который ограничен рамками «Сказки о принце и гусыне». Принц Леандр передает историю своей матери, поведенную ему няней. При этом он становится слушателем примерно двадцати историй, связанных сквозными участниками. Душу Леандра терзает тоска, толкающая его на поиски Подвига. В пути он встречает Ведьму по имени Нож со стаей гусей. Не зная, что гусыня – это обращенная девушка, он сворачивает ей шею и в надежде компенсировать содеянное предлагает ведьме свою верность и службу.

Слушая истории Ведьмы, Принц понимает, что она и есть его мать, которую он считал сожженной собственным отцом Королем, а сам он свернул шею не гусенку, а сводной сестре. История героя заканчивается тем, что Принц убивает своего отца, который, как выясняется, ждал этого, потому что сам когда-то убил своего предшественника.

В рамках заявленной темы подчеркнем, что для Кэтрин М. Валенте очень важно акцентировать внимание читателя на способности и готовности Леандра стать Слушателем, сотворцом повествования. Именно эти качества дают ему шанс узнать собственное прошлое и, исходя из этого сокровытого и священного для него знания, которому сопутствует переживаемое глубоко внутри горе, повести себя определенным образом. «У Принца перехватило дыхание, слова ринулись к его губам и умерли, задохнувшись на языке. Всё его тело будто боролось само с собой, и в какой-то момент он понял, что тихонько плачет... – Прошу, скажи, – взмолился он, – что ты знаешь о моей матери? Нет... не говори, ничего мне о ней не рассказывай. Никогда не рассказывай... не проси, чтобы я вспоминал мою мать» [Валенте, 2017, с. 42].

На этом этапе Леандр еще не готов преодолеть свою утрату, услышанных историй еще недостаточно. Он может только быть транслятором истории няни, из которой мы узнаем, что его мать всё время была заперта в башне, а после того как она пропала на одну ночь и вернулась, ее казнили на костре неизвестно за что. То, что именно обретение понимания, обретение личной истории отличает Принца от других сказочных принцев подтверждается сравнением его положения с таки-

ми персонажами, как Другой Принц (в соответствующей сказке, рассказанной дважды) и сын герцога из «Сказки Левкроты», – в обеих историях герои озобоены свершением Подвига, не вполне понимая, для чего он так необходим всем сказочным принцам. Свою задачу они видят лишь в убийстве чудища – и терпят поражение.

Подвигом принца Леандра становится воссоздание из отдельных историй, поначалу вроде бы никак не связанных, целостной картины случившегося с его матерью, понимание, кто его семья, а также вытекающее из этого осознание того, как ему действовать, в чем его долг. «Всё это я рассказываю не просто так, скудомный мальчишка... Я повествую о мертвом скучном прошлом, чтобы ты понял, почему ноги привели тебя сюда, а не к хижине какой-нибудь бедной старушки, и чему ты положил конец, убив мою дочь» [Валенте, 2017, с. 88]. Из других сказок мы узнаем, что история принца закончилась не воцарением, а уходом в город религий – в Башню Отцеубийц.

В первом томе (его первая часть – Степная книга, включающая «Сказку о Принце и гусыне», состоит из 19 историй; вторая – Морская книга, включающая «Сказку о Седой девочке», состоит из 25 историй) «Сказок сироты» с проблемой Подвига сталкиваются еще два персонажа: Эйвинд и Улла-Сигрида, превратившиеся из медведей в людей. Изначально они стремятся стать парой, но их пути расходятся. Во время своего путешествия Эйвинд-медведь встречается с Чудищем Левкротой и Болотным королем, которые рассказывают ему, почему он не может совершить задуманный Подвиг (это противоречит воле божественных Звезд). Выслушав их рассказ, Эйвинд не отступает, и его превращают в человека.

В истории о смерти Звезды он занимает позицию постороннего, ему чужда божественная трагедия. К пониманию всеобщей картины мира медведь не стремится, руководствуясь лишь собственными интересами. Не становясь вовлеченным Слушателем, Эйвинд как бы исключается из этой истории – ему остается лишь доживать жизнь в образе человека и ждать свершения предсказания, когда он снова сможет стать медведем. Именно об этом он рассказывает Принцу из первой части, но история Эйвинда – это не просто история утраты своей любимой и своего образа жизни, это история о личной неудаче.

При этом его медведица также отправляется на поиски способа воссоединиться с возлюбленным. Но в пути Улла понимает, что не может подстроить свою жизнь под желания избранника. Она становится человеком по собственной воле, стремясь в своих поисках постичь мир. Она становится слушательницей многих историй, приобщается к жизни, и сама, в свою очередь, как оказывается в конце «Сказки о Седой девочке», становится рассказчицей Сигридой (по имени «богини», в которую верит), воссоздавая в своих историях мир для своей слушательницы. Благодаря ее слову длится повествование, погружающее главную слушательницу второй части как будто в другой мир – девочка приобщается к рассказыванию как творению.

Эйвинд, в отличие от Уллы, хочет отомстить за смерть богини ради сохранения привычного образа жизни, в котором он видит личное счастье, не вполне осознавая, что его избранница видит свое счастье по-другому. Для Уллы-Сигриды, ставшей человеком и принявшей новое имя, Подвигом становится жажда путешествий, приключений и свободы – возможность идти по жизни своим путем. Подвигом становится решение пойти наперекор устоявшимся традициям, реше-

ние выйти за привычные рамки, следование той цели, которую она сама для себя выбрала. «Если бы я тогда пришла к тебе и все эти годы заправляла таверной вместе с тобой, ты, наверное, был бы счастлив, но это обратило бы в ложь мое обучение и всю жизнь с момента, когда торговка шкурами дала мне новую плоть взамен старой. Это был бы конец истории, и всё выглядело бы так, словно я сделала то, что сделала, исключительно ради мужа. Я желала другого конца» [Валенте, 2017, с. 579].

Характерно, что предсказание Эйвинда сбывается в тот момент, когда претворяется в жизнь окончательное решение Уллы-Сигриды следовать за своей богиней, т. е. зову сердца. Он снова становится медведем, одиноким, которому есть только один путь – домой. Сигрида остается человеком, она уплывает в море на корабле со своей капитаншей и вольна выбирать любой путь из многих.

Таким образом, Улла-Сигрида предстает в трех ипостасях Слушателя: она активный *вовлеченный слушатель* историй – рассказы влекут ее к собственным деяниям, дают силы и смелость реализовать свой жизненный путь; она становится *транслятором*, передавая услышанные истории своей слушательнице и тем самым обрисовывая для девочки Седки существующий порядок вещей, делится с ней знанием о мире; также Улла-Сигрида становится сочиняющим *рассказчиком*, наделяя слушательницу и своими внутренними убеждениями: страстью к жизни, к действию, душевной смелостью и решительностью. После рассказов Сигриды девочка Седка оказывается способной на собственные свершения.

В обеих частях первого тома сказки названы в честь тех, кто не столько совершает героические деяния, делится своими приключениями или важными жизненными событиями, которых, по сути, и не было, сколько выслушивает многочисленные рассказы. Особая структура изложения – «я-рассказ-в-я-рассказе» позволяет автору воплотить мифологическую семантику – узнавание важного, сакрального знания, необходимого героям. Названные «сказками» истории представляют собой особую трансформацию ролевой модели мира, характерной для традиционной волшебной сказки (фольклорной или в авторской обработке, как у братьев Гримм или Ш. Перро). Именно в роли (или функции) Слушателя героям удается обрести целостную картину мира, понимание самих себя, волю к самовыражению, что и является настоящим Подвигом. Полученное знание для них – личное, определяющее их дальнейшие поступки, их жизнь. Благодаря активному «слушанию» герои вписываются в создаваемый рассказами нарратив и сами, в свою очередь, создают собственные истории, становясь частью всеобщего сущего.

Подытоживая сказанное, мы можем выделить основные функции Слушателя как особой нарративной категории в рассматриваемом произведении. Во-первых, это функция активного Слушателя-сотворца (со-творца) рассказа, который семантически равен говорящему. Во-вторых, функция Слушателя-транслятора, поскольку сакральное содержание полученной им истории должно быть передано, чтобы поддержать космогоническую силу рассказывания (продолжить цикл), сохранившуюся в нём с древнейших времен. Третья функция рождается на пересечении двух предыдущих – быть равным рассказчику и быть способным сказать свое Слово. Это функция Слушателя-рассказчика, создателя собственной истории, сочинителя.

Список литературы

- Валенте К. М. Сказки сироты: В ночном саду / Пер. с англ. Н. Осояну. М.: Изд-во АСТ, 2017. 604 с.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 2-е изд. М.: Вост. лит., 1995. 407 с.
- Пропп В. Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
- Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 1998. 800 с.
- Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
- Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В. П. Большакова; 4-е изд. М.: Академический Проспект, 2010. 251 с.

References

- Eliade Mircea. Aspekty mifa [Aspects du Mythe]. Moscow, Akademicheskyy Prospekt Publ., 2010, 251 p. (in Russ.)
- Freidenberg O. M. Mif i literature drevnosti [Myth and Literature of Antiquity]. Moscow, 1998, 800 p. (in Russ.)
- Freidenberg O. M. Poetika syuzheta i zhanra [Poetics of Plot and Genre]. Moscow, 1997, 448 p. (in Russ.)
- Meletinsky E. Poetika mifa [The Poetics of Myth]. Moscow, 1995, 407 p. (in Russ.)
- Propp V. Y. Morfologiya <volshebnoy> skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki [Morphology of the Tale. Historical Roots of Fairy-Tale]. Moscow, 1998, 512 p. (in Russ.)
- Valente Catherynne M. Skazki siroty: V nochnom sadu [The orphan's tales. In the cities of coin and spice]. Moscow, AST Publ., 2017, 604 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Макарова Елена Леонидовна – магистрант 2 года обучения Уральского гуманитарного института, департамента «Филологический факультет» ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. Б. Ельцина» (Екатеринбург, Россия)
boojum.83@gmail.com

Information about the Author

Elena L. Makarova – Master student of the Ural Institute of Humanities, “Department of Philology” School University, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsyn (Ekaterinburg, Russian Federation)
boojum.83@gmail.com

**«Братья Райт» Михаила Зенкевича:
переписка с Орвиллом Райтом и другими корреспондентами
(1932–1933 гг.): новые архивные разыскания**

С. В. Шелухина

*Городской университет Нью-Йорка
Нью-Йорк, США*

Аннотация

Впервые публикуется переписка Михаила Зенкевича с Орвиллом Райтом (в английском оригинале и в переводе на русский язык) как один из результатов последних находок в архивах России и США. Эта переписка велась в 1932–1933 гг., во время работы Зенкевича над первой биографией авиаторов-первопроходцев на русском языке, «Братья Райт» (1933). Приводятся выдержки из корреспонденции с другими зарубежными литераторами и коллегами, с которыми переписывался автор в этот период, – Майклом Голдом, Гарольдом Хезлопом, Морисом Беккером, Хелен Блэк, и с отечественными, в частности К. К. Кураевым. На основе анализа представленной части эпистолярного наследия поэта и его произведений, а также малоизвестных биографических фактов, выдвигаются предположения о других возможных источниках, непосредственно или косвенно повлиявших на работу Зенкевича над книгой. Дается краткое описание материалов по теме в предварительно разобранный фонд Зенкевича в РО ИРЛИ Пушкинского Дома, а также информация о документах в других архивах. Литературные особенности «Братьев Райт» трактуются как в свете развития темы авиации в творчестве бывшего акмеиста, так и через параллели между некоторыми его стихами, поэмами «Альциметр. Трагорельеф» и «Торжество авиации», повестью «На стрежень» и беллетристическими мемуарами «Мужицкий сфинкс». Рассматриваются, в частности, интертекстуальные параллели «Торжества авиации» с «Вороном» Эдгара Аллана По в переводе Зенкевича. Таким образом, обосновывается непосредственное воздействие переписки и присланных О. Райтом материалов на создание книги, и делается вывод об их влиянии на поэму «Торжество авиации» и другие произведения Зенкевича. Статья снабжена подробными ссылками, комментариями и иллюстрациями.

Ключевые слова

Зенкевич, братья Райт, акмеизм, «Альциметр», «Торжество авиации», «Мужицкий сфинкс», «Ворон»

Благодарности

Выражаю благодарность библиотекарю-референту Отдела рукописей Библиотеки Конгресса США Патрику Кервину; почетному профессору кафедры европейских языков и литератур Квинс Колледжа Городского университета Нью-Йорка Томасу Берду; С. Е. Зенкевичу; Т. С. Царьковой, И. В. Кошкинко и Н. А. Прозоровой (РО ИРЛИ); О. А. Шашковой, К. В. Яковлевой (РГАЛИ) и И. Е. Лошилову за содействие. Благодарю Исследовательский Фонд Городского университета Нью-Йорка за поддержку моих исследований

© С. В. Шелухина, 2021

Для цитирования

Шелухина С. В. «Братья Райт» Михаила Зенкевича: переписка с Орвиллом Райтом и другими корреспондентами (1932–1933 гг.): новые архивные разыскания // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 48–78. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-48-78

**“The Wright Brothers” by Mikhail Zenkevich:
Correspondence with Orville Wright and Other Contributors
(1932–1933): New Archival Findings**

S. V. Cheloukhina

*The City University of New York
New York, USA*

Abstract

As a result of the latest findings in the archives of Russia and the United States, the correspondence between Mikhail Zenkevich and Orville Wright is published for the first time (the originals in English are supplemented with the Russian translations). This correspondence was conducted between 1932–1933, which correlates to the time period Zenkevich was working on the first biography of the pioneer aviators in Russian, *Brat'ia Rait* (The Wright Brothers, 1933). Also included are excerpts from the letters of foreign literati and colleagues, such as Michael Gold, Harold Heslop, Maurice Becker, Helen Black, as well as domestic correspondents, K. K. Kuraev among them. The article deliberates upon the direct influence of the materials provided by O. Wright on the book. A review of the holdings on the theme of aviation in Zenkevich's fund (IRLI Pushkinskii Dom) is provided. The examination of the little-known biographical details, as well as the parts of the poet's epistolary legacy and his prosaic works, adds to the analysis. Taken together, this all has allowed for substantiation of certain presumptions about other possible sources of the book. The article interprets some literary features of *Brat'ia Rait* by tracing the development of the theme of aviation in the earlier poems by this former Acmeist, and by drawing parallels with some of his later short and long poems, such as “Al'timetr. Tragorel'ef” (Altimeter. Tragic Relief) and “Torzhestvo aviatsii” (The Triumph of Aviation), and a short novel “Na strezhen” (On the River Bend) and fictional memoirs *Muzhitskii Sfinks* (The Peasant Sphinx). Finally, some intertextual parallels between “The Triumph of Aviation” and Edgar Allan Poe's “The Raven,” translated by Zenkevich, are revealed. The conclusion is made that the materials received from O. Wright have subsequently influenced the long poem “The Triumph of Aviation” and other works by Zenkevich. The publication is equipped with detailed notes, commentaries and illustrations.

Keywords

Zenkevich, the Wright Brothers, Acmeism, “Altimeter”, “The Triumph of Aviation”, “The Peasant Sphinx”, “The Raven”

Acknowledgments

I wish to thank Patrick Kerwin, Manuscript Reference Librarian, Manuscript Division, Library of Congress; Professor Emeritus Thomas E. Bird, Queens College, CUNY; S. E. Zenkevich; T. O. Tsar'kova, I. V. Koshchlenko and N. A. Prozorova (IRLI RAN); O. A. Shashkova and T. V. Iakovleva (RGALI); and I. E. Loshchilov for invaluable support. I gratefully acknowledge the Research Foundation of the Professional Staff Congress of the City University of New York for the scholarly grants which made parts of my research possible

For citation

Cheloukhina S. V. “The Wright Brothers” by Mikhail Zenkevich: Correspondence with Orville Wright and Other Contributors (1932–1933): New Archival Findings. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 48–78. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-48-78

К 135-летию со дня рождения
Михаила Александровича Зенкевича

В юбилейный для Михаила Александровича Зенкевича (1886–1973) год в свете новых архивных разысканий уместно вспомнить об одном особенном из многих достижений этого поэта-акмеиста, прозаика, литературного критика, переводчика и одного из основателей советской школы переводчиков [Strakhovsky, 1950; Тищенко, 1992; 2015; Озеров, 1994; Cheloukhina, 2014].

В 1933 г. Зенкевич опубликовал первую биографию американских авиаторов-первопроходцев Вильбура и Орвилла Райтов¹ на русском языке, «Братья Райт» [Зенкевич, 1933]. Книга вышла в популярной биографической серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) внушительным тиражом 30 тысяч экземпляров².

В 1932–1933 гг., во время работы над монографией, Зенкевич состоял в переписке с Орвиллом Райтом. В поисках материалов для книги он также поддерживал связь с зарубежными литераторами и активистами левого толка, включая американцев Майкла Голда, Хелен Блэк и Мориса Бэккера и англичанина Гарольда Хезлопа³. На родине поэт переписывался с К. К. Кураевым, бывшим механиком Вильбура Райта⁴. Эпистолярный диалог бывшего акмеиста со знаменитым авиатором и с другими корреспондентами интересен как непосредственный источник и как одна из составляющих многоплановой темы «Зенкевич и авиация». Задачи этой статьи – первая публикация писем Зенкевича и О. Райта (с переводом), отрывков из писем других лиц, состоявших в переписке с автором при подготовке книги, а также выявление роли этих документов в процессе работы над биографией братьев Райт и влияния «Братьев Райт» на дальнейшее творчество поэта.

¹ Wilbur Wright (1867–1912); Orville Wright (1871–1948). Варианты написания имен по-русски Уилбур (Уилбер) Райт, Орвил Райт.

² Серия «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) была возобновлена в 1932 г. А. Н. Тихоновым под руководством М. Горького в «Журнально-газетном объединении». «Братья Райт» Зенкевича – седьмая из девятнадцати книг, изданных в 1933-м, первом году выпуска книг серии.

³ Michael Gold (Itzhok [Isaak] Granich, 1893 (1894?) – 1967), настоящее имя Ицхок (Айзек) Гранич), пролетарский писатель, журналист и активист, один из редакторов журнала «Новые массы. Ежемесячник искусства и литературы рабочих» («New Masses: A Monthly Publication of Workers Art and Literature»); Helen Black, сотрудница редакции «Новых масс», менеджер Советского фотоагентства в Нью-Йорке; Maurice Becker (1889–1975), художник-карикатурист, сотрудничал с «Новыми массами»; Harold Heslop (1898–1983), представитель шахтерской писательской династии.

⁴ Кураев Константин Константинович (1893 – после 1942). См. о нем далее в статье.

Мих. Зенкевич. Москва, 1920-е гг.
Mikhail Zenkevich. Moscow, 1920s

Письма Зенкевича и О. Райта хранятся в двух архивах: в фонде братьев Райт в Отделе рукописей Библиотеки Конгресса США⁵ и в фонде Зенкевича в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома)⁶. Письма остальных упомянутых корреспондентов Зенкевича также находятся в этом фонде. Братья Райт завещали свой архив Библиотеке Конгресса для всеобщего пользования. Оттуда были присланы копии оригиналов двух писем Зенкевича О. Райту и копия второго экземпляра письма О. Райта Зенкевичу. Рукописный автограф третьего – последнего – письма Зенкевича О. Райту (без помарок, на английском) был обнаружен в части фонда поэта в РО ИРЛИ, объединяющей переписку Зенкевича с зарубежными корреспондентами. Судя по дате (16 июня 1933 г.), это последнее письмо готовилось уже после выхода книги, но его машинописного вари-

⁵ Wilbur and Orville Wright Papers, Manuscript Division, Library of Congress, Washington, DC. Container number 68, undated (4 folders) «Z» miscellaneous, 1912, 1918, 1932–1944. Письмо О. Райта, два первых письма Зенкевича в *Приложении* и цитаты из них даются по этому источнику.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 773 [Михаил Александрович Зенкевич]. Материалы фонда были приобретены у вдовы поэта после его смерти. В 2015 г. по нашей инициативе сотрудниками Рукописного отдела ИРЛИ был произведен предварительный разбор и описание этого фонда.

анта нет в фонде братьев Райт в Библиотеке Конгресса. В РО ИРЛИ сохранилась квитанция со штампом 9-го Московского почтового отделения с той же датой и с адресом «Wright – Dayton» <так! – С. III.> – доказательство отправки Зенкевичем какой-то корреспонденции О. Райту. Это могло быть как третье письмо, так и посылка с упоминаемыми в нем экземплярами готовой книги, которые автор собирался отправить авиатору в знак благодарности. В Библиотеке Конгресса имеется один экземпляр этой книги, поступивший туда, судя по штампу, из Американского Института аэронавтики и астронавтики⁷. Но каким путем и от кого именно, в каталогах не указано, и выяснить, была ли это одна из тех самых трех книг, которые Зенкевич мог послать Райту, оказалось невозможным.

Вильбур Райт, ок. 1905, Библиотека Конгресса США
<www.loc.gov/item/2001696613/>

Wilbur Wright, about 1905
Wright, Wilbur, and Orville Wright, photographer. Wilbur Wright, age 38, head and shoulders; one of the earliest published photographs of him. Photograph. Retrieved from the Library of Congress, Washington, DC, USA. <www.loc.gov/item/2001696613/>

⁷ Brat'ia Raĭt / M. Zenkevich. Moskva: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 1933. Series Zhizn zamechatel'nykh liudeĭ: Seriiā biografii; vyp. 7–8. LCCN 81472799. Call number TL540.W7 Z46. Copy 1. С 1963 – American Institute of Aeronautics and Astronautics (AIAA), бывший The Institute of the Aeronautical Sciences (IAS) (1932–1963).

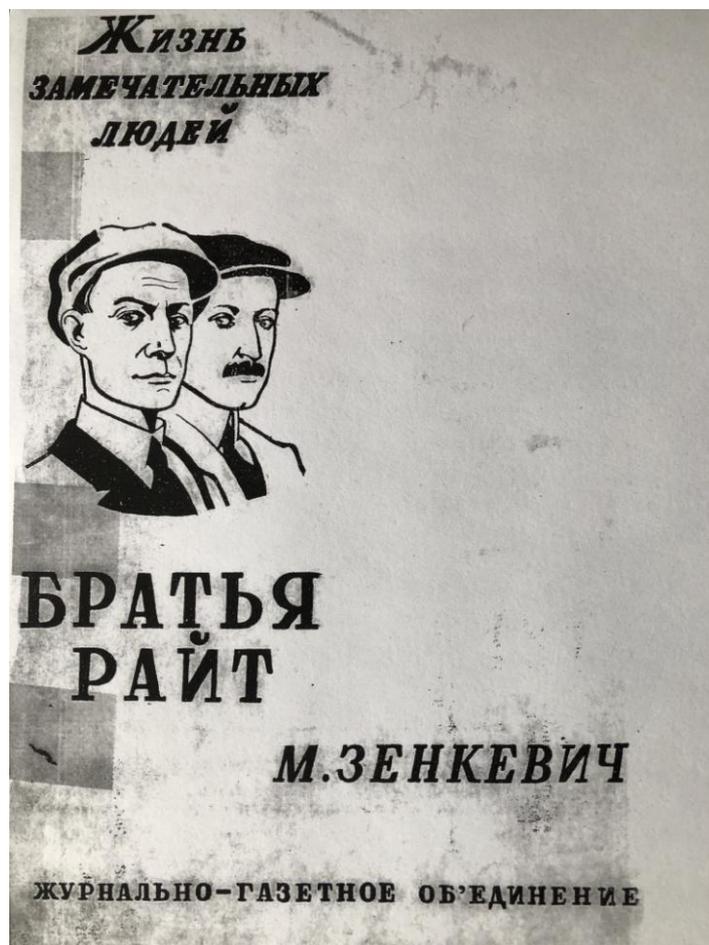
Орвилл Райт, 1905, Библиотека Конгресса США
<www.loc.gov/item/2001696609/>

Orville Wright, 1905
Wright, Wilbur, and Orville Wright, photographer. Orville Wright, age 34, head and shoulders, with mustache. Photograph. Retrieved from the Library of Congress, Washington, DC, USA <www.loc.gov/item/2001696609/>

Кроме того, в фонде Зенкевича в РО ИРЛИ нашлись оригинал единственного ответа О. Райта Зенкевичу, черновики тех самых двух писем Зенкевича О. Райту, оригиналы которых хранятся в Отделе рукописей Библиотеки Конгресса США, и присланные О. Райтом два журнала: «Журнал аэронавтики» («The Aeronautical Journal») ⁸ за июль-сентябрь 1916 г. и «Авиация» («Aviation») за декабрь 1923 г. ⁹ Таким образом, переписка Зенкевича с О. Райтом была почти полностью восстановлена (за исключением печатного экземпляра третьего письма Зенкевича О. Райту, если такой вообще существовал).

⁸ Другой перевод названия – «Журнал Королевского Общества Воздушного Флота».

⁹ Информация о возможном нахождении в неразобранном личном фонде Зенкевича в РО ИРЛИ переписки Зенкевича с О. Райтом сообщена автору С. Е. Зенкевичем.

Обложка книги М. Зенкевича «Братья Райт», 1933
“Brat’ia Rait” by M. Zenkevich, 1933. Book cover

Подробнее о самих письмах. Оригиналы посланий Зенкевича (на английском) напечатаны на бланках Государственного Издательства Художественной литературы (ГИХЛ) и подписаны автором зелеными чернилами. В то время Зенкевич занимал должность редактора отделов поэзии и иностранной литературы в ГИХЛе¹⁰. Первое письмо датировано 9 сентября 1932 г., тон его официальный. Автор сообщает, что в Отделе иностранной литературы ГИХЛа под председательством Максима Горького планируется издать серию популярных биографий знаменитых ученых и изобретателей и что именно ему было поручено написать книгу, которая

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 1–6 [Личное дело Зенкевича Михаила Александровича].

расскажет о жизни, изобретении и полетах знаменитых братьев Райт. По словам Зенкевича, «[э]то будет первая книга по данной теме, которая будет опубликована в нашей стране» (см. *Приложение*). Но поскольку какие-либо материалы достать ему очень трудно, он осмеливается обратиться за помощью к Райту.

Не дождавшись ответа, через месяц с небольшим (17 октября 1932 г.) Зенкевич пишет О. Райту второе, более детальное и настойчивое по сравнению с первым («дипломатическим запросом») послание. Он сообщает, что уже после того, как отправил свое первое письмо, один из его американских друзей прислал ему книгу Джона МакМэгона «Братья Райт – отцы полета» [McMahon, 1930]¹¹, которую он прочитал «от корки до корки» (см. *Приложение*). Книга оказалась интересной, с обильным материалом из первоисточников, что во многом помогло Зенкевичу в работе, но без помощи О. Райта ему всё еще было не обойтись. Автор детально излагает свои вопросы в пяти пунктах. Крайне необходимы были ему дневники полетов и, в особенности, копии их частей, которые относятся непосредственно к кампании в Китти Хок¹², а также таблицы полетов и информация об исследовательских достижениях Орвилла после смерти Вильбура¹³. Интересуется он отношениями братьев с царской Россией, в частности получали ли они приглашение посетить ее и предложение продать свой патент¹⁴, и выражает надежду на помощь в работе над первой биографией братьев Райт на русском языке.

Ответ О. Райта от 31 октября 1932 г. был краток и нейтрален по тону. Первый экземпляр его напечатан на личном бланке О. Райта и подписан, второй – под копирку, без подписи, на стандартном, пожелтевшем от времени листе. Судя по содержанию, это был отклик на первое послание Зенкевича (см. *Приложение*)¹⁵. Свое молчание Райт объясняет длительным отсутствием и сообщает, что выслал Зенкевичу экземпляр «Журнала авиации» с «Четвертой Мемориальной лекцией в честь Вильбура Райта. Жизнь и работа Вильбура Райта» Гриффита Бруэра,

¹¹ В книге Зенкевич транскрибирует фамилию автора как «Мак Мэгон» и «Мако Мэгон». Здесь и далее – МакМэгон.

¹² «Братья вели дневник во время своих пребываний в Китти Хок <так! – С. III.>. К сожалению, до сих пор дневники не опубликованы и известны только в выдержках» [Зенкевич, 1933, с. 80–81]. Позже дневники были опубликованы во многих изданиях. См.: [A Bibliography Commemorating..., 2002, р. 3]. Китти Хок – местечко (сейчас город) на берегу Атлантического океана в штате Северная Каролина, США, где в сентябре-октябре 1900 г. братья Райт провели сборку и первое удачное испытание планера. 17 декабря 1903 г. в шести милях от Китти Хок, в Килл Дэвил Хиллс, Орвилл Райт совершил первый в мире полет на аэроплане [Зенкевич, 1933, с. 52–104, 188–189].

¹³ Вильбур Райт скоропостижно скончался от тифа 30 мая 1912 г. в Дейтоне в возрасте 45 лет.

¹⁴ Зенкевич ссылается на информацию из книги МакМэгона: «Вильбур был на пути в Санкт-Петербург в августе 1907», но так и не доехал до России [Зенкевич, 1933, с. 193, 198]. В 1909 г. Райтами был получен Российский патент на их конструкцию биплана: «Описание остова двойного аэроплана. К привилегии иностранцев О. Райта и У. Райта в г. Дейтоне, в Североамериканском штате Огайо, заявленной 13 марта 1904 года (охран. свид. № 23488, Группа V. № 15010, 31 января 1909 г.)» [A Bibliography Commemorating..., 2002, р. 85]. По другой версии, первенство в осуществлении полета принадлежит самолету конструкции А. Ф. Можайского (20 июля 1882 г. в Красном Селе, около Петербурга).

¹⁵ Интересная деталь: на конверте письма О. Райта название страны-адресата указано как «U.S.S. Russia», с подчеркнутым последним словом.

а также журнал «Авиация» за декабрь 1923 г.¹⁶ Для Зенкевича эти материалы оказались чрезвычайно ценными, хотя он и не получил всего того, о чем просил. Журналы полетов присланы не были.

И, наконец, третье – последнее – и самое детальное письмо Зенкевича Райту, написанное восемь месяцев спустя, уже после выхода книги в свет. Оно начинается и заканчивается выражением благодарности знаменитому авиатору и признанием того, что без участия Райта создание книги было бы невозможно. Автор кратко, но емко описывает выходные данные книги и содержание глав. Примечательно, что он заверяет Райта, что в книге утверждается первенство братьев в совершении ими первого полета на биплане: «Книга в полной мере отдает должное братьям Райт за изобретение первого летательного аппарата, который открыл эпоху авиации» (см. *Приложение*). Тон письма уверенный и позитивный: работа завершена, автором строятся планы на будущее по публикации новой книги в серии «ЖЗЛ» о другом знаменитом американце, Томасе Эдисоне¹⁷. Ответов Райта ни на это, ни на предыдущее письмо, если таковые и были, не сохранилось ни в одном из архивов, как и какого-либо свидетельства о получении им книг от Зенкевича.

Изменение тона и стиля писем Зенкевича особенно чувствуется в оригиналах на английском языке. Несколько высокопарный, официальный и немного старомодный в первом письме, более настойчивый и лаконичный во втором и, наконец, менее напряженный, позитивный и дружеский в третьем, более подобный стилю самой документально-биографической книги Зенкевича. Но в отличие от доступности языка последней в силу ее направленности (популярная образовательная литература для масс), язык писем, в частности, свидетельствует также о высокой культуре автора, личности творческой, возвращенной в тенетах петербургского Серебряного века. С созданием этой книги масштаб творческого дарования Зенкевича еще более расширился – от поэзии, прозы, переводов и литературной критики к популярной литературе о последних достижениях науки и техники.

Предыстория замысла книги известна из воспоминаний земляка Зенкевича, саратовца Льва Гумилевского:

Вместе с М. А. Зенкевичем отправился я в только что организованную тогда А. М. Горьким редакцию серии «Жизнь замечательных людей». Нам действительно были рады и показали длинный список имен. Зенкевич выбрал братьев Райт, я заинтересовался Рудольфом Дизелем [Гумилевский, 2005, с. 142].

Гумилевский решил написать книгу для серии «ЖЗЛ» по совету писателя И. В. Евдокимова, который рассказал ему о том, что «Горький просит всех писателей принять участие в этом деле» [Там же]. По словам самого Зенкевича, «вспом-

¹⁶ Brewer, Griffith (1867–1948), юрист по профессии, воздухоплаватель, первый англичанин, совершивший полет на биплане Райтов в качестве пассажира. Автор выступлений и публикаций о Райтах. Упоминаемая лекция, «The Fourth Wilbur Wright Memorial Lecture delivered before the Royal Society of Arts, June 16, 1916», впервые была прочитана 16 июня 1916 г. в Королевском Обществе Искусств Великобритании. Опубликовано в: [Brewer, 1916, pp. 68–84].

¹⁷ Автором биографии Эдисона для серии «ЖЗЛ» стал М. Я. Лапиров-Скобло. Вышло два издания [Лапиров-Скобло, 1935; 1960].

нить тех двух изобретателей, которые осуществили тысячелетнюю мечту человечества о полете и открыли эру авиации: братьев Райт, Вильбура и Орвила <так – С. III.>», его побудило то, что в 1933 г. отмечался «десятилетний юбилей советской гражданской авиации и советского планеризма, совпадающий с 30-летием первого полета на аэроплане в Китти Хок в 1903 г.» [Зенкевич, 1933, с. 197].

Работа над биографией Райтов велась автором оперативно: договор с издательством был заключен 27 июля 1932 г.¹⁸ Меньше, чем через год, в июне 1933 г., книга уже была издана и скоро получила первые отзывы критики [A. J. S. <Steiger>, 1933; Лебедев, 1933]¹⁹. Из ее содержания, как и из второго и третьего писем Зенкевича, следует, что автор опирался преимущественно на два источника: на документы, полученные от самого О. Райта, и на биографию Райтов, написанную МакМэгном²⁰. Из писем Голда и Хелен Блэк к Зенкевичу, известно, что книгу МакМэгона прислала из Нью-Йорка именно она по просьбе своего начальника Голда²¹. Он побывал в СССР в 1930 г. на Второй международной конференции революционных писателей в Харькове [Николюкин, 1969], в которой участвовал и Зенкевич²². По роду своей деятельности Зенкевич поддерживал с Голдом контакты, как и со многими другими литераторами Америки и других стран, которым он помогал переводить и издавать их книги в СССР. Перед тем как послать книгу Зенкевичу, Блэк провела небольшую исследовательскую работу в фондах Нью-Йоркской публичной библиотеки (The New York Public Library) по поиску публикаций о Райтах. В упомянутом выше письме Зенкевичу она уверяет, что мо-

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 822. Оп. 3. № 48 [Договор об издании «Биографии бр. Райт», заключенный с Зенкевичем Михаилом Александровичем. Журнально-газетное объединение, серия «Жизнь замечательных людей». 1932 г. июня 27. Машинописная копия с рукописными вставками. С подписями-автографами зав. редакцией Н. И. Тихонова и члена Правления объединения Л. И. Пинчука (поступление № 80 за 1987 г.)].

¹⁹ Сведения о статье Лебедева сообщила Н. А. Прозорова (ИРЛИ). О заметке Э. Штейгера сообщил С. Е. Зенкевич, уточнил И. Е. Лошилов. Эндрю Штейгер (Steiger, Andrew J., 1900–1970) – американский литератор, корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» в Москве.

²⁰ В библиографии, среди других источников, указаны работы Франсуа Перэ (François Peureux), Франсуа Фербера (François Ferber), Найденова В. и Розенцвейга <так – С. III.> [Зенкевич, 1933].

²¹ РО ИРЛИ. Ф. 773 [Письмо М. Голда М. Зенкевичу, без даты]; там же. [Письмо Х. Блэк М. Зенкевичу, 6 окт. 1932 г.]. Предположительно, именно экземпляр, присланный Блэк, МакМэгон мог подписать Зенкевичу во время своего визита в Советский Союз в 1933 г. Об этой поездке см. в: [Who Was Who..., 1960, p. 585]. По свидетельству С. Е. Зенкевича, книга МакМэгона сохранилась в семейном архиве. Надпись на книге: «To Michael Zenkevitch, Author of the Russian *Brothers Wright*. John R. McMahon. Moscow. July 23, 1933» [«Михаилу Зенкевичу, автору русских “Братьев Райт”. Джон Р. МакМэгон. Москва. 23 июля 1933 г.»] <Особенности оригинала сохранены. – С. III.>

²² В письме В. П. Полонскому от 4 ноября <1930 г. – С. III.> Зенкевич, в частности, сообщает: «<...> Я только что вернулся из поездки с бригадой писателей на бумажную фабрику “Сокол” около Вологды, и должен сегодня же ехать в Харьков на с’езд международный революц. писателей <...>». РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 1. Ед. хр. 150. <Особенности оригинала сохранены. Публикуется впервые. – С. III.> Вторая международная конференция МБРЛ состоялась 6–15 ноября 1930 г. В. П. Полонский (1886–1932), главный редактор журнала «Новый мир» (1926–1931).

нография МакМэгона была единственной существующей на тот момент книгой о Райтах:

<...> At Michael Gold's request I sent you a copy of a biography of the Wright Brothers published by Little, Brown & Co.

When I looked up the references on the subject, this seemed to be the one American volume on the subject. Brief biographies, perhaps a chapter in length, were given in other books, but the book I sent was the most complete one.

<...> If you wish I will get the names of the foreign language books on the Wright Brothers, and you can see whether there are any which you have not had...²³

Хотя в случае с поиском публикаций о Райтах положительный отзыв Голда о Блэк подтвердился, она была не совсем права²⁴. В 1928 г. была опубликована еще одна биография братьев Райт – книга Митчелла Чарнлея «Мальчишеская жизнь Братьев Райт» (букв.), которая к 1932 г., возможно, была еще не столь широко известна [Charnley, 1928]²⁵. Для сравнения: книга МакМэгона, как и его многочисленные журнальные публикации о братьях Райт, на момент переписки Зенкевича с Блэк была издана в Америке как минимум дважды и успела получить широкий резонанс. Однако О. Райт в своем письме Зенкевичу ни словом не упоминает о существовании этой книги. Причиной, скорее всего, было его крайне отрицательное мнение о работе МакМэгона поскольку, по мнению О. Райта, он в своей книге не только искажал факты истории изобретения и испытания братьями биплана, но и приукрасил ее своими домыслами и собственными гипотезами. И, как следствие, он не имел никакого права на ее публикацию в таком вольном изложении. О. Райт даже собирался судиться с МакМэгоном, но был остановлен доводами друзей [Stouch, 2003, p. 475–476, 517–518].

Зенкевич, судя по его собственным всецело положительным отзывам о книге МакМэгона в своем втором письме О. Райту (см. *Приложение*), пребывал в неведении об этих деталях, иначе вряд ли бы стал на нее ссылаться. Более того, после прочтения неоднозначного отзыва МакМэгона об О. Райте²⁶ Зенкевич, по собст-

²³ «...По просьбе Майкла Голда я переслала Вам экземпляр биографии братьев Райт, изданный Литтл, Браун и Ко.

Когда я разыскивала источники по данной теме, эта книга оказалась единственной, изданной в Америке. Краткие биографии длиной приблизительно в одну главу даны и в других книгах, но та, которую я Вам послала, самая полная.

<...> Если пожелаете, я подберу названия книг о братьях Райт и на других языках, чтобы Вы могли удостовериться, есть ли среди них те, которых у Вас нет <...>. <Особенности оригинала сохранены. Публикуется впервые. – С. III.>

²⁴ «She is reliable and is sure to do the work» («Она ответственна и обязательно выполнит эту работу»). <Особенности оригинала сохранены. Публикуется впервые. – С. III.> См. сноску 21.

²⁵ Перевод книги на русский язык под названием «Братья Райт [The boys' life of the Wright brothers]», сделанный Е. И. и О. И. Горбуновыми, также впервые вышел в 1933 г. в московском издательстве «Посредник» [Чарнлей, 1933]. Книга переиздавалась дважды (1934, 1938).

²⁶ «Есть явное противоречие между большой любезностью Орвила <так! – С. III.> при личном знакомстве, – замечает Мак Мэгон <так! – С. III.>, – и между его равнодушием к телеграммам и письмам из внешнего мира. Редакторы и писатели тщетно добиваются от него сообщений. Возможно, он придерживается теории, что время само ответит на всё или что молчание является хорошим ответом» [Зенкевич, 1933, с. 190].

венному признанию, «<...> был очень обескуражен и не надеялся получить ответ на свое письмо к знаменитому изобретателю с просьбой помочь указаниями и присылкой материала при написании первой биографии бр. Райт на русском языке...» [Зенкевич, 1933, с. 190–191]. Однако, как он с облегчением продолжает, «<...> опасения эти оказались совершенно напрасными. Орвил <так! – С. III.> Райт не только лично ответил любезным письмом, но и прислал необходимые материалы, без которых написание этой книги было бы невозможно. При этом он даже отчеркнул красными чернилами наиболее важные места в статье бр. Райт об истории их изобретения, которые мы постарались привести в цитатах, чтобы ознакомить с ними широкие круги советских читателей» [Там же, с. 191]. Но, как было отмечено выше, О. Райт послал Зенкевичу материалы в ответ на первое письмо, а не на второе, в котором Зенкевич с энтузиазмом упоминал книгу Мак-Мэгона. В любом случае задача Зенкевича как исследователя и автора изучить и воспользоваться всеми известными источниками была им выполнена.

Важное место среди материалов, присланных О. Райтом, занимала ранее упомянутая «Четвертая Мемориальная лекция в честь Вильбура Райта. Жизнь и работа Вильбура Райта» Г. Бруэра [Brewer, 1916]²⁷, содержащая описание деталей их сотрудничества в 1908–1909 гг. О. Райт отсылает Зенкевича именно к этой публикации как к самому надежному из всех источников. Особую ценность для Зенкевича представляли одиннадцать приложений объемом более пятидесяти страниц. О. Райт также прислал и свою собственную статью «Как мы совершили наш первый полет» – первое детальное описание полета [Wright, 1923]²⁸.

В письмах к другим своим корреспондентам Зенкевич также обращается с просьбой прислать публикации о братьях Райт. Так, в рукописном недатированном черновике письма Г. Хезлопу, написанного, судя по содержанию, после подписания договора с издательством (27 июля 1932 г.), Зенкевич, ссылаясь на недостаточные ресурсы отечественных библиотек, просит Хезлопа поискать в книжных магазинах Лондона любую информацию о литературе о Райтах²⁹. Подобную же просьбу Зенкевич намеревался высказать в письме и к другому своему знакомому американцу, Морису Беккеру, который также приезжал в СССР в 1931 г. Вычеркнутый параграф, содержащий эту просьбу, есть в конце недатированного черновика этого письма Зенкевича³⁰. По-видимому, в окончательном варианте Зенкевич решил не просить Беккера об этом, поскольку ни в одном из двух сохранившихся в РО ИРЛИ писем последнего о такой просьбе не упоминается.

Интерес в свете поиска источников книги Зенкевича также представляет его переписка с К. К. Кураевым, из которой сохранилось его второе письмо – ответ Зенкевичу от 13 августа 1933 г.³¹ Одна из помет рукой Зенкевича на письме с его инициалами объясняет вероятную причину обращения: «Кураев был механиком у Вильбура Райта. МЗ»³². В приводимом ниже отрывке место пометы, сделанной

²⁷ См. сноску 16.

²⁸ “How We Made the First Flight”. Впервые в журнале “Flying”. 1913. Dec. Vol. 2. P. 10–12, 35–36; после во многих периодических изданиях, включая “Aviation”.

²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 773.

³⁰ Там же.

³¹ См. сноску 4.

³² Вильбур Райт проводил демонстрационные полеты во Франции в 1908–1909 гг.

шариковой ручкой почерком Зенкевича, характерным для его преклонных лет, вероятно не раньше 1960-х гг., отмечено астериском (*)³³:

<...> В 1908 году я попал во Францию, в Париж, как эмигрант, бежавший из Рост.-н/Д <Ростовского-на-Дону. – С. Ш.> охранного отделения, где сидел по обвинению в принадл. <принадлежности. – С. Ш.> к п.с.р. <так! – партии социалистов-революционеров. – С. Ш.> с перспективой веревки, если откроется еще участие в эксе <экспроприации. – С. Ш.>. На рельсы авиации меня направила б.о.п.с.р. <так! – боевая организация партии социалистов-революционеров. – С. Ш.> и ц.к. <так! – С. Ш.>, и к осени 1909 г.* партия сняла меня с дела, которое я полюбил, и послала на работу в Россию. До 1912 г. я работал с небольшими перерывами как професс. <профессиональный. – С. Ш.> революционер.

В 1917 г., после Октября, я из п.с.р. <так! – С. Ш.> вышел, работал с большевиками на ответственной работе, затем был членом Р.К.П., а с 1921 г. стою вне политики, но по причинам инвалидности и некоторых черт своего мировоззрения в области философии.

<...> Можно было бы обработать материал в форму романа совместно с кем-либо из писателей, но время, не подходящее для этого: вы в Москве даже не представляете себе, насколько отвратительно голодно живется в провинции, мы полным ходом идем к смерти от хронического недоедания, и умственная работа невозможна <...> сейчас гибну <...>.

Как явствует из письма, детали работы Кураева у В. Райта остались тайной, и в книге его имя не упоминается. В 1930-х гг. Кураев заведовал библиотекой Уфимского почтамта. Был арестован дважды (в 1938-м и 1942-м), осужден на десять лет лагерей, место и дата его гибели неизвестны, реабилитирован посмертно. Его письмо Зенкевичу, интересное само по себе как возможное свидетельство деятельности БО ПСР в Европе по подготовке профессионалов, в частности в авиации, с целью использования аэропланов в террористических актах в борьбе с царским режимом, для нас представляет непосредственную ценность как один из источников книги.

О факте знакомства Зенкевича с другим знаменитым эсером, земляком – саратовцем, Степаном Валериановичем Балмашевым (1881–1902), убийцей министра внутренних дел Д. С. Сипягина в 1902 г., известно из комментария к повести Зенкевича «На стрежень» [Зенкевич, 1994. С. 361–411]: «Автор повести был знаком с Балмашевым (упоминание о нем есть и в «Мужицком сфинксе»), канва произведения – автобиографическая» [Там же. С. 657]³⁴. Резонансное убийство Сипягина, приговоренного к «смертной казни» БО ПСР, послужило исторической основой повести, в которой Балмашев выведен одним из главных персонажей³⁵. Указание на автобиографичность позволяет сделать предположение о том, что прообразом, возможно, собирательным, юного Коли Альтовского, которому Балмашев давал читать запрещенную литературу, мог выступать сам автор или кто-либо из его близкого окружения.

³³ Особенности пунктуации приведены в соответствии с современными нормами, сокращения расшифрованы. <Публикуется впервые. – С. Ш.>

³⁴ «Мужицкий сфинкс. Беллетристические мемуары» в [Зенкевич, 1994. С. 412–624]. Впервые опубликовано полностью в журнале «Волга» (1991, № 1–3). См. [Поливанов, 1997].

³⁵ О Балмашеве см. в: [Троицкий, 2013].

В беспокойной обстановке 1900-х гг. молодежь активно вовлекалась в нарастающую революционную борьбу. Младший брат Зенкевича, будущий московский художник Борис Александрович Зенкевич (1888–1972) также преследовался царским правительством за революционную деятельность. В архивной справке из РГАЛИ³⁶, в частности, указывается: «С 1903 г. принимал активное участие в революционном движении, сначала как член ученической, затем боевой организации РСДРП. <...> В 1907 г. был арестован по обвинению в вооруженном нападении, заключен в Саратовскую тюрьму. Отпущен на поруки, при повторном аресте бежал». <...> Был переправлен РСДРП в Париж, учился на отделении естественных наук в Сорбонне, в Лаборатории аналитической химии в Женеве и на электротехническом отделении Льежского политехникума в Бельгии. «В 1910 г., увлекшись авиацией, работал чернорабочим в мастерской в Исси-ле-Мулино под Парижем».

Таким образом, информация, которая могла быть получена Зенкевичем из первых рук, т. е. о деталях полета братьев Райт во Франции от Кураева и об авиационных мастерских по следам годичного пребывания Райтов в этой стране от Б. Зенкевича, вполне могла пригодиться для новой книги, как пригодилось и знакомство с Балмашевым для повести «На стрежень». Значимость письма Кураева для Зенкевича доказывается еще и тем, что во время репрессий 1930-х гг. он не побоялся сохранить его, как и газету с объявлением о расстреле Гумилева [Синельников, 2010, с. 91–92], и что он возвращался к этому документу через десятилетия.

Обзор известных нам источников книги «Братья Райт» и некоторых существующих документов по теме авиации, столь многопланово представленной в творчестве Зенкевича, завершается здесь кратким описанием его фонда в РО ИРЛИ. В дополнение к письмам Зенкевича и О. Райта фонд богат документами и списками произведений об авиации. Это, прежде всего, сама рукопись «Братьев Райт» с рецензией на нее Н. Лебедева из журнала «Вестник воздушного флота», переписанная рукой Зенкевича [Лебедев, 1933], и авторизованная машинопись первой драматической поэмы Зенкевича «Альтиметр. Трагорельеф», и экземпляры второй драматической поэмы «Торжество авиации», и рукопись беллетристических мемуаров «Мужицкий сфинкс»³⁷. Заслуживает внимания, на наш взгляд, автограф неизданного стихотворения «Перелет через Атлантический океан», написанного после поездки Зенкевича в США с делегацией советских литераторов в 1960 г., которое можно рассматривать как завершающий поэтический аккорд по теме.

Сохранились автографы стихов об авиации, вырезки из газет и журналов со стихами об авиации и рецензиями на них. Есть в фонде и такие интересные артефакты, как печатная обложка для сборника стихотворений Зенкевича «Поздний пролет» Алексея Кравченко (1928), а также шесть листов его гравюр-иллю-

³⁶ РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 4. Ед. хр. 253 [Личное дело Зенкевича Бориса Александровича]. <Публикуется впервые. – С. III.>

³⁷ «Альтиметр. Трагорельеф» (1919–1921), впервые опубликован в: [Зенкевич, 2004а, с. 274–341]; «Торжество авиации» (1937), фрагменты впервые опубликованы в: [Зенкевич, 2018, с. 48–50]. См. также: РГАЛИ. Ф. 619. Оп. 1. Ед. хр. 2474 [Н. Л. Вержейская. Рецензия на поэму «Торжество авиации» Мих. Зенкевича]; [Лацарин, 2012].

страций к произведениям Зенкевича. Несомненную ценность представляет собой рукописная книга «Альбом с серебряным обрезаем» – выдающееся во всех смыслах название: как авторское определение всей его жизни в поэзии (отдельные стихи недавно опубликованы, см.: [Зенкевич, 2021а; 2021б]). И более двухсот отдельных листов неизданных стихотворений, охватывающих почти весь творческий путь поэта, с 1920 по 1970-е гг., среди которых могут быть и «авиационные» стихи. Это только первые подступы к архиву поэта, детальное изучение которого еще предстоит.

Литературные особенности «Братьев Райт», в частности, в соотношении с ранее написанными и будущими стихами и прозой, также небезынтересны. Книга содержит детальное описание процесса изобретения и постройки биплана, подготовки и совершения первого полета братьями Райт. В центре повествования – сами братья. Подробности биографических событий дополняются описанием чисто технических деталей, организации полетов и разнообразных трудностей, включая юридические, которые им приходилось преодолевать. Вместе с тем эту документальную биографию авиаторов писал поэт, как, например, подчеркивалось в заглавии рецензии Штейгера: «Поэт описывает жизнь братьев Райт впервые на русском языке» [A. J. S. <Steiger>, 1933]. Так, третья глава книги открывается эпитафией из Герберта Уэллса, чья «Война миров» будет переведена и опубликована Зенкевичем через два года [Уэллс, 1935] и чье влияние на перцепцию, конкретнее – на демонизацию, образа летательных машин (например, в «Торжестве авиации») несомненно. В названии пятой главы книги, «От планера к аэроплану», метафорически обыгрывается путь самого автора в литературе от первых кратких стихотворных опытов и рассказов к крупной форме, поэме и роману. Главный постулат восьмой главы, «Тайна бр. Райт» – это «так называемая тайна» (см. *Приложение*), или сама идея строительства первого воздушного аппарата, которая превращается в явь, в осуществленную мечту. Такое превращение подтверждается в следующей, девятой, тематически центральной главе, «Триумф летающих братьев», предваряемой эпитафией из стихотворения Валерия Брюсова «Кому-то» (цит. по: [Зенкевич, 1933, с. 169]):

Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был,
Спеш! настал последний час!
Корабль исканий в гавань прибыл.
Просторы неба манят нас.

Словно желая разбавить суховатую реальность документально-биографической прозы об американских изобретателях, Зенкевич-акмеист вносит в нее романтический, брюсовско-гумилёвский дух поиска, присущий русскому Серебряному веку. В названии этой главы прямая ссылка на будущую поэму «Торжество авиации», предрекающая ее появление [Зенкевич, 1933, с. 185–186]. Этот посыл вполне объясним как замысел будущей поэмы, поскольку содержание ее во многом будет зиждиться на фактическом материале, взятом из книги.

Интерес Зенкевича к авиации, технике, естествознанию, в числе других наук, проявился уже в ранних его произведениях (см.: [Дынник, 1936]) и просуществовал практически до конца его творческой жизни. Одно из ранних стихотворений на тему авиации, «На аэродроме», вошло в первую, самую знаменитую книгу сти-

хов Зенкевича «Дикая порфира» (1912). В нем неукротимый смельчак-авиатор сравнивается по храбрости и силе овладения воздушным пространством с самим Создателем. Ближе к Первой мировой войне довоенное – восторженное – представление об отважном и дерзком покорителе меняется на трагическое. Такой поворот связан и с объективными историческими событиями, как целая серия авиационных катастроф того времени (включая крушение дирижабля Лилиенталя в 1896 г., упоминаемого Зенкевичем в «Братьях Райт»), и с событиями Первой мировой войны, а именно с личной трагедией – гибелью любимого младшего брата Сергея (20 августа 1915 г.), добровольцем ушедшего на фронт³⁸. В том же году Зенкевич посвятил памяти Сергея стихотворение с символичным и емким названием «Проводы солнца».

Впоследствии трагизм участи авиатора, преломленный через личную драму, в соотнесении с участью и выбором поэта, сделает его миссию еще более «бескрылой»: взлетев в молодом предвоенном порыве к солнцу, летчик-поэт неизбежно будет срываться в темную пропасть гибели. Минорные тона станут преобладать, в частности, в таких стихах, как «Смерть авиатора» (1917–1919), «Авиареквием» (1918), в поэме «Альтиметр. Трагорельеф», написанной в саратовский период (декабрь 1917 – март 1923)³⁹, в одноименном стихотворении «Альтиметр» из сборника «Пашня танков» (1921), в «Гибели дирижабля «Дикмюде» (1925) и в некоторых стихах, включенных в книги «Поздний пролет» (1928) и «Набор высоты» (1937).

Как отмечалось [Лаццарин, 2012, с. 110–111], поэтическое осмысление миссии авиатора-первопроходца, столь ярко выраженное в поэме «Альтиметр», станет более политизированным в «Торжестве авиации», особенно в ее концовке⁴⁰. Но уже в книге «Братья Райт», предшественнице поэмы, автором была отдана дань идеологическим требованиям времени. Так, например, эпиграфом к тринадцатой главе, эпилогу, «Через тридцать лет», была выбрана «крылатая фраза» В. В. Куйбышева: «Там авиация – это техника разрушения, / А у нас – это техника созидания» [Зенкевич, 1933, с. 195], и в духе газетных передовиц, среди других подобных высказываний, подчеркнута, что «<...> аэроплан был использован империалистическими государствами для военных целей как новое воздушное оружие в грядущей мировой войне <...>» [Зенкевич, 1933, с. 195]. Без чего публикация первой русской биографии американских авиаторов-первопроходцев в тех условиях вряд ли была бы возможна. Сходный политизированный окрас проступает еще более отчетливо в стихотворении «Говорит Сириус!», впервые опубликованном между «Братьями Райт» и «Торжеством авиации» [Зенкевич, 1934; 1935].

³⁸ По предположению С. Е. Зенкевича, в биографическом плане М. Зенкевич мог видеть параллель своей судьбы и гибели Сергея с судьбой Вильбура и Орвилла Райтов.

³⁹ См. сноску 37. Литературно-теоретический фундамент «Альтиметра» был заложен более ранними стихами и обоснован в теоретической статье автора «О новом стихе», написанной в 1921 г. [Зенкевич, 2004б, с. 342–348]. См.: [Зенкевич С. Е., 2004, с. 274–282].

⁴⁰ Впервые на английском языке анализ «Торжества авиации» был дан в докладе (неопубл.): Svetlana Cheloukhina. “Torzhestvo aviatsii by Mikhail Zenkevich”. In: Preliminary Program. The 9th International Council for Central and East European Studies World Congress (ICCEES), Makuhari, Japan, August 3–8, 2015, p. 148–149.

В плане многочисленных интертекстуальных связей книги заслуживает внимания, в частности, сравнение О. Райта с Эдгаром По, данное журналистом Генри Вивером и процитированное Зенкевичем: «Это молодой человек, лет тридцати, стройный, тонкий, с лицом скорее поэта, чем изобретателя или прожектера. По очертаниям голова и лицо его напоминают Эдгара Аллана По» [Зенкевич, 1933, с. 128]. Во второй части «Торжества авиации», в лирическом монологе Титулованной леди, автор переносит это сравнение на старшего брата Вильбура, протагониста поэмы, в портрете которого через его сходство с Орвиллом воплощается и сходство с По:

Титулованная леди

Вот оно –
любимое лицо дорогое,
И так близко, близко,
Но сейчас оно странно-другое.
<...>
Все черты посерели, как дюны.
Он кажется утомленной и старше,
Как бурей потрепанный кориун.
Лысеющий лоб непомерно высок,
И мерещится, что упрямый *норов*
Складкой бросается поперек
Скользящих вниз бровей-планеров.
Чисто выбритое сухое приличье,
Суровость костлявого лица, –
В нем не только что-то хищное, птичье,
Но и пасторское от сектанта-отца.
Как был он прекрасен после полета,
К толпе сошедший на *ипподром!*
От заходящего солнца *что-то*
Пламенное воплощалось в нем.
Как покорял и сводил с ума
И восторгал лучезарной тоской
Этот залетный *сокол* морской
С вершины Чертова Холма!
О, лунная любовная тоска,
И я – в ее лучах-тисках!
Он некрасивее без кепки.

[Зенкевич, 2018, с. 49] (курсив мой. – С. Ш.)

Такое намеренное подчеркивание как внешнего подобия («<...> *кажется утомленной и старше*; <...> *Складкой бросается поперек / Скользящих вниз бровей-планеров. / Чисто выбритое сухое приличье, / <...> Суровость костлявого лица*), так и внутреннего сходства («<...> *что-то / Пламенное воплощалось в нем. / Как покорял и сводил с ума / И восторгал лучезарной тоской <...>*»), а также параллелей в судьбе – громкой славе – авиатора XX века и поэта-романтика XIX века очевидно. Дополняет чисто внешнюю характеристику Вильбура и другая

смысловая деталь – «в нем <...> что-то <...> птичьё»⁴¹ – как и сравнения его то с «бурей потрепанным коршуном», чуть ли не с «буревестником революции» Горького, то, почти в русских былинных традициях, с «залетным соколом морским». Уподобление авиатора (хищным) птицам в итоге подводит к зашифрованному в палиндроме «норов – ворон» авторскому послылу к будущему замыслу – его знаменитому переводу «Ворона» [Зенкевич, 1946, с. 25–28]⁴². Рифма «ипподром», куда знаменательно «сошел» Вильбур после своего полета – спуска с небес, – авторская указка на прием «палиндром» как один из ключей к разгадке зашифрованного здесь плана на будущее.

Сочетание фантастических и реалистических деталей, как и использование приема сна-реальности, сна-брёда и сна-безумия в «Торжестве авиации», в «Мужицком сфинксе» и в «Вороне» объединяют все три произведения. Похожий способ существования становится реальностью в жизни самого автора, по утверждению Н. Мандельштам в ее известной интерпретации сути послереволюционного творчества Зенкевича:

Михаил Александрович Зенкевич рано впал в гипнотический сон или летаргию. <...> он давно перешел через грань и не сумел разбить оконного стекла. Зенкевич жил сознанием, что всё, что некогда составляло весь смысл его существования, наоборот, конечно, осталось по ту сторону стекла. Это чувство могло бы превратиться в стихи, но шестой акмеист пришел к твердому выводу, что стихов тоже не будет, раз нет Цеха поэтов и тех разговоров, что обольстили его в ранней юности [Мандельштам, 1970, с. 48–49].

Однако, «Мишенька», как его называла Н. Мандельштам [Там же], подобно многим другим в те годы, продолжал писать стихи и прозу, не предназначенные для публикации, пряча их от посторонних глаз. Но и тогда он не отрицал свое родство с акмеизмом. В другом его письме к Хезлопу находим:

Mrs. Slonimsky told you the truth. <...> I am a poet, but not of the Mayakovsky's <sic! – C. III.> school. I was associated with another school of the new Russian poetry, not with the “futurism” <sic! – C. III.>, but with the “akmeism” <sic! – C. III.>⁴³.

Скользя по серебряной грани, Зенкевич, как теперь видится, сумел «разбить лед» «оконного стекла», судя по «Мужицкому сфинксу», по переводам из французских, американских и английских поэтов и по первым публикациям из его новооткрытого, 1942 года рождения, «Альбома с серебряным обрезаем». Материалы, полученные Зенкевичем от О. Райта, сыграли в творчестве поэта не последнюю

⁴¹ Ср. описание Вилбура Райта Джозефом Брендретом в газете «Дэйли мэйл», приведенное Зенкевичем в «Братьях Райт»: «Чувствовалось что-то странное в высокой художественной фигуре. Лицо было замечательно, голова напоминала птичью, и черты с выдающимся длинным носом, еще более усиливавшим это сходство с птицей» [Зенкевич, 1933, с. 142].

⁴² Сделанный Зенкевичем в начале 1940-х гг. и опубликованный в 1946 г. перевод знаменитого «Ворона» Эдгара По «может считаться образцовым». См.: [Чередниченко, 2009, с. 291].

⁴³ «Миссис Слонимская сказала Вам правду <...> Я – поэт, но не школы Маяковского. Я был связан с другой школой новой русской поэзии, не с футуризмом, а с акмеизмом». РО ИРЛИ. Ф. 773. [Письмо М. Зенкевича Г. Хезлопу, 13 июня, 1930 г.]. «Особенности авторского оригинала на английском языке сохранены. Публикуется впервые. – C. III.» Слонимская Л. Л. (1900–1965) – писательница и переводчица.

роль, упав на почву, подготовленную стихами и поэмой «Альтиметр», вдохновленными авиацией, и послужив фактической базой для создания как минимум двух крупных произведений – документальной книги «Братья Райт» и поэмы «Торжество авиации».

*Приложение*⁴⁴

Переписка Мих. Зенкевича и О. Райта

1

М. Зенкевич – О. Райту

Michael Zenkevitch⁴⁵
State Publishing House, GIKHL
Moscow, Centre,
Nikolskaya10,
USSR

September 9, 1932

Mr. Orville Wright,
Harmon and Park Ave.
Dayton, Ohio, USA

Dear Mr. Wright,

I am venturing to write you to make a request which I trust will interest you.

The State Publishing House, Department of Foreign Literature (GIKHL), under the presidency of Maxim Gorky is about to publish a series of popular biographies of famous scientists and inventors.

I have been commissioned to write the volume which will refer to the work and life of the famous Wright brothers and their flight. This will be the first book to be published in this country on the subject.

Unfortunately, I am greatly hampered by the lack of material and am therefore venturing to request your assistance. Material is extremely difficult to obtain here.

I would therefore request that you forward me any available material dealing with the lives of yourself and your brother, with your work and with your great flight. Either printed or manuscript material will be welcome, and it all will be returned to you if you so desire.

⁴⁴ Особенности авторских оригиналов на английском языке сохранены.

⁴⁵ Авторское написание имени латинскими буквами. Ср. с общепринятым написанием на английском – Mikhail Zenkevich.

Trusting that you will lend your valuable co-operation in this project, and that I may hear from you soon,

I remain,
Yours sincerely,
M. Zenkevitch <sic! – С. III.>
<Signed M. Zenkevich>⁴⁶

<Перевод>

<На бланке ГИХЛ>

9 сентября 1932 г.
Г-н Орвил Райт
Хармон и Парк авеню,
Дайтон, Огайо, США

Уважаемый г-н Райт!

Беру на себя смелость писать Вам с просьбой, которая, надеюсь, Вас заинтересует.

Государственное Издательство Художественной Литературы (ГИХЛ) под председательством Максима Горького планирует издавать в Отделе иностранной литературы серию популярных биографий знаменитых ученых и изобретателей.

Мне было поручено написать книгу, которая расскажет о жизни и работе знаменитых братьев Райт, а также об их полете. Это будет первая книга по данной теме, которая будет опубликована в нашей стране.

К сожалению, мне очень мешает отсутствие материалов, поэтому я рискнул обратиться к Вам за помощью. Материалы здесь получить крайне сложно.

В связи с этим прошу Вас прислать мне любые доступные материалы, касающиеся Вашей жизни, жизни Вашего брата, вашей работы и вашего выдающегося полета. Буду рад как печатным, так и рукописным материалам, и все они будут возвращены Вам, если Вы того пожелаете.

Надеюсь на Ваше неоценимое содействие в этом проекте и на Ваш скорейший отклик.

Остаюсь
искренне Ваш,
М. Зенкевич
<Подпись>

⁴⁶ Подпись рукой Зенкевича (M. Zenkevitch) и машинописная (M. Zenkevich) разнятся.

О. Райт – М. Зенкевичу

October 31, 1932
Mr. M. Zenkevitch
State Publishing House,
Nikolskaya 10,
Moscow, Center,
U.S.S.R.

Dear Sir:

I have lately returned to my office after an absence of several months and find <sic! – C. III.> your letter of September 9th asking for material dealing with the lives and work of my brother Wilbur and myself. Under separate cover I am sending you copies of “The Aeronautical Journal” containing Mr. Brewer’s “Wilbur Wright Memorial Lecture”, and the December, 1923, issue of “Aviation”, which are the most reliable data available for sending you.

Trusting that these will answer your purpose, I am Very truly yours,

Orville Wright

<Перевод>

<Второй экземпляр>

31 октября 1932 г.
Г-ну Михаилу Зенкевичу
Государственное Издательство
Художественной Литературы
Никольская 10,
Москва, Центр,
СССР

Уважаемый сэр!

Недавно я вернулся в свой офис после нескольких месяцев отсутствия и обнаружил Ваше письмо от 9 сентября, в котором Вы просите материалы, связанные с жизнью и работой моего брата Вильбура и моей. Отдельным отправлением высылаю Вам экземпляры «Журнала авиации» с содержащейся в нем «Мемориальной лекцией о Вильбуре Райте» г-на Бруэра и журнала «Авиация» за декабрь 1923 года, где есть наиболее достоверные сведения из тех, которые можно Вам послать.

Надеюсь, что всё это поможет Вам в достижении цели.

Искренне Ваш,
Орвилл Райт
<Без подписи>

М. Зенкевич – О. Райту

Michael Zenkevitch
State Publishing House, GIKHL
Moscow, Centre,
Nikolskaya10,
USSR

October 17, 1932

Mr. Orville Wright,
Harmon and Park Ave.
Dayton, Ohio, USA

Dear Mr. Wright;

After my letter to you, requesting information about your life, I have received from one of my American friends a copy of John McMahon's book, "The Wright Brothers, Fathers of Flight" and I have read it from cover to cover. This interesting book gives me much first hand <sic! – C. III.> material and makes easier my difficult task of writing the first Russian biography of Wright Brothers. But nevertheless, I am obliged to ask your assistance in resolving some of my difficulties.

I know it is tiresome for you to answer many letters on the same subject, but I am afraid also that without your assistance my future book will contain some regrettable mistakes and omissions very difficult to correct later. Therefore, I venture again to write to you and I shall try to be as short as possible in my questions.

1). First of all concerning the diary of you and your brother, about which McMahon writes quite rightly that it should be given to the world long ago. Can you tell me if it is possible to get a printed manuscript or not. If the diary is not published, could you send me at my expense, at least typewritten copies of parts of it, especially with reference to your campaign at Kitty Hawk.

2). Second, the same information about your air tables.

3). Third, where and when was the magazine article published, the one mentioned by McMahon, which gives a popular summary of your work. How may I receive this article in order to include it in my book?

4). Fourth, What <sic! – C. III.> was your relation with Tsarist Russia? Have you received any invitation to visit it or any proposal to sell your patent? McMahon writes that, "Wilbur was on his way to St. Petersburg in August, 1907" (193 Pp) <sic! – C. III.> and then he mentions that "Tsarist Russia thriftily helped itself to the matter in issue without asking permission of any one <sic! – C. III.>." (256 Pp) <sic! – C. III.>

5). Will you relate about your scientific research and achievements since the death of your brother in 1911 <sic! – C. III.>? McMahon writes very little about it. Not only should I be very grateful to you, but many thousand <sic! – C. III.> Russian readers

also, were you to find time to answer my questions and assist in writing the first Russian biography of Wright Brothers.

I remain,
Yours sincerely,
Michael Zenkevitch
<Signed>

<Перевод>

<На бланке ГИХЛ>

17 октября 1932 г.
Г-н Орвил Райт
Хармон и Парк авеню,
Дайтон, Огайо, США

Уважаемый г-н Райт!

После моего письма к Вам с просьбой предоставить информацию о Вашей жизни, я получил от одного из своих американских друзей экземпляр книги Джона МакМэгона «Братья Райт – отцы полета» и прочитал ее от корки до корки. Эта интересная книга дает много первостепенного материала, облегчая мою трудную задачу написания первой русской биографии братьев Райт. Но, тем не менее, я вынужден просить Вашего содействия в разрешении некоторых моих затруднений.

Я понимаю, что Вам утомительно отвечать на множество писем на одну и ту же тему, но я также боюсь, что без Вашего участия моя будущая книга будет содержать некоторые досадные ошибки, которые впоследствии будет очень трудно исправить. Поэтому я беру на себя смелость снова писать Вам в попытке изложить все вопросы самым кратким образом.

1). Во-первых, относительно Вашего с братом дневника, по поводу которого МакМэгон правильно пишет, что он давно должен был быть открыт миру. Подскажите, можно ли получить печатную рукопись или нет? Если дневник не опубликован, не могли бы Вы прислать мне за мой счет хотя бы машинописные копии его частей, особенно относящиеся к вашей кампании в Китти Хок?

2). Во-вторых, такую же информацию о ваших таблицах.

3). В-третьих, где и когда была опубликована журнальная статья – та, которую упоминает МакМэгон – в которой дается доступный обзор вашей работы? Как мне можно получить эту статью, чтобы включить ее в свою книгу?

4). В-четвертых, каковы были Ваши отношения с царской Россией? Получали ли Вы какое-либо приглашение посетить ее или предложение продать свой патент? МакМэгон пишет, что «Вильбур был на пути в Санкт-Петербург в августе 1907» (с. 193), и далее упоминает, что «Царская Россия с экономией для себя отнеслась к этому вопросу, не спросив ни у кого разрешения» (с. 256).

5). В-пятых, можете ли Вы рассказать о своих научных исследованиях и достижениях после смерти Вашего брата в 1911 году? МакМэгон пишет об этом очень мало. Не только я, но и многие тысячи российских читателей будут Вам

очень благодарны, если Вы найдете время, чтобы ответить на мои вопросы и помочь в написании первой русской биографии братьев Райт.

Остаюсь
искренне Ваш,
Михаил Зенкевич
<Подпись>

3

М. Зенкевич – О. Райту ⁴⁷

<Page 1>

Michael Zenkevitch
Moscow Center,
Nikolskaya 10
Publishing House “GIKHL” USSR

June 16th, 1933

Dayton, Ohio
15 North Broadway
Orville Wright

Dear Sir,

I am very thankful for your amiable letter and for your <sic! – *C. III.*> sending me the valuable material dealing with the life and work of your brother Wilbur and yourself. Without your assistance, it would have been well-right impossible for me to complete my work, that is to write the first Russian biography of the Wright Brothers. I have unpardonably delayed this expression of my gratitude, only because I wanted to send the completed book along together with my letter. Now, that the Russian biography of the Wright Brothers is published, I am sending you three copies of it, under separate cover.

<...>

The book has the title “The Wright Brothers.” It appears in the series of biographies called “The Lives of Remarkable People,” is bound in a cheap popular edition of 30 000 copies. The Wright Brothers are the first celebrated Americans appearing in this series.

<...>

<Page 2>

<...> The book gives full recognition to the Wright Brothers for the invention of the first flying machine, which opened the epoch of aviation.

<...>

⁴⁷ Публикуются цитаты из оригинала.

<Page 3>

<...> the last thirty years have fully realized the prediction of the two pioneers of the age of the flying machine, the prediction made in 1903 when they said, "The age of the flying machine has come at last."

With many thanks,
I remain
very truly yours
M. Zenkevitch
<Signed>

<Перевод>

<Автограф, фиолетовые чернила>

Михаил Зенкевич
Москва, Центр,
Никольская 10,
Издательство «ГИХЛ» СССР

16 июня 1933 г.

Дайтон, Огайо
Норт Бродвэй 15
Орвиллу Райту

Уважаемый сэр!

Я очень благодарен за Ваше любезное письмо и за то, что Вы прислали мне ценный материал, касающийся жизни и работы Вашего брата и Вашей. Без Вашей помощи мне было бы совершенно невозможно завершить свою работу, а именно – написать первую русскую биографию братьев Райт. Я непростительно запоздал с выражением своей благодарности, но только потому, что хотел отправить законченную книгу вместе со своим письмом. И теперь, когда русская биография братьев Райт опубликована, я высылаю Вам три экземпляра отдельным отправлением.

<...>

<...> Название книги – «Братья Райт». Она выпущена в биографическом сериале «Жизнь замечательных людей», в дешевом переплете, массовым тиражом в 30 тысяч экземпляров. Братья Райт – первые знаменитые американцы, появившиеся в этом сериале. <...>

<...> Книга в полной мере отдает должное братьям Райт за изобретение первого летательного аппарата, который открыл эпоху авиации.

<...>

<С. 3>

<...> за последние тридцать лет полностью воплотилось предсказание двух пионеров эпохи летательных аппаратов, предсказание, сделанное в 1903 году: «Эра летательных аппаратов наконец-то наступила».

С большой благодарностью,
остаюсь
искренне Ваш
М. Зенкевич.
<Подпись>

Публикация, подготовка текстов и переводы С. В. Шелухиной.

Список литературы

- Гумилевский Л. Судьба и жизнь. Воспоминания. М.: Грифон М, 2005. 368 с.
Дынник В. Поэт и спец // Красная Новь. 1936. № 1 (январь). С. 217–227.
Зенкевич М. Братья Райт. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. 197 с.
Зенкевич М. Говорит Сириус! // Октябрь. 1934. № 8. С. 123–124.
Зенкевич М. Говорит Сириус! // ЦАГИ: Орган Парткома, Завкома и Администрации и Комитета ВЛКСМ ЦАГИ. 1935. № 33 (438), 28 марта. С. 4.
Зенкевич М. Из американских поэтов. М.: Гослитиздат, 1946. 136 с.
Зенкевич М. Сказочная эра. Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-Пресс, 1994. 688 с.
Зенкевич М. Альтиметр. Трагореальеф / Публ., подгот. текста и предисл. С. Е. Зенкевича // В. Я. Брюсов и русский модернизм: Сб. ст. М.: ИМЛИ РАН, 2004а. С. 283–348.
Зенкевич М. О новом стихе / Публ., подгот. текста и предисл. С. Е. Зенкевича // В. Я. Брюсов и русский модернизм: Сб. ст. М.: ИМЛИ РАН, 2004б. С. 342–348.
Зенкевич М. Торжество авиации: драматическая поэма (Первая публикация. Фрагменты). Публ. С. Зенкевича // Журнал ПОэтов ДООС. 2018. № 2–3 (78). С. 48–50.
Зенкевич М. Семь стихотворений 1940-х годов из «Альбома с серебряным обрезаем» / Публ., вступ. заметка и подгот. текста С. Е. Зенкевича // Звезда. 2021а. № 5. С. 157–160.
Зенкевич М. «Скитаться, пылью звезд дыша...» / Вступ. слово, подгот. и публ. текстов С. Зенкевича // Лит. газета. 2021б. № 20 (6785), 19 мая. С. 29.
Зенкевич С. Е. Михаил Зенкевич. «Альтиметр». «Счастье – это солнечная мнимая точка» // В. Я. Брюсов и русский модернизм: Сб. ст. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 274–282.
Лапиров-Скобло М. Я. Эдисон. М.: ГИХЛ, Журнально-газетное объединение, 1935. 344 с.
Лапиров-Скобло М. Я. Эдисон. М.: Молодая гвардия, 1960. 256 с.

Лаццарин Ф. «Альзиметр» vs «Торжество авиации»: М. А. Зенкевич – советский авангардист // Русская филология: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту: Tartu ülikooli kirjastus, 2012. Вып. 23. С. 105–111.

Лебедев Н. М. Зенкевич. «Братья Райт» // Вестник воздушного флота. 1933. № 12. С. 50–51.

Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. 429 с.

Николюкин А. Н. Американская секция МОПРа (Клубы Джона Рида) // Литературное наследие. М.: Наука, 1969. Т. 81: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОПР). С. 459–466.

Озеров Л. Михаил Зенкевич: тайна молчания // Михаил Зенкевич. Сказочная эра. Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 5–34.

Поливанов К. Роман Михаила Зенкевича «*Мужичкиий сфинкс*» в контексте автобиографической и мемуарной прозы русских модернистов // Russian, Croatian and Serbian, Czech and Slovak, Polish Literature, Amsterdam, Netherlands (RCSCSPL). 1997. Vol. 41 (4). С. 533–542.

Синельников М. Узень Большой и Малый // Юность. 2010. № 7–8. С. 84–92.

Тименчик Р. Д. Зенкевич Михаил Александрович // Русские писатели. Библиографический словарь, 1800–1917 / Под ред. П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 337–339.

Тименчик Р. Д. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Левый фланг акмеизма // Acta Slavica Estonica VII. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту: Tartu ülikooli kirjastus, 2015. С. 152–174.

Троицкий Н. А. Дело Степана Балмашева // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 16–21.

Уэллс Г. Борьба миров / Пер. М. Зенкевича // Уэллс Г. Фантастика. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1935. С. 267–435.

Чарнлей М. Братья Райт [The boys' life of the Wright brothers] / Обл. П. Н. Рябова; пер. с англ. Е. И. и О. И. Горбуновых. М.: Посредник, 1933. 102 с.

Чердниченко В. И. «Ворон» Эдгара По: в поисках русского ответа // По Э. Ворон / Изд. подгот. В. И. Чердниченко. М.: Наука, 2009. С. 192–358. (Серия «Литературные памятники»)

A Bibliography Commemorating the One-Hundredth Anniversary of the First Powered Flight. December 17, 1903. Comp. by Arthur G. Renstrom. With Additional Contributions by Roberta W. Goldblatt, Carl Minkus, and Karen L. Berube. A Joint Publication of the U. S. Centennial of Flight Commission and the National Aeronautics and Space Administration. Monographs in Aerospace History Number 27. September 2002. NASA Publication SP-2002-4527, 153 p.

A. J. S. [Steiger A. J.] Poet Writes First Russian Life of the Wright Brothers // Moscow Daily News. 1933. Vol. II, no. 141 (342), June 21. P. 4.

Brewer G. The Life and Work of Wilbur Wright // The Aeronautical Journal. 1916. July – Sept. Vol. 20. P. 68–84; Appendices, p. 84–135.

Charnley M. V. The Boys' Life of the Wright Brothers. New York & London, Harper & Brothers, 1928. 291 p.

Cheloukhina S. V. From Acmeism to Avant-Garde: Mikhail Zenkevich in the Late-1910s – Early 1920s. *Australian Slavonic and East European Studies*, 2014, vol. 28, no. 1–2, p. 74–104.

Crouch T. *The Bishop's Boys: A Life of Wilbur and Orville Wright*. New York, W.W. Norton & Co, 2003. 308 p.

McMahon J. R. *The Wright Brothers: Fathers of Flight*. Boston, Little, Brown, and Company, 1930. 308 p.

Strakhovsky L. Three Sojourners in the Acmeist Camp: Sergei Gorodetsky, Vladimir Nartut, Mikhail Zenkevich // *The Russian Review*. 1950. Vol. 9, no. 2 (Apr.). P. 131–145.

Who Was Who in America. A Companion Biographical Reference Work to Who Is Who in America. Chicago, Marquis, 1960. Vol. 3. 959 p.

Wright O. How We Made the First Flight // *Aviation*. 1923, Dec. 17. Vol. 15. P. 737–741.

Архивы

Рукописный отдел Института Русской литературы РАН (Пушкинского Дома) (РО ИРЛИ РАН), Санкт-Петербург

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Москва

Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБ), Москва

Отдел Рукописей Библиотеки Конгресса США, Вашингтон

References

A Bibliography Commemorating the One-Hundredth Anniversary of the First Powered Flight. December 17, 1903. Comp. by Arthur G. Renstrom. With Additional Contributions by Roberta W. Goldblatt, Carl Minkus, and Karen L. Berube. A Joint Publication of the U. S. Centennial of Flight Commission and the National Aeronautics and Space Administration. Monographs in Aerospace History Number 27. September 2002. NASA Publication SP-2002-4527, 153 p.

A. J. S. [Steiger A. J.] Poet Writes First Russian Life of the Wright Brothers. *Moscow Daily News*, 1933, vol. II, no. 141 (342), June 21, p. 4.

Brewer G. The Life and Work of Wilbur Wright. *The Aeronautical Journal*, 1916, July – Sept., vol. 20, p. 68–84; Appendices, p. 84–135.

Charnley M. *Brat'ia Rait (The Boys' Life of the Wright Brothers)*. [The Wright Brothers. (The Boys' Life of the Wright Brothers)]. Cover by P. N. Ryabov, transl. by E. I. and O. I. Gorbunovy. Moscow, Posrednik, 1933, 102 p. (in Russ.)

Charnley M. V. *The Boys' Life of the Wright Brothers*. New York & London, Harper & Brothers, 1928, 291 p.

Cheloukhina S. V. From Acmeism to Avant-Garde: Mikhail Zenkevich in the Late-1910s – Early 1920s. *Australian Slavonic and East European Studies*, 2014, vol. 28, no. 1–2, p. 74–104.

Cherednichenko V. I. “Voron” Edgara Po: v poiskah russkogo otveta [“The Raven” by Edgar Poe: In Search of a Russian Answer]. In: По Е. “Voron” [Poe. E. “The Raven”]. Prep. by V. I. Cherednichenko. Moscow, Nauka, 2009, p. 192–358. (in Russ.)

- Crouch T. *The Bishop's Boys: A Life of Wilbur and Orville Wright*. New York, W.W. Norton & Co, 2003, 308 p.
- Dynnik V. Poet i spets [Poet and Pro]. *Krasnaia Nov*, 1936, no. 1 (Jan.), p. 217–227. (in Russ.)
- Gumilevsky L. Sud'ba i zhizn'. *Vospominaniya* [Fate and Life. Memoirs]. Moscow, Grifon M Publ., 2005, 368 p. (in Russ.)
- Lapirov-Skoblo M. Ya. Edison. Moscow, GIKHL, 1935, 344 p. (in Russ.)
- Lapirov-Skoblo M. Ya. Edison. Moscow, Molodaia gvardiya, 1960, 256 p. (in Russ.)
- Lazzarin F. "Al'timetr" VS "Torzhestvo aviatsii": M. A. Zenkevich – sovetskii avangardist ["Altimeter" vs "The Triumph of Aviation": M. A. Zenkevich, a Soviet Avant-Gardist]. In: *Russkaia filologiya* [Russian Philology]. A Collection of Research Articles by Young Philologists. Tartu, Tartu ülikooli kirjastus, 2012, iss. 23, p. 105–111. (in Russ.)
- Lebedev N. M. Zenkevich. "Brat'ia Rait" [M. Zenkevich. "The Wright Brothers"]. *Vestnik vozdušnogo flota* [Air Fleet Herald], 1933, no. 12, p. 50–51. (in Russ.)
- Mandelstam N. *Vospominaniya* [Memoirs]. New York, 1970, 429 p. (in Russ.)
- McMahon J. R. *The Wright Brothers: Fathers of Flight*. Boston, Little, Brown, and Company, 1930, 308 p.
- Nikolyukin A. N. Amerikanskaia seksiiia MOPRa (Kluby Dzhona Rida) [The American Section of MOPR (The John Reed Clubs)]. In: *Literaturnoe nasledstvo*. T. 81: Iz istorii Mezhdunarodnogo ob'edineniia revoliutsionnykh pisatelei (MOPR). [Literary Heritage. T. 81: From the History of International Association for Revolutionary Writers (MOPR)]. Moscow, Nauka, 1969, p. 459–466. (in Russ.)
- Ozerov L. Mikhail Zenkevich: Taina molchaniia. [Mikhail Zenkevich: The Secret of Silence]. In: *Mikhail Zenkevich. Skazochnaya era: stikhotvoreniya, povest', belletricheskie memuary* [The Fairytale Era. Poems. Short Prose. Belletristic Memoirs]. Moscow, Shkola-Press, 1994, p. 5–34. (in Russ.)
- Polivanov K. Roman Mikhaila Zenkevicha "Muzhitskii sfinks" v kontekste avtobiograficheskoi i memuarnoi prozy russkikh modernistov [The Novel "The Peasant Sphinx" by Mikhail Zenkevich in the Context of Autobiographical and Memoir Prose of Russian Modernists]. *Russian, Croatian and Serbian, Czech and Slovak, Polish Literature* (RCSCSPL), 1997, vol. 41 (4), May 15, p. 533–542. (in Russ.)
- Sinelnikov M. Uzen' Bol'shoi i Malyi [Bolshoy Uzen and Maly Uzen]. *Yunost*, 2010, no. 7–8, p. 84–92. (in Russ.)
- Strakhovsky L. Three Sojourners in the Acmeist Camp: Sergei Gorodetsky, Vladimir Narbut, Mikhail Zenkevich. *The Russian Review*. 1950, vol. 9, no. 2 (Apr.), p. 131–145.
- Timenchik R. D. Zenkevich Mikhail Aleksandrovich [Zenkevich Mikhail Alexandrovich]. In: Nikolaev P. A. (ed.) *Russkie pisateli. Bibliograficheskii slovar', 1800–1917* [Russian Writers. Bibliographical Dictionary, 1800–1917]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1992, vol. 2, p. 337–339. (in Russ.)
- Timenchik R. D. Iz imennogo ukazatelya k "Zapisnym knizhkam" Akhmatovoi: Levyy flang akmeizma [From the Index of Names to "The Akhmatova Journals": The Left Wing of Acmeism]. In: *Acta Slavica Estonica VII. Blokovskii sbornik XIX. Aleksandr Blok i russkaia literatura Serebriannogo veka* [Acta Slavica Estonica VII. Blokovskii sbornik XIX. Alexander Blok and Russian Literature of the Silver Age]. Tartu, Tartu ülikooli kirjastus, 2015, p. 152–174. (in Russ.)

Troitsky N. A. Delo Stepana Balmasheva [Stepan Balmashev's Case]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations], 2013, vol. 13, iss. 4, p. 16–21. (in Russ.)

Wells G. Bor'ba mirov [The War of the Worlds]. M. Zenkevich (Transl.). In: Wells G. *Fantastika* [Science Fiction]. Moscow, Gos. izd-vo "Khudozhestvennaya literatura", 1935, p. 267–435. (in Russ.)

Who Was Who in America. A Companion Biographical Reference Work to Who Is Who in America. Chicago, Marquis, 1960, vol. 3, 959 p.

Wright O. How We Made the First Flight. *Aviation*, 1923, Dec. 17, vol. 15, p. 737–741.

Zenkevich M. Brat'ia Rait [The Wright Brothers]. Moscow, *Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie*, 1933, 197 p. (in Russ.)

Zenkevich M. Govorit Sirius! [Sirius Speaking!]. *Oktiabr' [October]*, 1934, no. 8, p. 123–124. (in Russ.)

Zenkevich M. Govorit Sirius! [Sirius Speaking!] *TsAGI: Organ Partkoma, Zavkoma, Administratsii i Komiteta VLKSM TsAGI* [TsAGI: Bulletin of the Party Committee, Plant Committee, Administration and VLKSM Committee of the TsAGI], 1935, no. 33 (438), March 28, p. 4. (in Russ.)

Zenkevich M. Iz amerikanskikh poetov [From the American Poets]. Moscow, Goslitizdat, 1946, 136 p. (in Russ.)

Zenkevich M. Skazochnaia era. Stikhotvoreniia. Povest'. Belletristicheskie memuary [The Fairytale Era. Poems. Short Prose. Belletristic Memoirs]. Moscow, Shkola-Press, 1994, 688 p. (in Russ.)

Zenkevich M. Al'timetr. Tragorel'ef [Altimeter. Tragic Relief]. Zenkevich S. E. (Publ., ed., and intr.). In: V. Ia. Briusov i russkii modernism. Sb. statei [V. Ia Briusov and Russian Modernism. Collection of Articles]. Moscow, IMLI RAN, 2004, p. 274–341. (in Russ.)

Zenkevich M. O novom stikhe [On the New Verse]. Zenkevich S. E. (Publ., ed., and intr.). In: V. Ia. Briusov i russkii modernism. Sb. statei [V. Ia Briusov and Russian Modernism. Collection of Articles]. Moscow, IMLI RAN, 2004, p. 342–349. (in Russ.)

Zenkevich M. Torzhestvo aviatsii: Dramaticheskaiia poema (Pervaia publikatsiia. Fragmenty) [The Triumph of Aviation: A Dramatic Poem (First Publication. Parts)]. Sergei Zenkevich (Publ.). *Zhurnal POetov DOOS* [The Journal of POets DOOS], 2018, no. 2–3 (78), p. 48–50. (in Russ.)

Zenkevich M. Sem' stikhotvoreni 1940-kh godov iz "Al'boma s serebrianyim obrezom" [Seven Poems of the 1940s from "The Silver-Edged Album"]. Zenkevich S. E. (Publ., intr. and ed.). *Zvezda*, 2021, no. 5, p. 157–160. (in Russ.)

Zenkevich M. "Skitat'sia, pyl'iu zvezd dysha..." ["To Wander, Inhaling the Dust of the Stars ..."]. Zenkevich S. (Intr., ed. and publ.). *Literaturnaia gazeta*, 2021, no. 20 (6785), May 19, p. 29. (in Russ.)

Zenkevich S. E. Mikhail Zenkevich. "Al'timetr". "Schast'e – eto solnechnaia mni-maya tochka..." [Mikhail Zenkevich. "Altimeter". "Happiness is a Solar Imaginary Point"] In: V. Ya. Bryusov i russkii modernism [V. Ya Briusov and Russian Modernism]. Collection of Articles. Moscow, IMLI RAN, 2004, p. 274–282. (in Russ.)

Archives

The Institute of Russian Literature RAS (IRLI, Pushkinskij Dom), The Russian Academy of Sciences, Manuscript Division, St. Petersburg
The Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI), Moscow
The Russian State Library (RSL), Manuscript Department, Moscow
The Library of Congress (LC), Manuscript Division, Washington DC, USA

Сведения об авторе

Шелухина Светлана Владиславовна – доктор философии (PhD), доцент кафедры Европейских языков и литератур, руководитель бакалаврской программы по русскому языку и литературе, Квинс Колледж, Городской университета Нью-Йорка (США)
svetlana.cheloukhina@qc.cuny.edu

Information about the Author

Svetlana V. Cheloukhina – PhD, Associate Professor, Coordinator of the Russian Program & Undergraduate Advisor, Department of European Languages and Literatures, Queens College, CUNY, USA
svetlana.cheloukhina@qc.cuny.edu

**Ее жизнь их глазами.
Размышления по поводу книги А. Коревановой
«Моя жизнь» (1936), возникшие под влиянием переработанного
издания «Ее жизнь» (2020)**

Н. В. Веселкова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Статья представляет собой опыт рефлексивного прочтения автобиографической книги уральской «работницы-крестьянки» Агриппины Коревановой «Моя жизнь», выпущенной в 1936 г. московским издательством «История заводов», с использованием методики анализа нарратива посредством четырех чтений, последовательно фокусирующих внимание на сюжете и реакции читателя, Я рассказчика и голосах Других, на культурных контекстах и социальных структурах. В качестве контекста привлекаются отклики в прессе, переписка Коревановой с издателями и другие архивные материалы. Особое место в этом большом гипертексте занимает переработанное в рамках учебного студенческого проекта Уральского федерального университета произведение, вышедшее в 2020 г. под названием «Ее жизнь». В нем ставка сделана на актуальности травмоговорения и сугубо личной истории Агриппины, что дает основу для полемического обсуждения.

Особенностью повествования, которая в свое время «не поддалась» таким маститым редакторам, как А. Тихонов и М. Горький и которую пытаются устранить современные издатели, является недостаток связности, системности изложения. По мнению автора статьи, эта характерная некогерентность высвечивает заложенное в конструкции текста стремление совместить страдательную роль героини с ее неиссякающей активностью.

Главной и наиболее интересной темой представляется писательство и, шире, владение словом. Кореванова из всех сил стремилась в мир словесности и именно на этом поприще наиболее драматична отверженность ее автогероини и ее собственная: тут и безответные обращения за помощью в «писании» (сохранившиеся в ее архивном фонде), и сложные отношения с местным писательским сообществом, и, наконец, многократные редакции и сокращения, преследующие произведение и в наши дни.

Ключевые слова

А. Кореванова, «История фабрик и заводов», (авто)биография, (не)когерентность, человеческий документ, травма

Благодарности

Благодарю за полезные консультации Ю. Подлубнову, О. Климову и студентов – создателей «Ее жизни»

Для цитирования

Веселкова Н. В. Ее жизнь их глазами. Размышления по поводу книги А. Коревановой «Моя жизнь» (1936), возникшие под влиянием переработанного издания «Ее жизнь» (2020) // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1. С. 79–102. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-79-102

**Her Life through Their Eyes.
Reflections on A. Korevanova’s Book “My Life” (1936),
which Arose under the Influence of the Revised Edition
“Her Life” (2020)**

N. V. Veselkova

*Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

The article provides an experience of reflexive reading of the autobiographical book of the Ural “peasant – worker” Agrippina Korevanova “My Life”, published in 1936 by the Moscow publishing house “History of Plants”, using the method of analyzing the narrative through ‘four readings’, focusing attention step by step on the plot and the reader’s reaction, the narrator’s I and the voices of Others, on cultural contexts and social structures. Press responses, Korevanova’s correspondence with publishers and other archival materials are used as context. A special place in this large hypertext is occupied by the revised work within the educational student project of the Ural Federal University, published in 2020 under the title “Her Life”. It focuses on the relevance of trauma talk and Agrippina’s purely personal life story, which gives a basis for polemical discussion.

The peculiarity of the narrative, which at one time “did not give in” to such venerable editors as A. Tikhonov and M. Gorky, and which modern publishers are trying to eliminate, is the lack of coherence and consistency. According to the author of the article, this characteristic incoherence highlights the desire inherent in the construction of the text to combine the passive role of the heroine with her inexhaustible activity.

The main and most interesting topic seems to be writing and, more broadly, mastery of the word. Korevanova struggled to enter the world of literature and it is in this field that the rejection of her auto heroine and her own are most dramatic: unrequited requests for help in “writing” (preserved in her archival fund), and difficult relations with the local writing community, and, finally, the multiple edits and shortenings that haunt the work today as well as in 1930s.

Keywords

A. Korevanova, “History of Factories and Plants”, (auto)biography, (in)coherence, human document, trauma

Acknowledgments

I am grateful for useful consultations to Yu. Podlubnova, O. Klimova and students – creators of the book “Her Life”

For citation

Veselkova N. V. Her Life through Their Eyes. Reflections on A. Korevanova’s Book “My Life” (1936), which Arose under the Influence of the Revised Edition “Her Life” (2020). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 79–102. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-79-102

«Мою жизнь» А. Г. Коревановой до сих пор знали, пожалуй, только узкие специалисты¹, и читать ее, как соглашаются знакомые историки и филологи, желания не возникало – уж очень официально-канонизированной казалась эта «автобиография 66-летней уральской работницы-крестьянки» (подзаголовок второго издания 1938 г.). «Ее жизнь» 2020 г. – «переработанное издание», подготовленное третьекурсниками журфака Уральского федерального университета в рамках учебного проекта кафедры издательского дела, не только хорошо читается само по себе, но и побуждает заглянуть в первоисточник. В моем случае изрядно подогрел интерес и разговор в Фейсбуке об особенностях этого «переиздания»². Списавшись с руководителем проекта О. В. Климовой, доцентом УрФУ и сотрудником издательства Уральского университета, где вышла «Ее жизнь», удалось пообщаться онлайн с ее подопечными, выдержки из разговора с которыми с согласия участников используются далее в анализе.

Статья представляет собой опыт рефлексивного прочтения изданного в 1930-х произведения «Моя жизнь» с учетом актуализации, предпринятой в 2020 г. Сложные чувства, возникшие при погружении в эти две книги, обусловили выбор аналитической оптики – с опорой на методику четырех чтений. Разработанный К. Гиллигэн и адаптированный Е. Трубиной [Трубина, 2002; Doucet, Mauthner, 2008], этот метод анализа нарратива последовательно фокусирует внимание на сюжете и реакции читателя, Я рассказчика и Других, культурных контекстах и социальных структурах. В такой логике рассмотрено первое издание «Моей жизни» (1936 г.) с привлечением в качестве контекста откликов в прессе, переписки Коревановой с издателями и других архивных материалов; особое место в этом большом гипертексте занимает «Ее жизнь» 2020 г., которой посвящены последние разделы статьи.

Первое чтение – ради сюжета и реакции читателя – слегка расширим, начав с истории успеха «Моей жизни». В 1933–1934 гг. отдельные главы печатались в семи (!) номерах выходившего в Свердловске литературного журнала «Штурм», на Первой конференции советских писателей Урала в июне 1934 г. Кореванову отметили премией в 1500 рублей³.

В августе 1934 г. участники I Съезда советских писателей в Москве по призыву Ермилова приветствовали «пролетарскую писательницу, красногвардейку и партизанку т. Кореванову» продолжительными аплодисментами [Первый Всесоюзный съезд..., 1934, с. 165]. Агриппина Гавриловна стала не просто членом ССП, но вошла в состав ревизионной комиссии, а в марте 1935 г. уже сама выступила

¹ С 2000 г. часть текста доступна на английском языке в сборнике под редакцией Ю. Слезкина и Ш. Фицпатрик [Korevanova, 2000], позднее Фицпатрик использует свое введение к этой книге в работе «Срывайте маски!» [Фицпатрик, 2011; Fitzpatrick, 2005]; в 2013 г. на «случае Коревановой» подробно останавливалась Ю. Подлубнова, она же написала вводную статью к «Ее жизни» [Подлубнова, 2013; 2020].

² Юлия Подлубнова. Фейсбук. 01.10.2020. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=3460031370729515&id=100001680574335 (дата обращения 06.01.2021).

³ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 83. Л. 40 об., см. также [Подлубнова, 2013, с. 774]. Для сравнения: персональная пенсия Коревановой составляла 75 рублей (ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 47. Л. 48). Самую большую премию, 3000 рублей, тогда вручили автору романа «Я люблю» А. Авдеенко, было еще две премии по 2000 и четыре по 1000 рублей [О распределении фонда им. Горького, 1934].

пала на Втором пленуме правления [Второй пленум..., 1935, с. 462–466], с небольшими купюрами ее речь опубликовали «Известия» и «Литературная газета» [Кореванова, 1935а; 1935б]. Пресса, и местная, и центральная, вообще активно продвигала Кореванову в этот период (рис. 1–3).

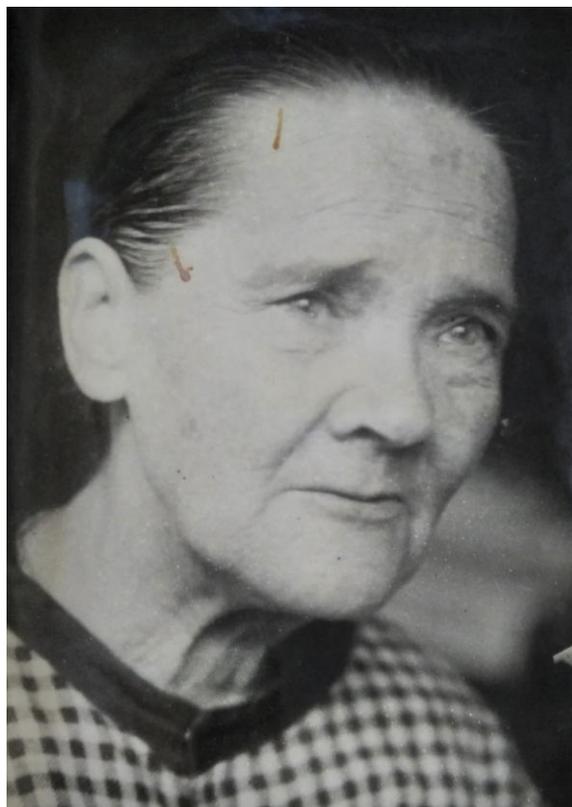

Рис. 1. А. Г. Кореванова (ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 41. Л. 1). Фото было напечатано в газете «Уральский рабочий» накануне Первой конференции советских писателей Урала [Харитонов, 1934]

Fig. 1. A. G. Korevanova (GASR. Stock R561. List. 1. Dos. 41. Sheet 1). The photo was published in the newspaper “Uralsky Rabochy” on the eve of the 1st conference of Soviet writers in the Urals [Kharitonov, 1934]

В 1936 г. «Моя жизнь» с предисловием Горького вышла отдельной книгой в издательстве «История заводов», в 1938 г., уже после смерти автора, – в издательстве «Советский писатель». И вот в 2020 г. появляется «слегка модернизированный вариант», как аттестует «Ее жизнь» Ю. Подлубнова⁴.

⁴ Юлия Подлубнова. Фейсбук. 01.10.2020.

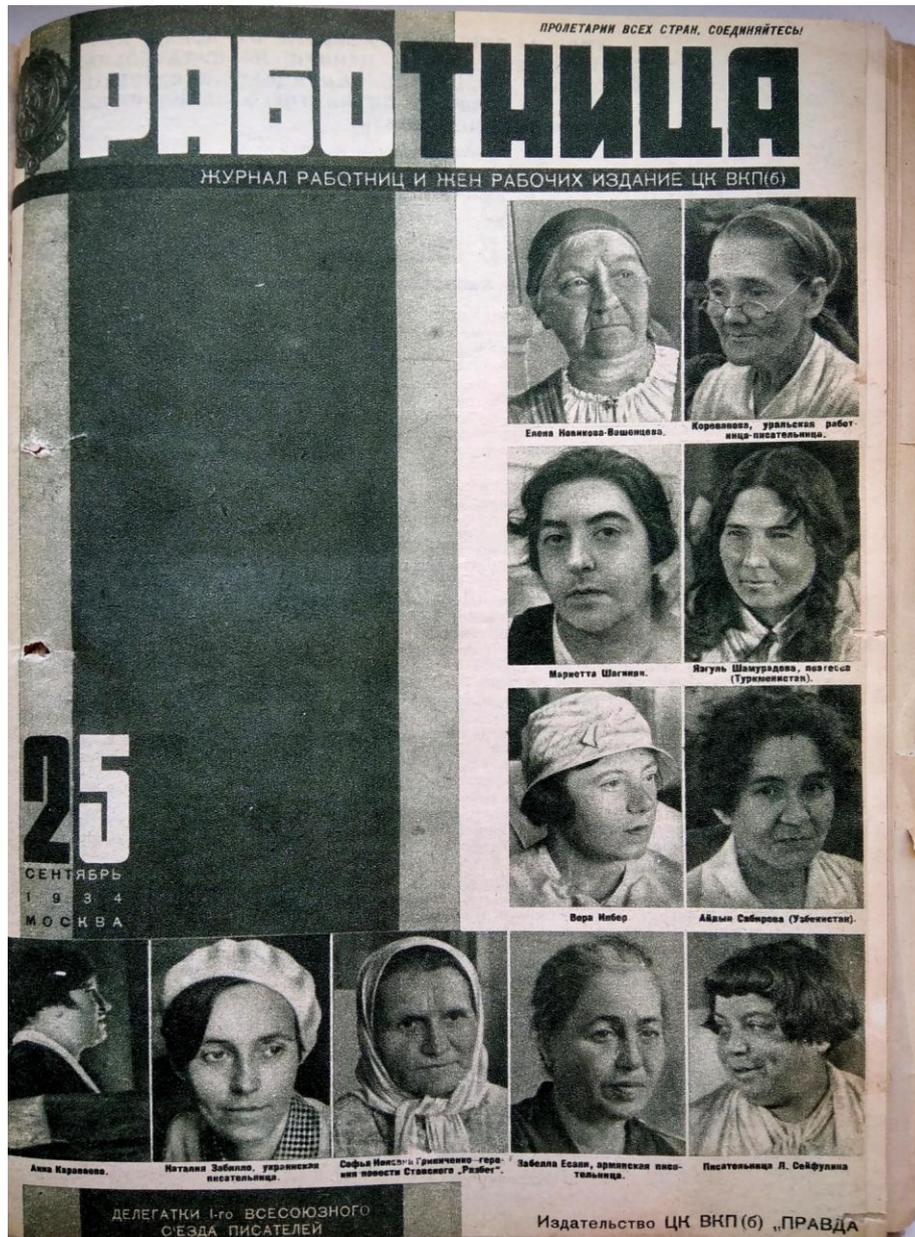

Рис. 2. Е. Новикова-Вашенцева и А. Кореванова «возглавляют» галерею женщин – участниц Первого съезда ССП на обложке журнала «Работница» (Работница. 1934, сентябрь, № 25)

Fig. 2. E. Novikova-Vashentseva and A. Korevanova «head» the gallery of women-participants of the 1st Congress of the Soviet Writers' Union on the cover of the "Rabotnitsa" magazine (Rabotnitsa. 1934, September, no. 25)

Рис. 3. А. Кореванова с М. Шагинян и др. участницами Первого съезда ССП (Работница. 1934, сентябрь, № 26, с. 3).

Fig. 3. A. Korevanova with M. Shaginyan and other women-participants of the 1st Congress of the Soviet Writers' Union (Rabotnitsa. 1934, September, no. 26, p. 3)

Ребрами жесткости сюжета выступают названия пяти частей: 1) *В темноте* (рождение в 1869 г. в Ревдинском заводе, смерть матери, мачеха, обучение грамоте, тяжелый труд, нелюбимый муж, побои, домогательства свекра и попа, у которого была в услужении; 2) *Перемена жизни* (смерть мужа, тиф, череда работ в Екатеринбурге, Карабаше, Челябинске на фабриках, стройках, в гостинице, занятие торговлей, в больницах – получение и потеря свидетельства «на звание сестры», полгода счастливого замужества и смерть второго мужа); 3) *Война и революция* (работа в больнице, 1917, 1918 гг. – вставки из дневника и полученных писем, один из выхоженных солдат стал «вроде сына», вступление в партию и служба в передвижном госпитале Красной армии; 4) *Семья случайных* (семье приемного сына не до нее, живет и работает в детском доме, болезненный перевод избачем в Полдневую; 5) *В деревне и в городе* (Полдневая, Арамилы, Косулино, Ташкинова, выход на пенсию в Свердловске, общественная работа в ЖАКТе, слет ударниц 1933 г. – удовлетворение от работы среди женщин; эпилог – вечер воспоминаний заводчан в Ревде).

Методика четырех чтений призывает исследователя-читателя в самом начале зафиксировать собственное «отношение, эмоциональное и интеллектуальное», которое вызывает автор-героиня, помня при этом «о своих интересах, предрассудках, ограничениях, обусловленных профессией, возрастом, социальным происхождением» и теоретическими установками, поскольку так или иначе всё это влияет на интерпретацию [Трубина, 2002, с. 74–75]. В моем случае основная реакция – недоумение; интерес, ростки симпатии и восхищения перебиваются безотчетной неприязнью, так что выбор молодых издателей стал еще более интригующим.

Как следует из представления проекта в соцсетях⁵, предисловия и вступительной статьи, с современной повесткой срезонировало травмоговорение [Ее жизнь..., 2020, с. 4; Подлубнова, 2020] (ср. [Подлубнова, 2019])⁶ – женские страдания и смелость рассказать о них во всеуслышание, но такой ответ вопроса не снимает. Ведь примерно так же, напирая на обнаженные язвы и тяготы, позиционировали книгу и во времена Коревановой. Правда, тогда добавляли акцент на угнетателей и порочный социальный строй; сегодня источник зла с помещиков-капиталистов смещается на мужчин вообще, от классового неравенства к гендерному. Ну и сменился темпоральный режим: если в 1930-е унижения и тяготы относили к проклятому прошлому, пережитки которого вот-вот уничтожат, то сегодня, напротив, студенты-издатели открывают для себя переключку эпох и едва ли не трансцендентный, вневременной статус насилия и дискриминации в отношении женщин. Вероятно, потому что гендерные исследования далеки от моих интересов, подобная актуализация кажется слишком узкой и односторонней.

К недоумению подкрадывается неприязнь: что удивительного в lamentациях о тяжелой жизни, не описано ли всё это уже у Некрасова⁷ и Короленко, о станов-

⁵ «Ее жизнь». ВКонтакте. 12.04.2020. URL: https://vk.com/agk_life?w=wall-192975980_19 (дата обращения 06.01.2021).

⁶ Напомним, что весной 2020 г. тематика семейного насилия набрала обороты в связи со скандальной историей с популярным блогером Р. Тодоренко.

⁷ С цитаты из Некрасова начинается предисловие к «Моей жизни» М. Горький, внимательно читала Некрасова и сама Кореванова, о чем свидетельствуют ее заметки – своеобразный читательский дневник, отнесенный архивистами к 1931 г. (ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 39).

лении самосознания – в рабочих и революционных автобиографиях, в больших количествах выходящих в 1920–1930-е гг.⁸ Отличие, пожалуй, в том, что в абсолютном большинстве это мужские истории, а в случае Кореваковой – женская, женщиной и представленная, и здесь приходится признать правомочной и продуктивной гендерную повестку.

Горький выделял вышедших из низов авторов-женщин [Горький, 1928; 1930], и Коревакова удачно вписалась в компанию с Еленой Новиковой и Галиной Грековой, помогая обосновать идею о том, что «женщины, крестьянки и работницы» при новом строе начинают сами рассказывать о «каторжном прошлом» [Горький, 1936, с. 5–6] (ср.: [Горький, 1935])⁹. На Урале, конечно, имелись женщины-литераторы (для 1920-х современный специалист называет 13 имен; к 1930-му в словаре 1949 г. относятся восемь [Мирошниченко, 2008; Писатели Урала, 1949]), однако все они происходили из образованных сословий и/или получили систематическое образование – самоучкой была лишь одна Коревакова, впрочем, она и не значится ни в одном из упомянутых списков. Именно статус женщины-самоучки, получившей признание, выделяет ее из местного писательского сословия и в этом смысле она, действительно, «единственная женщина по Уралу», согласно ее записи середины 1930-х гг.¹⁰

Второе чтение – ради голоса Я рассказчика. Коревакова рисует себя претерпевающей множество ударов судьбы, при этом находчивой и временами романтической, так что «Моя жизнь» читается как приключенческий роман, но главное не это. По точному определению Юлии Подлубновой, автогероиню Кореваковой отличает отчужденность, она последовательно отводит себе роль мученицы [Подлубнова, 2013, с. 775–776, 778; 2020, с. 14]. В логике четырех чтений в глаза бросаются сходные черты, но с противоречивыми и часто негативными – помня о требовании не прятать от себя нюансы восприятия – оттенками. Агриппина предстает не просто отчужденной, но сплошь и рядом обиженной и неуживчивой, ее принципиальность – или склочность? – мешает прочной инклюзии, закономерно выливаясь в неприкаянность и скитания: «Куда я только ни поступала, где ни работала! И на постройках, и грузчицей, и кухаркой, и пекарем, и поломойкой» [Коревакова, 1936, с. 142]¹¹.

Легкая на подъем и решительная до авантюристности, наша героиня, прислушиваясь к себе, борется за собственное достоинство и достойное устройство жизни. Там, где удастся организовать улучшения: баню для красноармейцев, порядок и обучение для детдомовцев и т. п., – она задерживается. Где не удастся, ускользает, как колобок: и от похотливого попа, и из переполненного военными поезда,

⁸ См. обзор автобиографий рабочих за рубежом и в России того периода [Рыбников, 1930; Подлубнова, 2013, с. 772–773], об автобиографиях писателей из народа конца XIX в. см.: [Рыкунина, 2014]. Трудно отделаться от иронически-банального эха: в 1930 г. на русском вышла «Моя жизнь» Троцкого – за три года до первой журнальной публикации «Моей жизни» Кореваковой, однако у нее под таким названием сохранились рукописи еще 1925 г. (ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 19). Позднее она отмечала среди прочитанных книг одноименное произведение С. Подъячева [1930; 1934].

⁹ Ср. также с замыслом (нереализованной) горьковской серии «История женщины в XIX веке» начала 1930-х гг.

¹⁰ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 121. Л. 28 об.

¹¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

однако далеко не всегда мобильность оказывается добровольной: дом умершего мужа отобрали за долги, от любимых воспитанниц детдома оторвали из-за козней нового заведующего.

«Темнота» – постоянный мотив в звучании голоса Я, слегка стихающий за пределами одноименной первой части, но не исчезающий полностью. С одной стороны, сетования на темноту подпитывают неприкаянность как ощущение ограниченного поля возможностей, с другой – могут подталкивать к решительным действиям. Как-то в период работы в детдоме Агриппина засмотрелась на звездное небо, Венеру, при составлении отчета потом «завистливо думала: «Вот есть же такие люди, которые все звезды знают, что они означают, а вот мы простую грамоту еле разбираем, кое-как бумагу царапаем. Как трудно без образования в работе!» (с. 243), так появилась мысль учить детдомовцев, возникла «первая трудовая группа». Осознание «темноты» – само по себе шаг вперед, и происходит он, как можно понять, благодаря качествам героини (она грамотная, знает Венеру, пишет отчет), хотя и поданным со смиренной скромностью.

Пожалуй, книга могла бы иметь более развернутое название – «Моя жизнь и работа», созвучное эпохе, как у Г. Форда, если дословно переводить «My Life and Work» (1922), но точно не «Моя жизнь, мои достижения», как озаглавили ее советское издание 1924 г. У Коревановой тогда уж была бы «Моя жизнь и страдания», ибо, несмотря на череду маленьких побед, все они направлены на других и в ее собственную восходящую мобильность никак не складываются.

Достижениям трудно проявиться вне социальной укорененности, но даже там, где героиня задерживается надолго, об интеграции речи не идет. Нетипично длинная главка «По больницам» (13 страниц при обычных 3–4, а то и вовсе одной) уже своей величиной намекает на значимость; вместе с двумя последующими эпизодами про больницы и «Аптечкой» ближе к концу они могли бы составить некую профессиональную линию, а если сопоставить с тем, что на протяжении всего повествования Агриппина много болеет, вырисовывается концепция совладания в духе человека, самостоятельно себя сделавшего (ср. [Мещеркина, 2002а]), – но ничего подобного не сложилось. Из названных эпизодов вряд ли можно понять, что Кореванова провела на больничной работе более 12 лет¹², стабильность и продолжительность в тексте совершенно не акцентируются. Получение свидетельства медсестры как будто претендует на достижение, но не артикулируется как способ совладания с ситуацией и не конвертируется в последующие успехи ни на этом, ни на каком-либо другом поприще. Все поглощает мелодраматическая коллизия с несправедливостью, когда бедную женщину даже не допустили к экзамену, и последующей пропажей вождельного документа по злему умыслу недоброжелателей.

Третье чтение – ради отношений с другими, коих великое множество, но ни один не проходит через всю книгу. Сначала фигурирует ближний круг: семья и некоторые обитатели ревдинского завода, на протяжении повествования Агриппина несколько раз туда возвращается, но это скорее простые отметки на пути следования, нежели потребность припасть к истокам.

У Агриппины нет закадычных друзей, но встречаются «дарители», совсем по Проппу: например, «молодой, веселый» разносчик медикаментов в больнице,

¹² ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 76. Л. 5; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 79. Л. 20.

научивший «разбирать по-латыни», и благоволивший ей доктор, чьими стараниями ее всё же экзаменовали и вручили, как чудесный дар, то самое свидетельство медсестры (с. 130, 138). В новое время сама власть выступает дарителем: «если бы советская власть была одним человеком, я, не задумываясь, обняла бы этого человека и сказала: “Дорогой ты мой, спасибо тебе, что не забыл меня”» (с. 314).

К другим следует отнести и собственное тело, некую внутреннюю самость, которая действует как сторонняя сила вне сознания и контроля героини – и в состоянии глубокой гармонии, когда песня сама рождается «в складках памяти... а руки готовят девочкам работу», и сильного потрясения, как при известии о переводе с любимой работы: «в голове кавардак», «Бессмысленно вошла... мысли скачут... глаза не видят» (с. 278, 280–281).

Четвертое чтение – ради культурных контекстов и социальных структур – по умолчанию предполагает системность, и аналитически, разумеется, можно вычленивать и интересные контексты, и структуры с причитающейся им связностью, однако в книге на первый план выходит, напротив, нехватка таковой.

На «малосистемность изложения» указывает одна из первых рецензий: отзываясь на публикацию в «Штурме» начальных глав, критик Михайлов отмечает, что автор «очень часто ограничивается лишь поспешным занесением тех или иных, мелких или крупных событий на бумагу», «[э]пизод перебивает эпизод», не справляясь «с системой жизнеописания... Нет обобщения событий» [Михайлов, 1934, с. 207]. В 2020 г. студенты имели дело с текстом книги, прошедшим множественную редактуру, но увидели то же самое – обилие второстепенных линий, которые никак не развиваются (что объяснили дневниковой основой и решили скорректировать).

Действительно, в ходе второго чтения на примере разрозненных кусочков «больничной» истории мы видели, что даже богатые, перспективные нити повествования (как бы ни различались представления о перспективности тогда и сейчас) повисают без продолжения. Специально изучая некогерентность в (авто)биографиях XX в, социолог Елена Рождественская (Мещеркина) считает причиной характерные социальные травмы эпохи [Рождественская, 2010а, с. 21; 2010б, с. 32], что как будто согласуется с подходом и наших издателей – с той только, но всё перекрывающей разницей, что Кореванова отнюдь не замалчивает, а наоборот, едва ли не смакует свои невзгоды. Словно бы для самой рассказчицы главная ценность ее истории состояла в скитаниях и бесприютности, а главный бонус – в читательском сочувствии, жалости. Призыв к молодежи 1930-х ужаснуться беспросветности прежней жизни и оценить заслуги советской власти в этом контексте выглядит инородной добавкой, на скорую руку притороченной по краям книги, и, надо думать, никого не вводившей в заблуждение.

Думается, некогерентность в данном случае проистекает из стремления совместить рассеянные по всему тексту и составляющие образ страдальцы несправедливости и обиды – и неумную активность Агриппины. Работавшие с текстом специалисты могли бы усилить линию «роста» героини и такая задумка была: «Я считаю, что рукопись должна показать, как из темной деревенской “бабы” – постепенно выковывался сознательный работник и писатель нашей социалистической родины, показать процесс ее политического и культурного роста, и все трудности этого процесса», – сообщил 15.07.1935 Коревановой редактор «Исто-

рии заводов» А. Тихонов¹³. Страдательный залог, однако, хорошо согласуется с идеей о том, что кардинальные изменения могла внести только смена социального строя – поэтому индивидуальные действия и под пером маститых редакторов остаются разрозненными и ситуативными.

Так что же, в книге действительно нет единого стержня? Рассказа о том, как растет человек на производстве или стройке – а именно так строились биографизирующие тексты первых пятилеток – определенно не получилось. В более широком плане тема движения от тьмы к свету [Halfin, 2000] (ср. [Рыкунина, 2014, с. 20]), прозрения и освобождения просматривается, но в тех самых пунктирных чертах, о которых говорилось выше. Для модельной автобиографии снова сильно не хватает целенаправленных последовательных шагов: пересечения с подпольщиками, революционные события, вступление в партию описаны целиком из позиции «темноты», партийные назначения как щепку мотают немолодую уже, то и дело болеющую героиню из стороны в сторону.

Если всерьез говорить о центральной теме, то я бы поставила на писательство и, шире, словесность. Эта тонкая и, конечно, тоже прерывистая ниточка, на мой взгляд, дорожке всего Коревановой и наиболее интересна и драматична во всей ее истории.

Писательство: стремление и отверженность

Владение грамотой, как прометеевым огнем (или красным цветком у Маугли?), – вот что выделяет Агриппину из общей массы, служит живой водой и словно бы движет по жизни. И современники Коревановой, и исследователи наших дней с удовольствием цитируют квинтэссенцию ее писательского Я: четко выведенные причины «писания» и эмоциональное обращение к единственному другу – книге (с. 103, 198) [Фицпатрик, 2011; с. 158; Подлубнова, 2013, с. 775–776; 2020, с. 11, 12], но заслуживает внимания и значение словесности в отношениях героини с окружающими.

Злая мачеха ругала «грамотейку» за книжки, любимый отец, хоть и подверженный влиянию мачехи, помогал учению; с каких бы неприглядных сторон этот человек потом ни предстал, на нем словно лежит отсвет огня из печной дверцы, у которой девочка разбирала буквы. Даже изверг-муж и самодур-свекр очеловечиваются, не учиняя притеснений за рассказы, которые «хотя и неумело, плохими литературными словами, но с жаром и горечью» писала Агриппина, наоборот, гордились, что она у них такая грамотная (с. 103). Впоследствии она сама приобщала других к печатному слову, к учению: пациентов в больнице, воспитанниц в детдоме, детей и женщин в деревнях, где была «избачихой».

Наша героиня изо всех сил стремилась в мир словесности, и именно на этом поприще наиболее драматична ее отверженность. Помимо рукописей литературных произведений разных жанров, открытых Ю. Подлубновой [2013; 2020], в архиве Коревановой сохранилось несколько развернутых просьб «о помощи в писании»: в 1922 г. она обращается к лектору районной школы политграмоты Когану,

¹³ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 94. Л. 5.

в 1925-м откликается на статью А. Григоровича «О начинающих», в 1926-м – А. Шубина об уральских беллетристах [Григорович, 1925; Шубин, 1926]¹⁴.

Не писать она не могла. В неприглаженном виде потребность в творческом самовыражении, изложенная в письме к Когану, способна напугать плотным физиологизмом: «если я не буду писать то никак не могу ночь уснуть в голове поднимается шум и заболит мозга ворочаются что то в ней затрещит того и жду что вот случится прилив крови бывало близка к помешательству»¹⁵. В «Моей жизни» тоже упоминается близость к сумасшествию, от которого спасало ведение дневника, но в контексте произведения мы понимаем, что таким способом, через реакции тела, проявляют себя некие мощные, независимые от героини силы, каковой и оказывается потребность в «писании». Примерно в середине книги без отдельного заголовка, а просто через пробел в главке «Первое мая» звучит призыв: «не умею писать, но страстно хочу, хочу писать. Слышите?! Кричу, громко кричу, чтобы слышали все: “Помогите, научите!” ... Неужели такое страстное желание может пропасть даром и не дать результатов!» (с. 219–220), о необходимости помощи со стороны литературной критики Агриппина Гавриловна говорила и на Втором пленуме ССП в 1935 г.

Таким образом, смысл писательства не сводится к терапевтическому проговариванию травмы, взрослой Кореваковой (не той, что начинала вести дневники, а той, что перерабатывает их в книгу) нужны и выход к читателю, и институциональная включенность. Она настаивает на общественной значимости того, что может дать, призывая не допустить, чтобы ее мысли «пропадали напрасно, как раньше пропадали, а вылились бы в крупную форму и принесли хоть какую-то пользу» (с. 220).

На первый взгляд всё удалось, но Агриппина Гавриловна так не считала. Суть коллизии лучше всего выражает один эпизод, когда в 1937 г. свердловский литератор, стремясь очернить своего собрата по цеху Алексея Маленького, сообщил под протокол в НКВД (ни на того, ни на другого дел еще не было заведено): «В 1934 году работая в журнале “Штурм” на просьбу писательницы Кореваковой выдать ей гонорар (автора книги “Моя жизнь” рекомендованной А. М. Горьким) выпроводил ее нисчем, а после ухода ее ответил: “Ходит старая дура и воображает себя писательницей. Непонимаю, зачем только нянчатся с такой бездарностью”»¹⁶. Говорил ли нечто подобное Маленький или кто-то другой или фраза от начала до конца выдуманна, – существенно то, что именно Кореваковой адресовано обвинение в бездарности. И ей, как явствует уже из ее записей, действительно приходилось выбивать деньги в местной писательской организации: «...как нищенка, хожу прошу в оргкомитет дайте хотя сто рублей (на месяц). И если дадут просимое и незнаешь куда их повернуть на питание или же пустить в расход по квартире квартплату и дрова и освещение, а приду просить вторично, удивляются, да куда ты деваешь деньги?!» – жаловалась она в Главную редакцию «Истории заводов» 01.10.1934¹⁷. Литературной помощи, кроме как от литредактора свердловской редакции «Истории заводов» Н. Никановича (которой она в итоге была

¹⁴ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 2. Л. 1а – 3, Д. 13. Л. 2–9, Д. 26. Л. 1–6.

¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 2.

¹⁶ ГААОСО. Ф. Р1. Оп. 2. Д. 17005. Л. 49 об.

¹⁷ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 121. Л. 136а – 136а об.

не рада), и вовсе не было: «...никто ни разу как следует ни побеседовал со мной, не консультировал, ни направлял и помогал в работе. Писала одна как хотела и как знала»¹⁸.

Местное литературное сообщество Кореванову не принимало. И, вероятно, чем внушительнее становились знаки официального признания, тем сильнее ощущалась и отверженность. Сказалась ли тут разница в возрасте (среди свердловских литераторов она годилась кому в матери, а кому и в бабушки), необразованность или что-то еще вроде отмеченной выше неуживчивости, но свойственные ее экзистенциальному самовосприятию одиночество и неприкаянность проявились тут в полной мере. О том, как тосковала она о включенности, говорит проникшая в газетную заметку реплика, что никто из писателей не навещает ее в больнице [У Агриппины Коревановой, 1936].

Признание наверху было ослепительным, но однобоким: автора «Моей жизни» представляли только-только взявшейся за перо дебютанткой [Подлубнова, 2013, с. 775; 2020, с. 10], напрочь игнорируя и тем обесценивая длительный опыт «писания». Так, в 1933 г. «Правда», а затем и «Штурм» определяют литературный стаж Коревановой в полтора-два года [Ермилов и др., 1933; 1934], вскоре Ермилов провозгласит уже с трибуны съезда ССП, что она впервые начала писать 3–4 года назад [Первый съезд..., 1934, с. 165], наконец, и в аннотации книги сказано, что это первая литературная работа автора. Почтенный возраст также всячески подчеркивали, дабы показать, что только советская власть способна создать условия для творческого пробуждения, – чуть ранее точно так же позиционировали Е. Новикову-Вашенцеву [Горький, 1928; 1930; Волк, 1931]. Сама же Кореванова и в книге, и в речах настойчиво повторяла, что начала создавать «Мою жизнь» очень давно (на пленуме она назвала 1894 г., когда стала вести дневник [Второй пленум..., 1935, с. 463]).

Институциональные взаимодействия по поводу публикации составляют последний акт этой драмы. Агриппина Гавриловна страшно возмущалась тем, как обошлись с ее рукописью в «Штурме». По ее мнению, редакция «разрушила ее, растеряла страницы, перечеркала, искалечила всю книгу» – и, как будто этого мало, далее в письме Новлянскому злословия рукописи описаны подобно несчастной девичьей судьбе: «...она пошла по рукам не заинтересованных ею, отчего она оказалась окончательно в хаотическом состоянии»¹⁹. Тем самым упрек критика в бессистемности принят, но целиком отнесен к действиям журнала. Кошмар повторился с публикацией других частей книги в «Штурме»: «[И]звращено до неузнаваемости все художественные места выброшены, сокращено целыми главами, отпечатано до безобразия и политически подведено неправильно»²⁰. Это выдержка из уже цитированного выше письма Щербакову – Кореванова борется за свое детище, опасаясь, что и до Москвы докатятся чинимые, как она уверена, против нее козни местных литераторов.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 121. Л. 137 об. Неделей раньше об отсутствии литературной и материальной помощи Кореванова писала заведующему Свердловской редакцией «Истории заводов» П. Новлянскому: ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1. Л. 180–182.

¹⁹ ГАСО. Ф. Р318. Оп. 1. Д. 1. Л. 182–183.

²⁰ Там же. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 121. Л. 150.

Опасалась не зря, только дело, конечно, не в чьих-либо кознях: текст продолжали терзать – вероятно, именно так ей казалось – теперь уже московские редакторы, это предположение основано на тональности переписки с главной редакцией «Истории заводов», где всюду сквозят снедающая Кореванову тревога и ответные утешения.

В Москве рукопись тоже «пошла по рукам» как минимум в три этапа. Предварительное чтение было доверено редактору-консультанту И. И. Кубланову, 20.04.1935 он подтверждает получение материалов с ремаркой: «Как видите ничего не утеряно»²¹. Основной редактурой занимался опытный, давно сотрудничающий с Горьким А. Н. Тихонов, 17.07.1935 он первым делом успокаивает Агриппину Гавриловну: «Вы не беспокойтесь». Дальнейший текст, однако, должен был ввергнуть ее в смятение, не смягчаемое даже сравнением с «Войной и миром» – рукопись уменьшается вдвое, ибо «[д]аже Толстого в таком размере <свыше 50 печатных листов> трудно читать», но редактор действует «с большой осторожностью, стараясь сохранить особенности» языка и стиля. Сокращению подлечит не имеющее прямого отношения к теме «политического и культурного роста» героини, повторы и шероховатости; остается то, что касается существенных моментов биографии, работы и окружения. «В некоторых местах, – признается Тихонов, – я позволил себе небольшие добавления, дорисовывающие события и фигуры героев, но я делал это только в объеме того материала, который имеется в книге, никакой отсебятины я, конечно, в текст не вводил»²². Коревановой с ее больничным опытом столь инвазивные методы, должно быть, напоминали работу хирурга: там ампутировать, здесь пришить. На заключительном этапе «Мою жизнь» редактировал и сокращал сам Горький²³, в итоге осталось 21,75 п. л. против обещанных Тихоновым 25–30, в связи с чем 17.11.1935 тот снова шлет слова утешения: «Не огорчайтесь, что рукопись значительно сокращена, это ей на пользу»²⁴.

И вот пришел черед новой операции, после иссечений 2020 г. книга уменьшилась до 17,84 усл. п. л.

«Ее жизнь»: эффект сокращения

Решив «остановиться исключительно на линии жизни, на линии испытаний, на линии травм Агриппины Коревановой» (так студенты формулируют концепцию своего издания), молодые люди добросовестно включили ее семейную историю, трудовую биографию, вступление в партию и общественную работу – «якорные точки, которые действительно характеризуют Кореванову», а вот зарисовки о праздновании Первомая, о местах, где ей доводилось бывать, когда «она рассказывает вообще не про себя, а что происходило в городе, как какие-то мужики бранятся, что-то они делают»²⁵, закономерно отбрасывали.

²¹ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 94. Л. 3.

²² Там же. Л. 5.

²³ По завершении собственной правки 10.09.1935 Горький просил Тихонова посмотреть рукопись «еще разок» с целью дальнейшего сокращения [Горький, 1957, с. 121].

²⁴ ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 94. Л. 6.

²⁵ Встреча онлайн с создателями книги «Ее жизнь» – студентами УрФУ и О. Климовой 16.11.2020.

За таким подходом стоят два связанных между собой принципиальных допущения – рассказ о жизни индивида должен быть: а) закручен непосредственно вокруг него, б) линейно выстроен и когерентен. Эти допущения воспроизводят презумпцию связности биографического нарратива при всей проблематичности когерентности (вплоть до невозможности, признаваемой специалистами, правда, только для биографических проектов постмодерна) [Бурдые, 2002; Мещеркина, 2002б; Рождественская, 2010а, с. 21].

Если связность понимать как линейность, сводимость к единой цепочке событий, то более или менее заметные расширения рассказа воспринимаются как отклонения от основной линии, подлежащие изъятию. Остановимся подробнее на одной из таких удаленных главок, «Караван», – в ней описан, нет, любовно выписан сплав грузовых барок по Чусовой, нужно читать вместе с «Бойцами» Д. Н. Мамина-Сибиряка²⁶.

Оба рисуют спуск барок на воду, только у Мамина он «не идет за настоящую работу», полон «бестолковой суеты», когда «от криков и ругательств стоит стонным стон» [Мамин-Сибиряк, 1958, с. 49]. У Коревановой же, напротив, всё дышит симпатией: в момент спуска тоже «снуют мужики», но это не суета и ругань, они «кричат, советуют», а публика на берегу крикает, помогает восклицаниями, неистово машет руками – тот же накал эмоций, но всё действие предстает слаженной и закрепленной в ритуале работой (с. 72–73). И Мамин, и Кореванова подчеркивают особую роль ревинского пруда: именно тут спускали воду, чтобы караваны барок с заводов ниже по течению могли двинуться «по Чусовой, по Каме на Волгу до Нижнего, поспевая к Макарьевской ярмарке» (с. 72) – с этого начинается глава «Караван». Заканчивается же она упоминанием 18 опасных камней – «бойцов», о которые бились барки и гибли люди (у Мамина они дали название всему большому очерку).

Сплавщики проделывали длинный и полный опасностей путь с уральских заводов до Нижнего Новгорода. Свекор Агриппины плавал на барке в качестве рабочего на водоотливке (по Мамину, это серьезная работа) целых 18 раз. Результатом удаления этой главы в 2020 г. стало двойное смещение смысловых рядов: умаление значимости производства и усиление акцента на притеснении женщин, возникла досадная ошибка – вместо сплава в Новгород свекор теперь «ездит работать на барке» в Нижний... Тагил [Ее жизнь, 2020, с. 72]! Вне исключенного контекста издатели так расшифровали «Нижний», породив несуразицу: этот уральский город расположен в 170 км севернее Ревды, и непонятно, почему Агриппине он представлялся волшебным краем, где «растут разные фрукты», тогда как для Нижнего Новгорода с его знаменитой ярмаркой в 1400 км от Урала вполне подходит образ страны изобилия.

Учитывая значение сплава в хозяйственной жизни, опасность и сложность работы, «церемония» встречи главы семейства в следующей главе уже не кажется

²⁶ Помимо содержательного пересечения, основанием для сопоставления служит и то, что Кореванова ценила творчество Мамина-Сибиряка, о чем говорят ее записи 1926, 1931 гг. (ГАСО. Ф. Р561. Оп. 1. Д. 26. Л. 4; Д. 39. Л. 24–31) и упоминание в книге (с. 309). О признаваемой в 1930-е значимости «уральских рассказов», включая «Бойцов», свидетельствует тот факт, что эти произведения активно издавались в Свердловске [Мамин-Сибиряк, 1934; 1935].

такой нелепой, какой она оказывается без главы «Караван». Свекор в повествовании Коревановой – представитель тех угнетающих, враждебных сил, которые преследуют героиню, однако благодаря эпичному и поэтизированному описанию сплава (возможно, вопреки намерению автора) становится понятно, откуда происходил и на чем держался старый уклад – общество и семья воздавали за тяжелый и опасный труд. В новой версии это просто злобный скупой самодур, которому вся семья зачем-то потакает.

«Ее жизнь»: характер свидетельства

Установочный тезис о том, что платой за возможность открытого травмоговорения стали уступки идеологической конъюнктуре [Подлубнова, 2020, с. 14–15], можно истолковать так, что Коревановой вовсе не хотелось писать о чем-либо, кроме своей частной жизни, – что легитимирует решение избавить текст от всего, в этой логике, наносного. Примерно в том же духе рассуждает историк Шейла Фицпатрик, отталкиваясь от западного представления о том, что женские автобиографии обычно сосредоточены на личном, семейном и больше похожи на исповеди, чем на свидетельства об исторических событиях, но тут же показывает кардинальное отличие жизнеописаний российских женщин межвоенного периода (1917–1941 гг.), для коих типичен как раз жанр «свидетельства – документа эпохи». Роль свидетеля, призванного зафиксировать исторические события, уравнивает женские тексты с мужскими: люди «чувствовали, что живут в необыкновенное время, – оно затмевало собой личные заботы, и его невозможно было игнорировать» [Фитцпатрик, 2011, с. 146–147].

«Моя жизнь» и продвигали изначально именно как свидетельство – «яркий человеческий документ», как окрестил ее уже в 1933 г. столичный критик Борис Гроссман, познакомившись с первыми главами в «Штурме» [Гроссман, 1933]. Приветствуя выход книги, уралец Николай Куштум (именно он выступал от Свердловской области на I Съезде ССП) в 1936 г. повторит это определение, усилив эпитетом «бесхитростный», заимствованным из аннотации к произведению. Во второй половине 1930-х массовому призыву в литературу уже дан отбой, и статья Куштума представляет собой образец шаткого баланса между похвалой «правдивому рассказу» и признанием того, что в книге нет пищи для «литературных гурманов». И хотя гурманы окутаны уничижительными оценками, ясно, что литературы в книге ноль, а бесхитростность – другое имя для натурализма, против которого в критической статье 1934 г. в «Штурме» выступал упоминавшийся выше А. Маленький [1934]. Участники совещания писателей в редакции журнала «Наши достижения» в 1936 г., если верить докладной записке госбезопасности, и романы Н. Островского и А. Авдеенко, в ряд с которыми часто ставят книгу Коревановой, определили ее как «еще не литературу, а человеческие документы», в которых не видно писательского мастерства [Докладная записка..., 1997, с. 215–216]²⁷.

Так и современные студенты, не признавая за «Моей жизнью» художественной ценности, охотно отдают ей роль исторического документа. Сложность в том, что события большой истории так плотно простеганы перипетиями личной био-

²⁷ Подробнее об истории понятия «человеческий документ» см.: [Яковлева, 2012].

графии, что порой едва просвечивают, а личный голос настолько силен, что Ш. Фитцпатрик называет произведение Коревановой настоящим исключением среди множества анализируемых ею автобиографий [Фитцпатрик, 2011, с. 158], и, пожалуй, немудрено, что студенты сами же в изрядной степени изгоняют историчность из текста (вымарывая одни фрагменты и переиначивая, как было показано, акценты в других).

Подводя итоги, отметим еще раз, что для Коревановой при всей «документальности» жизненно важна была именно литература, и не только как способ совладания, но и как факт самореализации, и как сфера институционального признания. Кроме невзгод в книге есть и другая линия – о том, как Агриппина сочинила пьесу на церковнославянском языке, учила латынь, выдержала испытание на должность медсестры, нашла общий язык с беспризорниками и т. п., но «Моя жизнь» и в 1930-е была не про достижения, и в 2020 г. издателям важнее, что героиня смогла рассказать о травмах, а не о том, как дерзала и что предпринимала.

Особо следует сказать о дизайне «Ее жизни»: издатели гордятся сотрудничеством со Свердловским художественным училищем им. И. Д. Шадра, где по их заданию оформили книгу в стилистике «лаконичного конструктивизма» – «плакат, фотомонтаж, геометрия и газетная верстка», создающие «контраст, энергию, динамику», также призванные ассоциироваться с прошлым²⁸.

Рис. 4. Обложка книги «Ее жизнь» (2020). Худ. оформление Д. А. Хрещевой, К. А. Поташева, К. С. Барановой. Фото: Ольга Климова. Ночь десятая. Хлеб, чай, сахар: переиздание романа «Моя жизнь» А. Коревановой (ВКонтакте. 26.08.2020)

Fig. 4. Cover of the book “Her Life” (2020). Design by D. A. Khreshcheva, K. A. Potashev, K. S. Baranova. Photo: Olga Klimova. The tenth night. Bread, tea, sugar: reissue of the novel “My Life” by A. Korevanova (VKontakte. 26.08.2020)

²⁸ «Ее жизнь» // ВКонтакте. 02.04.2020, 06.04.2020. URL: https://vk.com/agk_life?w=wall-192975980_12; https://vk.com/agk_life?z=photo-192975980_457239035%2Falbum-192975980_00%2Frev (дата обращения 06.01.2021).

Поразительным образом современные издатели прошли след в след со своими предшественниками почти столетней давности: женская участь, бесхитростный документ и смелая редактура с их стороны. Собственно литературные перипетии остаются не по вкусу гурманам, но, возможно, по зубам исследователям, для которых и «Моя жизнь», и «Ее жизнь» предстают свидетельствами, причем не столько описанной в тексте реальности, сколько институциональных трансформаций самой литературы – в ее понимании как социального института, по Л. Гудкову и Б. Дубину, но также и как квазиавтономного поля, по П. Бурдые [Гудков, Дубин, 1994; Бурдые, 2000].

Список литературы

- Бурдые П.* Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
- Бурдые П.* Биографическая иллюзия // Интер: Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75–81.
- Гудков Л., Дубин Б.* Литература как социальный институт // Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы. М.: Новое литературное обозрение, 1994. С. 12–98.
- Мещеркина Е. Ю.* Как стать баронессой. Биография номера // Интер: Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002а. № 1. С. 87–94.
- Мещеркина Е. Ю.* К вопросу об иллюзиях // Интер: Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002б. № 1. С. 75–81.
- Мирошниченко М. И.* Женщины Урала в культуротворческом процессе в 1920-х – середине 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1). С. 40–45.
- Писатели Урала: Библиограф. справ. / Сост. А. С. Ладейщиков. Свердловск: ОГИЗ, 1949. 100 с.
- Подлубнова Ю.* Характер автобиографизма в литературе Урала 1930-х гг. (случай А. Коревановой) // ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE. 2013. Nr. 7. Mokslinių straipsnių rinkinys. С. 772–779.
- Подлубнова Ю.* Триумфы травмы: о травмоговорении в современной литературе // Артикуляция: Лит.-худож. журн. 2019. № 6. URL: <http://articulationproject.net/2781> (дата обращения 29.01.2021).
- Подлубнова Ю.* Агриппина Кореванова: из пролетарок в писательницы? // Ее жизнь: по мотивам романа А. Г. Коревановой «Моя жизнь» / Сост. К. С. Баранова и др.; под ред. О. В. Климовой; илл. Д. Хрещевой (Шадр) и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 9–15.
- Рождественская Е. Ю.* Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: 4М. 2010а. № 30. С. 5–26.
- Рождественская Е.* Биографическая работа по возвращению смысла: истории жизни остарбайтеров // У пошуках власного голосу: Усна історія, як теорія, метод та джерело: Зб. наук. ст. / За ред. Г. Грінченко, Н. Ханенко-Фріезен. Харків, 2010б. С. 25–38.
- Рыбников Н. А.* Автобиографии рабочих и их изучение. Материалы к истории автобиографии как психологического документа. М.; Л.: Госиздат, 1930. 96 с.

- Рыкунина Ю.* Писатели из народа: (авто)биографические тексты и контексты // *Autobiografija*. 2014. № 3. С. 15–29.
- Трубина Е.* Рассказанное Я: отпечатки голоса. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 272 с.
- Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Пер. с англ. Л. Ю. Панфиной. М.: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2011. 373 с.
- Яковлева Н.* «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki: Helsinki University Print, 2012.
- Korevanova A.* “My Life.” In: *In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War*, edited by Fitzpatrick Sheila and Slezkine Yuri. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. P. 169–206.
- Fitzpatrick Sh.* Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia. Princeton: Princeton University Press, 2005, XII-332 p.
- Doucet A., Mauthner N. S.* What can be known and how? Narrated subjects and the Listening Guide // *Qualitative Research*. 2008. Vol. 8, no. 3. P. 405–407.
- Halfin I.* From Darkness to Light. Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2000. 474 p.

Список источников

- Вolk А.* Замечательный факт // *Сибирские огни*. 1931. № 4. С. 107–108.
- Второй пленум правления союза советских писателей СССР: стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1935. 520 с.
- Горький М.* О Елене Новиковой // *Вечерняя Москва*. 1928. 14 июля. № 162. С. 3.
- Горький М.* Предисловие к книге Е. Новиковой-Вашенцевой «Маринкина жизнь» // *Новикова-Вашенцева Е. Маринкина жизнь*. Л.: Земля и фабрика, 1930.
- Горький М.* Знать прошлое – необходимо [Ответ Е. И. Семеновой] // *Правда*. 1935. 12 окт. № 282. С. 1.
- Горький М.* Книга русской женщины // *Кореванова А. Г. Моя жизнь*. М.: История заводов, 1936. С. 5–6.
- Горький М.* Письма и отзывы М. Горького. Публикация Архива А. М. Горького, подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Л. Иокар // *Вопросы литературы*. 1957. № 7. С. 115–131.
- Григорович Ал.* О начинающих (литературные заметки) // *Крестьянский журнал*. 1925. № 7. С. 14–15.
- Гроссман Б.* Писатели Урала // *Литературная газета*. 1933. 5 авг. № 36. С. 1.
- Докладная записка Управления государственной безопасности «О совещании писателей при редакции журнала «Наши достижения» [позднее 20 марта 1936 г.] (№ 92) // «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938: Док. / Сост. Д. Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. С. 215–217.
- Её жизнь: по мотивам романа А. Г. Коревановой «Моя жизнь» / Сост. К. С. Баранова [и др.]; под общ. ред. О. В. Климовой; [илл. Дарья Хрещева («Шадр») и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 242 с.
- Ермилов В., Харитонов Н., Горбатов Б.* Новые писатели // *Правда*. 1933. 12 нояб. С. 4.

Литературная жизнь сюжета

Ермилов В., Харитонов Н., Горбатов Б. Новые писатели // Штурм. 1934. № 1. С. 168–170.

Кореванова А. Г. Как я жила и как осталась жива: Речь на Пленуме правления Союза советских писателей // Известия. 1935а. 8 марта. № 58. С. 4.

[*Кореванова А. Г.*] Радость наша и гордость: Выступление тов. Коревановой // Лит. газета. 1935б. 10 марта. № 14. С. 1.

Кореванова А. Г. Моя жизнь. М.: История заводов, 1936. 342 с.

Куштум Н. Книга человеческой правды. «Моя жизнь» Агриппины Коревановой // На Смену! 1936. 29 июня. № 92. С. 4.

Маленький А. Литературный год на Урале // Штурм. 1934. № 12. С. 103–112.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Бойцы: очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1958. Т. 4: Уральские рассказы. С. 5–120.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Бойцы: очерки весеннего сплава по реке Чусовой. Свердловск; Москва: Гослестехиздат, 1934. 239 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо; Бойцы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Избр. соч.: В 5 т. Свердловск: Свердлов. гос. изд-во, 1935. Т. 2. 352 с.

Михайлов Л. От крепостничества к пролетарской революции (А. Кореванова: «Моя жизнь») // Штурм. 1934. № 5–6. С. 203–207.

О распределении фонда им. Горького // Урал. рабочий. 1934. 22 июня. № 43. С. 6.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет / Под ред.: И. К. Луппола, М. М. Розенталя, С. М. Третьякова. М.: Сов. писатель, 1934. 718 с.

Подъячев С. Моя жизнь. М.: Сов. литература, 1934. 368 с.

Подъячев С. Моя жизнь. М.; Л.: ЗиФ, 1930. 232 с.

У Агриппины Коревановой // На Смену! 1936. 20 июня. № 87. С. 2.

Харитонов Н. Говорите писателю правду! // Урал. рабочий. 1934. 18 июня. № 140. С. 6.

Шубин А. Проба пера. Об уральских беллетристах // Уральская новь. 1926. № 8. С. 20–21.

Список архивов

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО), Екатеринбург. Ф. Р1. Оп. 2. Д. 17005 – Судебно-следственное дело А. Г. Попова (Маленького)

Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Екатеринбург. Ф. Р561 – фонд А. Г. Коревановой.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Екатеринбург. Ф. 4 – фонд Уралобкома ВКП(б), Свердловского обкома КПСС.

References

Bourdieu P. Pole literary [Field of literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2000, no. 45, p. 22–87. (in Russ.)

- Bourdieu P. Biograficheskaya illyuziya [Biographical illusion]. *Inter: Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Inter: Interaction. Interview. Interpretation], 2002, no. 1, p. 75–81. (in Russ.)
- Doucet A., Mauthner N. S. What can be known and how? Narrated subjects and the Listening Guide. *Qualitative Research*, 2008, vol. 8, no. 3, p. 405–407.
- Fitzpatrick Sh. Sryvayte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka. [Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia]. Moscow, 2011, 373 p. (in Russ.)
- Gudkov L., Dubin B. Literatura kak social'nyj institut [Literature as a social institution]. In: Gudkov L., Dubin B. Literatura kak social'nyj institut [Literature as a social institution]. Moscow, New Literary Review, 1994, p. 12–98. (in Russ.)
- Halfin I. From Darkness to Light. Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, Pittsburgh University Press, 2000, 474 p.
- Korevanova, Agrippina. “My Life”. In: In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War, edited by Fitzpatrick Sheila and Slezkine Yuri. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2000, p. 169–206.
- Meshcherkina E. Yu. Kak stat' baronessoy. Biografiya nomera [How to become a baroness. Biography of the issue]. *Inter: Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Inter: Interaction. Interview. Interpretation], 2002a, no. 1, p. 87–94. (in Russ.)
- Meshcherkina E. Yu. K voprosu ob illyuziyakh [On the issue of illusions]. *Inter: Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Inter: Interaction. Interview. Interpretation], 2002b, no. 1, p. 75–81. (in Russ.)
- Miroshnichenko M. I. Zhenshchiny Urala v kul'turotvorcheskom protsesse v 1920-kh – seredine 1930-kh godov [Women of the Urals in the cultural creation process in the 1920s – mid-1930s]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2008, no. 1 (1), p. 40–45. (in Russ.)
- Pisateli Urala: Biobibliograficheskiy spravochnik [Writers of the Urals: Biobibliographical Directory]. Comp. by A. S. Ladeyshchikov. Sverdlovsk, OGIZ, 1949, 100 p. (in Russ.)
- Podlubnova Y. Kharakter avtobiografizma v literature Urala 1930-kh gg. (sluchay A. Korevanovoy) [The Character of Autobiographics in Ural Literature of the 1930s (Korevanova Case)]. *ŽMOGUS KALBOS ERDVĒJE*, 2013, no. 7. Mokslinių straipsnių rinkinys, p. 772–779. (in Russ.)
- Podlubnova Y. Triumfy travmy: O travmogovoreni v sovremennoy literature [Triumphs of Trauma: On Trauma Speaking in Contemporary Literature]. *Artikulyatsiya: Lit.-khud. Zhurnal* [Articulation], 2019, no. 6. URL: <http://articulationproject.net/2781> (accessed 29.01.2021).
- Podlubnova Y. Agrippina Korevanova: iz proletarok v pisatel'nitsy? [Agrippina Korevanova: from proletariat to writer?]. In: *Ee zhizn': po motivam romana A. G. Korevanovoy “Moya zhizn'”* [Her life: based on the novel by A. G. Korevanova “My Life”]. Compilers: K. S. Baranova et al.; under the general editorship of O. V. Klimova; illustrations by Daria Khreshcheva (“Shadr”) et al.]. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural University, 2020, p. 9–15. (in Russ.)
- Rozhdestvenskaya E. Yu. Narrativnaya identichnost' v avtobiograficheskom interv'yu [Narrative Identity in Autobiographical Interview]. *Sociology: 4M*, 2010, no. 30, p. 5–26. (in Russ.)

Rozhdestvenskaya E. Biograficheskaya rabota po vozvrashcheniyu smysla: istorii zhizni ostarbayterov [Biographical work on the return of meaning: the Ostarbeiters' life histories]. In: U poshukakh vlasnoho holosu: Usna istoriya, yak teoriya, metod ta dzhe-relo [Looking for your own voice: Oral history as a theory, method and source]. Ed. by G. Grinchenko, N. Khanenko-Friesen. Kharkov, 2010, p. 25–38. (in Russ.)

Rybnikov N. A. Avtobiografii rabochikh i ikh izucheniye. Materialy k istorii avtobiografii kak psikhologicheskogo dokumenta [Workers' autobiographies and their study. Materials for the history of autobiography as a psychological document]. Moscow, Leningrad, 1930, 96 p. (in Russ.)

Rykunina Yu. Pisateli iz naroda: (avto)biograficheskiye teksty i konteksty [Writers from the People: (Auto)Biographical Texts and Contexts]. *Autobiografiya*, 2014, no. 3, p. 15–29. (in Russ.)

Trubina E. G. Rasskazannoe Ya: otechatki golosa [The Spoken Self: The Imprint of the Voice]. Ekaterinburg, 2002, 272 p. (in Russ.)

Yakovleva N. "Chelovecheskiy dokument": istoriya odnogo ponyatiya [Human document: a history of one concept]. Helsinki, 2012, 208 p. (in Russ.)

List of Sources

[Anonymous] U Agrippiny Korevanovoy [At Agrippina Korevanova's]. *Na Smenu! [Change!]*, 1936, no. 87, 20 June, p. 2. (in Russ.)

Dokladnaya zapiska Upravleniya gosudarstvennoy bezopasnosti "O soveshchaniy pisateley pri redaktsii zhurnala *Nashi dostizheniya*" [pozdnee 20 marta 1936 g.] (№ 92) [Memorandum of the State Security Department "On the meeting of writers at the editorial office of the journal *Our achievements*" [later March 20, 1936] (No. 92)]. In: "Schast'e literatury". Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938: Dok. ["Happiness of literature". State and writers. 1925–1938: Doc]. Compiled by D. L. Babichenko. Moscow, ROSSPEN, 1997, p. 215–217. (in Russ.)

Ee zhizn': po motivam romana A. G. Korevanovoy "Moya zhizn'" [Her life: based on the novel by A. G. Korevanova "My Life"]. Compilers: K. S. Baranova et al.; under the general editorship of O. V. Klimova; illustrations by Daria Khreshcheva ("Shadr") et al.]. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural University, 2020, 242 p. (in Russ.)

Ermilov V., Kharitonov N., Gorbato B. Novye pisateli [New writers]. *Pravda [Truth]*, 1933, 12 Nov, p. 4. (in Russ.)

Ermilov V., Kharitonov N., Gorbato B. Novye pisateli [New writers]. *Shturm [Storm]*, 1934, no. 1, p. 168–170. (in Russ.)

Gorky M. Kniga russkoy zhenshchiny [The book of a Russian woman]. In: Korevanova A. G. Moya zhizn' [My life]. Moscow, Istoriya zavodov [History of factories], 1936, p. 5–6. (in Russ.)

Gorky M. O Elene Novikovoy [About Elena Novikova]. *Vechernyaya Moskva [Evening Moscow]*, 1928, no. 162, July 14, p. 3. (in Russ.)

Gorky M. Predisloviye k knige E. Novikovoy-Vashentsevoy "Marinkina zhizn'" [Preface to the book "Marina's life" by E. Novikova-Vashentseva]. In: Novikova-Vashentseva E. Marinkina zhizn' [Marina's life]. Leningrad, Zemlya i fabrika [Land and Factory], 1930. (in Russ.)

Gorky M. Znat' proshloe – neobkhodimo (Otvét E. I. Semenovoy) [Knowing the past is necessary (Answer for E. I. Semenova)]. *Pravda [Truth]*, 1935, no. 282, 12 Oct, p. 1. (in Russ.)

Gorky M. Pis'ma i otzyvy M. Gor'kogo. Publikatsiya Arkhiva A. M. Gor'kogo, podgotovka teksta, vstup. stat'ya i prim. L. Iokar [Letters and reviews of M. Gorky. Publication of the Gorky Archive, preparation of the text, introduction, and comments by L. Iokar]. *Voprosy literatury [Problems of literature]*, 1957, no. 7, p. 115–131.

Grigorovich Al. O nachinayushchikh (literaturnye zametki) [About beginners (literary notes)]. *Krest'yanskiy zhurnal [Peasant magazine]*, 1925, no. 7, p. 14–15. (in Russ.)

Grossman B. Pisateli Urala [Writers of the Urals]. *Literaturnaya gazeta [Literary newspaper]*, 1933, 5 Aug, no. 36, p. 1. (in Russ.)

Kharitonov N. Govorite pisatelyu pravdu! [Tell the writer the truth!]. *Ural'skiy rabochiy [Ural worker]*, 1934, 18 June, no. 140, p. 6.

Korevanova A. G. Kak ya zhila i kak ostalas' zhiva: Rech' na Plenum pravleniya Soyuza sovetkikh pisateley [How I lived and how I stayed alive: Speech at the Plenum of the Board of the Union of Soviet Writers]. *Izvestia [News]*, 1935, 8 March, no. 58, p. 4. (in Russ.)

[Korevanova A. G.] Radost' nasha i gordost': Vystuplenie tov. Korevanovoy [Our joy and pride: Speech by Comrade Korevanova]. *Literaturnaya gazeta [Literary newspaper]*, 1935, 10 March, no. 14, p. 1. (in Russ.)

Korevanova A. G. Moya zhizn' [My Life]. Moscow, Istoriya zavodov [History of factories], 1936, 342 p. (in Russ.)

Kushtum N. Kniga chelovecheskoy pravdy. "Moya zhizn'" Agrippiny Korevanovoy [Book of human truth. "My Life" by Agrippina Korevanova]. *Na Smenu! [Change!]*, 1936, 29 June, no. 92, p. 4. (in Russ.)

Malenkiy A. Literaturnyy god na Urale [Literary year in the Urals]. *Shurm [Storm]*, 1934, no. 12, p. 103–112. (in Russ.)

Mamin-Sibiryak D. N. Boytsy: ocherki vesennego splava po reke Chusovoy [Fighters: sketches of spring rafting down the Chusovaya river]. Sverdlovsk, Moscow, Goslestekhizdat, 1934. 239 p. (in Russ.)

Mamin-Sibiryak D. N. Gornoe gnezdo; Boytsy. Izbrannye sochineniya [Mountain nest; Fighters. Selected works]. In 5 vols. Sverdlovsk, Sverdlovsk State Publishing House, 1935, vol. 2, 352 p. (in Russ.)

Mamin-Sibiryak D. N. Boytsy: ocherki vesennego splava po reke Chusovoy [Fighters: sketches of spring rafting down the Chusovaya river] In: Mamin-Sibiryak D. N. Coll. works. In 10 vols. Moscow, Pravda, 1958, vol. 4: Ural stories, p. 5–120. (in Russ.)

Mikhailov L. Ot krepostnichestva k proletarskoy revolyutsii (A. Korevanova: "Moya zhizn'") [From serfdom to the proletarian revolution (A. Korevanova: "My life")]. *Shurm [Storm]*, 1934, no. 5–6, p. 203–207. (in Russ.)

O raspredelenii fonda im. Gor'kogo [On the distribution of the Gorky Foundation]. *Ural'skiy rabochiy [Ural worker]*, 1934, 22 June, no. 43, p. 6. (in Russ.)

Pervyy Vsesoyuznyy S"yezd sovetkikh pisateley: stenograficheskiy otchet [The First All-Union Congress of Soviet Writers: a verbatim report]. Ed. by I. K. Luppól, M. M. Rosenthal, S. M. Tretyakov. Moscow, Soviet writer, 1934, 718 p. (in Russ.)

Podyachev S. Moya zhizn' [My life]. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika [Land and Factory], 1930, 232 p. (in Russ.)

Литературная жизнь сюжета

Podyachev S. *Moya zhizn'* [My life]. Moscow, Soviet Literature, 1934, 368 p. (in Russ.)

Shubin A. Proba pera. Ob ural'skikh belletristakh [Test of the pen. About the Ural fiction writers]. *Uralskaya nov'* [Ural Virgin Soil], 1926, no. 8, p. 20–21. (in Russ.)

Volk A. Zamechatel'nyy fakt [A remarkable fact]. *Sibirskie ogni* [Siberian lights], 1931, no. 4, p. 107–108. (in Russ.)

Vtoroy plenium pravleniya soyuza sovetskikh pisateley SSSR: stenograficheskiy otchet [Second plenum of the board of the Union of Soviet Writers of the USSR: verbatim report]. Moscow, GIKHL, 1935, 520 p. (in Russ.)

List of Archives

Gosudarstvennyy arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoy oblasti (GAAOSO) [State Archive of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region], Ekaterinburg. Stock R1. List 2. Dos. 17005 – Sudebno-sledstvennoe delo A. G. Popova (Malen'kogo) [Forensic case of A. G. Popov (Malenkiy)].

Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO) [State Archives of the Sverdlovsk Region], Ekaterinburg. Stock R561 – A. G. Korevanova.

Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (TsDOOSO) [The Documentation Centre of Public Organizations of Sverdlovsk Region]. Ekaterinburg. Stock 4 (Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU, 1917–1991).

Сведения об авторе

Веселкова Наталья Вадимовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

vesselkova@yandex.ru
ORCID 0000-0002-0855-8901

Information about the Author

Natalia V. Veselkova – Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Applied Sociology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin” (Ekaterinburg, Russian Federation)

vesselkova@yandex.ru
ORCID 0000-0002-0855-8901

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-103-116

Мотивы «своего» и «чужого» в современной постколониальной отечественной прозе

В. В. Мароши

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается роль оппозиций «своего» и «чужого» в современной отечественной прозе – в повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003), романах А. Волося «Хуррамабад» (2000), В. Медведева «Заххок» (2017) и В. Галактионовой «На острове Буяне» (2003). Актуализация этой оппозиции обусловлена травмирующими эффектами постсоветской реальности как в России, так и на национальных окраинах бывшего СССР. В статье уточняются особенности постколониальной ситуации для постсоветского мира и использована метафора колонизации, предложенная Ю. Хабермасом. В частности, разрушение привычной для персонажей социальной среды под натиском «чужого» стала одним из самых заметных сюжетобразующих факторов современной прозы. Ксенофобия у Распутина и Галактионовой распространяется не столько на другие нации, сколько на всё «чужое», включая и чужие дискурсивные практики, новые вещи, на всю тотальность *Lebenswelt*, окружающего героев. Персонажи повести Распутина преодолевают отчуждение и самоотчуждение, претерпевают кризис «своего» общего и «своего» личностного мира. Село Буян как подобие «острова» у Галактионовой предстает уникальным архаичным местом, где живут только «свои», не принимающие «чужих». В нем сохранена общинная идиллия и традиционная строгость нравов. Постколониальные романы о гражданской войне в Таджикистане объединены мотивами утраты родины для русских уроженцев страны, которые вынуждены уезжать в чужую для них Россию («Хуррамабад») либо бежать из города в еще более враждебный локус сельского кишлака («Заххок»). Однако персонажи-таджики тоже разделены на «своих» и «чужих». Гибридная этническая и культурная идентичность персонажей – между «своим» и «чужим», соответственно русским и таджикским мирами – присуща нескольким важнейшим героям обоих романов, она создает для них опасную коллизию. Сюжетным разрешением конфликтов и коллизий в обоих романах становится попытка миграции персонажей в новое чужое пространство, которая приводит к возрастанию отчуждения.

Ключевые слова

мотив, колонизация, постколониальный, конфликт, свой, чужой, отчуждение

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК № 21-512-23003

Для цитирования

Мароши В. В. Мотивы «своего» и «чужого» в современной постколониальной отечественной прозе // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1. С. 103–116. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-103-116

© В. В. Мароши, 2021

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

The Motifs of “Native” and “Other” in Modern Postcolonial Russian Prose

V. V. Maroshi

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article examines the role of the opposition of “one’s own” and “someone else’s” in modern Russian prose – in V. Rasputin’s novel “Ivan’s Daughter, Ivan’s Mother” (2003), A. Volos’ novels “Khurramabad” (2000), V. Medvedev’s “Zahhok” (2017) and V. Galaktionova’s “On the Island of Buyan” (2003). The actualization of this opposition is due to the traumatic effect of the post-Soviet reality both in Russia and on the national outskirts of the former USSR. The article also clarifies the features of the post-colonial situation for the post-Soviet world and uses the metaphor of colonization proposed by Habermas. In particular, the destruction of the social environment familiar to the characters under the onslaught of the “alien” has become one of the most noticeable plot-forming factors of modern prose. The xenophobia of Rasputin and Galaktionova extends not so much to other nations, but to everything “alien”, including foreign discursive practices, new things, and the totality of the Lebenswelt surrounding the protagonists. The characters of Rasputin’s story overcome alienation and self-alienation, undergo a crisis of “their” common world and “their” personal one. The village of Buyan, which is similar to an island in Galaktionova’s novel, is portrayed as a unique archaic place where only «friends» who do not accept “strangers” live. It preserves the communal idyll and traditional austerity of morals. Postcolonial novels about the civil war in Tajikistan are united by the motifs of loss of the motherland for the Russian natives of the country who are forced to leave for Russia which is foreign for them (“Khurramabad”) or to flee to an even more hostile location – a rural village (“Zahhok”). However, the Tajik characters are also divided into “friends” and “strangers”. The hybrid ethnic and cultural identity of the characters that lies between “their own” and “alien” (the Russian and Tajik worlds respectively) is inherent to several of the most important characters of both novels and it creates a dangerous conflict for them. The resolution of conflicts and collisions in both novels is the characters’ attempt to migrate to a new space which leads to an increase in alienation.

Keywords

motif, colonization, postcolonial, conflict, native, others, alienation

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 21-512-23003

For citation

Maroshi V. V. The Motifs of “Native” and “Other” in Modern Postcolonial Russian Prose. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 103–116. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-103-116

2000-е гг. в России связаны с заметной актуализацией в русской литературе репрезентации оппозиций «своего» и «чужого» / «другого» на разных уровнях поэтики текста. Это было обусловлено целым рядом причин: резкой сменой социального и экономического уклада, обострением старых или возникновением новых межнациональных, региональных и локальных конфликтов, стремительно

усиливающимся разрывом в уровне жизни разных групп населения, интенсивными миграционными процессами внутри страны и за ее пределами.

Подобная социальная, этническая и культурная фрагментация привела и к появлению в отечественной гуманитаристике целого ряда исследований, в которых разрабатывались различные аспекты этой оппозиции: мифопоэтические, фило-софско-феноменологические, культурологические, социологические, этнические, лингвистические. Для отечественного литературоведения и лингвистики учеными была сформулирована необходимость развития особой междисциплинарной науки – имагологии, которая занималась бы «риторикой репрезентации» национальных стереотипов, объективированных в языке и литературе [Ощепков, 2010; Земсков, 2011; Поляков, 2015]. Появились и первые практические работы, в которых эта оппозиция рассматривается как категория или дихотомия в классической русской литературе, например, [Данилова, 2011; Соломина, 2014], в современной постколониальной этнической прозе [Цимбалова, 2014], геопозитике [Бронская, Иванова, 2018], в теории современного травелога [Майга, 2014, с. 258] и практике его анализа [Драчева, Кислова, 2017]. Очевидной стала и перспектива такого «противостояния» для анализа конфликтных ситуаций в батальной и алармистской прозе. Мы будем использовать эту весьма объемную в смысловом отношении оппозицию в более узком терминологическом смысле – как значимый для сюжетной событийности и ситуаций произведения мотив, характеризующий взаимоотношения между персонажами, а также их отношение к художественному пространству и предметному миру. Подобные мотивы относятся, по нашему мнению, к антропологическому или характерологическому аспекту поэтики произведения.

Русская языковая оппозиция «свой» / «чужой» с трудом переводима на другие языки ввиду многозначности и грамматической неоднородности самих этих слов, а также синонимических отношений, связывающих их с другими прилагательными. Наиболее актуальными в рассматриваемых нами художественных текстах те значения, которые обозначают принадлежность к определенной социальной и национальной общности или, напротив, выпадение из нее и содержат в себе положительную или отрицательную оценку. Словарь Ожегова определяет их весьма сжато: «свой» – «...5. Родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью» [Ожегов, 1970, с. 696]; «чужой» – «... 2. Не родной, не из своей семьи, посторонний. 3. Далёкий по духу, по взглядам, не имеющий близости с кем-чем-н., чуждый» [Там же, с. 874].

В то же время процесс самоотчуждения, утраты идентичности персонажей у В. Распутина сопровождается и осознанием потери личного как своего: «Свой... 3) своеобразный, свойственный только чему-то одному» [Там же, с. 696], и замены его чужим как «не своим», не присущим характеру героя. Разрушение традиционного социума и внутренний кризис личности, как мы увидим далее, сопутствуют друг другу в его прозе.

Поле значений слова «свой», не связанное с принадлежностью и собственностью, гораздо шире приведенных выше и включает в себя, по нашему мнению, 1) находящийся в родственных или дружественных отношениях; 2) связанный с местом проживания, общей деятельностью или убеждениями; 3) приносящий добро и спокойствие; 4) знакомый, известный; 5) понятный, доступный для пони-

мания; 6) местный, носитель близкой культуры; 7) привычный, обычный. Соответственно смысловую оппозицию «своего» можно определить как 1) не состоящего с кем-либо в близких отношениях, постороннего; 2) не связанного родственными отношениями, неродного 4) не являющегося родиной или местом, где он вырос, к которому привык, иноземного; 5) не состоящего в близких отношениях с кем-либо, посторонний, незнакомый; 6) зловещего, несущего угрозу для жизни; 7) отчужденного, отрешенного; 8) непонятого, недоступного для понимания; 9) иностранного, находящегося за границами родной культуры; 10) контрастирующего с обычным и привычным окружением. Очевидно, что межнациональные и политические конфликты, разрушение привычного социального уклада в 1990-х должны были привести к активизации перечисленных значений слова «чужой».

Распад Советского Союза и сложные отношения между образовавшимися на его бывшей территории фрагментами могли быть осмыслены в категории «чуждости / инаковости» («otherness»), которая утвердилась в зарубежных постколониальных исследованиях как способ дегуманизирующей оценки «колонизаторами» по отношению к «колонируемому» ими населению (см. [Ahmad, 1987; Ashcroft et al., 2004, p. 11, 96–102; 2013, p. 188–189; Hasan Al-Saidi, 2014]. Однако вопреки глобальному терминологическому тренду в отечественной художественной литературе 1990–2000-х гг. она, наоборот, используется по отношению к бывшим «колонизаторам», т. е. репрезентантам русского этноса.

Стоит отметить, что колонизация в Российской империи и в Советском Союзе имела особенности, которые не вполне согласуются с моделью, применяемой по отношению к бывшим колониям западноевропейских стран. Во-первых, она была не только внешней, но и внутренней. В отличие от внешней колонизации, при которой переселенцы мигрируют на колонизируемую территорию, внутренняя колонизация разворачивалась внутри самого космополитического государства-колониатора и по отношению к его коренному населению: «Колонизировав многочисленные земли, Россия применяла колониальные режимы непрямого правления – принудительные, коммунитарные и экзотизирующие – к собственному населению» [Эткинд, 2013, с. 16]. Во-вторых, в процессе колонизации в СССР происходила модернизация, а на некоторых исторических этапах и деколонизация национальных окраин. В-третьих, в современной отечественной прозе стигматизированной и подавленной оказывается нация «колонизаторов» – и в бывших советских республиках, и внутри самой России. По-видимому, представления о колонизации нуждаются в существенном расширении.

Немецкий философ-неомарксист Ю. Хабермас в анализе кризисов развитого западного общества использует понятие «внутренней колонизации» как метафору социальной системы, основную роль в которой играют Рынок и Власть, вмешивающиеся в то, что он называет *Lebenswelt* («мир социальной жизни»). В таком случае инспирированная извне глобализация и модернизация осмысляются как насилие над устоявшимся общественным строем, бытом, языком. Социальным кризисам подобного рода сопутствует растущее отчуждение от навязанной извне модернизации: «Императивы автономных подсистем, сбросив идеологические покровы, завоевывают, подобно колонизаторам, пришедшим в первобытное общество, жизненный мир извне и навязывают ему процесс ассимиляции. При этом рассеянные осколки культуры периферии не складываются в целостную картину,

позволяющую ясно представить сущность игры, в которой участвуют метрополии и мировой рынок» [Habermas, 1987, p. 355]. В 1990-е гг. и в бывшей метрополии, и на бывших окраинах СССР происходили весьма схожие процессы, в ходе которых национальный подъем сопровождался наступлением глобальной экономической идеологии. Это, как правило, приводило в патриотической элите к разочарованию и ксенофобии, что повлияло, в свою очередь, на актуализацию мотивов «чужого» в публицистике и литературе.

Так, в отечественной патриотической прозе начала 2000-х колонизация России в 1990-е гг. в подобном метафорическом и широком смысле предстает как вмешательство и наступление «чужого», вытесняющего «свое» (положительное, национальное, традиционное, привычное, родное). В повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) значимо не столько насилие, совершенное этническим чужаком, сколько тотальная картина крушения привычного уклада жизни в большом городе, кризиса отношений в семье и внутреннего кризиса героев, который приводит их на грань самоотчуждения. В романе В. Галактионовой «На острове Буяне» (2003) феномен «чужого» более локален и персонализирован, он связан с появлением «чужого», пришлого городского незнакомца в нетронутом модернизацией селе, жители которого, однако, справедливо опасаются чужаков. Художественное пространство обоих произведений косвенно или прямо воспроизводит «островную» мифологию русской деревенской прозы, с ее «закрытым» традиционным обществом в эпоху наступивших перемен.

«Свое» в повести В. Распутина связано в основном с замкнутым и статичным пространством дома, кругом семьи, бытовыми и национальными традициями. Всё «чужое» динамично и связано с как с тотальным обновлением всего окружающего пространства, так и с рынком, на котором работает дочь Тамары, жертва насильника. Кризис социальной жизни в повести проявляется в полном вытеснении «чужим» «своего» как привычного: «Ночь наступала теплая, темная и вялая, должно быть, к дождю. Прохожих уже и не было, зато разудало, **почуяв свободу**, неслись машины, в три-четыре года свезенные сюда со всего света, чтобы устраивать гонки. И эти **гонки на чужом** были теперь во всем – на тряпках и коже, на чайниках и сковородках, на семенах морковки и картошки, в обучении ребятишек и переобучении профессоров, в устройстве любовных утех и публичных потех, в карманных приборах и самолетных двигателях, в уличной рекламе и государственных речах. Всё хлынуло разом как в пустоту, вытеснив **свое** в отвалы» [Распутин, 2004, с. 323].

Стоит отметить, что «свое» употребляется в повести и в значении «собственного, частного», к которому автор тоже относится негативно, поскольку оно противоречит общинному идеалу социальной жизни: «По первости побаивался, ждал темноты, чтобы нырнуть в **свое** логово, но скоро понял, что никому ни до него, ни до подвала дела нет, **каждый уткнулся в себя и свое**» [Там же, с. 472].

В диалогах персонажей критически оценивается и массовое отторжение от «своего» и «своих» как результат некоего ментального насилия: «...бросились врассыпную кто куда. В прислугу перешли. **Своих** не любят, прямо сказать, ненавидят, перед **чужими** ползают» [Там же, с. 492] «...нас... ну, как бы **обчужили**, втерли в нашу кожу всякие там вещества, чтобы она на **чужое** отзывалась с пол-

ным нашим удовольствием, а на **свое** не отзывалась, к **своему**, значит, была нечувствительна. На **чужое** клевала, а от **своего** нос воротила» [Распутин, 2004, с. 476].

Для автора и персонажей повести, которые не принимают новый строй жизни, наиболее драматичным становится наступление «чужой» речи: непривычных иностранных слов, появление доселе неуместной латиницы и даже дискурсивное самоотчуждение от своей «собственной» речи как симптом утраты идентичности или психологического состояния: «Визжал на повороте трамвай, разрисованный рекламными рожами и расписанный **чужими буквами**...» [Там же, с. 537]; «Анатолий расспрашивал, как найти это общежитие для малосемейных; девчонка, повторяя “визуально”, “визуально”, нравящаяся ей, очевидно, звучанием, как и большинство **чужих слов**, довольно толково рассказала, где оно и как отыскать квартиру» [Там же, с. 336]; «– Вот мы **свои слова**-то и отдали кому попало. Теперь слушаем **чужие**» [Там же, с. 454]; «И – как накаркала Тамара Ивановна: в последние годы прикусил Анатолий язык. Такой гнет свалился на них, так придавил, что и сказать оказалось нечего, **всякое слово**, если не произносилось оно для самой простой житейской надобности, стало представляться не просто пустым, а и **чужим**, словно бы сказанным по наущению через тебя для твоего же унижения» [Там же, с. 389]; «...неожиданно **чужим** голосом, издевательским и назидательным, ткнула себя Тамара Ивановна в грязный стол, за которым, как приговор, заполнялся протокол допроса» [Там же, с. 361] «И **чужим**, излишне бодрым голосом, точно продолжая разговор, наказывает дочери...» [Там же, с. 412].

Одним из способов сопротивления «чужому» становится сохранение русского слова, прежде всего в языке повествования и репликах персонажей: «И сдаться на милость **исчужа** заведенной жизни. Но когда звучит в тебе русское слово, издалека-далёко доносящее **родство** всех, кто творил его и им говорил; когда великим драгоценным завромом, никогда не убывающим и не теряющим сыта, содержится оно в тебе в необходимой полноте...»; «И когда Егорьевна потребовала от Анатолия здравицу, вспомнив, что тост – это **чужое** слово, пускай под него **чужаки** и пьют» [Там же, с. 463].

Не только всё вокруг стало «чужим». После насилия над дочерью Тамары отчуждение от дома, друг от друга и от самих себя чувствуют все члены семьи: «Не всякая беда сближает мужа и жену, от этой они вдруг **почужели**, говорить не хотелось» [Там же, с. 440]; «И так неудобно и горько показалось ей в родных стенах, будто не она здесь хозяйка, будто сдали, как это ныне водится, квартиру кому-то **чужому** и неприятному, который всё в ней переиначил и изгадил, а они тайком в глухой час пришли убедиться в этом. <...> Вспомнив, что можно добыть чай, она вскипятила чайник и долго и жадно пила, пытаясь горечью крепкой заварки перебить в себе **чужесть**, пронзившую всё тело, – будто это ее изгадили» [Там же, с. 436]; «...в кухне тоже стоял какой-то странный запах, **точно побывало что-то чужое** [Там же, с. 438]; «Светка утонула в мягком диване, только головенка торчала над столом, и обрезанное лицо ее, выглядывающее откуда-то издалека, из **чужих** приютов, было как бы и не ее: затертые пудрой ссадины, заострившиеся скулы, подернутые пленчатой зыбью глаза. Но у них у всех лица были **не свои**, они все с болью смотрели друг на друга» [Там же, с. 442]. Повествователь не-

сколько раз использует причастие «почужевший», выражающее этот процесс самоотчуждения и отчуждения в персонажах: «И Светке стало совсем нестерпимо и за дедушкиным забором, и в своем нездоровом **почужевшем** тельце» [Распутин, 2004, с. 467]; «Лицо почерневшее и **почужевшее**, глаза смотрят с силой. Жадно и пугливо всматривающаяся в нее Светка замечает в углах ее губ вскипевшую смолку» [Там же, с. 512]. Таким образом, персонажи повести Распутина преодолевают отчуждение и самоотчуждение, претерпевают кризис общего «своего» и лично-«своего» мира.

В романе В. Г. Галактионовой «На острове Буяне» (2003), который критики и читатели справедливо сопоставляли с островом из повести В. Распутина «Прощание с Матёрой», архаичная «островная» психология присуща жителям удаленного от городов таежного села Буян. Нельзя не отметить преимущество названия романа по отношению к символике легендарного острова-града Буяна из народных песен и заговоров, а также возможную аллюзию на исторический роман «Остров Буян» советского писателя С. П. Злобина (1948–1965), посвященный восстанию псковичей 1650 г.

Буян как подобие «острова» у Галактионовой предстает поистине автаркичным местом, где живут только «свои», общинной идиллией как бы вне истории, сохранившей традиционную строгость нравов и вполне в духе архаичного мифа не принимающим «чужих»: «– А здесь не люди, а места такие. Строгие, – устраивалась она на прежнее место, вытирая пальцы тряпкой. – **Боятся чужие** сроду этих мест. Ну и завидуют, конечно: не без того... А как не завидовать? Мы ведь, сроду без никого, живём тут, в медвежьем-то углу, покрепче всех. **Сами только по себе сроду живём...**» [Галактионова, 2003, с. 47]; «– Ну, нам чего бояться? Буянские, мы сами собой сроду командовали. Вот оно и сохранилось, **всё своё у нас**. Мы себя – прокормим...» [Там же, с. 57]; «Везде церкви рушили, а нашу-то небось – пальцем тронуть побоялись! Оно самое **чистое место** поэтому и осталось – Буян. <...> Гляди: вон там, в Шерстобитове да в Ключах, кержаки сами себя в моленных домах как дураки жгли. А мы, Кеш, – **чужих**. Завсегда – **чужих** только!» [Там же, с. 72]; «В гражданскую-то как **только чужие** на подводе введут, в Буяне как останутся, так под ними солома и задымится» [Там же, с. 52].

Внешнюю канву романа образует конфликт «своего» и «чужого» – жителей села Буян и приезжего городского полуинтеллигента Кеши. За ним стоит гораздо более серьезный ценностный конфликт разных «времен» и укладов: города и деревни, традиционного и современного, автаркии и «рынка», «молчаливого большинства» и болтливой псевдоэлиты. С появления Кеши в Буяне и начинается повествование романа: «**Чужой** продрогший человек бродил бесцельно на заднем дворе районной гостиницы» [Там же, с. 7]. Героиня романа, Бронислава, дает приют бездомному чужаку из города, внешний и психологический портрет которого построен на расхожих клише «творческой интеллигенции» эпохи перестройки.

Ксенофобия обитателей Буяна становится лишь формой их защиты от современного рынка, «заграницы», поэтому оценки персонажей романа выходят далеко за пространственные пределы Буяна: «– Азеры да азеры. А они Пизнесмены по национальности, оказывается!.. А Нина у нас давно раскусила: это **русских** специально без зарплаты везде оставили, чтоб они должности по дешёвке бы **чужим**

уступали» [Галактионова, 2003, с. 159]; «У нас – нравственность. Православная. Поэтому вся власть **чужими** скуплена везде почти что... Обороняться от дурных денег придётся, Бронь!» [Там же, с. 172]. Намерение создать отряды локальной самообороны от власти и рынка – способ самозащиты буянцев от чужого и чуждого:

«– Сторожить всё придётся, чтоб **чужие** электростанцию нам не взорвали. И элеватор, – пояснила Нина. – Ещё про охрану границы района говорили. Вахтовым способом.

– От **заграничников**-то? – поняла Бронислава.

– Ну. А то продадут нас кому ни на то, и будем потом **чужим**, как шерстобитовские, дань платить. Если их впустим. Или азерам, или ещё кому.

– Не в азерах дело, конечно. В деньгах!» [Там же, с. 183].

Ксенофобия в обоих произведениях распространяется не столько на другие нации, сколько на всё «чужое», включая и чужие дискурсивные практики, новые вещи, – словом, на всю тотальность *Lebenswelt*, окружающего героев. Галактионова видит в самоизоляции возможность спастись от «чужого». Героиня повести «Дочь Ивана, мать Ивана» в силу своего скорее «мужского» характера выбирает путь возмездия, казня в лице преступника-азербайджанца чужую ей «продажную» систему Рынка и Власти. Характерно, что и Кешу в романе Галактионовой смертельно ранят и пытаются спасти «народные мстители», бежавшие из места заключения преступники.

Не меньшую значимость приобрели мотивы «своего» и «чужого» в ином типе постколониального романа, изображающем перипетии конфликта и гражданской войны вне России, на бывших окраинах Советского Союза. Это «роман-пунктир» «Хуррамабад» А. Волоса (2000) и «Заххок» А. Медведева (2017), действие которых разворачивается в Таджикистане. Оба романа получили множество откликов, «Хуррамабад» собрал наибольшее количество литературных премий в начале 2000-х гг., а роман Медведева некоторые критики называли лучшим в 2017 г.

Для первого романа задача выявления значимости обозначенных в заголовке статьи мотивов облегчается тем, что сам автор уже акцентировал их в паратексте: опорные его главы-рассказы получили наименования соответственно «Свой» и «Чужой», та же проблематика была отмечена и в названиях и текстах большинства литературно-критических откликов (см., например, «Свои и чужие в городе счастья» [Ремизова, 2000]). В полемику по поводу этой важнейшей оппозиции романа включился и авторитетнейший социолог, занимающийся Туркестаном, – С. Абашин [2003], проанализировав сюжетную ситуацию рассказа «Свой» как с точки зрения ее этнографической «реалистичности», так и в контексте проблемы идентичности вообще.

Сразу отметим, что гибридная, переходная этническая и культурная идентичность персонажей – между «своим» и «чужим», соответственно русским и таджикским мирами – присуща героям обоих романов (Никита Ивачев, Сергей Макушин, Беляш в «Хуррамабаде», Олег, Даврон, Зарина, Андрей в «Заххоке»). Оба романа как бы дополняют друг друга, как и повесть Распутина и роман Галактионовой: если рассказы «Хуррамабада» в основном ограничены локусом Душанбе-«Хуррамабада», то действие «Заххока» происходит вдали от больших городов, в нескольких таджикских кишлаках. В ситуации межнационального и внутрина-

ционального, кланового и локального конфликтов категории «своего» и «чужого» приобретают особую остроту.

Русские постколониальные романы о гражданской войне в Таджикистане объединены мотивами утраты «второй родины» для местного русского населения и либо отъезда их в чужую для них Россию («Хуррамабад»), либо бегства из города в еще более враждебный им локус кишлака («Заххок»). Эту проблему с «постколониальной» точки зрения увидела в прозе большинства российских и русскоязычных авторов, связанных своей биографией со Средней Азией, Э. Ф. Шафранская: «Проза названных авторов характеризуется обостренной рефлексией по поводу градации “свой – чужой” в хронотопе “раньше и теперь”, то есть до развала империи и после» [2015, с. 11].

Название и композиция первого романа мотивированы символикой Хуррамабада как топонима из иранских и тюркских сказок. Из «locus amoenus», похожего на рай, он превращается в место всё возрастающего насилия. Нарратор в романе Волоса выступает переводчиком и комментатором по отношению к «чужому» для русского читателя изображаемому миру Таджикистана. И ираноязычные заглавия, и само повествование в обоих романах подразумевают использование «чужого» для читателя: таджикского языка и реалий, культурных аллюзий (в частности, символики Хуррамабада как вымышленного топонима, символики Заххока, тирана-миксантаопа из поэмы «Шахнаме»). В том и другом произведении читателям и некоторым персонажам приходится осваивать и местные реалии, и таджикский язык, и особенности инационального этикета.

Внешняя канва повествований «Хуррамабада» – линейно-хронологическая, от начала 1930-х, через 1950-е и 1970-е к 1990-м, времени массового отъезда русских и гражданской войны. Внутренняя же логика их последовательности – драматизация процесса «освоения» чужого локуса и утраты Родины, «своего» места в мире, разрастающееся к финалу романа отчуждение. Роман «Заххок» начинается с убийства отца и вынужденного отъезда персонажей в кишлак дяди, к «своим» родственникам, а на самом деле – в чуждый мир «инопланетян», кишлачных таджиков, в котором героев ждут страшные испытания.

В последних главах романа «Хуррамабад» отчуждение героев от мира становится тотальным, особенно в главе «Чужой», герой которой перед отъездом в Россию ощущает себя чуждым любому локусу: «Он на мгновение вообразил, как состав двинется и пойдет – вагон за вагоном, цистерна за цистерной, платформа за платформой, – пойдет, тяжело погромыхая на стыках, набирая ход, чтобы раствориться в мареве, унося Дубровина навсегда отсюда, где он был теперь **чужим**, в края, где он **тоже был пока чужим** и где ему еще предстояло стать кем-то, – и тут же схватило сердце, словно чья-то ладонь сжала его так грубо, как если бы это не сердце было, а рукоять метлы» [Волос, 2005, с. 384]; «Однажды под грузом страха что-то сломалось в душе, и всё, что было **родным и знакомым**, стало **чужим** и таящим опасность. И вот он, еще оставаясь на месте, уже оказался в изгнании, потому что изгнание – это когда **всё кругом чужое и опасное. Чужой, чужой**. Он чувствовал себя **безвозвратно чужим**, и поэтому бояться чего-либо было совершенно не стыдно» [Там же, с. 380]. В момент отъезда герой переживает самоотчуждение – раздвоение на душу, привыкшую к «своему» родному месту и «чужое», отчужденное от нее тело, которое и покидает Хуррамабад: «Ему каза-

лось, что его разрывает пополам какая-то темная и безжалостная сила – поезд набирал ход, унося тело, а душа хотела остаться и отчаянно билась в **чужой** и тесной оболочке» [Волос, 2005, с. 402].

В завершающем книгу очерке горечь отчуждения и утраты своего Хуррамабада испытывает уже автор, акцентируя чуждость в буквально последнем слове текста: «Прежде всё было свое, а теперь стало необъяснимо чужое <...> Все уехали. <...> ни одной знакомой рожи. <...> Это всё теперь не их, это всё теперь чужое...» [Там же, с. 448–449] «Всё выглядело как прежде. Но было уже **совершенно чужим**» [Там же, с. 476].

Схожую отчужденность от всех окружающих по разным причинам испытывают и попавшие в ловушку кишлака, семьи дяди и банды Заху герои «Заххока»: «Впрочем, если разобраться, **мне все чужие**» [Медведев, 2017, с. 376]; «...это **чужая** страна, и я – посторонний... [Там же, с. 91]; «Выходит, с какой стороны ни посмотри, Бахшанда – мне **чужая**. Придётся вести себя посдержаннее...» [Там же, с. 30]; «Кто ты такая? Ты пришла со стороны, ты презираешь наши обычаи, ты не веришь в Единого Бога, не произносишь молитвы. Ты – **чужая**» [Там же, с. 201].

Русские беженцы в финале «Хуррамабада», потеряв свою родину, тоже становятся «чужими», но уже в этнически «своей» русской деревне: «– Жалуются на вас деревенские... – горько сказал лейтенант и покачал головой. – Жалуются! Говорят – **другие** вы люди, **непривычные!** И, мнать, если что плохо лежит, так, говорят, глазом не успеешь моргнуть, а хуррамабадцы уже слизнули!» [Волос, 2005, с. 431]; «Он много бы мог рассказать лейтенанту, объясняя, почему на них жалуются деревенские! Конечно – **пришлые!** **Вроде – русские, а живут – как чучмеки!** Всё у них **не как у людей!** Да они ж даже водки не жрут! Выпьют маленько – и всё, руки кверху! Нет, чтоб **по-нашенски** – до усёру!» [Там же, с. 431–432].

Наиболее впечатляющими становятся в обоих романах взаимная отчужденность и межклановая вражда таджиков: «Сельский уроженец ощущает себя таджиком лишь за пределами Таджикистана. При встрече с жителями соседних кишлаков, он ощущает себя талхакцем или ворухцем – представителем селения, откуда он родом. Выбираясь в область, чувствует себя представителем **своего** района. И так далее. Таджикские интеллигенты и прежде сокрушались, что народ не сплочён в нацию, – время показало страшный результат этнической разобщённости» [Там же, с. 92–93]; «– **Чужой!** – Муслим насмешливо фыркнул. – Какая разница! А я здесь **свой?** Кого **они** вообще **своим** считают? <...>

– **Свой, чужой...** Тут, знаешь, как в той поговорке... – он пошевелил пальцами. – Ну, помнишь, ты говорил? Как это?

– Бей **своих**, чтоб **чужие** боялись... – сказал Дубровин.

– Вот-вот, – обрадовался Муслим. – Именно **своих...** чтоб чужие... [Там же, с. 398–399].

Еще одна группа персонажей обоих романов, для которой значимо деление на «своих» и «чужих», – это участники войны и акторы власти, стремящиеся к власти и контролю. Они характеризуются дегуманизирующими анималистическими метафорами («звери»). Их «свое» связано с их статусом во власти, групповой и клановой принадлежностью. Именно они станут антагонистами героев в романе «Заххок», в котором используются сюжетные клише мелодрамы и боевика («злая

мачеха», положение сирот и беженцев, всевластие и всеилие зла, персонифицированное в Захуршо и его окружении, герой-спаситель Даврон). Линия Чужого усилена введением символики Заххока, змееподобного тирана-миксантавропа из поэмы «Шахнаме» Фирдоуси (антагонист публично носит на плечах украденного из зоопарка питона) и аллюзиями на одноименный триллер («Чужой» Р. Скотта).

Сюжетным разрешением коллизий в обоих романах становятся попытка бегства или миграции персонажа в новое чужое пространство, новая этническая и социальная идентификация, власть над локальным социумом, уничтожение или, напротив, приручение монструозного антагониста (глава «Ужик» в «Хуррамабаде», где героиня привыкает к ядовитой эфе, принимая ее за ужа).

Особую роль в структуре романа «Хуррамабад» играет седьмая глава «Свой», которая расположена ровно «посередине» в его внешней композиции из 14 глав. Но более существенно то, что в ней изображена попытка смены этничности русским москвичом, героем, изначально чужим всем местным, к тому же наделенным высоким столичным статусом.

Герой рассказа движется против общего течения сюжета: он сознательно хочет понижения своего социального статуса, мигрируя из центра Империи в Хуррамабад. Чтобы стать «своим», герой бросает Москву и московскую жену, меняет имя, внешность («...подсохшим, груболицым хуррамабадцем годков под сорок, **потемневшим от солнца** и нечистой базарной работы» [Волос, 2005, с. 169]), вероисповедание, женится на таджичке, сказочно быстро осваивает язык и даже пытается слиться в едином порыве с возбужденной толпой. Но его всё равно воспринимают как чужого: «Ты татарин, что ли?» [Там же, с. 168]; «...не признавая в нем русского, Макушина всё норовили записать то узбеком, то казахом, то даже турком-месхетинцем – короче говоря, кем угодно, **только не своим**» [Там же, с. 169]. Попытка слиться с толпой, примкнуть к одному из враждующих кланов заканчивается для него провалом, его снова опознают как чужого: «Пошла вон отсюда, **русская сволочь!** вот что он мне кричал... а?» [Там же, с. 189].

Главным препятствием на пути героя к чужой этничности становится его пренебрежение к субэтническому делению хуррамабадцев. Его убивают, приняв по диалектным чертам произношения за кулябца, представителя одного из враждебных кланов, «своего чужого». Герой умирает в иллюзии, что признан «своим», хотя убийцы видят в нем члена чужого клана: «Ему стало на мгновение обидно, но умирал он все-таки счастливым – его признали **своим**» [Там же, с. 189]. Как и другие «гибридные» персонажи (Ивачев, Олег в «Заххоке»), он стал жертвой этой промежуточной идентичности, статуса «чужого среди своих», крайне неустойчивого во времена гражданской войны.

Итак, в отечественной прозе начала 2000-х гг. утрата персонажами своей привычной социальной среды под натиском «чужого» стала одним из самых заметных сюжетообразующих факторов.

Список литературы

Абашиш С. Н. Свой среди чужих, чужой среди своих (Размышления этнографа по поводу новеллы А. Волоса «Свой») // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 3–25.

Бронская Л. И., Иванова И. Н. Дихотомия «свой / чужой» в современном Кавказском и Уральском текстах // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1. С. 170–178.

Волос А. Хуррамабад: [роман-пунктир]. М.: Зебра Е, 2005. 480 с.

Галактионова В. Г. Крылатый дом: Роман, повести, рассказы, сказки. М.: Андреевский флаг, 2003. 576 с.

Данилова Н. Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н. С. Лескова: на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и инородцах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 30 с.

Драчева С. О., Кислова Л. С. «Южноамериканский вариант» в современном российском травелоге // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 2. С. 71–81.

Земсков В. Б. Россия «на переломе» // На переломе. Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.). М.: Новый хронограф, 2011. С. 4–46.

Медведев В. Захлок. М.: Arsis Books, 2017. 460 с.

Майса А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 3 (37). С. 254–259.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1970. 900 с.

Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253.

Поляков О. Ю. Имагология: Учеб. пособие. Киров: ВятГУ, 2015. 184 с.

Распутин В. Дочь Ивана, мать Ивана // Распутин В. Деньги для Марии: Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2004. С. 321–542.

Ремизова М. С. Свои и чужие в городе счастья: Вышла книга лауреата премии Антибукер Андрея Волоса // НГ. 2000. № 13 (136). 6 апр. (Ex libris). URL: https://www.ng.ru/culture/2000-04-14/7_happytawn.html (дата обращения 10.02.2021).

Соломина В. В. Особенности реализации оппозиции «свой – чужой» в различных видах дискурсов // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Филология. 2014. Т. 1, № 3. С. 176–182.

Цимбалова Ю. А. Оппозиция «свой – чужой» в цикле рассказов Е. Д. Айпина «Время дождей» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 273–277.

Шафранская Э. Ф. Постколониальная проблематика современной русской литературы // Respectus Filologus. 2015. № 28 (33). С. 9–23.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

Ahmad A. “Jameson’s Rhetoric of Otherness and the ‘National Allegory’ // Social Text. 1987. № 17. P. 3–26.

Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. New York: Routledge, 2004. 296 p.

Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. (eds.) Key Concepts in Postcolonial Studies. London, New York: Routledge, 2013. 368 p.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. Oxford, Polity Press, 1987. Vol. 2: Lifeworld and system: a critique of functionalist reason. 457 p.

Hasan Al-Saidi A. Post-colonialism Literature the Concept of self and the other in Coetzee's *Waiting for the Barbarians*: An Analytical Approach // *Journal of Language Teaching and Research*. 2014. Vol. 5, no. 1. P. 95–105.

References

- Abashin S. N. Svoj sredi chuzhikh, chuzhoj sredi svoikh (Razmyshleniya etnografa po povodu novelly A. Volosa "Svoj"). *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 2003, no. 2, p. 3–25. (in Russ.)
- Ahmad A. "Jameson's Rhetoric of Otherness and the 'National Allegory'". *Social Text*, 1987, no. 17, p. 3–26.
- Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. New York, Routledge, 2004, 296 p.
- Ashcroft B., Griffiths G. & Tiffin N. (eds.). *Key Concepts in Postcolonial Studies*. London, New York, Routledge, 2013, 368 p.
- Bronskaya L. I., Ivanova I. N. Dihotomiya "svoj / chuzhoj" v sovremennom Kavkazskom i Ural'skom tekstakh. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanities and legal studies]*, 2018, no. 1, p. 170–178. (in Russ.)
- Daniilova N. Yu. Dialog "svoego" i "chuzhogo" v khudozhestvennom mire N. S. Leskova: na materiale proizvedenij 1860–1880-kh gg. ob inostrantsakh i inorodtsakh [The Dialogue of "Native" and "Other" in the Artistic World of N. S. Leskov: based on the Works of the 1860–1880s about Foreigners and Non-Russians]. Abstr. of Cand. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2011, 30 p. (in Russ.)
- Dracheva S. O., Kislova L. S. "Yuzhnoamerikanskij variant" v sovremennom rossijskom travelogue. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies]*, 2017, vol. 3, no. 2, p. 71–81. (in Russ.)
- Galaktionova V. G. *Krylatyj dom: Roman, povesti, rasskazy, skazki [Winged House: Novel, novellas, short stories, fairy tales]*. Moscow, Andreevskij flag, 2003, 576 p. (in Russ.)
- Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskij opyt Rossii [Internal colonization. The Imperial experience of Russia]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 448 p. (in Russ.)
- Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Oxford, Polity Press, 1987, vol. 2: *Lifeworld and system: a critique of functionalist reason*, 457 p.
- Hasan Al-Saidi A. Post-colonialism Literature the Concept of self and the other in Coetzee's *Waiting for the Barbarians*: An Analytical Approach. *Journal of Language Teaching and Research*, 2014, vol. 5, no. 1, p. 95–105.
- Majga A. A. Literaturnyj travelog: specifika zhanra. *Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]*, 2014, no. 3 (37), p. 254–259. (in Russ.)
- Medvedev V. *Zahkhok*. Moscow, Arsis Books, 2017, 460 p. (in Russ.)
- Oshchepkov A. R. *Imagologiya. Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2010, no. 1, p. 251–253. (in Russ.)
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]*. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1970, 900 p. (in Russ.)

Polyakov O. Yu. *Imagologiya* [Imagology]. Textbook. Kirov, VSU Press, 2015, 184 p. (in Russ.)

Rasputin V. *Doch' Ivana, mat' Ivana* [Ivan's daughter, Ivan's mother]. In: Rasputin V. *Den'gi dlya Marii* [Money for Maria]. Novellas and short stories. Moscow, Eksmo, 2004, p. 321–542. (in Russ.)

Remizova M. S. *Svoi i chuzhie v gorode shchast'ya: Vyshla kniga laureata premii Antibuker Andrey Volosa* [Natives and others in the city of happiness: The book of the winner of the Anti-Booker Prize Andrey Volos has been published]. *NG*, 2000, no. 13 (136). (Ex libris). (in Russ.) URL: https://www.ng.ru/culture/2000-04-14/7_happytawn.html (accessed 10.02.2021).

Shafranskaya E. F. *Postkolonial'naya problematika sovremennoj russkoj literatury* [Postcolonial Problems of Modern Russian Literature]. *Respectus Filologus*, 2015, no. 28 (33), p. 9–23. (in Russ.)

Solomina V. V. *Osobennosti realizatsii oppozitsii "svoj – chuzhoj" v razlichnykh vidakh diskursov. Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. Filologiya* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Philology], 2014, vol. 1, no. 3, p. 176–182. (in Russ.)

Tsimbalova Yu. A. *Oppozitsiya "svoj – chuzhoj" v tsikle rasskazov E. D. Ajpina "Vremya dozhdej"*. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, and culture], 2014, no. 4 (46), p. 273–277. (in Russ.)

Volos A. *Khurramabad: [roman-punktir]*. Moscow, Zebra E Publ., 2005, 480 p. (in Russ.)

Zemskov V. B. *Rossiya "na perelome"* [Russia "at the breaking point"]. In: *Na perelome. Obraz Rossii proshloj i sovremennoj v kul'ture, literature Evropy i Ameriki (konets XX – nachalo XXI v.)*. Moscow, Novyj khronograf, 2011, p. 4–46. (in Russ.)

Сведения об авторе

Мароши Валерий Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФБГОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (Новосибирск, Россия)

maroshi@mail.ru

Information about the Author

Valerij V. Maroshi – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, chair of Russian literature, theory of literature and methodology of literary teaching, Novosibirsk State Pedagogic University (Novosibirsk, Russian Federation)

maroshi@mail.ru

Сюжеты литературной жизни Ленинграда 1920–1930-х годов

УДК 82-1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-117-165

Даниил Хармс в дневниках отца: избранные места

А. Б. Устинов

*Книгоиздательство «Аквилон»
Сан-Франциско, США*

Аннотация

В настоящей публикации представлены избранные дневниковые записи Ивана Павловича Ювачёва (1860–1940), отца Даниила Хармса, которые имеют к нему непосредственное отношение. Записи даются по сохранившимся тетрадям Ювачёва, вошедшим в девятую книгу его «Собрания дневников», изданного в 2020 г. «Галеев-Галереей». Избранные фрагменты охватывают временной период с 7 октября 1922 по 29 марта 1931 г. Хронология этого тома отражает начало литературного пути и постепенное наращивание творческой активности Хармса, прерванной его арестом 10 декабря 1931 г. по «Делу Детского сектора Госиздата». Дневники Ювачёва рисуют Хармса в бытовой семейной обстановке и показывают его непростые взаимоотношения с отцом и домашними. Ювачёв не одобряет творческие занятия сына, но искренне переживает за него и ищет точки соприкосновения. Поэтому его записи хотя бы отчасти затрагивают литературную деятельность Хармса, в том числе подготовку выступлений ОБЭРИУ. Так в дневниках появляются его творческие соратники: Александр Введенский, Николай Заболоцкий, Борис (Дойвбер) Левин, Леонид Липавский, Самуил Маршак. Публикация сопровождается вступительной статьей и необходимыми комментариями, которые касаются прежде всего эпизодов литературной биографии Хармса на фоне ленинградской культуры 1920-х – начала 1930-х гг.

Ключевые слова

Д. Хармс, А. Введенский, И. Ювачев, ОБЭРИУ, дневники, литературный быт, литературный Ленинград

Для цитирования

Устинов А. Б. Даниил Хармс в дневниках отца: избранные места // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1. С. 117–165. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-117-165

Daniil Kharms in His Father's Diaries: Selected Passages

A. B. Ustinov

*“Aquilon” Books & Publishing
San Francisco, USA*

Abstract

This publication presents selected passages from the diaries of Ivan Pavlovich Yuvachev (1860–1940), which are directly related to his son, Daniil Kharms. These selections are pre-

© А. Б. Устинов, 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

sented in accordance with Vol. 9 of Yuvachev's "Collected Diaries," published by the "Galeev-Gallery" in 2020. They cover the diary entries made from October 7, 1922 through March 29, 1931. That volume of "Collected Diaries" reflects the beginning of Kharms' literary activities and their gradual increase until his arrest in the "Case of the Children's Literature Sector of the Gosizdat" on December 10, 1931. Yuvachev's diaries depict Kharms at home in an everyday environment and demonstrate uneasy relationship with his father and the rest of the family. Yuvachev does not approve of his son's creative pursuits, but sincerely worries about him and is constantly looking for the common ground. Therefore, his diary entries at least partially touch upon Kharms' literary work, including the performances of the Collective of Real Art (OBERIU). Also, they mention his creative collaborators – Alexander Vvedensky, Nikolai Zabolotsky, Boris (Doyvber) Levin, Leonid Lipavsky, Samuil Marshak. The publication is accompanied by an introductory article and a necessary commentary, intended to reconstruct episodes of Kharms' literary biography against the background of the Leningrad culture of the 1920s and early 1930s.

Keywords

Daniil Kharms, Alexander Vvedensky, Ivan Yuvachev, OBERIU, diaries, literary life, literary Leningrad

For citation

Ustinov A. B. Daniil Kharms in His Father's Diaries: Selected Passages. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 117–165. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-117-165

По всей вероятности, вся моя жизнь пройдет в страшной бедности, и хорошо жить я буду только пока я дома, да потом, может быть, если доживу лет до 35–40.

Даниил Хармс

When Novalis was asked where he thought he was tending, what his art was about, he said 'I am always going home, always to my father's house.'

Isaiah Berlin

Представляемые здесь фрагменты дневников отца Даниила Хармса Ивана Павловича Ювачёва (1860–1940) выбраны из девятой книги издания их полного свода, осуществленного московской «Галеев-Галереей» [Ювачёв, 2020]. Хронология этого тома отражает начало литературного пути Хармса и последующее наращивание его творческой активности, неожиданно прерванной на взлёте «славными ребятами из железных ворот ГПУ», – как впоследствии напишет другой поэт.

Дневники Ювачёва рисуют Хармса в иной обстановке – домашней, бытовой, семейной и лишь отчасти литературной. Отец поэта, будучи, в свою очередь, очеркистом и мемуаристом, пытается заинтересовать сына, например, толкованием евангелий и даже привить ему «дичок» народнической словесности. По несчастью или счастью, Хармс остается к этому совершенно глух, никак не воспринимая «некрасовскую» поэтическую линию. Зато он следует отцовскому совету, когда записывает в собственном дневнике, начатом поздней осенью 1924 г.: «Чи-

тай сидя за столом и имей при себе карандаш и бумагу. Записывай мысли из книги, а также и свои, мелькнувшие из-за чтения или по другой какой причине. (Папа)» [Дневниковые записи..., 1991, с. 428]. Одной из причин становятся их домашние беседы, и Хармс чуть позже отметит в дневнике их обмен афоризмами:

Не ищи глупого – сам найдется, ищи мудрого – нигде не найдешь. (Папа).
Глупый ищет мудрого среди глупых, а мудрый находит его. (Я) [Там же, с. 437].

Поскольку главный интерес Хармса – это стихотворчество, он следует рекомендациям отца и берется за проработку книг своих предшественников, которые работают в русле нетрадиционной, непривычной, «заумной» поэзии. Так в составляемых им с удивительным постоянством книжных списках появляются заглавия брошюр Алексея Кручёных¹ – «Ожирение роз. О стихах Терентьева и др.»² и «500 новых острот и каламбуров Пушкина»³, а также доступных на тот момент публикаций «Председателя Земного Шара»⁴. Без всякого одобрения Ювачёв записывает 4 апреля 1929 г.: «Теперь они <Хармс и его литературные соратники. – А. У.> носятся с умершим поэтом Хлебниковым, видя в нем гения» [Ювачёв, 2020, с. 256]⁵.

¹ Ср. замечание в предисловии к публикации дневниковых записей Хармса: «Характерно, что упразднение ОБЭРИУ совпало по времени с прекращением официальной издательской деятельности А. Кручёных» [Дневниковые записи..., 1991, с. 419].

² См.: [Дневниковые записи..., 1991, с. 515].

³ См. в списке книг Хармса лета-осени 1925 г. [Дневниковые записи..., 1991, с. 434]. Эта книга Кручёных, безусловно, выделялась «чинарями» в ряду других его работ, посвященных «сдвигологии русского стиха»; собственно, сама идея «звукового сдвига, образующего слово, не бывшее в тексте», стала одной из актуальных в ранней поэтике Хармса и Александра Введенского. В контексте штудий Кручёных «О львах» [500 новых острот..., 1924, с. 31, 40] интересно отметить, что при публикации в сборнике ленинградского Союза поэтов монолога Грекова из поэмы Введенского «Минин и Пожарский» в строке «то знали ль вы не знали вы» была допущена ошибка, и звуковой сдвиг попал в печать: «то – знали львы – не знали львы» [Костер, 1927, с. 24]. Ср. приводимый Кручёных пример *сдвигологии* в романе «Евгений Онегин»: «сосна садится в ванну со льдом» [500 новых острот..., 1924, с. 7, 53], – и ремарку Хармса в «Лапе» («у храпа есть концы голос...»): «МАР<ИЯ> ИВ<АНОВНА> СОСНА» [Хармс, 1978–1988, кн. 2, с. 99].

⁴ См. подробнее в предисловии к публикации дневниковых записей Хармса, где также приведено свидетельство А. Пантелеева: «Немножко, особенно в профиль, он <Хармс> был похож на Хлебникова, и его это радовало (не могло не радовать): как и всё Оберну <sic!>, он считал себя – и был – почитателем и последователем великого поэта» [Дневниковые записи..., 1991, с. 418–419]. Ср. упоминания в эти годы в записных книжках его произведений: «“Зангези” Велимира» [Там же, с. 438, 440] и комментариев [Там же, с. 531]; «Хлебников. Ночь в Окопе» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 109] и комментарий Хармса к «заумной» трагедии Игоря Терентьева «Жордано Бруно» (1924): «Речь хлебниковская» [Там же, с. 208].

⁵ См. запись Хармса летом 1925 г.: «Заумь. Крученых и Хлебников», – сделанную вслед за упоминанием стихотворения Николая Асеева «Собачий поезд» [Дневниковые записи..., 1991, с. 432]. О значении этого стихотворения, в котором Асеев использовал нетрадиционный брахиколон, – как заметил Александр Квятковский в своем «Поэтическом словаре» [1966, с. 64], здесь «перемежаются односложные и двусложные слова», – ставший предметом для пародии Владислава Ходасевича, см. в нашей работе: [Устинов, Лоцилов, 2019, с. 315–316].

Хармс придумывает свою версию поэтического эксперимента – «Направление Взорь Зáuми»⁶. В его случае это заумь не лексическая, как *еуы* или *дыр бул щыл* Кручёных, и не морфологическая, как у Хлебникова, – в ранних произведениях Хармса не так много неологизмов, – а скорее, *смысловая*: даже если слово звучит как новое и незнакомое, т. е. *заумное*, его значение вполне можно угадать, в крайнем случае – предположить. Поэтический эксперимент Хармса – это эксперимент со значениями слов, позволяющий «сбросить» устоявшиеся клише и открыть новые ракурсы художественного воплощения действительности. Отталкиваясь от опытов «Взорь Зáuми», его поэзия становится частью нового искусства – одновременно словесного и визуального, – которое прозвучит в названии *ОБЭРИУ – Объединение Реального Искусства*.

Драматург и режиссер Александр Разумовский вспоминал в августе 1978 г.: «От них <участников *ОБЭРИУ* Игоря Бахтерева и Дойвбера Левина. – А. У.> я узнал, что группа поэтов, именующих себя “Левый Фланг”, по идее Хармса, предпочитает стать творческим объединением всех искусств. <...> Он <Левин> мечтал о создании театра необычайной драматургии и театральной формы и столь же необычных впечатляющих средств, по характеру своему, видимо, близкого поэтическим исканиям “Левого Фланга”. <...> Юра <Владимиров> присоединился к творческому объединению годами двумя позднее»⁷.

ОБЭРИУ станет следующим «этапом» в литературной эволюции Хармса. Декларация этого «свободного и добровольного» объединения с его ориентацией на *реальное искусство* открыто провозгласит: «Нет школы более враждебной нам, чем заумь» [Без подписи, 1928, с. 11], – подтверждая записанное им наблюдение о смене литературных эпох: «Смежные литературные этапы имеют контрастное взаимоотношение» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 163]. Но даже этот показательный отказ от зауми для любящего отца Хармса останется совсем чуждым и нездешним, идущим вразрез с его собственным жизненным укладом и представлениями об искусстве.

Едва ли не самым показательным свидетельством Ювачёва о литературных занятиях сына становится запись, относящаяся к периоду активной деятельности *ОБЭРИУ* и сделанная почти через год после триумфального вечера «Три левых часа» в Доме печати. «У Даниила было собрание представителей крайних течений в литературе, театре, искусствах, – записывает он 9 декабря. – Вообще – обереуты. Но я слышал их рев (репетиция какой-то пиесы Даниила) на разные голоса и подумал: они – ревуты» [Ювачёв, 2020, с. 184]⁸.

Речь идет о подготовке выступления «Василий Обэриутов», намеченного на 12 декабря 1928 г. в Институте истории искусств (б. Зубовском). Той же осенью Хармс начинает командовать фронтом публичных выступлений *Объединения*⁹

⁶ См.: [Jaccard, Ustinov, 1991, S. 159–228].

⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1254. Ед. хр. 12. <Б. п.>.

⁸ См. также две следующие записи – 10 и 11 декабря: «У Даниила опять репетиция»; «У Даниила собрание обэриутов» [Ювачёв, 2020, с. 185–186]. Вечер «Василий Обэриутов» был отменен (см. ниже комментарии к дневниковой записи Ювачёва).

⁹ Ср. запись этого времени: «Мне поручено. Объединение и Ассоциация. О выступлениях “как работать”?» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 248].

и разрабатывает варианты литературных перформансов, включающих театральные и цирковые номера. Первая запись сделана в ночь с 5 на 6 сентября:

1.
Постановка монтаж<н>ая нам <в>четвером. Вигилянский, Левин, Бахтерев, Хармс.
2.
Найти человека, который устроил бы нам литер<атурные> вечера.
3.
Вечер на ширмака.
4.
Специальная программа для клубных вечеров.
5.
Пропаганда по ресторанам.

По ресторанам.
Кофе с огурцами.
Чай с яйцами.
При знаках молоко трубочкой тянуть.
7 стаканов чая на троих.
Манная каша. v
Пшённую кашу.
Селёдка с молоком.
Чай с морковью.
Репа.

Буфет.
Бар.
Федоров <Ресторан В. Федорова (Екатерининская ул. д. 8). – А. У.>.
Владимирский клуб.
Крыша <Ресторан гостиницы «Европейская» (Михайловская ул. д. 1). – А. У.>.
Фойэ в Гранд Паласе.

Читать Азбуку.
Чёрный лист.
Сыпать из бумажки.
Сидеть с закрытыми глазами.
Иметь через плечо вышитое п<о>лотенце.
Ножницами резать огурцы?
Разогревать свои кушания.

Играть за пивом в оловянных солдатиков.
Подвязывать салфетки и кормить друг дружку.
Притти в латах.
Всем троим заикаться.
Тёмные очки ¹⁰.

Следующие записи лишний раз свидетельствуют о масштабности «выдумок» Хармса и дальнейшем расширении пространства борьбы *Объединения* против культурной стагнации:

Цимбал ¹¹ точка зрения зрителя.

¹⁰ Записная книжка № 14. Впервые в сокращении: [Мейлах, <Эрль Вл.>, 1987, р. 191]; ср.: [Хармс, 2002, кн. 1, с. 240–241].

1. Количество выступающих и персонально.
2. Литературный или же не только литературный.
3. Разговор с Заболоцким и с Вагиновым.
4. Вечер в пиджаках или в колпаках.
5. Вечер бесплатный или платный.
6. Договор, комиссия.
7. Проект вечера (выдумки).

Левин ¹² сам не читает, а за него читает девица из ЛИХРа ¹³.

Вид сцены.

На заднем плане дощечки и картины. Направо плакат. Налево лозунги.

Есть суп. Пить фиолетовую и зелёную жидкость.

Конферансье (Женька <Вигилянский>) в мантии.

1. Тёмная морда, белые волосы.
2. Лицо [Ар<лекина>] Пьерро с усами.
3. Усики с<о> стетсоном (соломенным).

Конферансье с жезлом.

Один эстрадный номер.

Хорошо Антонио ¹⁴.

Читать хором.

Вульффиусу ¹⁵ написать музыку для мелодекламации.

Бессмысленный доклад.

Доклад Шимкевича ¹⁶.

¹¹ Сергей Цимбал, один из основателей театрального коллектива «Радикс», который «рухнул» 10 ноября 1926 г., а его участники вошли в состав «Фланга Левых».

¹² Дойвбер Левин, к тому времени автор рассказа «Семейство Рыжих», который Хармс упоминает в Записной книжке № 8, также пришел в *ОБЭРИУ* из «Радикса».

¹³ Возможно, аббревиатура для «Литературных и художественных работников».

¹⁴ «Король свиста» Антонио принимал участие в «радиксовском» спектакле «Моя мама вся в часах» в постановке Кох-Боота (Георгия Кацмана), который открывала «танцовщица-каучук» Зина Бородина (см.: [Дневниковые записи..., 1991, с. 535]). «Удавалось привлекать и знаменитостей, – вспоминал Г. Кацман, – среди них известного Антонио, который выставлял блюз Онеггера, однако со своеобразным “русским колоритом”, заставляющим теперь вспомнить “Мавру” Стравинского; как только принесли ноты, он стал тут же, с листа, выставлять свою партию. Хармс, который вообще был очень музыкален, говорил, что хотел бы соединить Онеггера с “настоящим гвардейским барабаном”. В результате Онеггер был сведен к партии рояля в аккомпанементе к русской, цыганской даже, польке (в духе Соколовского), образующей странную с Онеггером гармонию. Музыка композиторов французской “шестёрки” <т. е. *Les Six*. – *A. Y.*> подбирал и исполнял М. С. Друскин» [Мейлах, <Эрль Вл.>, 1987, р. 166–167].

¹⁵ Композитор Павел Вульффиус сделал музыкальное оформление вечера «Три левых часа» и написал музыку к постановке «Елизаветы Бам».

¹⁶ Константин Шимкевич, сотрудник отдела истории словесных искусств и заведующий кабинетом современной литературы Института истории искусств. Ниже Хармс записывает: «Что нужно сделать: <...> Договориться с Шимкевичем»; «Поговорить с Шимкевичем» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 252–253].

Доклад об Астрономии или о червях.

Кропачёв – жонглер ¹⁷.

ПРОГРАММА вечера.

Местное сообщение.

Доклад литературный. 10 м<инут>

Доклад астрономический 10 <минут>

Вагинов 7 <минут>

Заболоцкий 10 <минут>

Романс 5 <минут>

Антракт 10 м<инут>

Доклад обэриутский 5 <минут>

[Хармс] Левин 12 <минут>

Хармс 10 <минут>

Кропачёв жонглёр 3 <минуты>

Бахтерев 5 <минут>

Введенский 10 <минут>

Коллективное выступление.
Концовка 2 <минуты> ¹⁸

<...>

На диспуте.

Усы углем.

есть суп.

председатель диспута Вигилянский.

Поручить написать:

1. Театр<альное> действо – Хармс.
2. Бессмысленный доклад – Хармс, Бахтер<ев>.
3. Конферанс – <Вигилянский>.
4. Разработ<ать> приготовление – Все.
5. Худ<ожественное> оформление – И. Бахтерев ¹⁹.

Кроме того, Хармс составляет список возможных площадок для выступлений *ОБЭРИУ*:

¹⁷ Как вспоминал «последний обэриут» Игорь Бахтерев, во время вечера «Три левых часа» Хармс «попросил соблюдать тишину и объявил, что в эти минуты на углу Проспекта 25 октября (так тогда назывался Невский) и улицы Имени 3 июля (так называлась Садовая) Николай Кропачёв читает свои стихи. Действительно, тем временем поэт, а в первую очередь кочегар торгового флота Кропачёв, удивлял бормотанием прохожих. Он успел вернуться до первого антракта и исполнить крохотную роль нищего в спектакле «в постановке “Елизаветы Бам”. – А. У.» [Бахтерев, 1984, с. 90]. См. также: [Дневниковые записи..., 1991, с. 535].

¹⁸ Записная книжка № 15. Впервые в сокращении: [Мейлах, <Эрль Вл.>, 1987, р. 191–192].; ср.: [Хармс, 2002, кн. 1, с. 251–252].

¹⁹ Записная книжка № 15. Впервые в сокращении: [Мейлах, <Эрль Вл.>, 1987, р. 192].; ср.: [Хармс, 2002, кн. 1, с. 258–259].

1. Университет.
2. Институт Истории Искусств.
3. Ц<ентральный> Д<ом> Р<аботников> П<ечати>.
4. Ц<ентральный> Д<ом> И<скусств>.
5. Дом Печати.
6. Бывший Дом Печати [Хармс, 2002, кн. 1, с. 252].

«Василий Обэриутов», который должен был вести Евгений Вигилянский [Дневниковые записи..., 1991, с. 523]²⁰, задумывался как «вечер в трех покусах», пояснял Андрей Крусанов, «при участии Левина, Хармса, фокусника А. А. Пастухова, Бахтерева и Введенского. Предполагалось театральное действие “Зимняя прогулка” Бахтерева и Хармса, музыка П. А. Вульфуса. Вечер был отменен администрацией ГИИИ. Вечер отменен из-за афиши, на которой значилось: “12 деркаребаря”» [Хроника..., 2004, с. 440].

Ювачёв не одобряет творческие занятия сына, но искренне переживает за него и ищет точки соприкосновения. Но и это не получается, поскольку у истоков православного человека с повышенным интересом к богословию, каковым предстаёт он в дневниках, не может не вызвать откровенного возмущения пренебрежительное отношение его сына к церкви и, хуже того, одновременно ведомый им поиск альтернативных путей духовного совершенства. На взгляд Хармса, любое из ритуальных пристрастий – будь то почерпнутое им в Петершуле лютеранство или буддизм, или верования Древнего Египта, или магия и откровенная мистика – подходит ему больше православия²¹. Можно сказать, что при всём разном в воззрениях Хармса, в его биографии только поэзия последовательно сохраняет свое апотропаическое значение²².

Как для любого дидакта-ортодокса иные религии выступают категорической ересью, так и для Ювачёва духовные пути его сына оказываются совершенно неприемлемыми. Тем не менее, что-то заданное отцовским воспитанием неизбежно остается и откладывается. Так, создавая весной 1931 г. классификацию «словесных машин»²³ Хармс называет среди них и молитвы²⁴: «Пока из<в>ест<н>о мне [два] четыре вида словесных машин: стихи, молитвы, песни и заговоры. Эти машины построены не путем вычисления или рассуждения, а иным путем, название которого АЛΘАВИГЪ» [Дневниковые записи..., 1991, с. 453]²⁵.

Так же происходит и с попаданием подробностей быта семьи Ювачёвых в произведения начинающего поэта-заумника. Например, можно предположить, откуда у Хармса берётся «Обернибесов». Как ни трудно в это поверить, но фамилия персонажа «Комедии города Петербурга» (1926–1927) принадлежала вполне реальному человеку, посетителю его отца, который дважды упоминается в днев-

²⁰ Вигилянский, прежде участник «Левого Фланга» и «Фланга Левых», считался «администратором» *ОБЭРИУ* (см.: [Хармс, 2002, кн. 1, с. 255]).

²¹ См. остроумную статью об отношении Хармса ко «всяким обрядам»: [Николаев, 1994].

²² Такое же отношение к поэзии сохраняется у Хармса и в 1930-е гг. См.: [Лоцилов, 2015].

²³ См. подробнее: [Лоцилов, 1991].

²⁴ О стихотворных молитвах Хармса см.: [Топорков, 1988].

²⁵ Исправления внесены по автографу: ОР РНБ. Ф. 1232. Оп. 1. Ед. хр. 363. Л. 43 – 43 об.

нике [Ювачёв, 2020, с. 202, 225]²⁶. Непосредственно из записей отца Хармс принимает и обозначение дней недели²⁷ «астрономическими» символами:

- ☾ (Луна) – понедельник;
- ♂ (Марс) – вторник;
- ☿ (Меркурий) – среда;
- ♃ (Юпитер) – четверг;
- ♀ (Венера) – пятница;
- ♄ (Сатурн) – суббота;
- ☼ (Солнце) – воскресенье [Ювачёв, 2020, с. 14].

Поскольку дневники Ювачёва изданы с подробными примечаниями Николая Кавина, комментарии, предлагаемые здесь, в первую очередь касаются литературной биографии Хармса. Тем не менее, следует назвать членов семьи Ювачёвых-Колюбакиных – главных действующих лиц этой пространной летописи. Помимо папы и сына, это жена и мама *Надя* (Надежда Колюбакина; 1869–1929); две ее сестры: *Мария*, или *Маша* (1872–1943?), и *Наташа*, или *Ната* (1868–1945); младшая дочь *Лиза* (Елизавета Грицына; 1909–1992) и ее муж Владимир *Грицын* (1900–1976); ну и, конечно, жена и муза Хармса тех лет – *Эстер* Русакова (1909–1943). Из частых посетителей квартиры № 8 дома № 11 по Надеждинской улице можно упомянуть *Лидию Смирницкую*, ближайшую подругу *Надежды Ивановны*, долгие годы выступавшую в роли экономки Ювачёвых²⁸. Остальные значительные упоминания – это литературные соратники Хармса Александр Введенский, Николай Заболоцкий, Борис (Дойвбер) Левин, Леонид Липавский и почитаемый им Самуил Маршак²⁹.

Выбранные фрагменты печатаются по изданию девятой книги дневников; номера страниц даются в скобках после записей Ювачёва. Для удобства определения дня записи, «реальные» даты вынесены вперед, архаические же указываются следом³⁰.

Я искренне благодарен Ильдару Галееву, без щедрого участия которого настоящая публикация была бы невозможна.

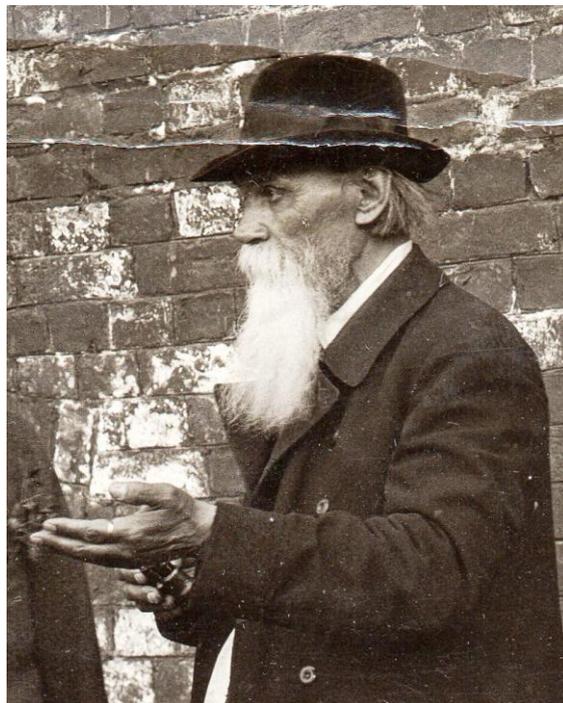
²⁶ См. также справку о нем Н. Кавина [Ювачёв, 2020, с. 474]. В контексте «Комедии города Петербурга» особенно замечательна запись 10 января 1929 г.: «Был у меня Обернибесов. Занимался Апокалипсисом» [Там же, с. 202]. Поясню также, что тетради с дневниковыми записями Ювачёва с 30 июня 1925 г. по 30 октября 1928 г. не сохранились: «...они утрачены (6 дневников!). И вновь возникает лакуна почти в три года» (Кавин Н. Жизнь пунктиром [Ювачёв, 2020, с. 10]).

²⁷ См.: [Дневниковые записи..., 1991, с. 454].

²⁸ И даже прописанную на Надеждинской с 24 декабря 1925 г. (см.: Кавин Н. Жизнь пунктиром [Ювачёв, 2020, с. 9–10]).

²⁹ См. запись Хармса в ноябре 1928 г.: «Учителями своими считаю Введенского, Хлебникова и Маршака» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 313].

³⁰ Записи начинаются 14 сентября 1922 г. Предшествующие им две тетради дневников, включавшие записи, сделанные Ювачёвым после 10 октября 1920 г., утеряны (см.: Кавин Н. Жизнь пунктиром [Ювачёв, 2020, с. 7–8]).

Иван Павлович Ювачёв
Ivan Yuvachev

1922 год

ñ 7 окт<ября> / 24 сент<ября>. Петроград.

Утром в Петрограде. <...> Приехал из Царского <Села> Даня франтом. Мария обряжает его вовсю. <...> [25]³¹.

○ 8 окт<ября> / 25 сент<ября>. Петроград.

<...> За обедом Надя свирепая привязывалась к моим словам, и кончилось бра-
нью. Ушла Лиза, ушел Даня, и я ушел из-за стола, не докончив обед. Всех разо-
гнала. А наготовили 6 блюд. Для Дани особенно – полное блюдо мясных котлет.
Даже он запротестовал, что это нехорошо выделять его из всех так открыто. <...>
Даня уехал в 5 ч<асов> в Царское Село [25–26].

○ 22/9 окт<ября>. Петроград.

Утром снег. <...>

Вчера приехал Даня из Царского, а сегодня уехал. <...> [32].

³¹ Здесь и далее номера страниц указываются по изданию: [Ювачёв, 2020].

ϕ 6 дек<абря> / 23 нояб<ря>. Волхов<стройка>.

Кое-как свел отчет за ноябрь. Получил письмо от Нади. <...> Наде стало полегче. Даня кончает свои экзамены. <...> [44].

ћ 30/17 дек<абря>. Петроград.

<...> Утром был в церкви Знамения. <...> Приехал Даня. Много пирогов, тётрки, наст<оющего> кофе³². <...> [52–53].

⊙ 31/18 дек<абря>. Петроград.

<...> Встреча Нового года втроем – я, Надя и Лиза. Даня был у товарищей и пил. Они сильно напились. Даня был крепок на ногах, так что ему пришлось развозить других. Но мать была огорчена, что Даня не встречал с нами Новый год. <...> [53].

Петроград. Знаменская церковь. 1920-е гг.
Petrograd. The Znamenskaya Church. 1920s

1923 год

⊗ 1 января / 19 декабря. Петроград.

<...> Ходил записываться в очередь на проездной билет на Николаевском вокзале. Дома сборы в дорогу. Обед и в 4 ½ ч<аса> тронулся с Даней. <...> [53].

³² 30 декабря – день рождения Хармса.

¶ 6 янв<аря> / 24 дек<абря>. Петроград.

<...> Был у Александра Иван<овича> Бриллиантова³³ <...>. Я рассказывал Даниилу, а потом Алекс<андру> Иван<овичу> о сед<ь>мице Даниила и потом записал это. Ходил с Лизой за ситным. <...>

Надя устроила «богатый вечер» – лещ с кашей, кутя рисовая, узвар-компот, кофе с ситным и пряники ее печения. Я спел «Рождество» и «Деве Днесь». <...> [55].

○ 7 янв<аря> / 25 дек<абря>. Петроград.

<...> Дома пил кофе с семейством. Никуда не ходил. <...> Вечером, когда я хотел с Надей пойти в церковь, пришли Ната и Маша. Долго говорили вчетвером о Дане <...>. Ната обрисовала его как лжеца до мозга костей и лентяя. Я очень поражен, т. к. Надя говорила всегда, что он правдив. <...> Ната и Маша в 9 ч<асов> веч<ера> уехали в Царское Село. <...> [56].

1924 год

♂ 29/16 окт<ября>. Волховстрой.

<...> Вообще сегодня я расстроен. А тут еще письмо Нади: у ней нервная экзема, у Лизы – ангина, а у Дани – насморк. Денег ни копейки, масса долгов и пр. (без сапог Даня, плата на учение). <...> [65].

⊃ 30/17 окт<ября>. Петроград.

<...> Дома застал спящего Даниила. Надя сильно занята в прачечной и бельевой. <...> [65].

♂ 2 дек<абря> / 19 ноября. Петроград.

<...> Даню сегодня я не видел. Он был в постели утром, а вечером пришел поздно. <...> [76].

♀ 3 дек<абря> / 20 нояб<ря>. Петроград.

<...> Застал Даню за ужином [77].

⊃ 4 дек<абря> / 21 ноября. Петроград.

<...> После обеда я, Надя, Даня и Лиза, все вышли вместе. Я с Даней на вокзал, а Надя с Лизой за покупкою башмаков для Лизы. Я дал Наде в два приема 66 р<ублей> и 30 р<ублей>, да закупил ей разных хозяйственных предметов на 7 ½ р<ублей>. Итого: 103 ½ р<убля>. <...> [77–78].

© 29/16 декабря. Волховстрой.

<...> Он <Г. Вовкогонов. – А. У.> привез мне сапоги, которые куплены были для Даниила. <...> [85].

♂ 30/17 дек<абря>. Волховстрой.

Рано проснулся (в 3 ч<аса>), читал в постели. Даниил именинник. Я одел его сапоги (ему, говорит он, жмут ногу). <...> [85].

³³ Богослов, знакомый Ювачёва; его адрес был записан Хармсом [Хармс, 2002, кн. 1, с. 52, 59].

1925 год

♀ 2 янв<аря> / 20 дек<абря>. Петроград.

Всю ночь провозился с Надей. <...> Сдал деньги и отчет и уехал на трамвае на Сенную, где заходил в церковь Спаса. Оттуда в Гостиный Двор, купил в лавке Камвольного треста на 50 р<ублей> материи Лизе на пальто и на юбку, Наде – на английскую блузку, Дане – на брюки. <...> [86].

○ 4 янв<аря> / 22 дек<абря>. Петроград – Волховстрой.

<...> Был Георгий Никол<аевич> Матвеев, брат Венедикта³⁴. Данька с ним зится. К Лизе пришли Верочка Ювачёва³⁵ с подругой. Эти последние полчаса много огорчений. Я сказал Наде, что надо жить экономно: у нас большие долги. Она рассердилась. <...> Даниил говорил, что он провожает меня, а сам ни с места. Я жду его, а он одел шляпку Верочки и разыгрывает шута горохового. Потом говорит, что у него сапоги мокрые, пальто мокрое... и в то же время – «Папа, я сейчас, сейчас пойду» – и не идет... А уже поздно, я боюсь запоздать. Это меня расстроило. <...> [88].

○ 11 янв<аря> / 29 дек<абря>. Петроград.

<...> Дома застал всех, даже и Жоржа Матвеева, который ночует с Даниилом. <...> [90].

♂ 4 февр<аля> / 22 янв<аря>. Петроград.

В поезде на станции Волховстрой я один попал в арестантский вагон. Потом я пересел, хотя меня никто не гнал. <...> Всех застал дома. Я наскоро выпил кофе и поехал с Даней. Он в техникум³⁶, а я в Союз. <...> Дома занялся отчетом. Лиза сердит мать. Даня ведет себя по-прежнему [95].

○ 8 февр<аля> / 26 янв<аря>. Петроград.

<...> После обеда собрался ехать. Надя проводила до улицы. Лиза до вокзала, а Даня до билетной кассы. Я его задержал, а ему надо ехать в Царское Село. Я не знал это и погнал его, а он рассердился. <...> [97].

♂ 17/4 февраля. Волховстрой.

В Рабкоме утром получил письмо от Нади. Оно было грустно, потому что Лиза с насморком сидит дома, а Даня без сапог. Купить не на что трамвайные билеты. <...> [100].

³⁴ Брат поэта Венедикта Марта (Матвеева), крестного сына Ювачёва. «С Хармсом я познакомился в 1924 году, – вспоминал Г. Матвеев, – в то время я работал каталом на фабрике “Свобода”, Выборгская сторона. Адрес его мне дал мой брат Венедикт Март» [Дмитренко, Кобринский, 2010, с. 310]. 26 марта 1925 г. Матвеев сделал запись в альбомчике Хармса: «Люби поэзию!» [Там же, с. 307]. В мае 1926 г. Хармс записал его адрес: «Владивосток. Мальцовский базар. Мальцевская ул. 17, кв. 8. Г. Н. Матвееву» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 71].

³⁵ Вера Апинс (1910–1981), племянница Ювачёва. См. о ней: [Ювачёв, 2020, с. 444–445].

³⁶ В то время Хармс учился в I Ленинградском электротехникуме (см.: [Хроника..., 2004, с. 419]).

☐ 5 марта / 20 февр<аля>. Петроград.

На улице ночью вьюга. У вокзала черная кошка, потеряв свой дом, подбегает к прохожим и мяучит. Я ее прогнал от себя. В вагоне читал английскую брошюру и дремал.

Дома Даня спал. Лиза в школе и в Ботаническом саду. Надя на работе. <...> [103–104].

☐ 7 марта / 22 февр<аля>. Петроград.

<...> Ужин (сазан-рыба). Даня не ночевал. Он читает где-то новые стихотворения (декламация под музыку). [105].

☉ 8 марта / 23 февр<аля>. Петроград.

Ясное утро. Солнце. Мороз. <...> Даня сегодня не ночует дома. Лиза в 11 ч<асов> валяется в постели. Мать и я сердимся. <...>

Дома <...> ни Дани, ни Лизы не было. Так я и уехал, не повидав их. Меня провозжала до трамвая Надя, неся часть моего багажа [105–108].

☐ 4 апр<еля> / 22 марта. Волховстрой – Петроград.

<...> После обеда направился к Алекс<андру> Иванов<ичу> в costume Даниила (цвета австрийского сукна). У нас обедал Николай Алексеев<ич> Клюев – поэт. Я и его взял к Алекс<андру> Иванов<ичу>. После переговоров за общим чаем Клюев читал свое сочинение «Мать-суббота»³⁷. Очевидно, он очень любит это сочинение, и читал, вкладывая в него много содержания в звуках. Потом все вчетвером пошли ко всеобщей на Афонское подворье и стояли до конца. <...> [116].

☉ 5 апр<еля> / 23 марта. Петроград.

<...> Дождал Даниила, но он пришел поздно, когда мы ушли на «вербы»³⁸, а оттуда в Казанский собор. Тут мы расстались. <...> [117].

♂ 7 апр<еля> / 25 марта. Петроград.

<...> Я дал жене 45 р<ублей> да потратил на нее около 5 р<ублей>. Даня провёл меня в 6 ч<асов> до вагона. <...> [118].

♀ 17/4 апр<еля>. Петроград.

Пасмурно. <...> Дома беседа с Даниилом. Я ему высказал свой взгляд на его шалопайство. <...> [122].

☉ 26/13 апр<еля>. Петроград.

<...> Беседа с Даниилом о конце мира.
Дождь и грязь. [127]

³⁷ Поэма «Мать-Суббота» (Пг.: Полярная Звезда, 1922) – одно из самых известных сочинений Н. Клюева, которое он охотно читал на официальных литературных встречах и частных поэтических вечерах.

³⁸ На этот день пришлось пятое великопостное воскресенье. В 1925 г. православная церковь отмечала праздник Пасхи 19 апреля (см. запись в этот день: [Ювачёв, 2020, с. 123]).

Ленинград. Казанский собор. Середина 1920-х гг.
Leningrad. The Cathedral of Our Lady of Kazan. Mid 1920s

¶ 16/3 мая. СПб.

<...> Я читал Апокалипсис XXI г<лаву>.

Даниил рассердил меня стихотворением, где задевает церковь и христианские догматы³⁹ [135].

© 18/5 мая. СПб.

<...> Дома застал и Даню, и Лизу в постели. Меня возмущает поведение ребят.
<...> Лиза не пошла в школу. <...> [135].

≡ 21/8 мая. СПб.

<...> У нас гостит Георгий Матвеев. Не нравится мне он, по словам Нади, но Даниил в восторге⁴⁰. <...> [136].

ϣ 3 июня / 21 мая. СПб.

<...> Дома беседа с Даней [143].

³⁹ Из известных нам произведений Хармса больше всего под это описание подходит его стихотворение «Землю, говорят, изобрели конюхи» (впервые: [Jaccard, Ustinov, 1991, S. 190–193].

⁴⁰ См. также в его записи на следующий день: «У нас гостил со вчерашнего дня Георгий Матвеев» [Ювачёв, 2020, с. 137].

¶ 6 июня / 24 мая. СПб.

<...> Даня встревожен. Партия комсомольцев восстала против беспартийных. Пошел на общее собрание. Я ходил на рынок за покупками. <...> [145].

¶ 25/12 июня. Волховстрой.

Ясный день, но ветреный. <...> Был у Елсаковых⁴¹ и просил устроить Даню, т. к. в письме Надя пишет о нем⁴². <...> [155].

1928 год

¶ 31/18 октя<бря> 1928 г<ода>. СПб.

<...> Даниил третьего дня разбрался с родными Эстер. Она ночует у нас, а прописана у родителей. Те не выписывают ее, п<отому> что Даниил не имеет средств. А нам надо из-за нее оплачивать лишнюю площадь. Но это не мешало сегодня ночью ночевать у нас Эстер. Мать хоть заочно бранит ее, но ради Даниила всё готова сделать для них и всё терпеть⁴³. <...> [161].

¶ 1 ноября / 19 окт<ября>. СПб.

<...> Даниил получил из Москвы 100 р<ублей>⁴⁴. Надя жалуется на недомогание⁴⁵ [162].

⁴¹ Знакомые Ювачёва Параскева и Иван Елсаковы, с которым он вместе работал на Волховстрое.

⁴² Ко второй половине августа 1928 г. относится «Эпиграмма Папе» Хармса, и ее вторая версия («№ 2»).

⁴³ В эти дни (между 29 и 31 октября 1928 г.) Хармс пересматривает направление деятельности *Объединения Реального Искусства* и отмечает в записной книжке:

В понедельник <вероятно, 29 октября. – А. У.> Звонок Вагинова.

Обэриу.

К Обэриу.

Считать действительными членами Обэриу: Хармс, Бахтерев, Левин, Введенский. 4 челов<ека → Литер<атурная> секция. Вигилянский – администратор.

Создать Художественную секцию Обэриу. Пригласить Бахтерева, Каплуна.

Принцип: Не надо бояться малого количества людей. Лучше три человека вполне связанных между собой, нежели больше, да постоянно несогласных [Хармс, 2002, кн. 1, с. 255].

⁴⁴ См. дневниковые записи Хармса, сделанные в ожидании перевода:

Ни сегодня, ни завтра я перевода из Москвы не получу.

4–5 час. дня. Четверг, 18 октября 1928 года.

Сегодня я денег из Москвы, должно быть, тоже не получу, это я знаю. Часов в 5 дня я смогу сказать себе, – так я и знал!

Даниил Хармс.

Пятница, 19 октября 1928 года. Петербург, 1–2 дня [Дневниковые записи..., 1991, с. 448].

Семья Русаковых. Эстер – в верхнем ряду, в центре
The Rusakov family. Esther is in the middle of the top row

♂ 6 ноября / 24 окт<ября>. СПб.

Погода ужасная. Грязь и сырость. <...> Эстер разругалась с Даниилом и ушла к родителям. <...> [164].

Ср. также его пометку в Записной книжке № 15: «Франсис Карко. О футуристах. На 1 ноября. Ожидать денег из Москвы (100 руб.). <...> Сходить в Д<ом> П<ечати>» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 256].

⁴⁵ 21 марта 1927 г. Хармс отметил в Записной книжке № 8: «Видел страшный сон, будто мама умирает. Очень испугался и проснулся. Теперь всё время беспокоюсь» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 145]. См. запись Ювачёва 18 февраля 1929 г.

♀ 16/3 ноября. СПб.

<...> Лиза ночью была в «Паризиане»⁴⁶, где ей назначила Эстер свидание, и сама не пришла. В то же время Эстер считается больною, вызывают Даниила к ней... [169].

♠ 17/4 ноября 1928 г<ода>. СПб.

<...> Пришли печники и плотники <...>. Пробыли стену в квартиру Макеевой. Поставили печку между комнатами Лизы и Дани⁴⁷. Переставили французский замок. <...> [170–171].

☉ 18/5 ноября. СПб.

<...> У меня постоянно мысль о том – разойтись со своей семьей. До сих пор Даниил меня не приветствует, а держит себя в семье принцем⁴⁸. Лиза каждый день скандалит с матерью [171].

♂ 20/7 ноября. СПб.

<...> Плотники делали мелкие работы. <...> Даниил поставил звонок. <...> Домой пришел около 10 ч<асов> вечера. Студень расстроил пищеварение Наде, Дани и мне (а может быть, уксус?) [172].

☿ 21/8 ноября 1928 г<ода>. СПб.

<...> В эту минувшую ночь где-то Даниил с Эстер был на именинах. Эстер ушла одна и после полночи пришла к нам. Надя не спала. Эстер приходит к ней и начинает плакать на полу около ее кровати с жалобой на Даню, что он ее не любит, что у него завелась другая женщина и проч<ее>. – «А почему Даня не пришел?» – спрашивает Надя. – «Он пьян», – говорит Эстер. Надя велела позвонить ему по телефону. Даня пришел после 4 ч<асов> утра и ночевал с Эстер. <...> [173].

☼ 22/9 ноября 1928 г<ода>. СПб.

<...> Дома чертил план новой квартиры. <...>. Хотя Эстер ночует у Даниила, но всё время у них нелады [174].

⁴⁶ Старое название кинотеатра на Невском проспекте, переименованного в «Октябрь» в 1920 г. 17 августа 1930 г. Хармс записал свои впечатления от посещения этого кинотеатра: «6–8 в кинематографе “Паризиана”. <...> Видел в Паризиане совершенно отвратительный фильм “Крупные неприятности”» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 373].

⁴⁷ А. Разумовский вспоминал комнату Хармса в мемуарной записи (16 июля 1978 г.): «Парадная с улицы, крутая каменная лестница, второй этаж. Комната скромная, ничего лишнего. Мебель старинная, родительская. Только небольшая полка с книгами на стене открытая, современная. Книг немного. Запомнились Гёте на немецком языке, “Алиса в стране чудес” на английском, “Гаргантюа и Пантагрюэль” с рисунками Доре – книга большого формата, которую я потом видел у Заболоцкого. Возможно, ему она и принадлежала» (ОР РНБ. Ф. 1254. Ед. хр. 12. <б. п.>). Ср. пометку Хармса в Записной книжке № 37: «Франсуа Раблэ. “Гаргантюа и Пантагрюэль”» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 163].

⁴⁸ В этот день Хармс закончил стихотворение «Жизнь человека на ветру» («В лесу меж сосен ехал всадник / Храня улыбку вдоль щеки...»), которое он посвятил Эрике Эдельман (1910–1937). Стихотворение было переписано Г. Гором в блокнот (л. 26 – 29 об.) вместе с другими стихами Хармса. Первая публикация: [Хармс, 1978–1988, кн. 1, с. 51–54].

© 26/13 ноября 1928. СПб.

<...> Я просидел весь день дома. <...> Был Трофкунов⁴⁹. За обедом 7 человек (Введенский и Эстер)⁵⁰. Надя в конце сделала грубое замечание мне, крикливое, бранное: «Убирайся к себе (в комнату) и там читай (у меня в руках была газета)! И без тебя тесно». Я ничего не сказал и ушел к себе. <...> [176].

☿ 28/15 ноября. СПб.

Дождь и грязь. <...> Работает плотник с нашего дома и штукатур. Поставили трубу к печке в комнате Даниила⁵¹. <...> [177].

☾ 29/16 ноября. СПб.

Мокро, грязно на улице. <...> Был штукатур, окончил переднюю. Мойка комн-нат Лизы и Дани и переноска туда вещей. <...> Даня и Лиза ночевали в своих комнатах [177].

♂ 1 декабря / 18 ноября. СПб.

<...> Дома я писал в книге чисел (своей). Вечером, после обеда (Заболоцкий и Трофкунов), пошел ко всеобщей на Афонское подворье [178].

© 3 дек<абря> / 20 ноября 1928 г<ода>. СПб.

<...> Соорудил лампадку пред образом 12 праздников (прежнюю Надя продала), а к вечеру я ее зажег. Телефон перенесли из прежней половины в комнату Даниила. <...> Я очень сердился на бумажку, набитую на входных дверях. Небрежно написанное «Д. И. Хармс», и в пятнах разных цветов. И нарисованы уродцы и всякая чушь. Я просил убрать, пока я ответственный квартиронаниматель, п<отому> что могут сделать замечание: не портить внешнего вида дома ребячьими шалостями. Даниил упрямылся, но в конце концов я не вижу этого безобразия. М<ожет> б<ыть>, мать убрала. <...> [179].

♂ 4 дек<абря> / 21 ноября. СПб.

<...> Даниил повесил новый плакат с именем Хармса. Упрямый мальчишка [179].

☿ 5 дек<абря> / 22 ноября. СПб.

<...> Вчера Даниил и Эстер рассорились, что часто бывает между ними. Она убежала домой. Эстер вызвала Лизу к себе, и тихонько ночью обе прошли и ночевали вместе на одной кровати, скрывая от Нади и Даниила.

<...> Даня провел звонок⁵² [180–181].

⁴⁹ Частый посетитель Ювачёва, о котором мало что известно.

⁵⁰ Включая, разумеется, и Хармса.

⁵¹ А. Разумовский вспоминал интерьер комнаты Хармса до установки трубы: «Посередине ее старинный письменный стол без ящиков, с перекрещенными витыми ножками, слева на стене книжная полка; справа от двери постель, покрытая тяжелой накидкой, за ней книжный шкаф, дальше у окна – лысеющее кресло; два-три старых стула; вокруг лампы под потолком – широкий картонный абажур с портретами-кариатурами хозяина на всех его завсегдатаев...» (ОР РНБ. Ф. 1254. Ед. хр. 12. <б. п.>).

⁵² См. запись Хармса: «На 5 дек<абря>. В Госиздат. Поговорить с Олейниковым о загадке Игоря Бахтерева, заказать справку о получках в ноябре» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 275].

♀ 7 дек<абря> / 24 ноября 1928 г<ода>. СПб.

<...> Где-то пропадает Эстер. Ее ищут родные [182].

ћ 8 дек<абря> / 25 ноября 1928 г<ода>. СПб.

<...> Я пересматривал книги. Шел снег среди дня. Эстер нашлась и ночевала у Дани. <...> [183].

⊙ 9 дек<абря> / 26 ноября. СПб.

<...> У Даниила было собрание представителей крайних течений в литературе, театре, искусствах. Вообще – обереуты. Но я слышал их рев (репетиция какой-то пьесы Даниила) на разные голоса и подумал: они – ревуты⁵³. <...> [184].

⊕ 10 дек<абря> / 27 ноября 1928 г<ода>. СПб.

<...> У Даниила опять репетиция. Лиза где-то витает. А я молюсь. <...> [185].

♂ 11 дек<абря> / 28 нояб<ря> 1928 г<ода>. СПб.

<...> У Даниила собрание обэриутов.

Новолуние, по теории [186].

⁵³ Речь идет о подготовке выступления «Василий Обэриутов». «Вот предполагаемая афиша вечера, на котором наряду с чтением стихов должны были показываться фокусы и акробатические номера:

12 деркарЕБАРЯ 1928 г. по новому стилю.

Василий Обэриутов.

1 покус

Доклад доктора Тинвея

Дойвбер Левин – эвкалическая проза

Даниил Хармс – предметы и фигуры

Алексей Пастухов – то же <Пастухов был фокусником. – А. А.>

Игорь Бахтерев – вилки и стихи

Александр Введенский – Самонаблюдение за стеной

Бовальди – три <акробаты. – А. А.>

Центральный шкаф <хоровое чтение. – А. А.>

Антракт–катаракт.

2 покус

Вступительное слово.

Театральное действие “Зимняя прогулка”. Трагедия с музыкой И. В. Бахтерева и Д. И. Хармса. Музыка П. А. Вульфмуса. С участием артистов

Е. И. Вигилянского, А. Я. Грин и Феди Тыкина.

3 покус.

Представление: диспут и разные пуговицы.

Начало в 8 часов.

Раздеваться обязательно.

Василий Обэриутов

Ведет Евг. Вигилянский.

(Из Записной книжки Д. Хармса)

По разным причинам, от участников не зависящим, вечер не состоялся. Однако объявленную в афише “Зимнюю прогулку” обэриутам удалось сыграть, и снова в Доме печати, в 1929 году» [Александров, 1968, с. 303].

☉ 16/3 дек<абря>. СПб. 1928 г<од>.

<...> Вечером дома. Даниил играет с Эстер в «кошки-мышки». Он от нее убежал. Эстер приходила жаловаться Лизе и Наде. У Даниила новая симпатия. У ней тоже кто-то...⁵⁴ Чепуха! [188].

☾ 17/4 дек<абря> 1928. СПб. Варвары память.

Утром в 7 ч<асов> за чаем я сказал Наде про поведение Даниила. Она напустилась на меня. Я вскочил и ушел в церковь <...>.

Эстер ночевала у Даниила. И к обеду пришла. Кто кого обманывает? Не поймешь! <...> [189].

♂ 18/5 дек<абря>.

<...> Пасмурный день. Обедал Заболоцкий⁵⁵ [189].

♀ 19/6 дек<абря> 1928 г<ода>. СПб.

<...> Надя в постели, как вчера, не встает. Вечером я был дома. <...> Вечером в 8-м скандал у Даниила с Эстер, драка, плач... <...>

☾ 20/7 дек<абря> 1928 г<ода>. СПб.

<...> Надя лежит в постели и кашляет кровью. Пасмурно. Темно. Даниил опять с Эстер помирился. У него ночевал Введенский. <...> [190].

♀ 21/8 дек<абря> 1928 г<ода>. СПб. Оттепель.

<...> Так плохо Наде (она вздумала сойти с постели), что я сидел с нею и долго говорил с нею. Она очень осуждала поведение Даниила, поняла, что он кругом всех обманывает и ничего не делает. Также осуждала и Эстер. Рассказала про романы Лизы. Все это не радует, а лишь огорчает нас. <...> Около 7 ч<асов> вечера вдруг припадок с Надей. Она задыхается, ее корчит, она судорожно вытягивается, хватается руками за предметы. Ей с ложечки Лидия Алекс<еевна> дала лекарство (капли валерианы с камфарой). А я стал молиться. Лиза и Эстер бегали и ахали. Дани не было. <...> [191–192].

☉ 23/10 дек<абря> 1928 г<ода>. СПб. – Никольское село.

...в 3-м часу ночи пришли Даниил и Эстер, очень веселые, и она громко болтала и смеялась. Я сердился на них про себя: они не хотят считаться, что все в квартире спят, и они будят. Точно в номер гостиницы пришли! <...>

У Даниила собрание⁵⁶. Я лег после полночи [192–193].

⁵⁴ Возможно, некая Дина Маркова. См. упоминания о ней в записных книжках № 15 и 16 [Хармс, 2002, кн. 1, с. 263, 271, 275–277, 279]; а также в неверно расшифрованной тайнописи Хармса [Там же, с. 272]. В начале января 1929 г. Хармс делает записи о завершении этого романа: «С сего дня у меня с Диной всё кончено. Она теперь будет с Введенским, я ей буду неприятен <...>. Дина больше не моя. Ура! <...> Дина будет с Шурой. А я буду один» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 281].

⁵⁵ Вероятно, после вечера в Институте истории искусств, на котором присутствовал Борис Эйхенбаум. Ср. помету Хармса в Записной книжке № 16: «Заболоцкий читает Семьсот вёрст. Эйхенбауму понравился Заболоцкий, может быть, Введенский, но я никак [это] я ему не понравился. Это истина» [Дневниковые записи..., 1991, с. 527].

♂ 25/12 дек<абря> 1928. СПб.

<...> У нас Маша из Царского ночует <...>, а Даниил – на вечере в Доме Печати⁵⁷. Эстер не смеет показаться к родителям и у нас все время [194].

♀ 26/13 дек<абря> 1928 г<ода>. СПб.

Пасмурно. В 7 ч<асов> Даниил крупно говорил с Эстер. <...>

После обеда Маша уехала. У Даниила гостей много⁵⁸. А я, как чужой, за обедом среди них. Я плачу чуть ли не ежедневно. Целый день читал и писал о грехе. <...> [194–195].

♂ 27/14 дек<абря>. СПб.

<...> Дома застал в 4-м часу Нат<алью> Иван<овну> Коллюбакину. Даниил получил от какого-то литератора письмо и в восторге⁵⁹. Сейчас он вообще в восторженном состоянии, выступает на подмостках⁶⁰. <...> [196].

♀ 28/15 дек<абря> 1928 г<ода>. СПб.

Проснулся очень рано и в постели думал и шил (починка). <...> У Нади забота о Дане. Ему надо явиться 4 января отбывать воинскую повинность, внести 12 р<ублей>, а денег не дают в редакции, п<отому> что их там нет и для служащих. <...> [196].

♂ 29/16 дек<абря> 1928 г<ода>. СПб.

<...> У нас ночует Маша из Царского Села. Она привезла ради именин Дани 2 курицы. Мороз –9° [197].

⁵⁶ Вероятно, встреча с Вигилянским, Бахтеревым и Левиным накануне представления пьесы Хармса и Бахтерева «Зимняя прогулка» в Доме печати 25 декабря 1928 г. (см.: [Хроника..., 2004, с. 440]).

⁵⁷ См. запись Хармса в Записной книжке № 16:

Позвонить Жене <Вигилянскому>. 182-99. 5-62-69.

На вечер 25 дек<абря> идут

1. Вигилянский.

2. Амалия Яковлевна <Гольдфарб>.

3. Бахтерев.

4. Левин.

5. Лина Васил<ьевна Ходоровская>.

6. Эстер.

7. Д. Хармс [Хармс, 2002, кн. 1, с. 279].

Просили устроить

Богаевский 2 бил<ета>

Дина Вас<ильевна Маркова> 2 бил<ета>

⁵⁸ «В среду 26 дек<абря> вечером в ½ 9 у Б. М. Эйхенбаума», – отметил Хармс в Записной книжке № 16 [Хармс, 2002, кн. 1, с. 279]. Очевидно, прежде, чем отправиться к Эйхенбауму, обэриуты собрались на Надеждинской. В этот же день Хармс записал: «Н. Заблоцкий. Печальная смерть одного рыбака. Посвящение Н. <т. е. Заблоцкому. – А. У.>» [Там же, с. 280].

⁵⁹ Возможно, письмо от литератора Геннадия Гора. См. запись Хармса 27 декабря 1928 г.: «Письмо Гор<а>» (Записная книжка № 16; ср.: [Хармс, 2002, кн. 1, с. 280]).

⁶⁰ Ср. запись Хармса: «Обэриу и Л<ев> К<онстантинович> Лисенко. четверг 27 дек<абря> в 2 ч<аса> дня у меня» (Записная книжка № 16; ср.: [Хармс, 2002, кн. 1, с. 279]).

<⊙> 30/17 декабря 1928. СПб.

Ясная звездная ночь. Мороз –6°. <...> Даниил выступает на детском утреннике в Исидоровском училище⁶¹. У нас был утром мальчик 10 лет Зайчик Матвеев⁶². Отец его в Саратове, а мать в больнице⁶³. <...> [197].

⊙ 31/18 дек<абря> 1928 г<ода>. СПб.

Даниил где-то скитается и пьянствует, как сам говорил матери. Эстер пошла к родителям в 1-й раз после того, как она рассталась с ними. Надя сердится и на Даню, на Настю⁶⁴ и на ... <...> [197].

1929 год

⊙ 3 янв<аря> 1929 г<ода> / 21 дек<абря> 1928 г.>. СПб.

Мороз продолжается. <...> Ночью Даня принимал ванну, чтобы сегодня пойти на призыв. <...>

Наде было лучше немного к вечеру. Даниил ходил на призыв, и ему сказали, что его, вероятно, совсем освободят в силу 57-й статьи. А что это значит? Он не знает [198–199].

⊙ 6 янв<аря> / 24 дек<абря>. СПб.

Даниил и Эстер не ночевали дома. <...> [199].

⁶¹ См. пометку Хармса в Записной книжке № 16: «Невский 176, в воскресенье в 12 часов», – и творческую задумку того же дня: «Поставить пиесу, где все зайки» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 280].

⁶² Сын поэта Венедикта Марта, запечатлевшего его имя в нежном поэтическом посвящении в сборнике «Луна» (Харбин, 1922), использовав для печати три разных гарнитуры:

Лунных «Зайчиков» – Зайчику.
Уотту-Зангвильду-Иоанну Марту
Сыну моему возлюбленному
«Бисер лунного сока»
посвящаю
А В Т О Р.

(см.: [Устинов, 2020, с. 214]). Впоследствии известный в эмиграции поэт Иван Елагин. См. сделанную тогда же Д. Хармсом отметку в Записной книжке № 11: «Экз. “И<вана> И<вановича> Самовара” <З>ангвилью (Зайцу)»; и ниже зачеркнутую запись: «Воскресенье <т. е. 18 декабря. – А. У.> в 3 часа обедает у меня Март» (ср.: [Хармс, 2002, кн. 1, с. 187]).

⁶³ В 1928 г. Март был сослан на три года в Саратов. О «полнейшем разгроме» его семьи он рассказывал в письме 13 апреля 1929 г. к его другу и confidentу художнику Петру Митуричу: «Во время моего ареста, когда я не мог дать о себе весточку, какая-то человеческая сволочь сообщила моей жене анонимным письмом о моей смерти. Мысль о убийстве меня – убила разум моей жены, и она до сих пор лежит на Канатчиковой даче в сумасшедшем доме – совершенно без сознания. <...> Сын мой Зайчик где-то, у кого-то из родственников жены, на положении “полубеспризорника” в Ленинграде. Все мои рукописи – плод 17 лет творческого труда – забыты в Томилино в пустой даче. И м<огут> б<ыть> вытоплены в холодный зимний день – добросердечными соседями...» [Дневниковые записи..., 1991, с. 524].

⁶⁴ Тогдашняя прислуга Ювачёвых.

☾ 7 янв<аря> / 25 дек<абря> 1928/9 г<одов>. СПб.

Рождество Христово.

<...> Даниил купил водки и пил за обедом. Лиза и Эстер тянули рюмку за рюмкой залихватски. Я был возмущен и ушел поскорей из-за стола. <...> [200–201].

☾ 17/4 января. СПб.

<...> я зашел в Казанский собор <...>. Оттуда домой, где застал Нату и Машу из Царского. С Натой был интимный разговор о детях моих. Она защищала Даниила и порицала Лизу. <...> [205].

☾ 19/6 января 1929 г<ода>. СПб.

<...> Лидия Алекс<еевна> со вчерашнего дня ушла и не ночевала. У Даниила же ночуют его коллеги. Лиза с Эстер в театре была минувшую ночь, а Надя возилась с крысами. К вечеру Даниил учинил пир с Эстер. Накупили вина, лимонаду, апельсин и пр<очего>. Истратили много, много рублей. Якобы примирение... А мать из себя выходит, где бы достать денег на хлеб, на мясо... им же. <...> [206].

☾ 21/8 янв<аря>. СПб.

Сегодня Лиза дома (вчера работала за сегодняшний день).

<...> У Даниила пир (Левин⁶⁵, Эстер) до 12 ч<асов> ночи, хохот, крик, шум... <...> [207–208].

♂ 22/9 янв<аря> 1929 г<ода>. СПб.

<...> Надя сердится на Эстер. Вчера Эстер сказала ей страшную дерзость, и несмотря на это, Эстер и Лиза долго ночью навзрыд хохотали и не давали спать. Надя почти не спала. Но это не мешало сегодня Эстер у нас завтракать. Ночевали они втроем в одной комнате: Даниил, Эстер и Левин. Иногда ночуют вчетвером... <...> [208].

☾ 26/13 янв<аря> 1929. СПб.

<...> Днем в 12 ½ ч<асов> я пошел купить 1 килограмм лампадного масла (75 коп<еек>). Настя принесла в жестянке. Я вздумал перелить в бутылку стеклянную. <...> Вдруг дно бутылки отпадает, и все масло на полу. Я в отчаянии. Боюсь этого, как знамения. Настя вытирала, но пол стал черным. Масло разлилось на полу и подмочило мою большую папку с картинами. Пришлось ее перебрать, срезать масляные пятна. Тут подошли Ник<олай> Алексеев<ич> Заболоцкий и Даниил и рассматривали мои картины. <...> [210].

☾ 28/15 янв<аря> 1929 г<ода>. СПб.

Ночь ясная. Мороз <=>11°. <...> Около 10 ч<асов> пришли о<тец> Василий Ерин и диакон Василий. Окропили всю квартиру (кроме комнаты Дани: он спал). <...> [211–212].

♂ 29/16 января. СПб.

Мороз <=>12°. Даниил лег в 6-м часу. <...> [212].

⁶⁵ Елизавета Грицына вспоминала появление Левина в их квартире еще до переезда на Надеждинскую: «Боба пришел к Дание году в 1923–24<-м> с курчавыми волосами, женский чулок вместо шарфа» (ОР РНБ. Ф. 1254. Ед. хр. 12. <Б. п.>).

♀ 1 февр<аля> / 19 янв<аря>. СПб.

<...> Ходил в лавку за хлебом, да не угодил Наде, и она меня бранила. Надя кашляет, насморк, голова болит. <...> у Даниила собрание, и он читал много чьи-то стихотворения. <...> [214].

♂ 5 февр<аля> / 23 янв<аря>. СПб. 1929 г<од>.

Мороз до -20° . <...> Лиза эту ночь ночевала у Эстер, которая опять не в ладах с Даниилом. Появились у Даниила деньги. <...> У Даниила собрание и пир [216].

♀ 8 февр<аля> / 26 янв<аря>. СПб.

<...> Лидия Алекс<еевна> ночевала рядом с Надей. Даниил блуждал всю ночь. <...> [218].

⊙ 10 февр<аля> / 28 янв<аря> 1929 г<ода>. СПб.

Новолуние. (9 ф<аза> 17 ч<асов> 55 м<инут>). Морозы ужасны. <...> У Даниила всё время гости [219].

♀ 15/2 февр<аля>. СПб.

Морозы полегче, около -10° . <...> Надя слабеет. Температура 36–36,9. Обе сестры ее здесь. <...> Вертится Эстер, ночует с Даниилом. Все опасаются за жизнь Нади [221].

⊙ 17/4 февр<аля>. СПб. 1929 г<од>.

<...> Наталья Ив<ановна> теперь всю заботу и внимание отдает Дане. Говорит, что у него туберкулез, и его надо лечить [223].

⊙ 18/5 февр<аля> 1929 г<ода>. СПб.

В 2 ½ ч<аса> я проснулся и слышу странные звуки. Это Надя. Хрипит, мечется, просит изредка пить, но в то же время говорит: «Ничего не надо!» Даже от кислорода отвёртывается. Говорила, что тоска ужасная. Я думаю, она просто-напросто решила отказаться от земной помощи: лекарства, пищи, кислорода и пр<очего>.

В 4 ч<аса> утра при собрании всей семьи она скончалась тихо. Я ее перекрестил, протер, зажег лампадки и прочел псалтирь на исход души, канон. <...> Ната решила съездить в Царское Село и взять там свой полотняный халат милосердия и в него одеть ее... Она уехала с Машей. А я помчался рано утром в Лавру, чтобы переговорить о месте погребения и отпевания. <...> [223].

♀ 20/7 февр<аля>. СПб.

<...> Погода солнечная, но холодная. Озябла Лиза. Поели рису с изюмом (кутья) и кисель. Даниил получил деньги за статью и дал 50 р<ублей> на похороны. Вчера дала тоже 50 р<ублей> Ната на похороны. Получились излишки. <...> [227].

⊙ 21/8 февр<аля> 1929 г<ода>. СПб.

<...> Около 5 ч<асов> вечера пришел ко мне Даниил: «Папа, я хочу с тобой поговорить... Прошу простить меня...». Я со слезами высказал наше некрасивое положение... <...> [228–229].

☉ 24/11 февр<аля> 1929 г<ода>. СПб.

<...> Дома беседа с Натальей. Она объявила, что Даниил будет жить у нее. Теперь она старается, хуже Нади, найти в поступках Даниила все хорошее, объявить его больным, ухаживать за ним как за немощным. Что касается меня, то она ищет в чем-нибудь поймать меня, опозорить, осудить, осмеять. Мое свидание и примирение с Даниилом 8/21 февраля она так обрисовала: Даниил приходит ко мне возобновить со мною прежние отношения, а я ничего лучшего не нашел, как говорить о долгах матери... Это она бросила мне в глаза при всех. Я не стал ей говорить сейчас, насколько гадко с ее стороны говорить это мне, перевирая факты. Дело в том, что когда Даниил заикнулся о примирении, я, чтобы скрыть свое волнение (я всё время был в слезах) и не вынуждать у него слова покаяния и извинения, я старался замять этот вопрос, отвлечь другой темой, и заговорил не о деньгах, а о матери, как она любила его, как она, будучи больной, кроила ситец и шила белье, что было вредно для ее легких. И она жертвовала собою ради каких-то копеек, чтобы в конце концов купить мяса и сварить ему суп. Но, к огорчению матери, Даниил или вовсе не попробует, или попробует и скажет ей: «Невкусно!». Мать в отчаянии. Этот упрек я ему сказал вместо того, чтобы упрекать его за себя. А за себя я должен бы<л> сказать: «Ты оскорбил отца и полгода, живя на его средства, под его кровлей, не кланялся и не говорил с ним. За это надо бы тебя было прогнать, но я этого не делал и сейчас не сказал ни одного слова, ни одного упрека». Но... Заменяю это, упрекнув его бессердечием по отношению к матери. <...> [230–231].

☾ 25/12 февр<аля> 1929 г<ода>. СПб.

Ясное небо. Полная луна. Мороз. <...>

Даниил целый день с Эстер. Пьют, едят вне нашего обихода. Вечером, кажется, в театре были. Хохочут, веселятся... Не похоже, что мать умерла. <...> [232].

♂ 26/13 февр<аля>. СПб.

Ясно и мороз. <...> Лиза здорова, но на службу не пошла. Даниил со своей Эстер. Потом с Маршаком⁶⁶ в ресторане. А у нас его Эстер, Левин-еврей и К<онстантин> Дм<итриевич> Трофкунов, которого он <Даниил. – А. У.> просил прийти. Вследствие этого обеда не хватило для Лидии Алексеевны. <...> [233].

⁶⁶ В конце 1929 или начале 1930 г. Хармс написал короткую заметку для представления вышедшего 25 ноября 1929 г. мультипликационного фильма «Почта» Михаила Цехановского по известной книге Самуила Маршака:

Конферансье с собакой.

Вы знаете книжку Почта. [Автор] Хорошая книжка. Картина еще лучше. Я не участвую, а он участвует. Делало её столько-то человек. Я расскажу, как она делается. Я вас сейчас вызову всех, кто участвовал. Дудочка писателя. Маршак. Кто Маршак? Появляется Маршак. Конферансье аплодирует. Пудель лает. Картину рисовал художник Цехановский. Выход. Он нарисовал столько тысяч рисунков. Цехановский рисует. Помощник Дружинин. К картине написана музыка. Дешевов играет [Хармс, 2002, кн. 1, с. 366].

В середине 1930 г. была выпущена озвученная версия мультфильма с музыкой Владимира Дешевова и декламацией Хармса. См. также его пометку в январе 1928 г.: «“Почта” С. Я. Маршака» [Там же, с. 206].

☾ 28/15 февр<аля> 1929 г<ода>. СПб.

<...> Даниил, имея деньги, обедает вне дома, в ресторанах, а мы-то стараемся каждый день ему готовить по его вкусу! <...> [234].

♀ 1 марта / 16 февр<аля> 1929 г<ода>. СПб.

<...> Нат<альи> Павл<овны> Есиповой⁶⁷ не было вчера в кружке народовольцев. Она пригласила Даниила на той неделе читать ребятам свои произведения [235].

☽ 6 марта / 21 февр<аля>. СПб.

<...> Писал о Сахалине. Мешали гости. Сначала был Николай Аполлон<ович> Обернибесов, а во время моего обеда в 4 ч<аса> Мария Павл<овна> Вишнякова. Даниил со вчерашнего дня гостит у Наты в Царском Селе [238–239].

☾ 7 марта / 22 февр<аля>. СПб.

Морозная (–15°) ясная ночь. <...> Даниил всё еще в Царском. <...> [239].

♀ 8 марта / 23 февраля 1929 г<ода>. СПб.

Сегодня ровно 69 лет. <...>

Ясно и морозно (–15°). Испортилась магистраль: у нас воды нет. Приходится таскать ее из второй половины дома. Даниил опять не ночует дома. Очевидно, Ната его хочет окончательно устроить в Царском Селе. Ночует у нас без него Эстер. <...> [239].

♂ 9 марта / 24 февр<аля> 1929 г<ода>. СПб.

<...> Сегодня по телефону Ната сообщает о болезни Дани, что он не выходит, иногда без сознания... <...> [240–241].

♂ 12 марта / 27 февр<аля> 1929 г<ода>. СПб – Ц<арское> С<ело>.

Сегодня сразу потеплело настолько, что таял снег. <...> Я пообедал <...> и пошел, пока убирают мою комнату, к Наталье. Да плутал много, пока нашел ее улицу. Застал их за обедом – Ната и Даня. Разговор вертелся об отношении Лидии Алекс<еевны> и ребят к квартире и хозяйству. Я характеризую так: Лебедь (я) рвется в облака, рак (Даниил) пьется назад, а щука (Лиза) тянет в воду. Даня проводил меня немного, и я прошел к Маше⁶⁸. <...> [242–243].

☾ 18/5 марта 1929. Царское Село.

<...> Я пошел в Знаменскую церковь. <...> Оттуда к Маше. Не застал. Потом к Нате. От нее известие, что Лидия Алекс<еевна> больна гриппом и даже воспалением легкого, а Даниил – желудком. <...> [247].

♂ 19/6 марта. Царск<ое> Село.

<...> После чаю в 4 ½ ч<аса> пришел Даня и сидел у меня до 6 ½ ч<асов>. Всё это время я говорил ему о своем обращении к Богу и почему я православный, а не западного исповедания. Это всё на его вопросы. <...> [248].

⁶⁷ Давняя знакомая Ювачёва со времён журнала «Русский паломник»; см. о ней: [Ювачёв, 2020, с. 438, 454, 455].

⁶⁸ 14 марта Ювачёв познакомился в Царском Селе с художником Павлом Филоновым, в его определении «крайним левым» [Ювачёв, 2020, с. 245].

☞ 20/7 марта 1929 г<ода>. Царское Село.

<...> В Знаменской церкви преждеосвященная обедня. Оттуда зашел к Натe, чтобы повидать Даню, но он уехал в СПб, а Ната в школе. <...> [248].

♂ 26/13 марта 1929 г<ода>. Ц<арское> Село.

<...> Лиза хозяйничает. Эстер больна и требует у Дани денег. Маша продолжает худеть, температура 35–36°. Да и Ната жалуется. Все сдают. <...> [251].

☾ 1 апреля / 19 марта. Ц<арское> С<ело> – СПб. – Ц<арское> С<ело>.

Встал рано и собрался в СПб. <...> Дома застал Лид<ию> Ал<ексеевну> на гагах и Даниила в постели. <...> [254].

☾ 4 апр<еля> / 22 мар<та> 1929 г<ода>. Ц<арское> С<ело>.

<...> Утром был у Наты. Она собирается в СПб на конференцию. Очень много рассказывала о Дане хвалебного и о Лизе порицательного⁶⁹.

Даниил, Введенский и Заболоцкий составляют группу особую поэтов, которые, философствуя, что-то провидят новое в сущности предметов. Они находят четыре определения предмета и пятое, еще не <о>сознанное. Даниил нашел у Пифагора то же самое: четыре определения и пятое для него таинственное. Положительную науку ($2 \times 2 = 4$) они бракуют и хотят дать какую-то свою. Теперь они носятся с умершим поэтом Хлебниковым, видя в нем гения. <...> [256].

1930 год⁷⁰

☾ 29/16 мая. Д<етское> Село. 1930 г<од>.

Сильный ветер и ночью, и днем от запада. Дождь. <...> Вечером в 8-м часу был у Маши. Там была Ната. Заказала отделять свою комнату. Даня опустил, по ее словам. Ничего не делает. Оборванный, небритый, всем задолжал... <...> [267–268].

☾ 1 июня / 19 мая 1930 г<ода>. Д<етское> Село – СПб. – Д<етское> Село.

Ночь ясная, холодная. Я собираюсь в СПб за пенсией. Приехал домой: Даня не ночевал. <...> [268].

☾ 8 июня / 26 мая 1930. Д<етское> С<ело> – СПб.

День Св<ятой> Троицы. <...> Был Даня, показывал мне числа *transfinitum*⁷¹. Какую-то он нашел свою теорию, но я не понимаю. <...> [272].

⁶⁹ См. запись Хармса 21 июля 1929 г.: «В соседней комнате говорят Папа и Наташа. Будут перемены» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 310].

⁷⁰ Дневник 1930–1931 гг., или, точнее, «Памятная книга ежедневных записей Ивана Павловича Ювачева ЛП», – в тетради, подаренной Хармсом «отцу 11/24 февраля 1930 г., в 2 ч. ночи» (см.: [Ювачев, 2020, с. 263]). Незадолго до этого Хармс переживает очередной кризис в своих любовных отношениях и записывает в дневнике: «А интересно, что в это время Эстер делала. Ночь с 21–22 февраля 1930 года» [Дневниковые..., 1991, с. 451].

⁷¹ Точнее *Cisfinitum*. Хармс закончил трактат «CISFINITUM. Письмо к Леониду Савельевичу Липавскому» 16 октября 1930 г. (см.: [Хармс, 1979–1980, с. 139–141]).

☐ 12 июня / 30 мая 1930 г<ода>. СПб.

Ясные дни были, и сегодня ясно. <...> Оттуда на трамвае домой. В 6 ч<асов> был у меня Даниил. Говорил о возможности поехать в Афганистан. <...> [274].

☉ 15/2 июня 1930 г<ода>. СПб.

<...> Целый день сидел дома. Обед – одна жидкая пшенная каша. Был у меня Даня. <...> Даня дал сыр-творог. Была Маша, да не застала меня. Сегодня я много плакал [275].

☞ 21/8 июня. СПб.

С сегодняшнего дня стрелки часов в России передвинули вперед на 1 час, чтобы люди раньше вставали. <...> Ясный теплый день. <...> Перетащил я с Даней бюро в свою комнату. Очень устал [278].

☐ 26/13 июня 1930. СПб.

Ночью и утром дождь. Пасмурно. <...> Приехали Маша, а потом Ната из Царского. Со мной беседа по поводу желания Лизы вернуться опять в нашу квартиру. Все протестуют. <...> Поздно вечером, <в> 11–12 ч<асов> ночи приехал Владим<ир> Ос<ипович> Грицын⁷² и тоже по поводу переезда к нам. Я сказал ему, что Нат<алья> Ив<ановна> решила переехать ради Даниила и не согласна уступить комнату Лизе. <...> [280–281].

<☞> 28 <июня>.

[<...> Были еще Владим<ир> Осип<ович> Грицын и Даня, которые мешали мне заснуть до 12 ч<асов> ночи]. – Это относится к ☞ 15/28 июня. <...> [281].

♂ 1 июля / 18 июня 1930. СПб.

<...> В 6 ½ ч<асов> все поднялись. И Даня, который едет в пионерский лагерь... <...> [283].

☒ 2 июля / 19 июня 1930 г<ода>. СПб.

День ясный, но среди дня был сильный дождь. Жарко. <...>

Дома вечером зашел ко мне Даня, чтобы рассказать, как он хорошо провел время в пионерском лагере около Сиверской станции⁷³. Но в 12 ч<асов> ночи я немного рассердился на него и на Лидию Ал<ексеевну>. Они полезли в сундук, где было убрано платье зимнее на лето. Там были костюмы Дани Х<армса> и Лидии Ал<ексеевны>, но мои не убраны. Мои мошь поела... [284].

☐ 3 июля / 20 июня 1930 г<ода>. СПб.

<...> Даня уехал с утра на Лахту⁷⁴. <...> [284].

⁷² Муж Лизы, в те годы инженер-механик на заводе «Вперед». См. о нем: [Ювачёв, 2020, с. 503–504].

⁷³ Ср. запись Хармса: «Нина Николаевна Тур-Федорова. Сиверская. Пионерская база Сельскохозяйственного института. База № 85. Ее брат Борис Николаевич Тур» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 368].

⁷⁴ Хармс и прежде ездил на Лахту. Ср. его запись: «Лахта. 27 июня 1930 года. Видел в черном пруду отражение замка [барона] графа Стейнбок-Фермора. Над замком башня. На башне никого. А в пруду на башне стоят два человека, один в шляпе, другой без шляпы. А из окон замка смотрят большие рыбы» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 369].

♀ 4 июля / 21 июня 1930. СПб.

<...> Вечером приехал Даня. Он купался в море, но плавать не умеет. Говорили о плавании и вообще о купанье [285].

⊙ 6 июля / 23 июня 1930 г<ода>. СПб.

<...> Даня принес 4 полубутылки вина. «Что это?» – «Гостей жду». А пришла поздно вечером (в 11 ч<асов>) одна только девица и ночевала у него. Не Эстер ли? <...> [286].

♂ 8 июля / 25 июня 1930. СПб.

<...> У меня часы опять остановились. Я увидел в них волосок мужской. Просил Даню вытащить, а он, кажется, запихал его в сторону. <...> [287].

♀ 9 июля / 26 июня 1930. СПб.

<...> Я пешком дошел до Волкова кладбища <...>. В 3 часу поехал домой. Даня куда-то ушел с собакой Жучкой. <...> [288].

⊃ 10 июля / 27 июня. СПб.

Утро ясное. <...>

В 5 ч<асов> <...> отправились в Царское Село, к больной Нате. <...> Утомилась в школе – это само собой. А затем ее встревожили письма Маши, в которых она усиленно бьет в набат, что Лиза и Даня не хотят ее переезда в СПб. <...> [288–289].

♀ 16/3 июля. СПб.

<...> Я пешком прошел до дому. Оказывается, Лиза у нас. Ночью мне мешали своими разговорами Даня с Лидией Ал<ексеевной>. <...> [291].

⊃ 17/4 июля. СПб.

<...> Была Лиза, и был крупный разговор относительно наших отношений. Пришел Вл<адимир> Осип<ович> Грицын. Подняли вопрос о квартире. Тут пришла Ната по этому вопросу. Я понял, что она не хочет переезжать. Но пришел Даня и говорит: «Лиза врет, п<отому> что я ей несколько раз говорил, что я желаю переезда Наты, но если бы Ната не приехала, то, конечно, Лизе отдать комнату». <...>

♀ 18/5 июля 1930. СПб.

Пасмурно. <...> Была Ната из Царского Села. Ее волнует вопрос о квартире, о Лизе, о Дане. <...> [292].

♀ 6 авг<уста> / 24 июля. СПб. 1930 г<од>.

<...> Даня путается с какой-то голоштанной девчонкой⁷⁵. <...> [304].

♂ 12 августа / 30 июля 1930. СПб.

<...> Обед. Беседа с Даней. Сегодня видел его новую страсть... <...> [307].

⁷⁵ Тем не менее, 3 августа Хармс каллиграфически записывает имя Эстер и пишет два обращения к ней, используя иероглиф «окно»: «дума моя!» и «! вернись ко мне!» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 368].

© 17/4 авг<уста>. СПб. – Детское Село – СПб.

Ночью я проснулся и услышал шаги Даниила. Я пошел к нему и рассказал о решении Жакта⁷⁶, где я вчера произнес речь относительно своих прав, помянув мое 20-летнее пребывание 1883–1903 гг. Даня сейчас же решил отдать комнату не Наталье, а Лизе⁷⁷. Написал в этом роде письмо Наталье, которое я и повез утром в Детское Село. В 8 ч<асов> утра я зашел в Екат<ерининский> собор. <...> Я стоял до конца обедни и пошел к Наталье. Она спала. Я передал служанке письмо Дани для Натальи и пошел в Дом отдыха в Софию <...>. Наталья была в хорошем настроении. Я думаю, она довольна, что не переезжает к нам. Читала мне письма и записки Дани, которые она хранит. <...> Дома не застал Даню. <...> [310–311].

Екатерининский собор в Детском (Царском) Селе
Detskoe (Tsarskoe) Selo. The Cathedral of Saint Catherine of Alexandria

⁷⁶ ЖАКТ – Жилищно-арендное кооперативное товарищество.

⁷⁷ См. частично зачеркнутую запись Хармса в августе 1930 г.:

Против	За
Поездки в Царское.	[Спокойство Наташи.]
Уплотнение.	Лучше Папе и мне.
Плохие условия Наташи.	[Мне лично]
Лизино положение.	Чесменская богадельня
	Мне лично приятно

[Хармс, 2002, кн. 1, с. 374].

♂ 19/6 авг<уста> 1930 г<ода>. СПб.

<...> Все из дома разошлись (Даня и Дрызловы ⁷⁸ – в Царское Село) [311].

♀ 20/7 авг<уста>. СПб.

Ночью приходил и Даня, принимал участие в уловлении крыс. <...> [311].

♂ 21/8 авг<уста> 1930. СПб.

Жаркая ночь. Крысы не беспокоили. В моей комнате – собака, на кухне – кошка. <...> Даня получил деньги и мало бывает дома. <...> [312].

♂ 23/10 авг<уста> 1930. СПб.

<...> Сегодня приходили члены Жакта по квартирному вопросу. <...> Был еще инспектор по налогам и проверял документы платежные у Дани. Получил письмо от Наты. Она получила уведомление от Маши, что я говорил ей: что-то фатальное с переездом Наты. С прошлого года тянется этот вопрос, и всё время я предчувствовал, что она не переедет к нам... Нате было иначе сказано, и она написала сердитое письмо, без обращения. Но ведь сама Ната слышала от меня много раз, что я сказал Маше. И сама она замечала во всем этом что-то фатальное. <...> [313].

⊙ 31/18 авг<уста> 1930. СПб. – Детское Село – СПб.

Ясное утро. <...> Пошел на вокзал в ½ 2-го часа и в 2 ½ ч<аса> дня отправился в Детское Село, <...> отправился в ц<ерковь> Знамения, а оттуда к Нат<алье> Ивановне. Она сидела и работала. Сухо приняла меня, заговорил о положении Дани. Она изливала *поток слез*, что не удалось ей выполнить свои мечты относительно переезда в СПб и устройства квартиры нашей. Принималась несколько раз плакать, но тон такой – во всём я виноват. Особенно меня рассердило, что она поверила каким-то словам Маши, что и вызвало у нее последнее письмо ко мне. Я говорю, зачем мы будем ссылаться на Машу. Мы много говорим о квартирном вопросе и отлично знаем наши взгляды на это. Мы и сейчас говорим друг с другом, так зачем нам мнение постороннего лица, которое может не так понять нас. Она стоит на своем, что я так сказал. Тогда я, повысив голос, говорю: «Я был окружен лжецами: покойная Надя, Лиза и др<угие>, которых не стану поминать, но я-то не лгу, п<отому> что за мною следит не совесть, а кто выше совести». Но я увидел, что продолжать такие разговоры бесплодно и вскоре ушел. <...> [316–317].

♂ 2 сент<ября> / 20 авг<уста>. СПб.

Ясная ночь и утро. <...> Утром в 11 ч<асов> Даниил у меня пил чай ⁷⁹. Я ему говорил об открытии Cheseaux ⁸⁰. Был в Жакте и заплатил за квартиру. Писал о чудесах. <...> [317].

⁷⁸ С июня 1930 г. сестры Дрызловы снимали комнату в квартире Ювачёвых.

⁷⁹ В этот день Хармс встречался с художником Владимиром Конашевичем (см.: [Хармс, 2002, кн. 1, с. 373].

⁸⁰ Швейцарский физик и астроном Жан-Филипп Луи де Шезо (Jean-Phillippe Loys de Cheseaux; 1718–1751) в конце жизни занимался изучением Библии. Видимо, речь идет о его позднем трактате «Dissertations critiques sur la partie prophétique de l'Écriture sainte» (1751). См. запись Ювачёва 7 сентября 1930 г.: «Писал об открытии Cheseaux (2800 – 1260 = 1540)» [Ювачёв, 2020, с. 319], – а также запись 26 сентября, приводимую ниже.

⊙ 7 сент<ября> / 25 авг<уста> 1930. СПб.

<...> У Даниила чтение произведений сотоварищам. <...> [319].

♂ 9 сент<ября> / 27 авг<уста>. СПб.

Пасмурно. <...> В 7 ч<асов> вечера беседа с Даниилом о Лизе. Я сказал ему, что она ведет плохую политику, восстав против меня, п<отому> что это не понравится в конце концов и ее мужу, и он может сменить ее, как сменил первую жену. <...> [320–321].

⊙ 14/1 сент<ября> 1930 г<ода>. СПб.

<...> В 7 ч<асов> (6 ч<асов>) вечера был у меня Даниил. <...> [322].

♂ 16/3 сент<ября>. СПб. – Серг<иевская> пустынь.

<...> Сегодня снял копию пророка Даниила и раскрасил его; хочу подарить сыну, который был у меня вечером в 7 ч<асов> <...> в воскресенье, и я тогда показал Дане оригинал. <...> [323].

☞ 17/4 сент<ября> 1930. СПб. – Полуостров.

Ночью дождь. <...> Домой вернулся в 2 часа. Пришел ко мне Даниил, и я ему дал читать мои очерки по Апокалипсису⁸¹. Дал ему и вчера нарисованного пророка Даниила. Вечером ходил за книгами [324].

⊕ 18/5 сент<ября> 1930. СПб.

Ночью дождь и утром. <...> Лиза именинница, но она ни слова со мною вот уже три недели. Она не здороваается со мною. С В<ладимиром> О<сиповичем> Грицыным здороваемся, но мало говорим. У ней сегодня гости. Одному я рад: Лиза, чтобы подчеркнуть разность отношений, особенно внимательна к Дане и кормит его. <...> [324].

† 20/7 сент<ября> 1930. СПб.

Ясная ночь и день. <...> Сегодня красили дверь в комнату Дани [325].

⊙ 21/8 сент<ября>. СПб.

Сухо. <...> Очень дождливый день. Был у меня Даня и просил книг по математике. <...> [325].

♀ 26/13 сент<ября> 1930. СПб.

Утром сухо. <...> Закончил статью об открытии М<onsieur> de Cheseaux, как чуде нашего времени. <...> Дома занимался книгою чисел. Вечером Даня повесил образ Св<ятителя> Николая в передней <...> [328].

⊙ 29/16 сент<ября> 1930. СПб.

<...> Вчера вечером и ночью у Даниила была оргия с какой-то женщиной. Пели песни, даже ночью. Ночью бегали в уборную... Сегодня я видел его обедающим за столом вместе с Грицыным. Пожалуй, Лиза и права, что Даня предпочитает Лизу, а не Натю иметь хозяйкой. <...> [329].

⁸¹ Как установил А. Крусанов, «имеется в виду <книга>: Ювачёв И. Апокалипсис и его толкователи // Андрей, епископ Кесарии Каппадокийской. Апокалипсис. СПб., 1910» [Хроника..., 2004, с. 448].

♁ 6 окт<ября> / 23 сент<ября>. СПб.

Ночь ясная, морозная. <...> Был у меня Даниил с математикой. Беседа затянулась до 1-го часа ночи. Ели при этом чеснок [332].

♀ 10 окт<ября> / 27 сент<ября>. СПб.

У Даниила ночью пир: 5 рюмок на кухне⁸². <...> [333].

♂ 14/1 окт<ября> 1930. СПб.

<...> У нас нет электр<ического> освещения. Я просил осмотреть Даню, но он небрежно отнесся к моей просьбе и ушел из дому. <...> [335].

♃ 15/2 окт<ября>. СПб.

<...> Нарисовал Дане картину русской истории в связи с периодом в 39 лет, о котором я вчера писал⁸³. Это его очень тронуло. <...> [335].

♀ 17/4 окт<ября> 1930 г<ода>. СПб.

<...> Кошка нагадила в коридоре, и я в темноте растоптал... Никто не хотел убирать, т<ак> к<ак> это обязана была сделать Лиза. Она принесла кошку и держала ее всю ночь взаперти в своей комнате, а на утро выпустила в коридор, и она нагадила. Но Лиза уклонялась до 2 часов. Кто убрал? Не знаю. Кажется, Лиза, п<отому> что надо было пройти Дане коридором. Дал <...> 5 р<ублей> на галоши для Дани. <...> [336].

⁸² Можно предположить, что этим вечером Хармс принимал, в том числе, чету Введенских, общение с которыми летом 1930 г. стало материалом для его иронической прозы в жанре эпистолярной, см. черновик его июльского письма к Тамаре Мейер: «Дорогая Т. А., Я купил себе трамвай. Как только поправят дороги, выезжаю к Вам. Ждите меня в 28-х числах сего месяца» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 370]. Отцовские волнения отразились в сюжете его послания к ней 5 декабря 1930 г.:

Дорогая Тамара Александровна.

Я люблю Вас. Я вчера даже хотел Вам это сказать, но Вы сказали, что у меня на лбу всегда какая-то сыпь и мне стало неловко. Но потом, когда Вы ели редьку, я подумал: «Ну хорошо, у меня некрасивый лоб, но зато ведь и Тamarочка не богиня». Это я только для успокоения подумал. А на самом деле Вы богиня, – высокая, стройная, умная, чуть лукавая и совершенно неоцененная!

А ночью я натер лоб политурой и потом думал: «Как хорошо любить богиню, когда сам бог». Так и уснул.

А разбудил меня папа и, довольно строго, спросил, кто у меня был вчера. Я, говорю, были приятели.

– Приятели? – сказал папа.

Я говорю, были Введенский, <Леонид> Липавский и <Пётр> Калашников.

А папа спросил, не были ли кто-нибудь, так сказать, из дам. Я говорю, что сразу этого не могу вспомнить. Но папа что-то сделал (только я не скажу что) и я вспомнил и говорю ему: «Да, папочка, были такие-то и такие-то мои знакомые дамы и мне их нужно было видеть по делу Госиздата, Дома печати и Федерации Писателей». Но это не помогло [Хармс, 2004, с. 264].

⁸³ Ср. запись предыдущего дня: «Сегодня открытие периода в 39 лет между событиями революций в России. 1606–1762–1801–1918; 1610–1649» [Ювачёв, 2020, с. 335].

§ 22/9 окт<ября> 1930 г<ода>. СПб.

Мокро на улице⁸⁴. <...> Вечером слышу волнение в других комнатах. Вдруг приходит Даня и говорит, что сейчас у них идет вопрос о том – принять или не принять Настю⁸⁵ на временное жительство у нас. Я говорю ему: что мы были рады, что избавились от нее; она портила нашу Лизу, в качестве ее интимной компаньонки в ее адольтерах. Целые дни проводила за туалетом, намазывая себя до невозможности, или за телефоном, говоря со своими кавалерами и подругами. От работы отказывалась. От жениха в деревне отказалась. Ее испортила городская жизнь. Платье выше колен, чулки телесного цвета, шляпка яркая (даже с собакой выйти на 5 минут одевает шляпку и чулки), духи, краденные у Лизы. Даже на рынок идет надушенная... Даниил замечает, что наряды внешне облагораживают человека, и есть первая степень культуры. Что она переменялась за время пребывания у нас. Когда она приехала из деревни, была неотесанным бревном, а теперь она красиво одевается и имеет вполне приличный вид... Я подумал, м<ожет> б<ыть>, без платья она еще более нравится ему... Наконец он стал говорить, что нужно помочь ближнему, раз человек хочет учиться и пр<очее> и пр<очее>. Я уже начинал склоняться, чтобы ее пустить жить у нас, как вдруг открывается дверь и входит Лидия Алекс<еевна> в страшном волнении и в слезах. Она через перегородку слышала наш разговор и пришла протестовать против бывшей нашей служанки Насти, с угрозой, что она покинет квартиру и уйдет от нас. Тогда я говорю Даниилу, что прежде чем приглашать Настю, надо было спросить насельников квартиры – желают ли они ее иметь сожительницей. Без нее тесно. Было около 7 ч<асов> вечера, я оделся, извинился и ушел. Меня удивляет, почему такая симпатия у Даниила к Насте. Где они видятся? Почему так горячо хлопочет он за нее? Кстати, в разговоре коснулись и моего положения в семье. Он сознает, что оно тяжело. Но не дает объяснения, почему Лиза так ко мне относится. И выхода не видит. Я вижу один выход: покинуть семью и переехать одному в чужую семью. <...> [339–340].

§ 29/16 окт<ября> 1930 г<ода>. СПб.

<...> Даниил меня огорчает. Минувшею ночью у него было пьянство в компании. На столе бутылка 5 водки, 4 рюмки, хлеб и лук. Как часто он во хмелю. С Настей тоже какие-то отношения. Приглашает ее ночевать в своей комнате. Может быть, уж и ночевала. Я отвертываюсь от всего этого, зная, что мои укоры ни к чему не ведут. <...> [344].

¶ 15/2 ноября. СПб.

<...> У Дани в минувшую ночь опять пьянственная компания. <...> [351].

◎ 16/3 ноября 1930. СПб.

<...> Вечером в 8 ч<асов> показал Дане и показал связь дат 862 – 988 – 1114 – 1240 – 1492. <...> [352].

⁸⁴ Этим днем помечено стихотворение Хармса «лоб изменялся / рог извивался...» [Хроника..., 2004, с. 448].

⁸⁵ См. примечание 64.

♀ 21/8 ноября 1930. СПб.

<...> Сегодня Даня просил разбудить его в 12 ч<асов> дня. Я будил, но он не встал. Даня просил разбудить его запиской в стихах [354].

ћ 22/9 ноября 1930. СПб.

Даня опять стихотворением просил разбудить в 10 ч<асов>⁸⁶. Я пошел его будить, сел на кушетку и запел из «Гравиаты»: «Милый сын мой дорогой, возвратись под кров родной!» и дальше не мог, чтобы не разрыдаться. <...> [354].

⊙ 23/10 ноября 1930. СПб.

<...> Дома читаю о Древнем Риме. Даниил в 3-й раз пишет стихотворение, чтобы разбудили его⁸⁷. Утро – снег идет и покрывает землю. <...> [355].

⁸⁶ Вот одно из таких стихотворений:

Папа спит
и Лиза тоже
Иля дремлет во всю мочь
Я в окно взглянул. О Боже!
Там уж утро, а не ночь.
мне осталось только плюнуть
и раздеться и в кровать
спать и спать и спать и думать
только б десять не проспять.
Кто ж энергией томимый
встанет раньше. Помогите
чтобы в десять с половиной
мне обуться в сапоги.
и заботами снедаем
вспом<н>и будучи в штанах
сам быть может за трамваем
будешь гнаться впопыхах
А быть может не догнав
перепрыгнув сто канав
за другим каким трамваем
ты помчишься впопыхах
[Устинов, 1990, с. 85].

Первоначальный вариант двух последних строк: «всё торжественно поймешь / и обратно повернешь» [Там же].

⁸⁷ В отличие от двух предыдущих, эта стихотворная записка Хармса сохранилась:

В этом ящике железном
есть и булка есть и хлеб
было б делом бесполезным
их оставить на столе б.
ибо крысы ибо мыши
ибо разные скоты
по законам данным свыше
съели б всё без красоты
и в укусах кумачёвых
все изъедены в клопах

♂ 25/12 ноября 1930. СПб.

Ночью не давали спать танцы в верхнем этаже, гости Даниила в 2 часа ночи и блохи... <...> [356].

♂ 4 дек<абря> / 21 ноября 1930. СПб.

Вчера, в ожидании гостей (женщина) Даня выставил 2 бутылки «Токая». Я вошел к нему, – он угостил меня. <...>

У Даниила вечером пир. Сам он стряпал закуски на несколько человек⁸⁸. Должно быть выпивка! <...> [360].

♂ 6 дек<абря> / 23 ноября 1930 г<ода>. СПб.

<...> Дал Дане брошенные им перчатки (я отдавал их починить) [361].

♂ 9 дек<абря> / 26 нояб<ря> 1930. СПб.

<...> Был податный инспектор. Я заплатил пени за Даню 5 р<ублей> 75 ко-п<еек> [363].

♂ 20/7 дек<абря> 1930. СПб.

Мороз уменьшился (–7°), но ветер и снег. <...>

Вечером Лиза стряпает на кухне, которая загажена собакой их. Появился еще котенок. <...> Потом пошел к Даниилу⁸⁹. Он, оказывается, страшно раздражен собакой давно.

Я был сильно расстроен этим лицедейством и пошел ко всеобщей в ц<ер-ковь> Николо-Успенскую. <...> [367].

⊙ 21/8 декабря 1930 г<ода>. СПб.

Я думаю: Новолуние. И оно почти совпадает с зимним Солнцестоянием. По-ворот и Солнца, и Луны. О, Господи, поверни жизнь нашу на путь мира и любви! <...>

Зашел к Дане. Долго говорил с его гостем, который интересуется древним гно-стицизмом⁹⁰. <...> [368].

всё семейство ювачёвых бы
осталось на бобах
Но не это важно. Мне ведь
надо рифмой заманя
так устроить чтобы в девять
разбуди – ли вы меня
[Хармс, 1997–2001, т. 1, с. 265].

Другой пример – это записка Хармса того же времени:

Разбудите меня
в 11 часов.
Даня.
Буду страшно благодарен
Я с ножом ночей татарин
[Хармс, 1997–2001, т. 4, с. 52].

⁸⁸ «В гостях у Хармса были Введенский, Липавский, П. П. Калашников, Т. А. Мейер и др.» [Хроника..., 2004, с. 449].

⁸⁹ 20 декабря Хармс закончил вещь «Гвидон».

♂ 23/10 дек<абря>. 1930 г<ода>. СПб.

<...> Вечером был д<окто>р у Натальи Николаев<ны Дрызловой>. <...> Он говорил по телефону и обратил внимание на всю комнату, на все развешенные игрушки на стенах, на все надписи. И, как психиатр, сделал отзыв о Дане, что у него не всё в порядке⁹¹ [369].

Церковь Нотр-Дам де Франс в Ковенском переулке
The Church of Notre Dame de France in Kovensky Lane

⁹⁰ Возможно, речь идет о П. Калашникове, арестованном, как и Хармс, по «Делу Детского сектора Госиздата». В своих показаниях 12 декабря 1931 г. в качестве рода деятельности он указал: «занимаюсь рисованием таблиц, в прошлом – научный сотрудник – биолог», – а в «показаниях по существу дела» признался: «С 1928-го года до последнего времени у меня на квартире (Петропавловская ул. д. № 4 кв. 36) собиралась антисоветская группа литераторов и художников, в основном работающая в области детской литературы, во главе которой стоял и идеологом которой являлся писатель Дан<иил> Хармс. Большая часть творчества указанной группы литераторов по причинам политического характера не могла быть и не может быть напечатана издательствами, действующими в СССР» [Следственное дело..., 2000, с. 549, 550].

⁹¹ 24 декабря Хармс записал: «Был с Заболоцким в костёле <в Ковенском переулке>. Ночью чувствую себя простуженно и неважно» [Хроника..., 2004, с. 449].

☾ 29/16 дек<абря> 1930. СПб.

Морозные дни. <...> Дома разбираю книги в шкафу. Составил поздравление на завтра Даниилу:

Первый юбилей Даниила Ивановича Ювачёва-Charms.

Лет двадцать пять со дня рожденья,

Сегодня, в праздник именин,

Тебе приносим поздравленье,

Семь книг и к ним вина графин.

Ему ровно 25 лет (родился 17/30 дек<абря> 1905 г<ода>). <...> [373–374].

♂ 30/17 декабря 1930. СПб.

<...> Р<анняя> обедня в ц<еркви> Ник<оло>-Успенской. Я подавал просфору за Даниила-именинника и юбиляра. В 10 ч<асов> утра он просил разбудить, и я к этому времени отнес в его комнату: 1) просфору, 2) вино, 3) книги. Приложил поздравление. Я разбудил Даню, назвав его юбиляром (25 лет исполнилось), и пошел в свою комнату, ожидая его прихода. Но... он не пришел, хотя носился по коридору мимо моей комнаты. Наконец я сам решил пойти к нему. Вхожу... его уже нет. Ушел. Стоит подаренный мною старинный фиолетовый графин и две рюмки. Значит, с кем-нибудь выпил вино вдвоем (а влил я целый литр). Потом, уже вечером, когда у меня в комнате сидела Маша из Царского Села, пришел Даниа поздороваться с ней, здоровается и со мной. Я говорю ему, что я ждал его утром, чтобы торжественно поздравить. Он сказал, что с приходом кого-то всё торжество было сорвано... Приехала и Ната из Царского. <...> [374].

1931 год

☾ 1 января 1931 года / 19 декабря 1930 года. СПб.

<...> Приходил ко мне Даниил. Я рассказал о своей болезни ноги. Он рассматривал «Святой Иерусалим» Апокалипсиса (камень)⁹². <...> [375].

☾ 5 янв<аря> / 23 дек<абря> 1931/1930 г<одов>. СПб.

Приблизительно в 6 ч<асов> (5 ч<асов>) утра я видел сон. Вхожу в комнату Дани (а это будто бы моя в то же время комната) и вижу, что в углу комнаты перед образами лампада не горит. Стаканчик белый, а не красный, кот<орый> был, стоит пустой в стороне. Сама металл<ическая> (серебряная?) лампада на цепочках перевернута низом кверху. На полу темное пятно в углу. Я понял, что лампадку разлили и разбили. Иду к Наде рассказать ей об этом грустном факте. Она с напускной холодностью заявляет, что лампаду следовало бы давно продать. Не желая выслушивать ее неприятные реплики, я опять иду в комнату, где была лампада. Оказывается, кто-то зажег. Я обращаюсь к служке: – «Вы зажгли?» – «Я», – говорит. – «Кто разбил?» – Оказывается, была группа молодежи Даниила и какой-то Алексей или Алексеев⁹³ учинил это... <...> [377].

⁹² Этим днем помечено стихотворение «и птичка горько плачет / в чернильнице своей...», подписанное «Даниил Ххармс» [Хармс, 1997–2001, т. 1, с. 187–188].

⁹³ Возможно, это был поэт Владимир Алексеев. Как отметил А. Дмитренко, его имя «попало в поле зрения историков литературы первоначально в силу причин косвенных. Оно было введено в исследовательский оборот, когда стало известно о причастности Алек-

⊙ 11 янв<аря> 1931 / 29 дек<абря> 1930. СПб.

<...> Приезжали из Ц<арского> Села Ната, а потом Маша. Все школы в Ц<арском> Селе объединяются под одну главою. Маша подарила спортивные сапоги для Дани. <...> [380].

⊙ 12 янв<аря> 1931 / 30 дек<абря> 1930 года. СПб.

<...> Даня дома не ночевал. <...> [380].

⊘ 22/9 янв<аря> 1931 г<ода>. СПб.

Мороз около -16°R ⁹⁴. Северный ветер. Небо ясное. <...> Был у меня Даня в 4 ч<аса>, когда я обедал, и беседовал со мною о символических знаках и их происхождении. Я ему советовал упражнять свое тело. <...> [385].

⊙ 26/13 янв<аря> 1931 г<ода>. СПб.

<...> Сегодня получил новые карточки на провизию. Был я в гостях у соседки больной Н<атальи> Н<иколаевны> Др<ызловой> и у Дани. <...> [388].

♂ 27/14 янв<аря> 1931. СПб.

<...> У Дани появились признаки нервного расстройства <...>. Жмурение глаз, подергивание мышцами лица и писк в горле [388].

⊙ 2 февр<аля> / 20 янв<аря> 1931 г<ода>. СПб.

Около полнолуния. Мороз -13°R . <...> Были у меня Даня и beau-frere⁹⁵. Они говорили об иностранной поэзии. <...> [391].

♀ 6 февр<аля> / 24 янв<аря> 1931 г<ода>. СПб.

<...> Был у меня Даня и рассказывал о самоедах и условия их жизни. О диких животных. <...> [393].

♂ 17/4 февр<аля> 1931. СПб.

<...> Даня пригласил меня к себе, угощал запеканкою. У него был гость молодой из писательской братии. <...> [398].

† 21/8 февр<аля>. СПб.

<...> Даня уехал до ночи в Ц<арское> Село к Нате. <...> [400].

♀ 25/12 февр<аля> 1931 г<ода>. СПб.

<...> Беседа с Даней о 666 [402].

<†> 28/15 февр<аля> 1931 г<ода>. СПб.

<...> В 10-м часу Лидия Ал<ексеевна>, уходя на рынок, говорит мне, что Даня и Лиза спят, а остальные все ушли, на тот случай, чтобы я, глуховатый, был внимателен к звонкам. <...> [402].

сеева к литературной предыстории кружка “чинарей”» [Из поэтического архива..., 2002, с. 403].

⁹⁴ То есть 16 не по Цельсию, а по Реомюру.

⁹⁵ Скорее всего, речь идет о Д. Чернышеве, муже сестры Ювачёва Анны.

⊙ 8 марта / 23 февр<аля> 1931 г<ода>. СПб.

День моего рождения. День работниц, или Женский день. В 3 часа ночи звонок и лай собаки. Лидия Алексеевна пошла открывать дверь. Какой-то знакомый Дани. Лидия Ал<ексеевна> говорит ему, что Дани нет дома, и ушла. Она легла, и я тоже. Вдруг неистовые звонки, один за другим. Опять лай собак. Долго звонил, пока Лидия Ал<ексеевна> снова не оделась и вышла к дверям. Стоял все тот же знакомый Дани и говорил: «Вы всё врете, Даниил Ив<анович> дома». Лидия Ал<ексеевна> сказала ему, чтобы он перестал звонить, п<отому> что всё равно не откроет двери. Но этот инцидент так расстроил меня, что я не мог заснуть и стал читать «Правила». <...> [407].

⊞ 9 марта / 24 февраля 1931 г<ода>. СПб.

<...> Дня за два я просил Даню уступить мне его комнату (собственно моя по распределению de jure) на сегодняшний день. Он сказал: «Хорошо. Я буду ночевать в другом месте». Я говорю: «Не надо: можешь спать у меня на кровати». В 5 ч<асов> слышу у Дани хоровод. Я вызываю его. Он говорит, что они лягут спать, а я разбудил бы его в 9 ч<асов> [408–409].

⊟ 12 марта / 27 февр<аля> 1931 г<ода>. СПб.

<...> Я утром поставил на стол в комнате Дани, когда он спал, вина, пряников и новые носки, ввиду того, что он не идет ко мне. Когда он проснулся, когда мылся и ушел из дому, я не слышал. Всё, что было на столе, он не тронул. Я думаю, ему совестно мне показаться. Где он пропадает? Как он живет? Что он делает? – Ничего не известно⁹⁶. Видимо, он ничего не пишет для печати сейчас. <...> [411].

♀ 13 марта / 28 февр<аля> 1931 г<ода>. СПб.

<...> Был у меня Даниил, и немного побеседовали⁹⁷. Он подарил записных книжек и карандашей. <...> [411].

ћ 14/1 марта 1931. СПб.

<...> У меня был Даня, просил перевести фразу с греческого. <...> У меня был beau-frere. С ним я пошел в Греческую церковь. Но стоял только вечерню. Холодно. Я стоял до конца утреню, но первый час не стоял, п<отому> что там встретил

⁹⁶ Хармс отмечает в записной книжке, начатой 10 марта 1931 г.: «7, 8, 9, 10 и 11 марта. Я себя теперь чувствую неважно. <...> Я думаю, что у меня чахотка. Крест и Мария» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 381].

⁹⁷ См. сделанные весной 1931 г. дневниковые записи Хармса:

Либо *вечно*, либо *невечно*. *Почти вечно* не существует, оно есть простое невечно. Но явление почти невечно возможно, хотя мы отнесем его к вечному. В наших устах оно прозвучит как только могущее совершиться, т. е. вечное, но могущее стать невечным. Как только оно совершится, оно станет нашим уже невечным. Но существует ли несовершившееся? Я думаю, в вечном – да.

6 мая 1931 года

Приступить хочу к вещи, состоящей из 11 самостоятельных глав. 11 раз жил Христос, 11 раз падает на Землю брошенное тело, 11 раз отрекаюсь я от логического течения мысли.

Название второй главы должно быть: *перекладина*. Это перекладина, снятая с четырехконечного креста [Дневниковые записи..., 1991, с. 453].

Даню. И с ним я вышел. Он сам удивляется, какая сила толкнула его в Греческую церковь⁹⁸. <...> [412–413].

Греческая церковь
The Greek Orthodox Church

♂ 17/4 марта 1931 г<ода>. СПб.

<...> Морозный день, хотя днем на солнце таяло. Даниил не ночевал дома и показался только вечером⁹⁹. <...> [414].

♀ 20/7 марта 1931 г<ода>. СПб.

<...> Приехала сегодня и Ната из Детского Села. Ходила с Даней в столовую. <...> [416].

♀ 27/14 марта 1931. СПб.

<...> Лег в 10 ч<асов>. В это время пришли к Дане (его не было) двое. Один пьяный. Я не принял их [419].

⁹⁸ В эти дни Хармс сочиняет вещь «Окно», которую он заканчивает 15 марта 1931 г. [Хармс, 2002, кн. 1, с. 383–386].

⁹⁹ Накануне вечером Хармс был у своего друга художника Петра Соколова: «16 марта. Сидел у П. И. Соколова. Он писал с меня портрет» [Хармс, 2002, кн. 1, с. 387].

© 29/16 марта 1931 г<ода>. СПб.

<...> Днем пришел к Даниилу¹⁰⁰ какой-то архимандрит Кавказского монастыря. Даня дал ему 1 р<убль> и привел ко мне. Я тоже дал 1 р<убль>. Монах в одея-

¹⁰⁰ «28 марта 1931 года в 7 часов вечера» Хармс записывает «Молитву перед сном»:

Господи, среди бела дня
накатила на меня лень.
Разреши мне лечь и заснуть Господи
и пока я сплю накачай меня Господи
Силою Твоей.
Многое знать хочу,
но не книги и не люди скажут мне это.
Только Ты просвети меня Господи
путём стихов моих.
Разбуди меня сильного к битве со смыслами
быстрого к управлению слов
и прилежного к восхвалению имени Бога
во веки веков.

[Хармс, 1978–1988, кн. 3, с. 22]; ср.: [Хармс, 1997–2001, т. 1, с. 193–194]. 29 марта он пишет вещь «Вода и Хню» и отмечает, что она «Принадлежит Н. М. Олейникову» [Хармс, 1978–1988, кн. 3, с. 22–25]. Видимо, к этому же дню относится первый набросок стихотворения «Хню – друг лампы» («Короткая молния белых снегов...»), которое Хармс закончил «31 марта 1931 года. У <Алисы> Порет. Играла <Мария> Юдина» [Там же, с. 29]. В сохранившемся черновике он называет своих ближайших соратников по «реальному» искусству:

Короткая молния пролетела над кучей снега
зажгла громовую свечу и разрушила дерево.
тут же испуганный баран
опустился на колени
тут же пронеслись дети олени
тут же открылось окно
и выглянул Хармс
а Николай Макарович и Соколов
прошли разговаривая о волшебных цветах и числах
тут же прошел дух бревна Заболоцкий
читая книгу Сквороды
за ним шел позвякивая Скалдин
и мысли его бороды
звенели. Звенела хребта кружка
Хармс из окна кричал один
где ты моя подружка
птица Эстер улетевшая в окно
а Соколов молчал давно
уйдя вперед фигурой.
а Николай Макарыч хмурый
писал вопросы на бумаге
а Заболоцкий ехал в колыхаге
на брюхе лёжа
а над медведем Скалдиным
летал орел по имени Серёжа
[Там же, с. 88].

нии, с посохом и с крестом широким с эмалью на груди, который он сует в губы, без всяких разговоров. <...> Кто? Откуда? Почему к нам попал? Неизвестно ¹⁰¹. <...> [419, 421].

Рисунок Татьяны Глебовой к портрету Даниила Хармса (1931–1936?).

Из собрания И. Галеева

A Drawing by Tatyana Glebova for the Portrait of Daniil Kharmis (1931–1936?).

From the Collection of Ildar Galeev

Ср.: [Хармс, 1997–2001, т. 1, с. 191].

¹⁰¹ Местонахождение следующей тетради дневников Ювачёва неизвестно. Сохранившаяся тетрадь LIV начинается с 4 февраля 1932 г. Первая запись в ней, упоминающая Хармса, касается посещения Ювачёвым ДПЗ (Шпалерная ул., д. 25):

♂ 9 февр<аля> / 27 янв<аря> 1932 г<ода>. СПб.

Небо ясное, мороз у моего окна –15 °R. Но среди дня –10 °R. Обедня и молебен Иоанну Злат<оусту>. <...> Из храма я пошел в Дом Предв<арительного> Заключение – узнать: разрешено ли свидание с Даней Лизе. Нет, не разрешено. <...>

[Бытие..., 2011, с. 929].

Список литературы

- Александров А.* ОБЭРИУ. Предварительные заметки // *Československá Rusistika*. 1968. Т. 13, № 5. С. 296–303.
- Бахтерев И.* Когда мы были молодыми // Воспоминания о Николае Заболоцком / Сост. Е. В. Заболоцкая, А. В. Македонов, Н. Н. Заболоцкий. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1984. С. 57–100.
- [Без подписи] ОБЭРИУ // Афиши Дома печати (Ленинград). 1928. № 2. С. 11.
- Бытие на фоне быта: Дневники И. П. Ювачёва 1930–1932 гг., тетради № ЛП, LIV / Вступ. ст. Н. Кавина; публ. А. Дмитренко, Н. Кавина // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 790–976.
- Дмитренко А., Кобринский А.* Георгий Матвеев о Данииле Хармсе // *Vademecum: In Honor of Lazar Fleishman. K 65-летию Лазаря Флейшмана* / Сост. и ред. А. Устинова. М.: Водолей, 2010. С. 307–313.
- Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова, А. Кобринского. <Вступ. ст. и коммент. А. Устинова> // *Минувшее. Исторический альманах*. 11. Paris: Atheneum, 1991. С. 417–683.
- Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903–1942) / Публ. А. Дмитренко // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 403–428.
- Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.
- Костер: [Сб. стихов Ленингр. союза поэтов]. Л.: Гос. тип. им. Евг. Соколовой, 1927. 110 с.
- Лоцилов И.* Принцип «словесной машины» в поэтике Даниила Хармса // Эстетический дискурс: Семиоэстетические исследования в области литературы: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. С. 152–159.
- Лоцилов И.* Говорящий корнеплод: к интерпретации стихотворения Д. И. Хармса «От знаков миг» (1931) // *Сюжетология и сюжетография*. 2015. № 2. С. 167–175.
- Мейлах М., <Эрль Вл.>* О «Елизавете Бам» Даниила Хармса (предыстория, история постановки, пьеса, текст) // *Stanford Slavic Studies*. 1987. Vol. 1. P. 163–246.
- Николаев С.* «Пасха мертвецов» Даниила Хармса // Пути и миражи русской культуры / Отв. ред. Вс. Багно. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 509–510.
- 500 новых острот и каламбуров Пушкина / Собрал А. Крученых. М.: Изд. автора, 1924. 71 с.
- Следственное дело № 4246-31 г. / Публ. Н. Кавина // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: В 2 т. / Сост. В. Сажин. М.: Ладомир, 2000. Т. 2. С. 519–572.
- Топорков А.* Из истории литературных молитв // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тез. и предварительные материалы к симпозиуму. II. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. С. 29–30.
- Устинов А.* Летание без крыл жестокая забава // *Искусство Ленинграда*. 1990. № 2. С. 81–85.
- Устинов А., Лоцилов И.* «Про это» Владимира Маяковского и поэзия русского модернизма // *Скрещения судеб. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen*

Russland und dem Westen: A Festschrift for Fedor B. Poljakov / Ed. by L. Fleishman, S. M. Neverkla, M. Wachtel. Berlin: Peter Lang, 2019. S. 309–328.

Устинов А. «Поэт Сентябрь», или подступы к Венедикту Марту // Звезда. 2020. № 9. С. 197–218.

Хармс Д. Собрание произведений: В 4 кн. / Под ред. М. Мейлаха, Вл. Эрля. Bremen: K-Presse, 1978–1988. 200 с. + 222 с. + 237 с. + 227 с.

Хармс Д. Неизданное / Публ. Г. Урмана // Neue Russische Literatur (Salzburg). 1979–1980. Bd. 2–3. S. 135–142.

Хармс Д. Полн. собр. соч.: [В 4 т.] / Под ред. В. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997–2001. 440 с. + 504 с. + 351 с. + 320 с.

Хармс Д. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Подгот. текста Ж.-Ф. Жаккара, В. Сажина; вступ. ст. В. Сажина. СПб.: Академический проект, 2002. 480 с. + 416 с.

Хармс Д. Случаи и вещи / Сост. и примеч. А. Дмитренко, Вл. Эрля; подгот. текстов В. Эрля; название <и состав> предл. А. Устиновым. СПб.: Вита Нова, 2004. 494 с.

Хроника жизни и творчества Даниила Хармса / Сост. А. Крусановым // Хармс Д. Случаи и вещи / Сост. и примеч. А. Дмитренко, Вл. Эрля; подгот. текстов В. Эрля; название <и состав> предл. А. Устиновым. СПб.: Вита Нова, 2004. С. 413–482.

Ювачёв И. Собрание дневников: В 10 кн. / Вступ. ст., подгот. текста, сост. и примеч. Н. Кавина. М.: Галеев-Галерея, 2020. Кн. 9: 1922–1931. 560 с.

Jaccard J.-Ph., Ustinov A. Заумник Даниил Хармс: начало пути. Неопубликованные материалы Д. Хармса // Wiener Slawistischer Almanach (München). 1991. Bd. 27. S. 159–228.

References

[Anonymous] OBERIU. In: Afishi Doma pečati [Posters of the House of Press] (Leningrad), 1928, no. 2, p. 11. (in Russ.)

Aleksandrov A. OBERIU. Predvaritel'nye zametki. In: Československá Rusistika [Czechoslovakian Russian Studies], 1968, vol. 13, no. 5, p. 296–303. (in Russ.)

Bakhterev I. Kogda my byli molodymi. In: Vospominaniya o Nikolae Zabolotskom [Memories of Nikolai Zabolotsky]. Comp. by E. V. Zabolotskaya, A. V. Makedonov, N. N. Zabolotsky. 2nd ed. Moscow, Sovetskii pisatel', 1984, p. 57–100. (in Russ.)

Bytie na fone byta: Dnevnik I. P. Yuvacheva 1930–1932 gg., tetrad'i no. LII, LIV, intr. by N. Kavin; publ. by A. Dmitrenko and N. Kavin. In: Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2009–2010 gody [Yearbook of the Department of Manuscripts of the Pushkin House for 2009–2010]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2011, p. 790–976. (in Russ.)

Dmitrenko A., Kobrinsky A. Georgiy Matveev o Daniile Kharmse. In: Vademecum: In Honor of Lazar Fleishman. K 65-letiju Lazarya Fleishmana. Comp. and ed. by A. Ustinov. Moscow, Vodoley Publ., 2010, p. 307–313. (in Russ.)

Dnevnikovye zapisi Daniila Kharmsa. Publ. by A. Ustinov and A. Kobrinsky. <Comp. and comment. by A. Ustinov>. In: Minuvshee, istoricheskiy al'manakh [The Past. Historical Almanac], 11. Paris, Atheneum, 1991, p. 417–683. (in Russ.)

500 novykh ostrot i kalamburov Pushkina [500 New Witticisms and Puns of Pushkin]. Comp. by A. Kruchenykh. Moscow, 1924, 71 p. (in Russ.)

Iz poeticheskogo arkhiva V. S. Alekseeva (1903–1942). Publ. by A. Dmitrenko. In: *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [Yearbook of the Department of Manuscripts of the Pushkin House for 1997]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002, p. 403–428. (in Russ.)

Jaccard J.-Ph., Ustinov A. Zaumnik Daniil Kharms: nachalo puti. Neopublikovannye materialy D. Kharmsa. *Wiener Slawistischer Almanach* (München), 1991, Bd. 27, S. 159–228.

Kharms D. Neizdannoe. Publ. by G. Urman. *Neue Russische Literatur* (Salzburg), 1979–1980, Bd. 2–3, S. 135–142. (in Russ.)

Kharms D. Complete Works. [In 4 vols.]. Ed. by V. Sazhin. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 1997–2001, 440 p. + 504 p. + 351 p. + 320 p. (in Russ.)

Kharms D. Sluchai i veshchi [Cases and Things]. Comp. and comment. by A. Dmitrenko and Vl. Erl; prep. by V. Erl. St. Petersburg, Vita Nova, 2004, 494 p. (in Russ.)

Kharms D. Collected Works. In 4 vols., ed. by M. Meilakh and Vl. Erl. Bremen, K-Press, 1978–1988, 200 p. + 222 p. + 237 p. + 227 p. (in Russ.)

Kharms D. Zapisnye knizhki. Dnevnik [Notebooks. Diary]. In 2 vols, Prep. by J.-F. Zhakkar and V. Sazhin, intr. V. Sazhin. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2002, 480 p. + 416 p. (in Russ.)

Khronika zhizni i tvorchestva Daniila Kharmsa, sostavlena A. Krusanovym. In: Kharms D. Sluchai i veshchi [Cases and Things]. Comp. and comment. by A. Dmitrenko and Vl. Erl; prep. by V. Erl. St. Petersburg, Vita Nova, 2004, p. 413–482. (in Russ.)

Koster [Bonfire]: [Sbornik stikhov Leningr. soyuz poetov]. Leningrad, Gos. tip. im. Evg. Sokolovoy, 1927, 110 p. (in Russ.)

Kvyatkovsky A. P. Poeticheskii slovar' [Poetry: A Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1966, 376 p. (in Russ.)

Loshchilov I. Govoryashchii korneplod: K interpretatsii stikhotvoreniya D. I. Kharmsa "Ot znakov mig" (1931). In: *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2015, no. 2, p. 167–175. (in Russ.)

Loshchilov I. Printsip "slovesnoj mashiny" v pojetike Daniila Kharmsa. In: *Esteticheskii diskurs: Semioesteticheskie issledovaniya v oblasti literatury* [Aesthetic Discourse: Semio-Aesthetic Research in Literature]. Novosibirsk, NSPI Press, 1991, p. 152–159. (in Russ.)

Meilakh M., <Erl Vl.> O "Elizavete Bam" Daniila Kharmsa (predystoriya, istoriya postanovki, p'esa, tekst). *Stanford Slavic Studies*, 1987, vol. 1, p. 163–246. (in Russ.)

Nikolaev S. "Pasha mertvetsov" Daniila Kharmsa. In: *Puti i mirazhi russkoy kul'tury* [Paths and Mirages of Russian Culture]. Ed. by Vs. Bagno. St. Petersburg, Severo-Zapad, 1994, p. 509–510. (in Russ.)

Sledstvennoe delo No. 4246-31 g., publ. by N. Kavin. In: "...Sborishche druzey, ostavlennykh sud'boyu" ["...A Bunch of Friends that Fate Abandoned"]: L. Lipavsky, A. Vvedensky, Ya. Druskin, D. Kharms, N. Oleinikov. In 2 vols. Comp. by V. Sazhin. Moscow, Ladomir, 2000, vol. 2, p. 519–572. (in Russ.)

Toporkov A. Iz istorii literaturnykh molitv. In: *Etnolingvistika teksta. Semiotika malykh form fol'klora*. [Ethnolinguistics of the Text. Semiotics of Small Forms of Folk-

lore]. Tezisy i predvaritel'nye materialy k simpoziumu II. Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki AN SSSR, 1988, p. 29–30. (in Russ.)

Ustinov A. “Poet Sentyabr”, ili podstupy k Venediktu Martu. *Zvezda [The Star]*, 2020, no. 9, p. 197–218. (in Russ.)

Ustinov A. Letanie bez kryl zhestokaya zabava. *Iskusstvo Leningrada [Art of Leningrad]*, 1990, no. 2, p. 81–85. (in Russ.)

Ustinov A., Loshchilov I. “Pro eto” Vladimira Mayakovskogo i poeziya russkogo modernizma. In: Skreshcheniya sudeb [Crossings of Destinies]. In: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen: A Festschrift for Fedor B. Polyakov, ed. by L. Fleishman, S. M. Neverkla, and M. Wachtel. Berlin, Peter Lang, 2019, p. 309–328. (in Russ.)

Yuvachev I. Sobranie dnevnikov [Collected Diaries]. In 10 vols. Intr., prep., comp. and comment. by N. Kavin. Moscow, Galeev-Galereya Publ., 2020, vol. 9: 1922–1931, 560 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Устинов Андрей Борисович – доктор филологических наук, директор книгоиздательства «Аквилон» (Сан-Франциско, США)
abooks@gmail.com
ORCID 0000-0002-8468-4854

Information about the Author

Andrei B. Ustinov – PhD, Dr. Hab.; Philologist; Director of the “Aquilon” Books & Publishing (San Francisco, USA)
abooks@gmail.com
ORCID 0000-0002-8468-4854

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-166-189

К истории ленинградской культуры 1930-х годов: поэтические посвящения Лидии Аверьяновой

А. Б. Устинов¹, И. И. Галеев²

¹ *Книгоиздательство «Аквилон»
Сан-Франциско, США*

² *Галеев-Галерея
Москва, Россия*

Аннотация

Представляемые в статье стихотворения Лидии Аверьяновой объединяет имя адресата ее поэтических посвящений – художественного критика и историка искусства Всеволода Петрова, автора «воспоминаний и размышлений» о заметных участниках ленинградской культуры 1930-х гг. Некоторые из них вошли в собрание ее стихотворений, другие отложились в архиве Петрова – эти автографы воспроизводятся здесь по собранию «Галеев-Галереи» (Москва). Начавшееся в 1931 г. ее увлечение Петровым с течением времени переросло в доверительные дружеские отношения, подтверждением которых служат сохраненные им письма Аверьяновой и его собственные поэтические опыты, созданные в ответ на ее посвящения. В приложении также приводятся стихотворения Аверьяновой, не имеющие конкретного романтического прототипа, но написанные в годы ее увлечения Петровым.

Ключевые слова

Л. Аверьянова, Вс. Петров, ленинградская культура, литературный быт, поэтические посвящения

Для цитирования

Устинов А. Б., Галеев И. И. К истории ленинградской культуры 1930-х годов: поэтические посвящения Лидии Аверьяновой // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 166–189. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-166-189

Towards the Cultural History of Leningrad in the 1930s: Lydia Averianova's Poetic Dedications

A. B. Ustinov¹, I. I. Galeev²

¹ *“Aquilon” Books & Publishing
San Francisco, USA*

² *Galeev-Gallery
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This publication presents poems by Lydia Averianova dedicated to Vsevolod Petrov, art critic, art historian and the author of “memoirs and reflections” about notable participants of the Leningrad culture in the 1930s. Some of these poems were included in Averianova's “Col-

© А. Б. Устинов, И. И. Галеев, 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

lected Verse,” others were saved by Petrov. Currently these autographs are preserved in the collection of Galeev-Gallery (Moscow). The publication includes Petrov’s poems written in response to Averianova’s dedications, as well as her other poems, which do not have a specific romantic prototype, but were created during the years of her infatuation with Petrov.

Keywords

Lydia Averianova, Vsevolod Petrov, cultural history, literary life, poetic dedications

For citation

Ustinov A. B., Galeev I. I. Towards the Cultural History of Leningrad in the 1930s: Lydia Averianova’s Poetic Dedications. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 166–189. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-166-189

...tibi namque tu solebas
meas esse aliquid putare nugas

*Catullus*¹

It was a bright cold day in April,
and the clocks were striking thirteen.

George Orwell

В культурном пейзаже довоенного Ленинграда поэзия Лидии Аверьяновой (1905–1942) достойно заполнила ту часть литературного пространства, которая была изначально отведена Анне Ахматовой, не будь ее более чем пятнадцатилетнего молчания. «Ваши стихи красивы и сильны, – замечал в письме к Аверьяновой 15 июня 1924 г. критик и редактор Далмат Лутохин, – хотя у них два недостатка: они слишком “Ахматовские” по форме и слишком заражены модным пафосом современных питерских обывателей. Простите столь резкую характеристику. Но поэт имеет право на внимание к себе, когда его душа поет *по-своему*. <...> Не сомневаюсь, что если Вы не бросите поэзии, но и не будете вдали от жизни, из Вас выйдет *звезда*» [Павлова, 2011, с. 248].

Появление Аверьяновой на литературной сцене, обозначенное, например, ее участием в сборнике Ленинградского отделения Союза поэтов «Собрание стихотворений» (Ленинград, 1926), совпало с началом продолжительного «writer’s block» Ахматовой, вызванного не столько неблагоприятными внешними условиями, на которые она ссылалась ретроспективно, а неурядицами в личной жизни и непредсказуемыми бытовыми условиями – комбинацией факторов, явно не оставляющих места для творчества². Внутри ленинградской культуры 1930-х гг. имя Аверьяновой оказывалось воплощением «женской поэзии», неизменно возводимой к Ахматовой³, и соответственно трактовалось современниками, наперекор

¹ «...для тебя: ты неизменно / Почитал кое-чем мои безделки» (пер. С. Шервинского).

² Лично с Ахматовой Аверьянова познакомилась весной 1927 г. «Очень хорошо, что ты побывала у Ахматовой, – писал ей 21 марта Владимир Смирнский. – Это большой и хороший человек...» (РО ПД. Ф. 355. Ед. хр. 54. Л. 47 об.). Об их взаимоотношениях см.: *Тименчик Р.* Тынянов в стихах современницы // Пятые Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения / Ред. Е. Тоддес. Рига: Зинатне, 1990. С. 248.

³ См. отзыв Г. Адамовича в письме к И. Одоевцевой (12 августа 1962 г.): «Лисицкая, Вас заинтриговавшая, – сплошное, по-моему, подражание Ахматовой» (Письма Георгия

общественной ситуации, в русле продолжения и развития «петербургских» литературных традиций.

В таком же ключе ее творчество было воспринято и читателями более позднего времени. Препровождая 1 декабря 1951 г. подготовленную им книгу Аверьяновой в нью-йоркское Издательство имени Чехова, Глеб Струве обращал внимание именно на эту сторону ее литературной работы, тем более заметную на фоне предвоенной советской поэзии: «При сем рукопись стихов “А. Лисицкой”. Стихи не все одинаково хороши, но, несмотря на чувствуемые кое-где (вполне естественные) влияния (особенно Мандельштама, местами Ахматовой и Гумилева, вообще акмеистов <...>), они своеобразны и цельны. Я считаю, что печатать надо всю книгу, как этого хотел автор. Расположение стихов – авторское, за исключением нескольких в конце “Стихов о Петербурге”, присланных дополнительно позже – их автор хотел поместить именно в конце»⁴.

Невозможно также не учитывать тот факт, что стихотворения Аверьяновой относились к категории неангажированной, неофициальной, неподцензурной поэзии – свои книги она умышленно составляла как рукописные. При этом в контексте «Советской потаенной музыки», как назвал Борис Филиппов антологию стихов ее современников, «написанных не для печати» (Мюнхен, 1961), творчество Аверьяновой осталось незамеченным прежде всего потому, что она последовательно держалась в стороне от прямолинейной политической тематики. В ее поэзии доминирует лирическая составляющая, тем более конкретная, что три авторских сборника Аверьяновой – «Опрокинутый Шеврон», «Стихи о Петербурге» и «Пряничный Солдат» – вызваны к жизни исключительно личными отношениями, на которые указывает обилие обращений непосредственно к объектам ее увлечений.

Представляемые здесь стихотворения Аверьяновой объединяет имя адресата таких поэтических посвящений – художественного критика и историка искусства Всеволода Петрова (1912–1978), автора «воспоминаний и размышлений» о заметных участниках ленинградской культуры 1930-х гг. – теперь они изданы вместе с повестью, или «трагической пасторалью»⁵, как определил ее жанр сам автор, «Турдейская Манон Леско» (1946) [Петров, 2016]. Некоторые из этих стихотворе-

Адамовича Ирине Одоевцевой. Публ. Ф. Черкасовой // *Диаспора: Новые материалы*. Париж; Санкт-Петербург: Athenaeum – Феникс, 2003. Вып. 5. С. 594.

⁴ Hoover Institution Archives (Stanford, CA). Gleb Struve Papers. Box 26. Folder 9. «Рукопись А. Лисицкой получила, – отвечала ему 14 декабря В. Александрова, главный редактор издательства, – успела прочесть и обсудить с Н. Р. Вреденом вопрос об издании ее. Мы оба пришли к заключению, что, поскольку план наших изданий на 1952 год уже составлен и в нем имеются уже две антологии (классической и современной поэзии), будет трудно включить ее стихи в этот план. Но это не значит, что к этому вопросу нельзя будет вернуться в следующем году». Несмотря на настойчивость Г. Струве, выходу книги Аверьяновой помешали издательские обстоятельства. «Мне искренно жаль, что наш отказ включить книгу А. Лисицкой в план наших изданий 1952 года Вас так огорчил, – извинялась в письме 26 декабря Александрова. – Но Вы должны понять и нас: кроме двух антологий, мы в 1952 году издадим однотомник Ахматовой, Неизданного Гумилева и однотомник Тютчева. <...> Мы охотно вернемся к вопросу об издании той книги в 1953 году, если Вам до тех пор не удастся выпустить ее в другом Издательстве. Согласно Вашему желанию мы при сем возвращаем Вам машинопись А. Лисицкой» (Ibid.).

⁵ Ср. оговорку М. Маликовой: [«Философские рассказы»..., 2016, с. 750].

ний вошли в собрание ее сочинений [Аверьянова, 2011], другие отложились в архиве Петрова и печатаются здесь по собранию «Галеев-Галереи».

Свое знакомство с Петровым Аверьянова относила к апрелю 1931 г., ко «дням ледохода» на Неве. Этим годом помечен обращенный к нему «Сонет-Акростих», открывающий ее последний сборник «Пряничный Солдат» (1937), в котором она также намекает на возраст Петрова в пору их знакомства:

Придет ли, наконец, великий ледоход?
Его мы оба ждем, по-разному, быть может...
Ты – переждешь легко. Тебе – двадцатый год...

Косвенным подтверждением времени их весенней встречи может служить концовка стихотворения «Я двойную забыла гибель...» (1933):

Обернется закатом желтым
Новый день Твой – и всё пройдет,
Как и тот, с которым пришел Ты –
Первый, чистый апрельский лед.

А также зачин другого посвящения Петрову, написанного три дня спустя:

С ледохода мы неразрывны,
Словно лебеди между льдин, –
Тонкий мальчик мой, пленник дивный –
Взрослой женщины властелин.

Противопоставление «тонкого мальчика» и «взрослой женщины» в этом четверостишии – явная поэтическая гипербола, необходимая для оправдания непредсказуемости увлечения Аверьяновой. В те годы она была замужем за переводчиком Андреем Корсуном (1907–1963), близким другом Петрова, который собирался посвятить Корсуну целую главу в своих «Фантастических записках»⁶. 13 апреля 1943 г. Петров записал в дневнике:

Портрет Андрея Корсуна подвигается очень плохо. Выходит холодно и слишком эстетично. Я сам понимаю ошибку: я боюсь говорить о нем правду, чтобы не подумали, что я ему завидую или хочу возвыситься над ним.

Тут нужно – ввиду следующих портретов – раз навсегда установить: я никому не завидую и обо всем пишу сверху вниз. Это очень трудная поза, но я ведь пишу исключительнейше о себе и поэтому могу не трудиться хвалить или порицать других. Традиция литературной скромности должна быть отброшена.

Это понимают и говорят многие, но никто еще не сделал. Попробую сделать я – вроде того, как Введенский сделал с заумной поэзией [Петров, 2017, с. 234]⁷.

⁶ См. его запись в дневнике 28 мая 1943 г.: «Урывками, среди своих канцелярских занятий, пишу “Фантастические записки”, и на днях надеюсь кончить “Портрет Андрея Корсуна”. Следующая глава будет называться “Музей и первые встречи с левым искусством”» [Петров, 2017, с. 236].

⁷ Ср. наблюдение К. Львова: «Воспоминания Петров уничтожит. Особенно жаль мемуаров об Андрее Корсуне, с которым они были близки несколько лет. <...> Его биография, возможно, является примером воздействия литературы на жизнь. А. Н. Егунов (Андрей Николев) написал роман “По ту сторону Тулы” в 1929–1930 гг., опубликовал в 1931 г. Главный герой романа Сергей Сергеевич на пару лет постарше Корсуна, пытается стать писателем, работает техническим сотрудником (“пишбарышной”) в “конторе Петергоф-

В другой дневниковой записи 3 мая 1945 г. Петров давал оценку своих отношений с Корсуном:

Плутая по лесу, я разговаривал мысленно с неизвестным собеседником. Нет у меня друга. Настоящая мужская дружба, какая и у меня в моей жизни бывала, похожа на любовь, то есть она проходит те же фазы постепенного сближения, последней близости и потом охлаждения, и выражается, в сущности, так же, как любовь, – в чувстве томления без друга и в желании видеть его <...>. У меня были две таких дружки. Одна, юношеская, с Корсуном, прошла все фазы и кончилась охлаждением, почти враждебностью; вторая, с Хармсом, оборвалась на самой высокой точке [Петров, 2017, с. 270]⁸.

Оба они входили в близкое окружение Михаила Кузмина, с которым познакомились, видимо, одновременно. Петров вспоминал «через тридцать с лишком лет»:

В начале тридцатых годов Кузмин был, мало сказать, очень известен – он был знаменит. Полоса непризнания и забвения, позднее так надолго скрывшая его поэзию, тогда еще не наступила. Она лишь приближалась. Литературные и околотитературные юноши моего поколения отлично знали книги Кузмина. Для меня он был одним из любимых поэтов. Потому я так обрадовался возможности познакомиться с ним, а войдя в дом Михаила Алексеевича, я испытал такое чувство, будто знаю его уже очень давно <...>. Кузмин был похож на свои книги. Живое общение с поэтом создавало тот же образ, который возникал и при чтении его стихов. Я думаю, что это – одно из свидетельств цельности его природы и органичности дарования. Он выразил себя в искусстве с несравненной простотой, непосредственностью и естественностью [Петров, 2016, с. 131–132]⁹.

ских дворцов-музеев”, получил “необычайно тонкое” образование: специалист по древнеисландской литературе. Андрей Корсун во второй половине двадцатых учился на Высших курсах искусствознания Зубовского института. Дальше он начинает жить “по плану” литературного персонажа: в 1931–1934 гг. работает библиотекарем в Русском музее, в 1937–1941 гг. – библиотекарем в Эрмитаже» [Петров, 2017, с. 359]. «Егунов был, пожалуй, единственным человеком и едва ли не единственным поэтом, – вспоминал Петров, – в котором я замечал что-то общее с Кузминым. Эти неуловимые черты сходства проявлялись не только в стихах Егунова или в его блистательной прозе, лирической и насмешливой, но и в самом стиле мышления, даже в манере говорить и держаться. Он и за столом сидел как-то похоже на Кузмина, так же уютно и с такой же естественной и непринужденной грацией. Впрочем, ни в его манерах, ни в его творчестве не было ничего подражательного» [Петров, 2016, с. 151–152]. Обратим внимание на фамилию героя «философского рассказа» Петрова «Красавица» – «Игунов» [Петров, 2017, с. 111–114].

⁸ Ср. в более ранней, но сделанной уже после смерти Хармса, дневниковой записи 14 декабря 1942 г.: «Мои воспоминания ведь никогда не бывают о том, как я жил один, как бы ни было благородно это мое одиночество, какими бы мыслями и чувствами оно ни украшалось. Я вспоминаю о себе, отраженном в Кате, в Хармсе, в Ирине, в Кузмине, в Сергее Васильевиче Любимове – в людях, с которыми я был связан любовью и дружбой (т. е. тоже любовью). Вот когда я понял, что жизнь есть любовь» [Петров, 2017, с. 206].

⁹ Ср. авторское примечание Петрова к стихотворению «Конец зимы» («Тревожа римские холмы...»): «Заглавие этого стихотворения придумал Кузмин» [Петров, 2017, с. 341–342].

В свою очередь, Кузмин сослался на Петрова в дневниковой записи 11 сентября 1934 г.¹⁰, в которой отдавал должное человеческому обаянию Корсуна:

Идолоподобие. Корсун замечательно красивый человек. Действительно, как говорит Петров, «один из самых красивых людей Ленинграда», и милый, и хороший, и вместе с тем как-то не знаешь, что с ним делать. Он совсем не для романа, который сопряжен с капризами, жестокостями, дурью, подлостями, жертвами, радостями, трагедиями и примирениями, причем один, а то и оба, должны быть непреодолимым дрянью и предателем, что-то от лорда Дугласа, и от Manon Lescaut. Лев Льв<ович Раков> думает, что я исключительно таких и люблю, и Жид тоже, где лучший герой «Фальшивомонетчиков» чемодан упер. Понятно, что такое время-препровождение не для Корсуна. Его можно воспевать и обожать. Он идолоподобен, как кумир, или, вернее, как пьедестал, на который наклеивают любовные оды. Есть еще третье любовное товарищество, содружество, созвучие, сотворчество. Но это уже какая-то эпопея, вроде «Тристана», а не роман. В последнем всегда есть какая-то дребедень: или Палладизмы, или гумилевизмы. А впрочем, всё это вздор, есть и четвертое, и пятое, и сорок пятое, а про Корсуна верно [Кузмин, 2007, с. 101]¹¹.

Еще раньше, в мае 1934 г., в мини-новелле о «круге знакомых, из которых меня потихоньку выперли», рядом с Петровым Кузмин назвал «Лид<ию> Ив<ановну> Аверьянову» [Там же, с. 33]¹². Ее увлечение коллегой мужа – как раз в 1931 г. Петров стал сотрудником Отдела рукописей Русского музея – отчасти повторяло траекторию романа с Корсуном, который она сумела воплотить в своей поэзии с еще большей интенсивностью.

Как поясняет ее биограф, в течение нескольких месяцев «Аверьянова пишет обращенный к Корсуну лирический цикл- послание (21 стихотворение), составивший третью книгу стихов “Опрокинутый Шеврон” (1929) <...>. Первое стихотворение цикла датировано 27 октября 1928 г., последнее – 4 февраля 1929-го, несколько посланий оформлены как акростихи (свидетельство виртуозной техники автора), большинство имеют посвящения: *Андрею, Андрею Корсуну, А. К., А. И. К.*» [Павлова, 2011, с. 258]. Но делает ниже существенную обмолвку: «Их союз был прочным, хотя не раз подвергался испытаниям. Импульсивная “мягущаяся поэтесса”¹³ была подвержена романтическим увлечениям...» [Там же, с. 259].

Несмотря на первоначально сильное проявление чувств к Петрову, их роман оказался непродолжительным – довольно скоро Аверьянова переключила свое

¹⁰ Свод дневниковых записей Кузмина 1934 г. был известен Петрову. «Читал “Дневник” Кузмина; очень сильная вещь, – записал он 17 февраля 1946 г., – в отдельных местах, может быть, гениальная, при всём эстетизме и даже кое-где безвкусице, при небрежности стиля» [Петров, 2017, с. 288].

¹¹ В. Глинка вспоминал, что Корсун из Кисловодска «уехал в Ленинград, учился в Институте истории искусств, затем работал в библиотек<ах> Русского музея и Эрмитажа, переводил французских поэтов. Был не очень удачно женат на поэтессе Лидии Аверьяновой, наконец, одиноко жил в довольно большой комнате, предоставленной ему в эрмитажном доме» [Хранитель..., 2006, с. 45].

¹² Об отношениях Аверьяновой и Кузмина см. в комментариях Г. Морева [Кузмин, 2007, с. 201].

¹³ Выражение М. Глинка из его комментария к воспоминаниям В. Глинка «Блокада» [Хранитель..., 2006, с. 136].

внимание на Льва Ракова (1908–1970)¹⁴, к которому обращено значительное количество стихотворений середины 1930-х гг.¹⁵ С течением времени ее краткое увлечение Петровым переросло в доверительные дружеские отношения, подтверждением которых служат сохраненные им письма Аверьяновой и его собственные поэтические опыты, созданные в ответ на ее посвящения. Для первого из них он выбрал эпиграфом начальные строки стихотворения Николая Гумилёва «О тебе» из сборника «Костер» (СПб., 1918):

Л. А.

*О тебе, о тебе, о тебе...
(Н. Гумилев)*

Я устал это имя твердить,
Повторять и во сне, и днем,
И неслышным шагом бродить
Обходя твой высокий дом.

И земная прозрачная соль
Мне теперь трудна и горька,
И поет бессмертная боль
Словно флейта из тростника.

Пролетят сквозь туман и снег,
Петербург, и любовь, и бред,
И в последней из черных рек
Обретут смертельный ответ.

В серебре серафимских труб
Наплывает на нас забытье,
Но последним дрожаньем губ
Повторится имя твое.

*1–2 дек<абря> 1932 г.
[Петров, 2017, с. 327].*

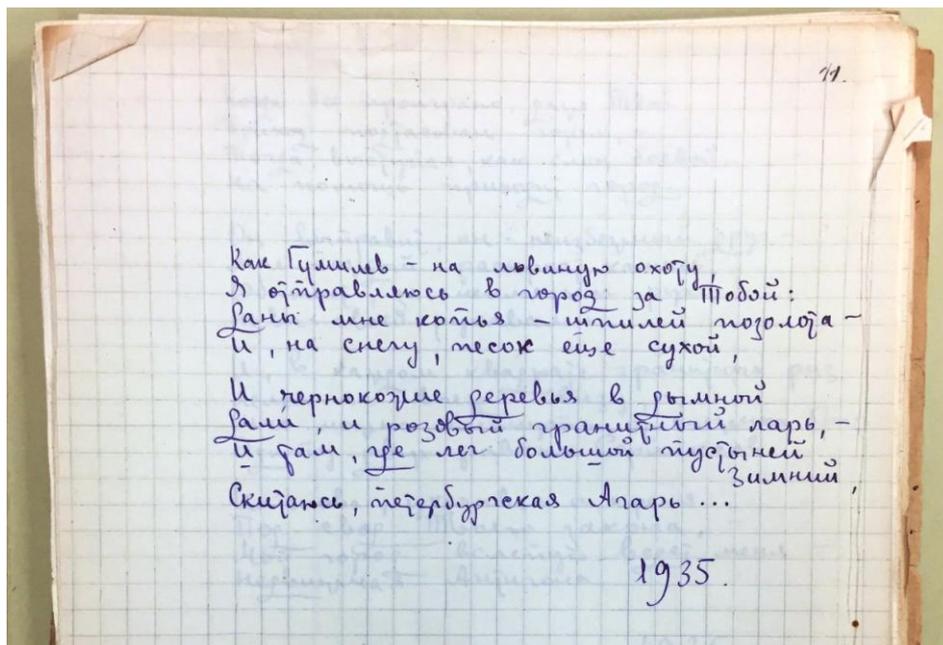
Эпиграф из Гумилёва кажется достаточным поводом для того, чтобы поставить под сомнение однозначность адресата одного из наиболее известных стихотворений Аверьяновой:

Как Гумилев – на львиную охоту,
Я отправляюсь в город за Тобой:

¹⁴ По определению Петрова, «историк, сотрудник Эрмитажа, позже ставший оригинальнейшим писателем. Я тогда еще не знал замечательной прозы Ракова, которая никогда не печаталась, и мог восхищаться лишь его блистательным остроумием и дарованием рассказчика» [Петров, 2016, с. 160]. Далее он вспоминал А. Степанова, своего коллегу по Русскому музею: «Оба – и Л. Л. Раков и А. А. Степанов – были очень красивыми, элегантными и светскими молодыми людьми. Вместе с ними в дом Кузмина проникали отголоски светской жизни, которая еще теплилась в начале тридцатых годов, пока люди не стали бояться друг друга и избегать общения, как это вскоре случилось. Михаил Алексеевич сам был светским человеком, и светские темы его интересовали» [Там же, с. 161].

¹⁵ См.: [Павлова, 2011, с. 278–279].

Даны мне копыя – шпилей позолота¹⁶ –
И, на снегу, песок еще сухой,
И чернокожие деревья в дымной
Дали, и розовый гранитный ларь, –
И там, где лег большой пустыней Зимний,
Скитаюсь, петербургская Агарь...
1935¹⁷

«Как Гумилев – на львиную охоту...». Автограф
Lydia Averianova. “Like Gumilyov to hunt the lions...”. Autograph

Даже несмотря на то, что уже в первой строке (причем дважды) *ex ungue leonem* узнается Раков: «Как Гумилев – на львиную охоту <курсив наш. – А. У., И. Г.>»¹⁸, –

¹⁶ Ср. в стихотворении «Кунсткамера» (1935) из сборника Аверьяновой «Серебряная Рака. Стихи о Петербурге» (1937): «И, бульжное пастбище, плавно раскинулся город, / Где недвижим, на шпиле, летящий Пастух золотой» [Аверьянова, 2011, с. 120].

¹⁷ Hoover Institution Archives (Stanford, CA). Gleb Struve Papers. Box 75. Folder 3. Входило в подготовленную Г. Струве публикацию «А. ЛИСИЦКАЯ. ИЗ КНИГИ “СЕРЕБРЯНАЯ РАКА”. Стихи о Петербурге» (Hoover Institution Archives (Stanford, CA). Gleb Struve Papers. Box 75. Folder 5). Ср.: Лисицкая А. Стихи о Петербурге / С предисл. Г. Струве // Мосты. Литературно-художественный и общественно-политический альманах (München). 1962. Т. 9. S. 131; Аверьянова Л. Стихи о Петербурге / Публ. Р. Тименчика // Звезда. 1995. № 2. С. 127; [Аверьянова, 2011, с. 86]. См. комментарий М. Павловой [Там же, с. 341–342].

вряд ли можно совершенно исключить из прототипов лирического персонажа стихотворения и Петрова, испытывавшего искренний интерес к Гумилёву как к литературной величине, тем более что в концовке сатирического сонета Аверьяновой «Свиносхоз», который вошел в сборник «Пряничный солдат» и следовал сразу же за обращенным к Петрову акростихом:

Там боров Митька – что, вам правды мало? –
Отлично нёс бы к Риму Ганнибала.
А если лгу я – значит, я – свинья
[Аверьянова, 2011, с. 146], –

присутствует, как установил Роман Тименчик, прямая цитата из стихотворения Гумилёва «Слоненок» (1920): «Как тот, Великолепный, что когда-то / Нес к трепетному Риму Ганнибала»¹⁹. Варианты этого сонета были посланы и Петрову, и Ракову [Аверьянова, 2011, с. 382].

Нельзя со всей уверенностью утверждать, что лирические обращения Аверьяновой к Петрову исчерпываются предложенным здесь сводом ее поэтических посвящений. Иногда такая «предопределенность» прототипа в ее стихотворениях нарушается, и тогда непреложный в них объект ее влюбленности становится неопределенным *Ты*, обобщенным «лирическим героем», причем, как замечает М. Павлова, «герой» таких стихотворений – «величина переменная» [Павлова, 2011, с. 280]²⁰. М. Глинка предупреждал в комментариях к воспоминаниям Владислава Глинки (1903–1983), знавшего Аверьянову и ее круг:

¹⁸ По замечанию М. Павловой, «перифрастически: на поиски Льва Ракова» [Аверьянова, 2011, с. 341]. В «Романе в стихах» Раков описывал свои чувства, вызванные находкой этого стихотворения: «Опять тягостное ощущение, будто нахожусь под наблюдением, хотя бы и самым доброжелательным. А неизвестный поэт открыто признавался в “охоте” за мной» [Там же, с. 210].

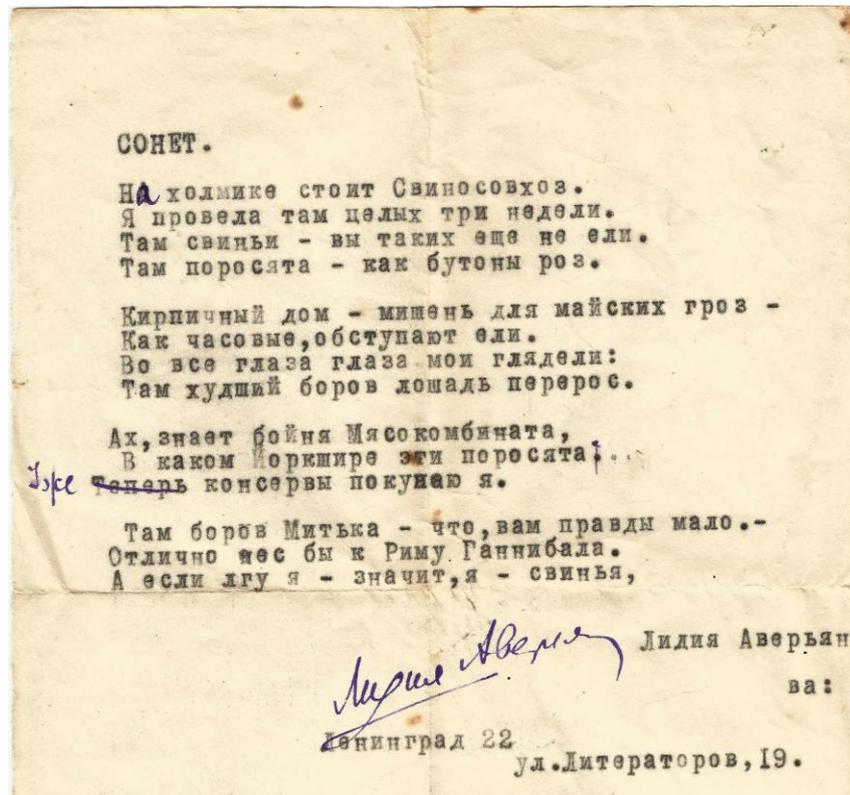
¹⁹ Ср.: [Аверьянова, 2011, с. 382]. 25 июля 1934 г. Аверьянова писала А. Корсуну – от лица «Лиса», ее эпистолярного alter ego, и поэтому в мужском роде: «Я был <sic!> с одним желтопузым в совхозе, и мне показали поросячью резиденцию, где очень много поросят, которые все – ужасные свиньи, т. к. между собой дерутся отчаянно. Но очень смисно <т. е. “смешно”>. – А. У., И. Г.>. 2 подрастающих поросенка бодались пяточками, потом отскакивали, наклоняли головы и смотрели друг на друга, размахивая фостиками <т. е. “хвостиками”>. – А. У., И. Г.>, как маленькие бычки. Замечательно» [Там же, с. 382–383].

²⁰ Как, например, в стихотворении без посвящения «На берега Твоей Невы...» (1933), но, как можно представить по «львиным» строкам, скорее всего, обращенного к Ракову:

На берега Твоей Невы
Ложится снег, сухой и белый,
И дрогнут каменные львы,
Слегка распластывая тело.

И сердце, в легкую игру
Входя, как пар летит на иней,
Как львиный камень на ветру
Оно, распластанное, стынет
[Аверьянова, 2011, с. 110–111].

Однако как человеку, которому выпало счастье хорошо помнить и блестящего эрудита Льва Львовича <Ракова>, и благороднейшего генеалога и знатока геральдики Андрея Ивановича <Корсуна>, меня не покидает ощущение, что цитированные стихи могли быть одновременно и глубоко личными, и в то же время (как это случается у первоклассных поэтов) универсальными. И новое, возгоравшееся чувство поэтессы могло тесно переплетаться с уходящим... Как не предположить одновременности их действия? Даже если влияния их представлялись ей в ту пору полярными [Хранитель..., 2006, с. 137–138] ²¹.

Машинопись сонета «Свиносовхоз» из архива Вс. Петрова
Lydia Averianova. "Svinosovkhoz". Typescript from the archives of Vsevolod Petrov

²¹ Ср. в другом ее стихотворении «Ты Август мой! Тебя дала мне осень...» (1935), тоже без посвящения, но анонимно посланного Ракову:

Ручным ли зверем станет это имя
Для губ моих, забывших все слова?
Слепой Овидий – я пою о Риме,
Моя звезда взошла в созвездьи Льва!
[Аверьянова, 2011, с. 161].

Сюжеты литературной жизни Ленинграда 1920–1930-х годов

Считая подобную метаморфозу конкретного романтического прототипа, место которого в стихах Аверьяновой занимает обобщенный «лирический герой», намеренным литературным приемом, мы помещаем в Приложении стихотворения, написанные в годы ее увлечения Петровым. При этом мы не исключаем возможности, что источниками вдохновения для их создания могли послужить и другие адресаты поэтических посвящений Аверьяновой.

Всеволод Петров в Русском музее. Июль 1933 г.
Vsevolod Petrov at the Russian Museum. July 1933

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

ЛИДИЯ АВЕРЬЯНОВА – ВСЕВОЛОДУ ПЕТРОВУ

1²²

СОНЕТ-АКРОСТИХ

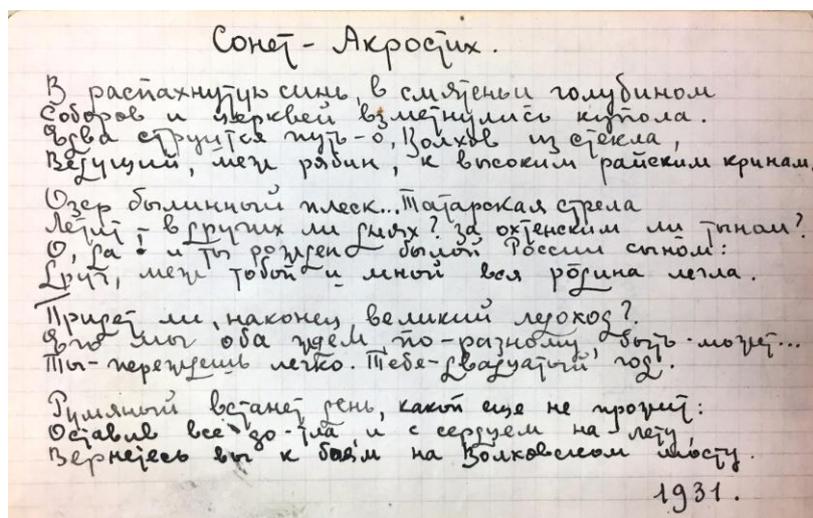
В распаханную синь, в смятеньи голубином
Соборов и церковей взметнулись купола.
Едва струится путь – о, Волхов из стекла,
Ведущий, меж рябин, к высоким райским кринам.

Озер былинный плеск... Татарская стрела
Летит – в других ли днях? за охтенским ли тыном?
О, да! и ты рожден былой России сыном:
Друг, меж тобой и мной вся родина легла.

Придет ли, наконец, великий ледоход?
Его мы оба ждем, по-разному, быть может...
Ты – переждешь легко. Тебе – двадцатый год.

Румяный встанет день, какой еще не прожит:
Оставив всё – дотла, и с сердцем на лету,
Вернетесь вы к боям на Волховском мосту.

1931

«Сонет-Акrostих». Автограф
Lydia Averianova. "Sonnet-Acrostic". Autograph

²² Hoover Institution Archives (Stanford, CA). Gleb Struve Papers. Box 75. Folder 4. Ср. [Аверьянова, 2011, с. 145].

2²³

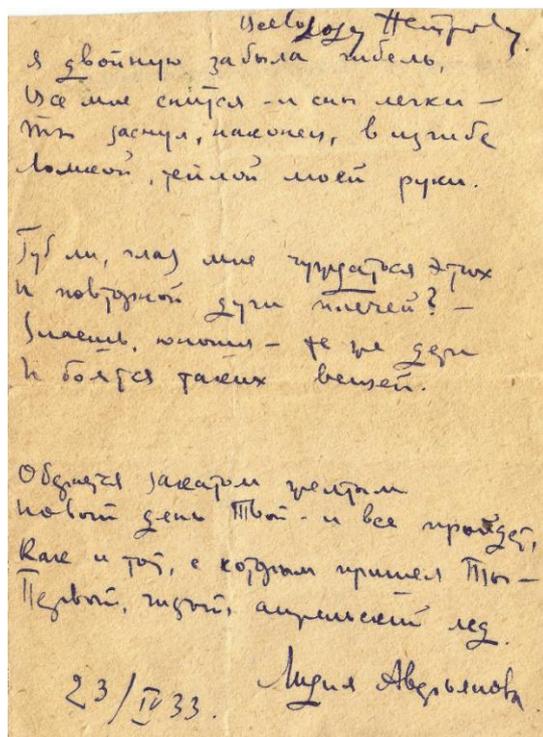
Всеволоду Петрову.

Я двойную забыла гибель,
Всё мне снится – и сны легки –
Ты заснул, наконец, в изгибе
Ломкой, теплой моей руки.

Губ ли, глаз мне чуждаться этих
И повторной дуги плечей? –
Знаешь, юноши – те же дети
И боятся таких вещей.

Обернется закатом желтым
Новый день Твой – и всё пройдет,
Как и тот, с которым пришел Ты –
Первый, чистый, апрельский лед.

23 / IV 33

Всеволоду Петрову.
Я двойную забыла гибель,
Всё мне снится – и сны легки –
Ты заснул, наконец, в изгибе
Ломкой, теплой моей руки.
Губ ли, глаз мне чуждаться этих
И повторной дуги плечей? –
Знаешь, юноши – те же дети
И боятся таких вещей.
Обернется закатом желтым
Новый день Твой – и все пройдет,
Как и тот, с которым пришел Ты –
Первый, чистый, апрельский лед.
23 / IV 33. Lydia Averianova

«Я двойную забыла гибель...». Автограф
Lydia Averianova. "I forgot the double death...". Autograph

²³ Автограф сохранился в архиве Вс. Петрова – теперь в собрании «Галеев-Галереи».

3²⁴

Всеволоду Петрову.

С ледохода мы неразрывны,
Словно лебеди между льдин, –
Тонкий мальчик мой, пленник дивный –
Взрослой женщины властелин.

Ах, слова не такие шепчут,
Если нежности больше нет.
Ты немного похож на жемчуг,
Только телом моим согрет.

Ветер с губ Твоих сух и жарок,
Темных глаз мне приятна тень.
Получай же меня в подарок,
В двадцать первый Твой лучший день.

26 / IV 33

Всеволоду Петрову.
С ледохода мы неразрывны,
Словно лебеди между льдин, –
Тонкий мальчик мой, пленник дивный –
Взрослой женщины властелин.
Ах, слова не такие шепчут,
Если нежности больше нет.
Ты немного похож на жемчуг,
Только телом моим согрет.
Ветер с губ Твоих сух и жарок,
Темных глаз мне приятна тень.
Получай же меня в подарок,
В двадцать первый Твой лучший
день.
Людмила Аверьянова
26 / IV 33

«С ледохода мы неразрывны...». Автограф
Lydia Averianova. “We are inseparable since the ice drift...”. Autograph

²⁴ Автограф сохранился в архиве Вс. Петрова – теперь в собрании «Галеев-Галереи».

4²⁵

Всеволоду Петрову.

1.

От невских стен отходит кромка льда²⁶,
Меня к Тебе под вечер тихо клонит –
И ничего не надо мне, когда
Твое лицо легло в мои ладони.

Не хочешь ты ни лучших, ни других
И за руки берешь у самой кисти
И Ты крадешь дыханье с губ моих,
Как с чайного куста последний листик.

А я – беднее большинства людей,
Журчит былое в песнях Гамаюна,
Но будущим моим сполна владей –
Проклятый клад, размененный на юность.

17 / V 33²⁷.

²⁵ Автограф сохранился в архиве Вс. Петрова – теперь в собрании «Галеев-Галереи».

²⁶ Ср. в стихотворении «Парижская Коммуна» (1927): «И вольный плеск далекой Сены / У нас под невским бьется льдом...» [Аверьянова, 2011, с. 38].

²⁷ См. поэтический ответ Вс. Петрова (23 апреля 1933 г.):

Лидии Аверьяновой

Не римские серебряные реки,
Не каменные кони Ассирии,
Не корабли, не всадники, не песни.

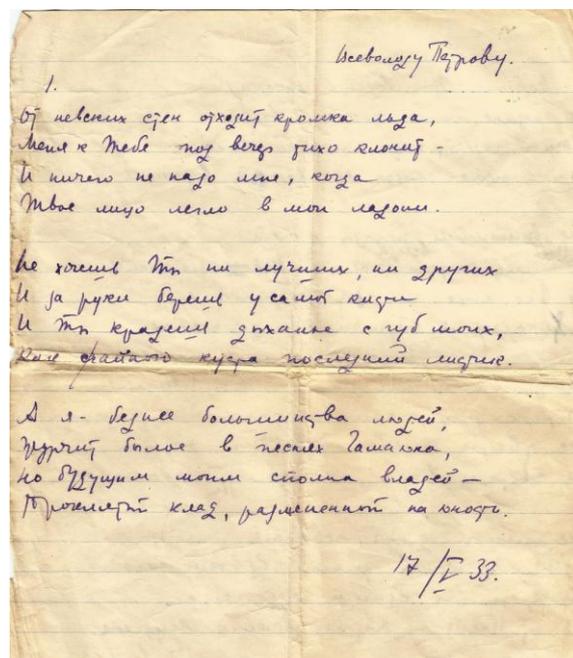
И мне не снится пленная Изиды,
Египетское волхвованье речи,
Священный шум песчаного прилива.

Простая музыка меня тревожит,
Земное время сковывает тело
Глухих обид неодолимым грузом.

И снова пробую свое дыханье,
Свой медленный и приглушенный голос
– «Не корабли, не всадники, не песни...»

И странная ко мне приходит радость,
Я забываю время и обиды,
Я узкое лицо твое целую
[Аверьянова, 2011, с. 362].

В сохранившемся в архиве Петрова варианте этого стихотворения, который датирован «21–23 апреля 1933 года», 3-я и повторяющая ее 12-я строка звучат «Не корабли, не всадники, не флейты» [Петров, 2017, с. 328].

«От невских стен отходит кромка льда...». Автограф Lydia Averianova. “The edge of ice is moving away...”. Autograph

2.

От Иоанна Ты ведешь рассказ
И, грозное, любви приходит время –
Ночной разбой, пожар легчайших ласк –
И – колокол – сердца прорвутся в темень²⁸.

Не вымолишь пощады у Тебя:
Всей нежностью всегда подменишь жалость²⁹
И всё еще не сыт. Не знала я,
Какому я опричнику досталась.

Боярышник мой дикий, Ты цветешь
У рук, у губ, с моим дыханьем смешан,

²⁸ Ср. в сонете «Иоанн Антонович» (1935) из сборника «Пряничный Солдат. Сонеты»:

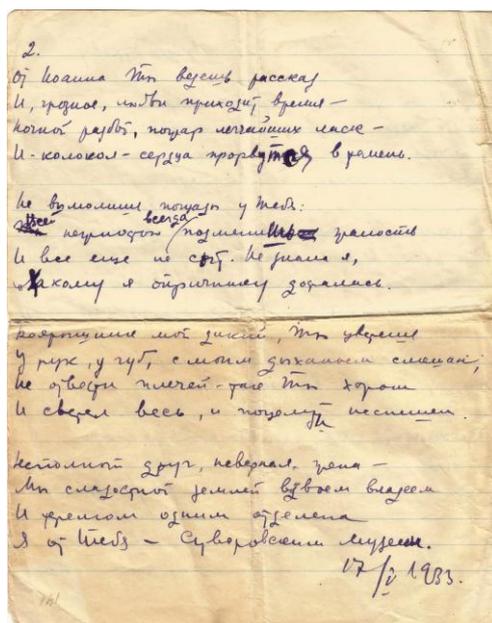
Забытыми в глуши, опальными – что время? –
Расстрелянными – им удел блаженный дан –
Бездомными – их тьмы! – ты грозно правишь всеми,
Прообраз всей Руси – несчастный Иоанн
[Аверьянова, 2011, с. 149].

²⁹ Первоначальный вариант: «Ты нежностью подмениваешь жалость».

Не отвести плечей – так Ты хорош ³⁰
И светел весь, и поцелуй неспешен.

Неполный друг, неверная жена –
Мы сладостной землей вдвоем владеем
И теремом одним отделена
Я от Тебя – Суворовским музеем ³¹.

17 / V 33.

«От Иоанна Ты ведешь рассказ...». Автограф
Lydia Averianova. “You start your story from John...”. Autograph

³⁰ Ср. в стихотворении «Дом Брандта» (1935) из сборника «Серебряная Рака. Стихи о Петербурге»:

И, может быть, легчайший первый лед,
Как первый луч на солнечном восходе, –
Мое плечо тихонько отведет
От Вашего... Мосты уже разводят
[Аверьянова, 2011, с. 123].

³¹ Ср. в стихотворении 1935 г., обращенном к Льву Ракову:

Дворец был Мраморным – и впору
Событью. Он скрывал Тебя.
Судьбой командовал Суворов –
И мы столкнулись – Ты и я
[Аверьянова, 2011, с. 81].

Ср. в очерке Л. Ракова «Роман в стихах» [Там же, с. 204–205].

5³²

АДМИРАЛТЕЙСТВО

Всеволоду Петрову.

1³³.

Маргаритками цветет Империя,
Желтым полем вогнут темный свод³⁴,
Зданье – лебедь с выпуклыми перьями –
Славы первенец, парит, плывет.

Шкуркой, лисьей или горностаевой,
О, распластанное на ветру,
О, двуцветное – крошись, истаивай,
В солнце врезанное ввечеру.

Ты, стройнее гениальной памяти,
Временем чуть выветренный кров,
Пористый ковчег – нельзя, слова не те
Отпечаток предадут петров.

Или, ревностной медузой выскользнув,
В чаще вод – песчаная коса³⁵,
Здесь эпоха повернула циркуль свой,
Век простер лепные паруса...

Что ж, из имени петрова вставшее,
Вдруг стихами легшее в персты,

³² Автограф сохранился в архиве Вс. Петрова – теперь в собрании «Галеев-Галереи».

³³ Ср.: [Аверьянова, 2011, с. 100–101]. См. поэтический ответ Вс. Петрова (18–19 мая 1933 г.):

Лидии Аверьяновой

Ты говоришь – Адмиралтейство, звон,
Колокола, и лебеди на льдинах,
И музыка, блаженная как сон –
– Летейский сон – о вечных райских кринах.

А мне не хватает голоса, и мне
Не вспомнить слов и не найти созвучий.
Беспамятство! И, кажется, тесней
Сжимаются круги, и ропот мучит.

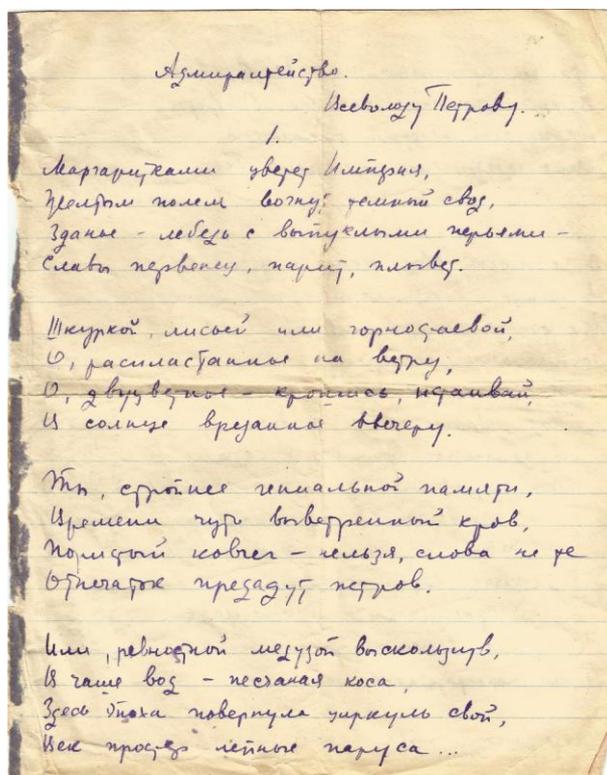
Слова, как дым пастушьего костра,
Расходятся, лишь немоты взыскуя.
Беспамятная, грозная пора!
И нам не счесть ни звезд, ни поцелуев
[Аверьянова, 2011, с. 361–362].

³⁴ Вариант: «Желтым полем нежно выгнут свод».

³⁵ Вариант: «Ты – Неве песчаная коса? –».

Маргариткой отцветай, ромашкою:
Мне гадать еще поможешь Ты.

Май 1933

Первый лист автографа «Адмиралтейства»
Lydia Averianova. The first page of the “Admiralty” poem. Autograph

2.

В ромашках свод, тенист и узок.
Я солнца видеть не могу,
Где зданье пористой медузой
Распластано на берегу.
Немецких плотников услада,
Над запыленным гравием крыш,
В зеленых водорослях сада
Ты древним золотом горишь³⁶.

³⁶ Вариант: «Ты рейнским золотом горишь» [Аверьянова, 2011, с. 100].

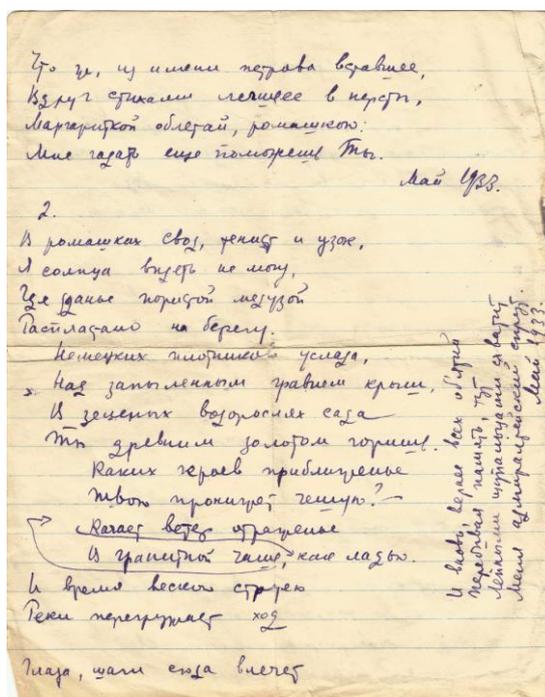
Каких героев приближенье
Твою пронизет чешую? –
В гранитной чаше отраженье
Качает ветер, как ладью.

И время вескою струею
Реки перегружает ход

Глаза, шаги сюда влечет³⁷:

И вновь вернее всех объятий
Перебивая память, тут
Лепными щупальцами схватит
Меня адмиралтейский спрут.

Май 1933.

Второй лист автографа «Адмиралтейства»
Lydia Averianova. The second page of the “Admiralty” poem. Autograph

³⁷ Вариант этого четверостишия без пропущенной строки:

И время полною струею
Реки отягощает ход...
Обличье ложного покоя
Глаза, шаги сюда влечет...
[Аверьянова, 2011, с. 100].

6³⁸

Когда всё проиграно, даже Твой
Приход подтасован горем, –
Тогда, выступая как слон боевой,
На помощь приходит город.

Он выправит, он – неизбежный друг –
Мне каждый раскроет камень,
Обнимет, за неимением рук,
Невы своей рукавами.

И, в каждом квадрате гранитных риз
Лелея на выезд визу –
Мне можно ослепнуть от снежных брызг –
Эдипу двух равных Сфинксов.

И снова, укачивая и креня,
Под свод Твоего закона
Мой город вслепую ведет меня –
Недвижная Антигона.

1931

7³⁹

Еще не выбелен весной
Наш вечер. Льды не тонут.
Здесь всё воспето было мной,
И только Петр – не тронут.

Меня учила с детства мать,
Тому назад, когда-то,
В молчаньи подолгу стоять
Под аркою Сената.

Да, здесь, где был, сквозь лед, огонь
И воду – век распорот,
Поставлен миру на ладонь
Наш неизбывный город...

1932

³⁸ [Аверьянова, 2011, с. 87].

³⁹ [Там же, с. 108].

8⁴⁰

Отдай обратно мне мои слова.
Зачем Тебе высокий строй и нежность? –
Для нас двоих была тогда Нева
Такой большой, прославленной и снежной.

Со мною дни нещадно сводят счет,
Всё тяжелей в висках биенье крови.
Как дивно мне, что так очерчен рот
И так легки мальчишеские брови.

Когда-нибудь, измучившись сперва,
Когда в борьбе Твои ослабнут силы,
Я с губ Твоих сниму все те слова,
Которых я Тебе не говорила.

1932

9⁴¹

Какое солнце встало, озарив
Твой город, теплый, словно стенки горна:
Кроваво-красным кажется мне шрифт
В разлете книг, хотя он – просто черный.

Смотри, чтоб то, что начато Невой,
Не обернулось Зимнею Канавкой.
Мне лучше быть не женщиной живой,
А так, двухцветной книжною заставкой:

Чтоб покрывался пылью легкий дом,
Не стали дни ни лучше, ни тревожней,
Чтоб наугад, когда-нибудь, потом,
Меня открыл рассеянный художник –

И удивился тихо, про себя,
Что верен штрих и линия не смыта,
Что, вчерчена, стою навеки я
В больших квадратах невского гранита.

1932

Публикация Ильдара Галеева и Андрея Устинова

⁴⁰ [Аверьянова, 2011, с. 109].

⁴¹ [Там же, с. 110].

Список литературы

- Аверьянова Л.* Vox Humana: Собрание стихотворений / Сост. М. Павлова. М.: Водолей, 2011. 416 с.
- Кузмин М.* Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Г. Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 416 с.
- Павлова М.* «Поэта хрупкая судьба...» // Аверьянова Л. Vox Humana. Собрание стихотворений / Сост. М. Павлова. М.: Водолей, 2011. С. 217–297.
- Петров Вс.* Из литературного наследия / Под ред. Н. Кавина. М.: Галеев-Галерея, 2017. 384 с.
- Петров Вс.* Турдейская Манон Леско. История одной любви: Повесть; Воспоминания. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. 272 с.
- «Философские рассказы» (1939–1946) Всеволода Петрова / Публ. М. Маликовой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 749–806.
- Хранитель. В. М. Глинка: Воспоминания. Архивы. Письма / Авт.-сост. М. Глинка. СПб.: Гос. Эрмитаж; Изд. АРС, 2006. Кн. 2. 414 с.

References

- Averianova L. Vox Humana: Sbranie stikhotvoreniy [Vox Humana. Collected Poems]. Comp. by M. Pavlova. Moscow, Vodoley, 2011, 416 p. (in Russ.)
- Khranitel'. V. M. Glinka: Vospominaniya. Arkhivy. Pis'ma [Curator. V. M. Glinka: Memoirs. Archives. Letters]. Comp. by M. Glinka. St. Petersburg, Gosudarstvennyy Ermitazh, ARS Publ., 2006, vol. 2, 414 p. (in Russ.)
- Kuzmin M. Dnevnik 1934 goda [The Diary of 1934]. 2nd ed. Ed. by G. Morev. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2007, 416 p. (in Russ.)
- Pavlova M. "Poeta khрупkaya sud'ba...". In: Averianova L. Vox Humana. Sbranie stikhotvoreniy [Vox Humana. Collected Poems]. Comp. by M. Pavlova. Moscow, Vodoley, 2011, p. 217–297. (in Russ.)
- Petrov Vs. Turdeiskaya Manon Lesko. Istoriya odnoy lyubvi: Povest'; Vospominaniya [Manon Lescaut of Turdei. A History of Love]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2016, 272 p. (in Russ.)
- Petrov Vs. Iz literaturnogo naslediya [From the Literary Heritage]. Ed. by N. Kavin. Moscow, Galeev-Galereya, 2017, 384 p. (in Russ.)
- "Filosofskie rassказы" (1939–1946) Vsevoloda Petrova. Publ. by M. Malikova. In: Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2015 god [Yearbook of the Department of Manuscripts of the Pushkin House for 2015]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2016, p. 749–806. (in Russ.)

Устинов А. Б., Галеев И. И. К истории ленинградской культуры 1930-х годов

Сведения об авторах

Устинов Андрей Борисович – доктор филологических наук, директор книгоиздательства «Аквилон» (Сан-Франциско, США)
abooks@gmail.com
ORCID 0000-0002-8468-4854

Галеев Ильдар Ибрагимович – независимый исследователь, галерист, издатель, директор «Галеев-Галереи» (Москва, Россия)
ildar.galeyev@mail.ru

Information about the Authors

Andrei B. Ustinov – PhD, Dr. Hab.; Philologist; Director of the “Aquilon” Books & Publishing (San Francisco, USA)
abooks@gmail.com
ORCID 0000-0002-8468-4854

Ildar I. Galeev – a Russian Art History Researcher and Specialist, Publisher, and Owner of “Galeyev-Gallery” (Moscow, Russian Federation)
ildar.galeyev@mail.ru

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

**«Тяжелая лира»:
вокруг одного шаржа Бронислава Малаховского**

И. Е. Лоцилов^{1,2}, А. Б. Устинов³

¹ *Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

³ *Книгоиздательство «Аквилон»
Сан-Франциско, США*

Аннотация

Статья посвящена шаржу известного ленинградского графика Бронислава Малаховского (1902–1937), автора многочисленных «писательских карикатур», на Николая Заболоцкого. Авторы возводят развитие этого жанра в советской печати 1930-х гг. к художественным практикам дореволюционного журнала «Сатирикон», где карикатурные иллюстрации не столько сопровождали соответствующую эпиграмму или литературную пародию, сколько выступали их пластическим выражением. В советское время искусство шаржа стало привлекаться для идеологической оценки литературного творчества и по мере приближения к годам «Большого террора» наполнялось зловещим смыслом. Такой недоброжелательностью был отмечен воображаемый портрет Анатолия Спесивцева «Заболоцкий глазами художника». Напротив, рисунок Малаховского, выполненный в самый разгар «ежовщины», отличается симпатией к поэту и достойным знанием его творчества. В работе восстанавливается контекст работы художника над шаржем на фоне литературных сдвигов эпохи, в частности так называемой «дискуссии о формализме» 1936 г. Показана связь этого рисунка не только с поэзией Заболоцкого, но и с трагическими событиями в его судьбе и в жизни Малаховского.

Ключевые слова

Бронислав Малаховский, карикатура, литературная жизнь 1930-х годов, Николай Заболоцкий, пародия, шарж, эпиграмма

Для цитирования

Лоцилов И. Е., Устинов А. Б. «Тяжелая лира»: вокруг одного шаржа Бронислава Малаховского // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 190–208. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-190-208

**“The Heavy Lyre”:
Around One of Bronislav Malakhovsky’s Cartoons**

I. E. Loshchilov^{1,2}, A. B. Ustinov³

¹ *Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

³ *“Aquilon” Books & Publishing
San Francisco, USA*

Abstract

The essay is dedicated to the caricature of Nikolai Zabolotsky by the famous Leningrad graphic artist Bronislav Malakhovsky (1902–1937), the author of numerous “writer’s caricatures.” The development of this genre in the Soviet press of the 1930s is related to the artistic practices of the pre-revolutionary magazine “Satyricon,” where caricatures also served as an artistic expression of corresponding epigrams or literary parodies. In the Soviet times, this genre was used for the purposes of ideological assessment of any type of artistic creativity, giving “writer’s caricatures” an ominous meaning. An example of such work was Anatoly Spesivtsev’s imaginary portrait “Zabolotsky through the Eyes of an Artist.” On the contrary, Malakhovsky’s drawing is distinguished by sympathy and deep knowledge of the poetry of Zabolotsky. The authors of the essay restore the context of the caricature against the cultural background of the era, in particular, the so-called “Discussion about Formalism” of 1936. They demonstrate the connection of this drawing with Zabolotsky’s poetry, and also with tragic events in his and Malakhovsky’s lives in the late 1930s.

Keywords

Bronislav Malakhovsky, caricature, literary life of the 1930s, Nikolai Zabolotsky, parody, Leningrad culture in the 1930s, epigram

For citation

Loshchilov I. E., Ustinov A. B. “The Heavy Lyre”: Around One of Bronislav Malakhovsky’s Cartoons. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 190–208. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-190-208

Ничто не требует такой математической точности, как шарж. Я сам немного рисую, и уверяю вас, поставить точку как раз там, где вы хотите, – не легкая задача, даже если вы рисуете пером, а бумага лежит перед вами.

Гилберт К. Честертон

В рогах быка опять запела лира,
Пастушью флейтой стала кость орла,
И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро его от зла.

Николай Заболоцкий

В русской художественной культуре XX в. традиция «писательской карикатуры» в полной мере оформилась в годы издания знаменитого журнала «Сатирикон». Уже в первом выпуске вслед за издевательским рисунком «на общую тему» Мстислава Добужинского («Критика») ¹ на последней странице обложки был напечатан шарж на Леонида Андреева работы Николая Ремизова (Ре-Ми). Его шаржи, публикуемые в «Сатириконе» из номера в номер под грифом «История современной русской литературы», выступают как необходимая составляющая всего пародического спектра этого журнала, безраздельно диктовавшего уровень дореволюционной сатирической периодики.

С удивительной последовательностью «писательская карикатура» становится здесь художественным воплощением эпиграммы, сообщая дополнительную грань литературной иронии. Как и в эпigramме, объектом шаржа выступает собственно литератор, который обладает способностью вызвать в художнике стимул к ироническому преображению его действительного образа, поэтому на первый план выступают не столько «цеховые», сколько индивидуальные черты прототипа, решительно отличающие его от многочисленных современников.

Не случайно, что на страницах «Сатирикона» практикуется совмещение этих двух жанров: так, шарж Ре-Ми на Александра Блока сопровождается четверостишием «Трагическая маска» ²:

Пускай глаза метелью вспучены,
А незнакомка – слабый писк...
Всё ж в небо «ко всему приученный
Бессмысленно кривится диск!» ³, –

а эпиграмма к шаржу на Александра Рославлева озаглавлена «Башня в башне»:

¹ Сатирикон. 1908. № 1. С. 4.

² См. в том же выпуске «Сатирикона» стихотворную пародию Саши Черного на Л. Андреева с эпиграфом из «Проклятия зверя» (Сатирикон. 1908. № 1. С. 10).

³ Сатирикон. 1908. № 8. С. 6.

Из башни я выйду в смешном колпаке
И к солнцу – жестокому брату –
Безумный, с бряцающим бубном в руке,
Танцую, пойду по канату ⁴.

Со всей неизбежностью традиция «писательской карикатуры», казалось бы, утерянная в годы социальных потрясений, возрождается в пореволюционном Ленинграде, однако в искаженном виде: шаржи и эпиграммы постепенно теряют свою исконную доброжелательность и всё чаще используются в пропагандистских целях. К середине 1930-х гг. эта ситуация приобретает откровенно зловещие очертания. «Писательская карикатура», выдержанная в рамках дружелюбного отношения, становится редкостью, едва ли не привилегией. Шарж Бронислава Малаховского на Николая Заболоцкого следует отнести именно к этой категории, тем более что незадолго до этого поэту пришлось пережить неприятный эпизод с публикацией враждебного фельетона Абрама Амстердама (1907–1990).

Близкий друг поэта, журналист и мемуарист Исаак Синельников вспоминал: «Особенно возмутительной была злобная статья некоего Амстердама, который, как видно, ничего не понял в стихах Заболоцкого и всё поставил с ног на голову. Врага и обличителя мещанства этот критик превратил в апологета мещанства» [Воспоминания о Заболоцком, 1984, с. 119]. Напечатанный в ленинградском журнале «Резец» фельетон «Болотное и Заболоцкий» ⁵ был проиллюстрирован четырьмя рисунками Анатолия Спесивцева «по мотивам» книги «Столбцы» (1929) и опубликованных к 1930 г. фрагментов поэмы «Торжество Земледелия» [Заболоцкий, 1929].

На одном из них в качестве «цветочка музыки» мышь держит вверх ногами партитуру с надписью «Фокс-трот» – намек на одноименное стихотворение Заболоцкого ⁶, а также на строки из столбца «Часовой»:

Вот – в щели каменные плит
мышинные просунулися лица,
похожие на треугольники из мела
с глазами траурными по бокам...
Одна из них садится у окошка
с цветочком музыки в руке...
[Заболоцкий, 2014, с. 12].

На другом рисунке колхозник объясняет корове «идею новых молотилок» ⁷, и в ужасе отворачивается от выпуска журнала «Звезда», на странице которого прочитывается четверостишие из «Торжества Земледелия»:

⁴ Сатирикон. 1908. № 12. С. 16.

⁵ Амстердам А. Болотное и Заболоцкий / Рис. А. Спесивцева // Резец. 1930. № 4. С. 12–14.

⁶ Ср. записи Даниила Хармса в годы их близкого, почти ежедневного общения с Заболоцким: «Фокстрот у Игоря Бахтерева» (ноябрь 1926 г.); «Вечером танцевать фокстрот» и «[Леф и мы.] Танцевали фокстрот. Стол сдвинули. Играла музыка» (январь 1927 г.); «В субботу на фокстроте у Б. Левина выступление» (декабрь 1927 г.); «Мой фокстрот сыграет хорошую службу» (октябрь 1928 г.); «На следующий раз припаси не фокстрот, а револьвер» (январь 1929 г.) [Хармс, 2002, с. 86, 124, 125, 186, 284, 285].

⁷ Можно вспомнить также строки «уж к ней сбегаются коровы / с улыбкой бледной на губах» из того же «Часового» [Заболоцкий, 2014, с. 12].

Карикатура А. Спесивцева
из журнала «Резец» (1930, № 4)
Cartoon by A. Spesivtsev
from the magazine “Rezets”
(1930, No. 4)

Собрание деревянных сёл
глядело с высоты холма,
в хлеву природу пел осёл,
достигнув полного ума
[Заболоцкий, 2014, с. 165].

Центральное место занимал шарж на автора поэмы, где он был изображен в виде праздного фланёра с тросточкой и папиросой. Из сопровождающей надписи следовало, что сам карикатурист, собственно, с ним не знаком, и даже никогда не встречал его в жизни. Поэтому рисунок сопровождался направленным на самооправдание незамысловатым признанием: «Заболоцкий в представлении художника»⁸.

Свой шарж Малаховский создавал исключительно на основе личного знакомства. Автор серии «изорассказов» «Умная Маша» и «любимец “Чижа”»⁹, он был, наряду с Заболоцким, активным сотрудником этого «Чрезвычайно интересного журнала». Поэта и художника также связывали планы совместной работы – иллюстрации к «Гаргантюа и Пантагрюэлю», замысел которых Малаховский

обсуждал с Заболоцким как раз тогда, «когда тот переводил Рабле» [Бронислав Брониславович Малаховский, 1978, с. 116].

В его рисунке отсутствует присущая изображению Спесивцева сугубая недоброжелательность, хотя ощущается и «острота пера» яркого художника-карикатуриста, решившегося передать не слишком приятные черты характера поэта, на которые обращали внимание даже благожелательные современники. Лидия Гинзбург писала в 1930 г.:

Заболоцкий сидит в «Еже». Он солидно одет. Он стал совсем гладкий, полный (впрочем, без всякой рыхлости), нежно-розовый. В обращении неприятен. Мы говорили минут пятнадцать. Он явно не хочет говорить о литературе и не хочет читать стихи. Меня поразило сочетание этого физиологического золотисто-розового благополучия с внутренним холодом и депрессией. Он служит, сидит дома с женой, не встречается даже с Хармсом и Введенским, занимается, кажется, химией и математикой [Гинзбург, 1987, с. 222].

⁸ Имя Анатолия Спесивцева (1907–1990) присутствует в списках участников выставок, проходивших в Новгороде (1927) и в Старой Руссе (1928) [Выставки..., 1965, с. 224, 273]. Еще одна известная нам публикация карикатур и соответствующих подписей относится к позднему времени [Малинин, Спесивцев, 1960, с. 4].

⁹ См. воспоминания Наталии Дилакторской «Любимец “Чижа”» [Бронислав Брониславович Малаховский, 1978, с. 69–70] и Нины Гернет «Б. Б. Малаховский в журнале “Чижа”» [Там же, с. 50–52].

Николай Заболоцкий. Шарж Бронислава Малаховского
Nikolay Zabolotsky. Cartoon by Bronislav Malakhovsky

Как истинный знаток, Малаховский с завидной легкостью распоряжается образами из стихотворений Заболоцкого, превращая их в своем шарже в элементы художественного прочтения его поэзии. Так, изображение коровы отсылает к строкам из «Искусства» (1930), опубликованного лишь в 1960 г.:

Толстое тело коровы,
поставленное на четыре окончания,
увенчанное храмовидной головою
и двумя рогами (словно луна в первой четверти),
тоже будет непонятно,
тоже будет непостижимо,
если забудем о его значении
на карте живущих всего мира
[Заболоцкий, 2014, с. 115].

А также к поэме «Горжество земледелия», о замысле которой поэт рассказывал во время «дискуссии о формализме»:

В 1929 г., в самом начале коллективизации, я решил написать свою большую вещь и посвятил её тем грандиозным событиям, которые происходили вокруг меня. Я начал писать смело, непохоже на тот средний безрадостный тон поэтического произведения, который к этому времени определился в нашей литературе. В это время я увлекался Хлебниковым, и его строки:

Я вижу конские свободы
И равноправие коров...

глубоко поражали меня. Утопическая мысль о раскрепощении животных нравилась мне [Заболоцкий, 2014, с. 531].

Малаховский рисует Заболоцкого восседающим на корове, подобно хорошо разбирающемуся в ее движениях пастуху из первой «Ночной беседы» (1929):

С детства я коров водитель,
но скажу вам сгоряча –
вся природа есть обитель.
Вы, мужики, живя в миру,
любите свою избу,
я ж природы конуру
вместо дома изберу.
Некоторые движения коровы
для меня ясней, чем ваши...
[Заболоцкий, 2014, с. 104].

На ее «храмовидной голове» между рогами сооружена лира и натянуты струны, на которых поэт играет, подобно новому Орфею:

Тогда выступают деревья-виолончели,
тяжелые сундуки струн облекаются звуками,
еще минута, и лес опоясан трубами чистых мелодий,
каналами песен лесного оркестра.
Бомбы ли рвутся, смеются ли бабочки –
песня все шире да шире...
[Заболоцкий, 2014, с. 206]¹⁰.

¹⁰ Впрочем, в этой же поэме «Деревья» (1933) Орфей предстает несколько по-иному:

Дале стоят деревья-битвы и деревья-гробницы,
листья их выпуклы и барельефам подобны.
Можно здесь видеть возникшего снова Орфея,
в дудку поющего. Чистой лиственной грудью
здесь окружают певца деревянные звери.
Так возникает история в гуще зеленых
старых лесов, в кустарниках, ямах, оврагах,
так образуется летопись древних событий,
ныне закованных в листья и длинные сучья
[Заболоцкий, 2014, с. 206].

В то же время можно вспомнить строки из главки «Приглашение на пир», где эти деревья-инструменты звучат в унисон:

Шарж Малаховского неоднократно воспроизводился, начиная с первого издания «Воспоминаний о Заболоцком» [1977, илл. между с. 64 и 65], однако обнаружить его присутствие в печати 1930-х гг. не удалось. Скорее всего, при жизни поэта он не публиковался, хотя, возможно, был ему известен¹¹. В издании 1977 г. он был воспроизведен по позднейшей фотокопии, сделанной Н. Н. Заболоцким с оригинала, хранившегося у потомков художника. Мария Николаевна Томашевская (1952–2019) в электронной переписке предложила гипотезу о происхождении шаржа, которая представляется убедительной. Если она справедлива, шарж следует датировать первой половиной 1937 г. и считать одной из последних работ Малаховского накануне его ареста.

Бронислав Малаховский
Bronislav Malakhovskiy

Художник В. А. Гальба вспоминал: «В 30-х годах в газете “Литературный Ленинград” были опубликованы превосходные шаржи на литераторов. Многие из них вошли в альбом “Братья писатели” (с пародиями А. Флита). Это каскад шедевров! Сила мастера в убедительности, жизненной достоверности, заостренной типичности каждого рисунка» [Бронислав Брониславович Малаховский, 1978, с. 47]. Трудно не согласиться с этой оценкой, однако ни в «Литературном Ленинграде», ни в упомянутом альбоме¹² пародий или шаржей на Заболоцкого быть не могло, поскольку поэт оказался «за бортом» советской поэзии 1930-х гг.¹³, хотя и фигурировал в качестве скрытого и явно ненамеренного подтекста в коллективном

Вы, деревья-виолончели и деревья-дудки,
сотрясающие воздух ударами звуков,
составляющие мелодии лесов и роц
и одиноко стоящих растений!
[Там же, с. 200].

¹¹ Один из мотивов шаржа – трудно сказать, случайно или нет – перекликается со строкой из стихотворения «Бетховен» (1946): «В рогах быка опять запела лира...» [Заболоцкий, 2014, с. 245].

¹² Флит Ал. Братья писатели (Литературные пародии) / Шаржи Б. Малаховского. Л.: Худож. лит., 1935. 171 с.

¹³ Ср. эпиграмму Дмитрия Кедрина 1934 г.:

У поэтов жребий странен,
Слабый сильного теснит:
Заболоцкий безымянен,
Безымянский – именит!
[Заболоцкий, 2018, с. 225].

портрете новой литературной иерархии работы Лиса (Наума Лисогорского; 1910–1986) [По широкому раздолью..., 1937].

Напечатанная в мае 1937 г., эта групповая карикатура «представляет собой изображение корабля советской литературы, плывущего по водам канала Москва – Волга, чье строительство было торжественно завершено 1 мая 1937 года» [Котова и др., 2012, с. 331]. «Метафора “корабль писателей”, – отмечают далее комментаторы, – помимо отсылки к роману “Сумасшедший корабль” Ольги Форш (1931), могла отсылать к выступлению Николая Заболоцкого на собрании ленинградских писателей в марте 1937 года: “Корабль советской поэзии не будет ориентироваться на поэзию Пастернака. Корабль советской поэзии взял курс на искусство народное, на высококачественное искусство, близкое и понятное массам”» [Там же, с. 332]¹⁴.

В карикатуре «По широкому раздолью...» Пастернак был также изображен «за бортом» магистральной советской литературы:

Противопоставление фигуры автора «Сестры моей жизни» остальным советским писателям образует едва ли не главный сюжет рисунка Лисогорского. Пастернак изображен в утлой лодочке, <...> развернутой в противоположную от большого корабля сторону и соединенной с ним тонким канатом, готовым вот-вот порваться. Канат этот наскоро перехвачен двумя ненадежными узлами, то есть уже дважды перетирался, но кое-как подвязывался самим Пастернаком или его доброжелателями. Даже высунувшаяся из воды рыба не может сдержать усмешки, глядя на нелепое пастернаковское суденышко. Напомним, что начиная с «дискуссии о формализме» весной 1936 года поэт стал мишенью критических нападок. С зимы 1936–1937 года интенсивность травли усиливалась, и имя Пастернака в негативном

¹⁴ О роли этих обстоятельств в литературной биографии Б. Пастернака см.: [Флейшман, 2005, с. 604–607]. Выступление Заболоцкого в последний день этого продолжительного заседания, растянувшегося на четыре дня, известно по газетному отчету: «– Вопрос о Пастернаке и Сельвинском, – сказал Н. Заболоцкий, – выдвинутый на последнем пленуме правления ССП и затронутый в ряде речей на нашем собрании, отнюдь не новый вопрос. О нем не раз говорили в кулуарах, и только в поэтической секции молчали о нем. Открытая критика Пастернака считалась делом некультурным, недостойным нас, носителей советской поэтической культуры. Люди боялись, что критика Пастернака означает солидарность с Уткиным, Жаровым, Алтаузенем, которые нас мало удовлетворяли в смысле художественной ценности их произведений. И тем, что мы не выносили этих вопросов на широкое обсуждение, мы совершили грубую ошибку. *Корабль советской поэзии не будет ориентироваться на поэзию Пастернака. Корабль советской поэзии взял курс на искусство народное, на высококачественное искусство, близкое и понятное массам. “Комнатное” искусство остается в стороне*» [Общее собрание..., 1937, с. 2]. Отметим, что критический настрой выступления Заболоцкого, был, тем не менее, не настолько удручающим, каким он может показаться, особенно на общем риторическом фоне этого совещания. Так, еще более резким по тону и выбору выражений был прозвучавший во второй день доклад Александра Гитовича: «Мы знаем, что среди молодых поэтов есть люди, которые до сих пор “молятся на Пастернака”, и в этом повинны разоблаченные ныне враги народа, канонизировавшие поэзию Пастернака. Разве не следовало бы Н. Тихонову, самому крупнейшему для нас авторитету и для меня и для поэтической молодежи, высказать свое отношение к Пастернаку? Но ни Тихонов, ни Прокофьев, ни Саянов, ни Браун до сих пор ничего не сказали о том, что они думают о Пастернаке, о его линии в поэзии. А на дискуссии о формализме Прокофьев предпочел критиковать старого пролетарского поэта И. Садофьева» [Там же, с. 2].

контексте упоминалось из номера в номер «Литературной газеты». Некоторые из сложившихся критических штампов тех дней использованы в карикатуре, рисующей смешного в своем высокомерии стихотворца, пристроившегося то ли в скворечнике, то ли в дачном домике с трубой, одновременно оказывающимся лодкой без весел. Последнее оказывается иронической отсылкой к пастернаковскому стихотворению «Сложь весла» [Котова и др., 2012, с. 341–342].

Соответствующим образом его литературное положение, как и его «суденышко», охарактеризованы в сопровождающих карикатуру стихотворных разъяснениях Александра Раскина (1914–1971) и Мориса Слободского (1913–1991):

А что за лодка? Что за грешник
Живет в таинственной скворешне?
Засов и волны – верный знак
Того, что это **Пастернак**.
Его девиз: «интим, уют»,
А ветер сушит струны лиры.
Увы! для познавания мира
Он не нашел других кают...
[По широкому раздолью..., 1937, с. 6]¹⁵.

Согласно точному наблюдению комментаторов карикатуры Лисогорского, имя Заболоцкого возникает как подтекст «таинственной скворешни» в этом фельетоне:

¹⁵ Ср. замечание Л. Флейшмана об этом «тексте»: «В более угрожающем контексте имя Пастернака появилось в стихотворном фельетоне А. Раскина и М. Слободского, где он был на сей раз сопоставлен с “литвождями” Киршоном и Афиногеновым: на собрании 27 апреля <1937 г.> обоих драматургов обвинили в том, что на совести их – человеческие жизни» [Флейшман, 2005, с. 611]. Имеется в виду следующий после строк о Пастернаке завершающий фрагмент:

Какая смесь одежд и лиц...
Но тех, кто повернули круто,
Но тех, кто вышел из границ,
Нет ни у борта, ни в каютах.
Развенчанные «литвожди»
Хотели править на Парнасе,
Хотели б ехать впереди
В самостоятельном баркасе,
Чтоб реял флаг у них другой,
РАПП-авербаховского толка,
Чтоб вел **Киршон** своей рукой
Свое суденышко на Волгу...
А вплавать за другом несомненно
Пустился бы **Афиногенов**...
Гремело б авторское Я!..
Но нет – дырявая ладья
Не поплывет по волжским водам.
Бьет свежий ветер, и погода
Отставшим предвещает шторм
[По широкому раздолью..., 1937, с. 6].

Образ скворечника использовался и раньше на страницах «Литературной газеты» для травли другого крупного поэта, тоже обвинявшегося в формализме и непонятности поэтического языка: «Вывихнутое, формалистическое творчество Заболоцкого ярко демонстрирует, в какой тупик приходит поэт, не связанный вплотную с жизнью, с нашей действительностью, не понимающий ее процессов. Бытование в скворешнике приводит к скворцовому сознанию, к скворцовой поэзии. А скворцовый язык, как бы ни был он забавен, есть всё же только птичий язык» [Котова и др., 2012, с. 342]¹⁶.

Несмотря на то, что Заболоцкий, по оценке Л. Флейшмана, пошел «в гору после кампании против “формализма”» [Флейшман, 2005, с. 570], этого запала оказалось явно недостаточно, чтобы котироваться даже на уровне ленинградской писательской организации, тем более что выступление Заболоцкого, наполненное откровенной самокритикой и получившее при публикации в газете «Литературный Ленинград» редакционное заглавие «Статьи “Правды” открывают нам глаза», было единственным. Ему, как отметил А. Кобринский, «первым из обэриутов пришлось высказаться на этом судилище» [Кобринский, 2009, с. 343].

Этот ракурс оказывается наиболее приемлемым при объяснении литературной позиции Заболоцкого в дни так называемой «дискуссии о формализме», проходившей в Ленинградском Доме писателей:

Заболоцкому было нелегко заниматься подобной самокритикой не потому, что ему так уж дорога была тогда его первая книга – от поэтики обэриутского периода он уже отказался и выходил к своей «неслыханной простоте», полностью проявившейся уже после войны. Дело было в другом: критические высказывания об этих произведениях Заболоцкого были не только хамскими; они пестрели прямыми политическими обвинениями, что в условиях 1936 года уже более чем серьезно. <...>

Заболоцкий прекрасно видел, что происходит. Поэтому он и был вынужден каяться в формализме и одновременно пытаться оградить себя от политических обвинений, что было весьма затруднительно, учитывая общий тон дискуссии [Там же, с. 344–345]¹⁷.

Общий настрой этому выпуску «Литературного Ленинграда», фактически целиком посвященного тотальной отповеди формализму, был задан уже эпиграфом из М. Горького: «Самокритика необходима, товарищи. Мы работаем перед лицом

¹⁶ Здесь цитируется концовка статьи О. Бескина. Ср. также зачин этого выступления с «говорящим» названием: «Когда поэт не чувствует, не интересуется нашей жизнью, не является активным ее участником, а всего лишь обитателем маленькой чисто профессиональной скворешни, волею обстоятельств взметенной на высокий шест где-то на задворках жизни, – тогда он неминуемо скатывается к субъективному идеализму, формализму» [Бескин, 1933, с. 2].

¹⁷ Оценка выступления Заболоцкого в передовой статье этого выпуска «Литературного Ленинграда» позволяет предположить, что только такой градус самокритики мог оказаться приемлемым для неистовых ревнителей антиформалистской кампании: «В этих статьях я вижу выражение внимания и заботы, которое партия уделяет нашему искусству», – сказал т. Н. Заболоцкий, один из немногих сделавший точную, недвусмысленную характеристику своего творчества. Он внятно и убедительно рассказал о формализме “Столбцов”, о ложности и вредности идей “Торжества Земледелия”. <...> Н. Заболоцкий дал отчетливую характеристику ложности путей, по которым раньше шло его творчество, и этим показал, что он чувствует свою ответственность перед читателем, перед нашей общественностью» (Литературный Ленинград, 1936, с. 1).

пролетариата, который, становясь всё более грамотным, непрерывно повышает свои требования к нашему искусству» (Литературный Ленинград, 1936, № 16 (161), с. 1). Кроме выборки из выступления Заболоцкого, сочиненного им, как известно, при содействии Николая Степанова [Заболоцкий, 2018, с. 202–203], здесь были также напечатаны с откровенно редакторскими заголовками покаяния бывших участников ОПОЯЗа Бориса Эйхенбаума «Жизнь ушла в сторону от формализма»¹⁸ и Виктора Жирмунского «Равнение на искусство миллионов»¹⁹. Этот номер газеты, как и можно было ожидать, был щедро иллюстрирован карикатурами Николая Радлова²⁰ и шаржами Малаховского – на С. Марвича, О. Форш и В. Эрлиха, выступившего после Заболоцкого на том же заседании²¹.

Традиционно на последней полосе была опубликована пародия Александра Флита (1891–1954) «Деклараторы... Декламаторы... Декораторы...», в последних строках которой содержалось издевательство по поводу самокритической направленности дискуссии, сводящей ее к «блехискательству», с мягким реверансом в сторону «гоголевской шинели»:

¹⁸ Эйхенбаум писал Заболоцкому 11 мая 1933 г.: «Прочитал в “Звезде” Ваши стихи – и должен выразить Вам свой восторг. “Торжество Земледелия” – это большое монументальное искусство. Для меня это – как Бах, как Рубенс, как Дюрер, как Шиллер отчасти. Это звучит, как “Песнь о колоколе”. Я читаю без конца и учу наизусть. Мне после этого стало бодрее жить. Как хотелось бы прочитать эту вещь в неискаженном виде!» [Заболоцкий, 2018, с. 187].

¹⁹ В передовице «За углубленную творческую самокритику» эти выступления были противопоставлены друг другу: «Более развернуто были поставлены вопросы борьбы с формализмом в литературоведении и критике. В условиях Ленинграда, где особенно сильна была “формальная школа”, эти вопросы имеют исключительно важное значение.

На заседании 28 марта выступили два бывших основоположника формальной школы – В. М. Жирмунский и Б. М. Эйхенбаум. Если первый дал ясную и обстоятельную характеристику формализма, подчеркнув при этом, что не всякая новизна технического порядка есть новаторство, то выступление Б. М. Эйхенбаума не удовлетворило собрание. Бывший теоретик “Опояза” несомненно отошел от старых своих позиций, но в его словах не было понимания того, что формализм был активно направлен против основных принципов советской литературы. От Б. М. Эйхенбаума следовало ожидать более серьезных и глубоких слов о сущности формализма и о его лояльности и вредности. <...>

Другой основоположник формализма В. Б. Шкловский в своем выступлении на московской дискуссии нашел мужество прямо признать, что формалисты, заключая литературу в имманентный ряд, отгораживали ее от социализма.

Этого мужественного понимания действительного значения ошибок формализма не было в выступлении тов. Эйхенбаума» (Литературный Ленинград, 1936, с. 1).

²⁰ На обеих, «Самокритика» и «Изгнание блудного беса», был изображен Алексей Толстой. Подпись ко второй карикатуре гласила: «А. ТОЛСТОЙ: – Изыди, формализме!!!» (Литературный Ленинград, 1936, № 16, с. 4). В фигуре литератора, понуро сходящего с трибуны, на которой уже произносит саморазоблачительные речи Евгений Шварц, можно предположить черты сходства с обликом Заболоцкого.

²¹ См. в «Дневнике дискуссии 28 марта в Доме писателя им. Маяковского»: «На втором собрании выступили три поэта: Н. Заболоцкий, В. Эрлих и С. Спасский. Речь Н. Заболоцкого была, пожалуй, наиболее самокритическим и конкретным выступлением за оба первых дня дискуссии. Выступление Вольфа Эрлиха, затронувшего множество проблем, было, однако, лишено углубленного и конкретного анализа творческих проблем» (Литературный Ленинград, 1936, № 16, с. 1).

Сюжеты литературной жизни Ленинграда 1920–1930-х годов

Товарищ Сидоров сказал совсем не то,
Вернее не совсем сказал он то,
Пора бы расстегнуть «пальто»...
Напрасны ваши жесты и улыбки –
Не все-ль свои он указал ошибки??
Беру его статью за тридцать первый год,
Прошу вас приготовиться к сюрпризу –
Цитирую от слова «выше» и «вперед»...
Страница пятая... Строка седьмая
Снизу...
И это ли, друзья, не формализм?!?
(Литературный Ленинград, 1936, № 16, с. 4).

Рис. Н. РАДЛОВА.

САМОКРИТИКА:—Дяденька Голосов, проводите меня на трибуну, кого ни попросишь — никто не берет!

Карикатура Н. Радлова из газеты «Литературный Ленинград»
(1936, № 16, 1 апреля)
Cartoon by N. Radlov from the newspaper “Literary Leningrad”
(1936, no. 16, April 1)

Флиту принадлежит пародия на стихи Заболоцкого 1930-х гг. Она выгодно отличается от других выступлений и эпиграмм, которые носили либо плоско-пасквильный характер²², либо, при известном остроумии авторов, содержали опасные

²² Таково, например, напечатанное в новогоднем выпуске накануне 1937 г. двустихие неизвестного автора (Михаила Пустынина?): «В порыве сердца своего / Поешь, бог ведает, кого» [Пушкинист..., 1936, с. 5]. О том, что в конце 1930-х гг. из Заболоцкого пытались сделать идеологически неуязвимую фигуру, свидетельствует, например, приписка к письму

политические намеки. Так, Арго низвел мотив сна из стихотворения «Меркнут знаки Зодиака» до метафоры «утраты идеологической бдительности» редакцией «Звезды», проспавшей «кулацкую вылазку» под видом стихов на страницах журнала:

Спит Земля и силы копит,
чтобы были у нее.
Спит различное млекопитающее Зверье.
Спят Гиены в диком Поле.
Спят Шакалы у Воды.
Спит Звезда,
и даже боле:
Спит
 Редакция
 «Звезды»
[Арго, 1933а, с. 7; 1933б, с. 69–70].

Пародия Флита не содержит ни намеков, ни упреков Заболоцкому по части «идеологии». Она направлена на присущий стихам 1930-х гг. одический строй и обнаруживает его «ложноклассическую», т. е., по сути, пародийную природу:

Во саду ли, в огороде...

Гудят на пестиках торжественные пчелы,
изыдут прочь медлительные смолы,
спадая ниц на травяной покров.
Колокола под выями коров
звучат, как благовест молочного избытка.
Рога уставя в мир, ползет в века улитка,
вращая вокруг себя волшебные зрачки.
Стоят окрест могучие цветки,
пыльцой легко внедряясь в обонянье.
Объемлет деревья большой луны блистанье.
И вот торжественный открылся огород.
О, плодоовощи известных нам пород!
О моркови язык! О бледный цвет картошки!
Виясь над миром, повисают мошки,
во взмахе крыл²³ приветствуют зарю,
и медленно протягивают ножки,
попав ко мне в отверстую ноздрю.
Чело моё светло, и прояснился разум, —
Объемля огород шарообразным глазом,
Я зрю усатые и скорбные уста
На сумрачном лице заблудшего кота,

Бориса Реста в редакцию «Литературной газеты» (адресованному «гг. Субоцкому, Плиско» и в целом вполне доносительскому, с призывами «удесятерить бдительность»): «По поводу эпиграмм Пушкиниста. Прочтите еще раз эпиграмму на Заболоцкого и вспомните, что последние стихи Заболоцкого, широко известные читателю — о Челюскинцах, о Кирове и о Сталине (“Горийская симфония”))» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 634, л. 64).

²³ В газетной публикации очевидная опечатка: «...во взмахе *крыш* приветствуют зарю».

Борис Пастернак.
Фрагмент карикатуры
Константина Елисеева из
«Литературной газеты»
(1938, № 72, 31 декабря)
Boris Pasternak.
Fragment of a caricature
by Konstantin Eliseev
from “Literary Newspaper”
(1938, no. 72,
December 31)

Залегшего в траве. Как древний храбрый воин,
он восхищения воистину достоин:
застыл, хвостом торжественно бия,
чтоб пасть несчастьем на выю воробья.
Так вечное миров коловращенье
Меня приводит в легкое смущенье...
[Флит, 1938, с. 6]²⁴.

Можно представить, что шарж Малаховского был задуман и исполнен как художественное выражение пародии Флита, увидевшей свет в середине февраля 1938 г., – до ареста поэта 19 марта оставалось чуть более месяца. Тогда понятно, почему сопровождающее стихотворение было опубликовано без шаржа на Заболоцкого: Малаховский к этому времени уже был уничтожен, а его имя и работы надолго стали неупоминаемыми. Справка о художнике в первом томе «Ленинградского мартиролога» гласит: «Малаховский Бронислав Брониславович, 1902 г. р., уроженец и житель г. Ленинград, поляк, беспартийный, архитектор-художник. Арестован 23 июля 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 25 августа 1937 г. приговорен по ст. 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 27 августа 1937 г.» [Ленинградский мартиролог..., 1995, с. 396].

Можно считать невероятным совпадением, что изображение лиры попало в следующую коллектив-

²⁴ С известной осторожностью решимся высказать предположение, что Заболоцкому запомнилось экзотическое ударение в слове *морковь*, заданное инерцией пятистопного ямба и тем самым создающее эффект комической архаики: «О мórкови язык!». В первой редакции стихотворения «Творцы дорог» (1947) были следующие четверостишия, впоследствии опущенные:

За железное рыцарство чести
Над просторами новых дорог –
Выпьем чару заздравную вместе,
Землекоп, инженер, геолог!
Поднимайте над рельсами чаши,
Чтоб гремели с утра до утра
Золотые помощники наши –
Бульдозеры, катки, грейдерá
[Заболоцкий, 1947, с. 103].

Если в двух случаях акцент обозначен соответствующим значком, то в слове *бульдозеры* ударение задано так же, как у Флита: ритмической инерцией. Слова, звучащие отлично от общепринятой в языке советской эпохи орфоэпической нормы, выступают здесь как своего рода *шибболеты* (произносительные пароли): люди с дореволюционным образованием могли произносить *бульдозёр* и *геолог*, в отличие, разумеется, от эффектной, но невозможной ни при каких обстоятельствах – кроме пародийной задачи – *мórкови* А. Флита.

ную карикатуру на советских литераторов работы Константина Елисеева (1890–1968), графика более старшего поколения, автора портрета Анны Ахматовой периода ее творческой немоты (1928), опубликованную в «Литературной газете» в самом конце 1938 г. [Бил двенадцатый, 1938, с. 6], когда Заболоцкий двигался по этапу на Дальний Восток. Здесь на лире играет не кто иной, как Пастернак, помещенный художником в правом верхнем углу, в стороне от общего «новогоднего веселья своих собратьев» (см.: [Котова и др., 2012, с. 345])²⁵.

Этот новый 1939 год Заболоцкий вспоминал в «Истории моего заключения»:

Шестьдесят с лишком дней мы тащились по Сибирской магистрали, простаивая целыми сутками на запасных путях. <...> На многих станциях из-за лютых холодов и нераспорядительности начальства невозможно было снабдить людей даже водой. Однажды мы около трех суток почти не получали воды и, встречая новый 1939 год где-то около Байкала, должны были лизать черные закоптелые сосульки, нарощие на стенах вагона от наших же собственных испарений. Это новогоднее пиршество мне не удастся забыть до конца жизни [Заболоцкий, 1986, с. 327–328].

Список литературы

- Арго* [Гольденберг А.]. Ум за разум (Литературная пародия) // Крокодил (Москва). 1933а. № 21. С. 7.
- Арго* [Гольденберг А.]. Литература и окрестности: Книга сатирических стихов / Рис. и обл. А. Радакова. М.: ОГИЗ Молодая гвардия, 1933б. 80 с.
- Бескин О.* О поэзии Заболоцкого, о жизни и о скворешниках // Литературная газета. 1933. № 32 (260). 11 июля. С. 2.
- Бил двенадцатый / Рис. К. Елисеева // Литературная газета. 1938. № 72 (779), 31 дек. С. 6.
- Бронислав Брониславович Малаховский / Сост. И. Щеголева-Альтман. Л.: Художник РСФСР, 1978. 160 с.
- Воспоминания о Заболоцком / Сост. Е. Заболоцкая, А. Македонов. М.: Сов. писатель, 1977. 350 с.
- Выставки советского изобразительного искусства: Справочник. М.: Сов. художник, 1965. Т. 1: 1917–1932. 557 с.
- Гинзбург Л.* Литература в поисках реальности: Статьи. Эссе. Заметки. Л.: Сов. писатель, 1987. 397 с.
- Заболоцкий Н.* Торжество Земледелия [1. Пролог; 2. Торжество земледелия] // Звезда. 1929. № 10. С. 54–56.
- Заболоцкий Н.* Творцы дорог // Новый мир (Москва). 1947. № 1. С. 101–104.
- Заболоцкий Н.* История моего заключения / Вступ. ст. и примеч. Е. Эткинда // Минувшее: Исторический альманах. 10. Paris: Atheneum, 1986. P. 310–333.
- Заболоцкий Н.* Метаморфозы / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. И. Е. Лощилова. М.: ОГИ, 2014. 954 с.
- Заболоцкий Н. Н.* Николай Заболоцкий. История жизни / Общ. ред., вступ. ст. И. Е. Лощилова. СПб.: Вита Нова, 2018. 512 с.

²⁵ В сопровождающем фельетоне, подписанном псевдонимом «Оливер Свист» и, скорее всего, принадлежавшем тому же дуэту Раскина и Слободского, имя Пастернака не называется.

Кобринский А. Даниил Хармс. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2009. 508 с. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1179)

Котова М., Венявкин И., Лекманов О. Об одной групповой карикатуре на советских писателей // From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon / Ed. by Lazar Fleishman, Aleksandr Ospovat, and Fedor Polyakov. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. P. 331–346. (Russian Culture in Europe. Vol. 8)

Ленинградский мартиролог: 1937–1938 / Под ред. А. Разумова. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1995. Т. 1: Август-сентябрь 1937 года. 804 с.

Малинин А., Спесивцев А. Перечитывая Чехова // Крымская правда (Симферополь). 1960. № 22, 29 янв. С. 4.

Общее собрание ленинградских писателей // Литературная газета. 1937. № 16 (652). 26 марта. С. 2–3.

По широкому раздолью... / Текст А. Раскина и М. Слободского. Дружеский шарж Лиса // Литературная газета. 1937. № 24 (660). 5 мая. С. 6.

Пушкинист. Маленькие фельетоны. Пушкин о... Заболоцком // Литературная газета. 1936. № 73 (636), 31 дек. С. 5.

Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб.: Академический проект, 2005. 656 с.

Флит Ал. Во саду ли, в огороде... // Литературная газета. 1938. № 9 (716), 15 февр. С. 6.

Хармс Д. Записные книжки. Дневник / Под ред. Ж.-Ф. Жаккара, В. Сажина. СПб.: Академический проект, 2002. Кн. 1. 480 с.

Архивы

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Москва.

References

Argo [Goldenberg A.]. Literatura i okrestnosti: Kniga satiricheskikh stikhov [Literature and Surroundings: A Book of Satirical Poems]. Ill. and cover by A. Radakov. Moscow, OGIZ Molodaya gvardiya Publ., 1933, 80 p. (in Russ.)

Argo [Goldenberg A.]. Um za razum (Literaturnaya parodiya). *Krokodil* [The Crocodile] (Moscow), 1933, no. 21, p. 7. (in Russ.)

Beskin O. O poezii Zabolotskogo, o zhizni i o skvoreshnikakh. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], 1933, no. 32 (260), July 11, p. 2. (in Russ.)

Bil dvenadtsaty. Ill. by K. Eliseev. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], 1938, no. 72 (779), December 31, p. 6. (in Russ.)

Bronislav Bronislavovich Malahovsky. Comp. by I. Shchegoleva-Altman. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1978, 160 p. (in Russ.)

Fleishman L. Boris Pasternak i literaturnoe dvizhenie 1930-kh godov [Boris Pasternak and the Literary Movement of the 1930s]. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 2005, 656 p. (in Russ.)

Flit Al. Vo sadu li, v ogorode... *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], 1938, no. 9 (716), February 15, p. 6. (in Russ.)

Ginzburg L. Literatura v poiskakh real'nosti: Stat'i. Esse. Zametki [Literature in Search of Reality: Articles. Essay. Notes]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1987, 397 p. (in Russ.)

Kharms D. Zapisnye knizhki. Dnevnik [Notebooks. Diary]. Eds. Zh.-F. Zhakkar, V. Sazhin. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002, vol. 1, 480 p. (in Russ.)

Kobrinsky A. Daniil Harms. 2nd ed. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009, 508 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudey. Vyp. 1179) (in Russ.)

Kotova M., Venyavkin I., Lekmanov O. Ob odnoy gruppovoy karikature na sovet-skikh pisateley. In: From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon. Ed. by Lazar Fleishman, Aleksandr Ospovat, and Fedor Polyakov. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2012, p. 331–346. (Russian Culture in Europe, Vol. 8) (in Russ.)

Leningradskiy martirolog: 1937–1938 [Leningrad Martyrology: 1937–1938]. Ed. by A. Razumov. St. Petersburg, Rossiyskaya natsional'naya biblioteka Publ., 1995, vol. 1: August-September 1937, 804 p. (in Russ.)

Malinin A., Spesivtsev A. Perechityvaya Chekhova. Krymskaja pravda [Crimean Truth] (Simferopol), 1960, no. 22, January 29, p. 4. (in Russ.)

Obshchee sobranie leningradskikh pisateley. Literaturnaya gazeta [Literary Newspaper], 1937, no. 16 (652), March 26, p. 2–3. (in Russ.)

Po shirokomu razdol'yu... Tekst A. Raskina, M. Slobodskogo. Druzheskiy sharzh Lisa. Literaturnaya gazeta [Literary Newspaper], 1937, no. 24 (660), May 5, p. 6. (in Russ.)

Pushkinist. Malen'kie fel'etony. Pushkin o... Zabolotskom. Literaturnaya gazeta [Literary Newspaper], 1936, no. 73 (636), December 31, p. 5. (in Russ.)

Vospominaniya o Zabolotskom [Memoirs of Zabolotsky]. Comp. by E. Zabolotskaya, A. Makedonov. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1977, 350 p. (in Russ.) (in Russ.)

Vystavki sovetского izobrazitel'nogo iskusstva. Spravochnik [Exhibitions of Soviet Fine Arts: A Handbook]. Moscow, Sovetskiy khudozhnik Publ., 1965, vol. 1: 1917–1932, 557 p. (in Russ.)

Zabolotsky N. Torzhestvo Zemledeliya [1. Prolog; 2. Torzhestvo zemledeliya]. Zvezda [The Star], 1929, no. 10, p. 54–56. (in Russ.)

Zabolotsky N. Tvortsy dorog. Novy mir [New World] (Moscow), 1947, no. 1, p. 101–104. (in Russ.)

Zabolotsky N. Istoriya moego zaklyucheniya. In: Minuvshee. Istoricheskiy al'manakh. 10 [The Past: Historical Almanac. 10]. Intr. and comment. by E. Etkind. Paris, Atheneum, 1986, p. 310–333. (in Russ.)

Zabolotsky N. Metamorfozy [Metamorphoses]. Comp., prep., intr. and comment. by I. E. Loshchilov. Moscow, OGI Publ., 2014, 954 p. (in Russ.)

Zabolotsky N. N. Nikolay Zabolotsky. Istoriya zhizni [Nikolay Zabolotsky. A Story of His Life]. Ed. and intr. by I. E. Loshchilov. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2018, 512 p. (in Russ.)

Archives

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archives of Art and Literature (RGALI)], Moscow.

Сведения об авторах

Лощилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия), доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

loshch@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3642-2590

Устинов Андрей Борисович – доктор филологических наук, директор книгоиздательства «Аквилон» (Сан-Франциско, США)

abooks@gmail.com

ORCID 0000-0002-8468-4854

Information about the Authors

Igor E. Loshchilov – Candidate of Philology, PhD, Researcher of Literary Studies Section of the Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Russian Literature and Literary Theory of Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

loshch@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3642-2590

Andrei B. Ustinov – PhD, Dr. Hab.; Philologist; Director of the “Aquilon” Books & Publishing (San Francisco, USA)

abooks@gmail.com

ORCID 0000-0002-8468-4854

Русская литература Сибири и Дальнего Востока: сюжеты и судьбы

УДК 82-1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-209-227

Неизвестные сибирские стихи Василия Яна

И. В. Просветов

*АС РУС Медиа
Москва, Россия*

Аннотация

Первая публикация стихотворений советского писателя-историка, лауреата Сталинской премии 1-й степени Василия Яна (Янчевецкого), сочиненных в 1920–1923 гг., когда он жил и работал в Сибири. Источник – рукописный сборник «Стихи скитаний», недавно обнаруженный в семейном архиве Янчевецких. Публикация сопровождается подробными биографическими комментариями. В Гражданской войне В. Янчевецкий участвовал на стороне белых как один из главных пропагандистов колчаковской армии – начальник Осведомительного отделения Особой канцелярии штаба Верховного главнокомандующего, редактор фронтовой газеты «Вперед». После краха белого движения В. Янчевецкому пришлось скрывать свое прошлое, меняя занятия и места проживания (Ачинск, Уюк, Минусинск). Сибирский стихотворный цикл, созданный в это время, позволяет понять не только настроения автора в последние годы переломного периода российской истории, но и литературные искания, и атмосферу времени в целом. Основные темы – родина, революция, свобода, богоборчество, строительство новой жизни, сохранение личности в условиях политических потрясений. Очевидно влияние на поэтический стиль автора таких течений, как символизм и футуризм, которыми он интересовался. В Омске В. Янчевецкий тесно общался с писателем, поэтом и художником-авангардистом Антоном Сорокиным, посещал его домашние литературные вечера. Вероятно, как следствие, часть сибирских стихотворений написана верлибром, к которому ранее В. Янчевецкий никогда не обращался.

Ключевые слова

Василий Ян, революция, Гражданская война, символизм, футуризм, верлибр

Для цитирования

Просветов И. В. Неизвестные сибирские стихи Василия Яна // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 209–227. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-209-227

Unknown Siberian Poems by Vasily Yan

I. V. Prosvetov

*AS RUS Media
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The first publication of poems by the Soviet writer-historian, 1st degree Stalin Prize laureate Vasily Yan (Yanchevetsky), composed in 1920–1923, when he lived and worked in Siberia. Source – handwritten miscellany “Poems of Wanderings”, recently discovered in the Yanchevetsky’s family archive. The publication is accompanied by detailed biographical comments. In the civil war, V. Yanchevetsky took part on the side of the whites as one

© И. В. Просветов, 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

of the main propagandists of the Kolchak army – the head of the Informative Department of the Special Chancellery of the Supreme Commander’s Staff, editor of the front newspaper “Vperyod”. After the collapse of the white movement, V. Yanchevetsky had to hide his past, changing occupations and places of residence (Achinsk, Uyuk, Minusinsk). The Siberian poetic cycle, created at this time, makes it possible to understand not only the mood of the author in the last years of the turning point in Russian history, but also literary searches, and the atmosphere of the time in general. The main themes are homeland, revolution, freedom, atheism, building a new life, preserving the personality in the face of political upheavals. Obviously, the influence on the poetic style of the author of such trends as symbolism and futurism, which he was interested in. In Omsk V. Yanchevetsky closely communicated with the writer, poet and avant-garde artist Anton Sorokin, attended his literary evenings at home. Probably, as a result, some of the Siberian poems were written in free verse, to which V. Yanchevetsky had never used before.

Keywords

Vasily Yan, revolution, civil war, symbolism, futurism, vers libre

For citation

Prosvetov I. V. Unknown Siberian Poems by Vasily Yan. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 209–227. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-209-227

Исторические романы и повести Василия Григорьевича Яна (Янчевецкого) пользовались большой популярностью в советское время. Самая известная его книга «Чингиз-хан» выдержала более 120 изданий в СССР и 30 странах мира. Никто не подозревал, что в биографии лауреата Сталинской премии 1-й степени имеются «белые пятна». Например, тот факт, что в Гражданскую войну он возглавлял одно из отделений Особой канцелярии штаба Колчака, оставался семейной тайной за семью печатями. Лишь в начале 2000-х гг. его сын М. Янчевецкий позволил себе некоторые откровения, затем историки и литературоведы стали выявлять и публиковать документальные материалы, существенно корректировавшие известную биографию Яна. Документированная история его жизни и творчества подробно изложена в книге, написанной И. В. Просветовым на основе материалов из 11 государственных и ведомственных архивов, публикаций в старой периодике (дореволюционной, времен Гражданской войны и первых лет советской власти) и малоизвестных мемуарных свидетельств [Просветов, 2017] ¹.

Недавно в семейном архиве Янчевецких был обнаружен рукописный сборник стихов – самодельная тетрадь, которую Ян начал заполнять весной 1920 г., когда жил в Ачинске, скрывая свое белогвардейское прошлое. Почти все они никогда не публиковались, копии только трех имеются в фонде В. Яна в РГАЛИ. Избранные стихотворения прошлых лет, начиная с гимназических, автор восстановил по памяти. Они записаны без соблюдения хронологического порядка и чередуются со стихотворениями 1920–1923 гг. Название сборника – «Стихи скитаний» – примечательно тем, что, будучи символическим, оно с предельной точностью автобиографично ².

¹ Предисловие и биографические комментарии в настоящей публикации подготовлены на основе этой книги.

² Сборник «Стихи скитаний» в настоящее время хранится у И. Просветова (получен в дар от М. М. Янчевецкой, внучки Василия Яна).

Рукописный сборник, начатый В. Янчевецким в Сибири в 1920 г.
A handwritten miscellany begun by V. Yanchevetsky in Siberia in 1920

Тема странствий увлекала В. Янчевецкого с детских лет. Окончив в 1898 г. историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, он отправился в пешее путешествие по России – от Великого Новгорода до Вятской губернии. Затем как репортер газеты «Новое время» объездил Великобританию. В 1902–1904 гг. служил чиновником особых поручений начальника Закаспийской области, побывал в Хиве, Персии и Афганистане. В 1904–1905 гг. Янчевецкий на Русско-японской войне, потом ненадолго вернулся в Туркестан. В 1906–1912 гг. работал редактором столичной газеты «Россия», периодически отправляясь в командировки как корреспондент (например, на Русский Север и в Персию). В 1913–1914 гг. его скитания приобретают политический оттенок: он работает представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Константинополе, где помимо журналистики решает задачи разведывательного характера. С началом мировой войны В. Янчевецкого направили в Бухарест с теми же обязанностями. Если Февральскую революцию 1917 г. он принял как неизбежное следствие кризиса монархии, то развал фронта, октябрьский переворот побудили его занять активную антибольшевистскую позицию. Помимо издания газеты «Республиканец», он был соруководителем полуполигальной организации, на базе которой сформировался добровольческий офицерский отряд М. Дроздовского.

В. Янчевецкий с сыном Мишей, дочерью Женей и секретарем М. Масловой
(Бухарест, 1916 г.)

V. Yanchevetsky with his son Misha, daughter Zhenya and secretary M. Maslova
(Bucharest, 1916)

Весной 1918 г. Янчевецкий решил вернуться в Россию, «чтобы участвовать в борьбе с большевизмом и в возрождении Родины». Через Самару и Челябинск он добрался до Омска, став к тому моменту владельцем газетной типографии, размещавшейся в двух железнодорожных вагонах. В январе 1919 г. Янчевецкий был назначен начальником Осведомительного отделения Особой канцелярии штаба Верховного главнокомандующего (как чиновник военного времени в статусе полковника). 4 марта, в первый день стратегического наступления армий Колчака, в Омске начала выходить фронтовая газета «Вперед». «Вперед, к заветной цели – к освобождению России от большевистских опричников, к началу новой счастливой жизни, когда русские люди будут свободно ходить, говорить, молиться, не оглядываясь, нет ли поблизости комиссара», – призывал ее редактор. Однако колчаковский «полет к Волге» обернулся отступлением за Урал и вглубь Сибири, превратившимся в военную катастрофу. Следуя за армией, в декабре 1919 г. В. Янчевецкий оказался в Ачинске. Случайный взрыв запасов пороха и бензина, скопившихся на станции, уничтожил передвижную типографию. Янчевецкий не пострадал, но были ранены или контужены его помощница Мария Маслова (будущая жена), приемная дочь и семилетний сын. По этой причине все они остались в городе, где в январе 1920 г. восстановилась советская власть. Бывшему колчаковцу пришлось маскироваться. В отделе народного образования уездного ревкома он сумел получить должность школьного инспектора, назвавшись учителем из Петрограда (Янчевецкий действительно несколько лет преподавал в гимназии, параллельно с работой в «России»).

Фронтальная газета «Вперед» (выпуск 08.06.1919)
Front-line newspaper "Vperyod" (issue 08.06.1919)

Крах белого движения был очевиден, как и необходимость осмысления последствий двух революций и гражданской войны. Поэтому в сборнике «Стихи скитаний» особый интерес представляет сибирский цикл, позволяющий понять не только настроения автора в последние годы переломного периода российской истории, но и литературные искания, и атмосферу времени в целом. Вкратце расскажем о поэтических интересах В. Янчевецкого. Его любимым поэтом в юности и в зрелые годы был М. Лермонтов. Среди течений Серебряного века предпочитал символистов – например, ценил творчество К. Фофанова, А. Белого, на первую книгу стихов которого отзывался рецензией: «Современный поэт живет в первом шумящем городе, и живет всеми нервами, всеми волнениями этого человеческого муравейника. Здесь нельзя сочинять сонеты и стансы по трафаретке – здесь поэт есть эхо бурной жизни города» (цит. по: [Просветов, 2017, с. 62]). С любопытством присматривался к футуристам. С Д. Бурлюком он был знаком с 1910 г., когда как художник-любитель участвовал в выставке «Треугольник-Венок-Стефанос» в Санкт-Петербурге³. Во время сибирского турне Бурлюка Янчевецкий писал в своей газете: «Отец футуризма <...> доказывал, что язык прежних поэтов, певцов чистого искусства и нежных грез больше не годится для величественных и страшных переворотов, от которых содрогается весь мир. Нужны новые слова,

³ Этот факт упомянут в дневнике его жены О. Янчевецкой, с которой он разлучился в 1917 г. (дневник в настоящее время хранится у И. Просветова).

новые формы выражения. И только футуризм может справиться со столь грандиозными образами современности. Лекция Бурлюка как теория новых форм справедлива, и с ней можно согласиться» (декабрь 1918 г.) (цит. по: [Просветов, 2017, с. 131]). В Омске В. Янчевецкий сдружился с писателем, поэтом и художником-авангардистом Антоном Сорокиным, посещал его домашние литературные вечера, разрешил напечатать в своей типографии прозаическую поэму «Симфония революции». Возможно, следствием этого общения стало то, что часть стихотворений сибирского цикла написана верлибром, к которому ранее В. Янчевецкий никогда не обращался.

СВОБОДА

Любите свободу и давайте свободу всем.
Дайте свободную жизнь народу
И не вмешивайтесь в его заботы.

Пусть он умирает или богатеет, это его дело!
Но не думайте, что вы его умнее
И не учите его тому, как ему жить.

Вы же не учите птицу, как ей летать,
Или кошку, как ловить мышей.
Но если вы любите и птицу, и кошку,
Дайте первой зерен, а второй молока.

Живите каждый, как кому нравится.
Любите то, что вы любите.
Мне же не мешайте смотреть на синие дали
И на плывущие по небу облака.

1920

Писатель Николай Анов (Иванов), в 1919 г. корректор в газете «Вперед», вспоминал, как Антон Сорокин помог ему найти работу: «Василий Григорьевич, хотя и возглавляет белогвардейскую газету, но человек достойный и порядочный... В разговоре со мной этот полковник такие мысли высказывал, прямо в пору анархисту. Удивительно странный и, я бы даже сказал, загадочный человек!» (цит. по: [Просветов, 2017, с. 132]). Во взглядах Янчевецкого государственнические идеи (до 1917 г. он по своим политическим убеждениям был близок к октябристам) вполне гармонично сочетались с либерализмом. Будучи одним из главных колчаковских пропагандистов, В. Янчевецкий считал, что в борьбе с большевизмом «необходимо единство действий всех партий для воссоздания русской свободы и достоинства». Стихотворение «Свобода» отражает крайнюю усталость автора от идеологической борьбы и полное разочарование в политике.

В СТЕПИ

Помните, весной мы ехали украинской степью
Тревожной ночью, пробираясь через фронт...
Теплый ветер обвевал нам лицо,
Восток был таинственно темен,
А на западе тянулась светлая багровая полоса
После закатившегося в темных тучах
Кроваво-красного солнца.

Помните, мы остановились, объятые трепетом,
И слушали тишину заснувшей степи.
Нам слышались вдали отзвуки тайны,
Загадка опасного будущего.
Сверкала непонятная надпись на запертых дверях грядущего.

Где-то засвистел свой перепев перепел.
Вдали по сухой дороге застучала телега.
Ветер зашуршал сухими стеблями растений
И принес нежный запах дикой яблони.
Мы же стояли так тихо, что слышали
Стук сердца и свист в ушах бьющегося пульса.

Кругом были германские заставы.
И мы не знали, переживем ли будущий день.
Но тогда мы были юны и веселы
И стремились безудержно вперед,
Туда, где раскинулись беспредельная родина
И кипел в муках возрождения родной народ.

Нас звала вперед наша молодость,
Наши надежды... Разве они могут быть несбыточны?
И мы, зачарованные степью, слушали:
Авось кто-либо с неба нам скажет: «Вы правы!».
Но все молчало.

<Без даты>

Стихотворение написано как воспоминание о тех днях, когда Янчевецкий со своими близкими ехал из Румынии в Россию через оккупированную Украину. Они покинули Яссы в марте 1918 г. – предположительно, после ухода добровольческого отряда полковника Дроздовского. Как вспоминал его сын Михаил, опуская детали, «...отец сказал: “В час испытаний каждый русский должен быть со своим народом”» (цит. по: [Просветов, 2017, с. 119]). Приемная дочь Евгения рассказывала, что на украинском полустанке им пришлось сойти с поезда – дальше были немцы; Василий Григорьевич сумел нанять телегу, и в сопровождении нескольких демобилизованных солдат путники благополучно пересекли линию фронта.

НОЧЬ

В чуткой ночи тишине
Мерный звон часов раздался.
Преодо мною в полусне
Сновидений рой умчался.

Точно двое в полночи
Что-то тихо ворожат,
Два окна, как чьи-то очи,
Молча в душу мне глядят.

Мчатся кони вороные,
Вьются нитки золотые.
В водопаде черных роз
Свист крутящихся колес.

Ночь поет напев свой странный
И гремит аккорд органной...
Выстрел... Два... Три... Четыре... Пять...
Кто-то умер... Нужно спать.

1920

В Ачинске, скрывая свое белогвардейское прошлое, Янчевецкий буквально ходил по лезвию ножа. Местная ЧК искала в городе и уезде скрывающихся контрреволюционеров, в июне было объявлено о расстреле восьми арестованных белых офицеров и пособников. Чрезвычайный ревтрибунал в Омске приговорил к расстрелу нескольких колчаковских высокопоставленных чиновников, в том числе директора Русского бюро печати, которого Янчевецкий хорошо знал. И ему как бывшему начосведотделению штаба Колчака могли бы вынести ровно такой же приговор, признав виновным «в восстании против власти рабочих и крестьян с целью восстановления старого строя» [Просветов, 2017, с. 157].

БОГ

Большие дети говорят, что нет Бога,
Что он выдумка жрецов,
Чтобы пугать им толпу невежд.
Большие дети изгоняют Бога из школы,
Думая, что могут изгнать его из души человека.

Посмотрите на часы Омега или Павла Буре –
Сделались эти часы сами собою из ничего?
Из подбора видов, из камня и земли?
Взгляните на голову Льва Толстого,
Или на голову девушки и ее смеющиеся глаза.
Талантливый и умный мастер над ними работал
И он понимал кое-что в своем деле.

Я не знаю и не могу себе представить,
Каков собой Бог.
Быть может, он велик как от земли до луны,
И рассматривает нашу землю,
Держа ее на своей ладони.
Быть может, он талантливее Пушкина,
Задумчивее Лермонтова, умнее Менделеева,
Добрее доктора Гааза.

Я так же не могу понять Бога,
Как воробей не поймет Врубеля.
Для воробья Врубель только страшный великан.
Но я не скажу, что нет Бога.
Потому что я чувствую, как начинает трепетать мое сердце,
Когда я думаю о беспредельности и вечности.

Пусть доказывают, что Бога нет, большие дети,
Которых Бог создал, думая,
Что они когда-нибудь станут взрослыми.

1920

Религиозные мотивы – точнее, вера в высший разум и надмирные силы – присутствуют в юношеских стихотворениях Янчевецкого. Будучи православным (и это оставило след в его дореволюционной публицистике), Янчевецкий с интересом и уважением относился ко всем религиям. Например, работая корреспондентом СПТА в Турции, он сочинил стихотворение «Иншалла» («Если пожелает Всевышний»): «Когда грозят удары зла, / или страданья, иль лишенья, / вы говорите без смущенья: / “Иншалла!”». Михаил Врубель был одним из его любимых художников. Став известным писателем, Янчевецкий приобрел эскизный набросок «Демона», которого называл своим «руководителем в умственных скитаниях и фантазиях» (цит. по: [Просветов, 2017, с. 239]).

ТИШИНА НОЧИ

Тишина поет мне мелодии.
Закройте глаза: разве вы не видите
Вьющиеся перед вами картины
И мелькающие цветные узоры?

Я в тишине слышу
Звон серебряных колокольчиков,
Пенье хора детских голосов,
Трио тростниковых флейт,
Гармонию скрипичного соло.

В тишине нет времени,
Нет размеренного удара маятника,
Говорящего о пролетевшей секунде.
В тишине звучит аккорд вечности.

Прислушайтесь к тишине...

1920

СМЕРТЬ

Я умереть всегда готов
Среди трудов иль наслажденья
И в мир иной без замедленья
Уйти готов.

Я с детства странствовать привык
И с любопытством умираю
И мир спокойно оставляю
Я как старик.

Я все узнаю через миг,
Все то, что мне казалось тайной.
Здесь гость я временный, случайный.
А через миг...

<Без даты>

ГОРОД БЕЗНАДЕЖНОСТИ

Серые панели. Серые стены.
Серое небо. Серый туман.
В сибирской тайге выстроены дворцы
И покрыты серой вуалью безнадежности.

Сеет частый дождь,
И фигуры прохожих точно за серым неводом.
Куда бежите вы, прохожий –
За мукой или за новой регистрацией?

Остановитесь? Давайте поговорим о вечности,
О любви к прекрасному,
О загадке женского сердца...

Вспомним, что кроме Томска
Имеются океанские беспредельные дали,
Горячие скалы Неаполя,
Развалины мраморного Парфенона
И вечно кипящий шумный Париж!

Я смотрю с улыбкой на ваши страдания
И страдаю вместе с вами.
Но отчего вы не повернете ваш путь
И не пойдете сейчас пешком в Египет?
Чтобы подремать под пальмами
При оранжевом закате африканского солнца
И сказать подошедшему арабу:
«Здравствуй, брат».

1920 (Томск)

Не сохранилось сведений о том, с какой целью В. Янчевецкий в мае 1920 г. посетил Томск – центральный город соседней губернии. Помимо службы школьным инспектором он читал на педагогических курсах и в красноармейских частях лекции об истории социалистических учений. Возможно, целью поездки было получение или изучение необходимой литературы в Томском университете, где весной 1920 г. был создан факультет общественных наук.

ТОМСКИЕ СТУДЕНТКИ

Идут студентки. Я их узнаю
По их стремительной походке.
В развевающихся складках платья
Чувствуются порывы молодости.

Бегущие по панели юные шаги
Отстают от полета их мечты.
Вдали здание университета
Как чудовище, положившее голову на руки,
Всех поглощает в своей пасти.

Летите туда, в фабрику знаний,
Но не верьте профессорам

И не верьте пыльным книгам.
Вы, юные, знаете все,
А они уже давно все забыли.
Верьте только солнечным лучам
И солнцу вашей души.

Среди сибирских елей, окутанных паутиной в болотах,
Растут лютики и подснежники
И тянутся буйные побеги деревьев,
Которые не увидят старости.
Паутина болота их засушит еще молодыми.

Берегитесь, студентки! Вы приехали за светом и крыльями
Из деревень, из городов,
Из-под заботливой опеки гувернанток
И бедных крестьянских изб.
Вижу, идет дочь крестьянина
С сверкающими синими глазами.
Вот проходит, колыхаясь, дочь города –
Бледная и слабая, но с непреклонным взглядом.

Будьте настороже, студентки,
И вспоминайте сибирские ели,
Засыхающие в тайге на вечно мерзлой почве,
И разожгите дремлющую Сибирь
Пожаром вашего всеобъемлющего сердца.

12/V.1920

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Я люблю родные нивы
И хребты туманных гор,
Дальней песни переливы
И степной простор.

Я люблю перед грозой
Проходить сквозь темный бор,
Где так жутко, где так гулко
Вдалеке стучит топор.

Я люблю, когда по степи
Мчится конь во весь опор,
А вдали горит, мерцая,
Неизвестный мне костер.

Я люблю гудок фабричный,
Стук машин и шум колес,
Видеть, как гремя, несется
В клубах дыма паровоз.

Я люблю свою деревню
И остывший старый дом,
Огород и две рябины
И подсолнух под окном.

Я люблю родную школу
Ребятишек смех и шум –
В ней так много зародилось
Светлых мыслей, новых дум.

Есть другие страны света.
Лондон, Рим, Берлин, Париж.
Отчего ж душа согрета
Вами – Волга, Обь, Иртыш?

Я люблю ее, больную,
Всю в слезах родную Русь.
Для нее одной живу я,
На нее лишь я молюсь!

18/VI.1920 (Ачинск)

Стихотворение отражает внутреннее примирение автора с кардинальными переменами, произошедшими в России. Однако в августе 1920 г. В. Янчевецкий вместе с М. Масловой и сыном покинул Ачинск. Он воспользовался объявленным набором учителей в школы Урянхайского края. «Возможно, у отца были планы добраться до Китая», – вспоминал М. Янчевецкий (цит. по: [Просветов, 2017, с. 159]). В селе Уюк семья провела зиму, но весной 1921 г. им пришлось спешно уезжать, после того как местные партизаны арестовали и едва не расстреляли В. Янчевецкого, подозревая в нем скрывающегося белого офицера. Оказавшись в Минусинске, В. Янчевецкий безуспешно пытался получить разрешение покинуть РСФСР как якобы уроженец Эстонии, имеющий право на смену гражданства. Необходимость встраиваться в новую жизнь побудила его вернуться к хорошо знакомой профессии – В. Янчевецкий стал помощником редактора газеты «Власть труда», первый номер которой вышел в апреле 1922 г.

ПЕСНЬ ОТЧАЯНЬЯ

В счастливых днях
И на пирах
Ты вдруг объят волной тоски.
Затихнет гнев
Под песни дев,
Тебе сплетающих венки.

Ты жизнь свою
Предал огню.
Смеясь, сгорал, печали скрыв.
Темнеет даль
И ты едва ль
Проговоришь: «Я был счастлив!».

И жизнь тяжка,
Гнетет тоска,
На сердце павшая как камень.
Кругом обман
И лжи туман,
И гаснет тихо жизни пламя.

Я раздарил
Корзины роз
И мял цветы без сожаленья...
И погасил
Порывы грёз,
Оставив в сердце яд сомненья.

28/XII.1922 (из драмы «Нита»)

Афиша драмы «Нита» по сценарию В. Яна (Минусинск, 04.02.1923)
Playbill for the drama “Nita” based on the script by V. Yan (Minusinsk, 04.02.1923)

В Минусинске В. Янчевецкий сочинял сценарии для спектаклей Первого советского театра. 4 февраля 1923 г. здесь состоялась премьера написанной им драмы «Нита». Ее главные герои – омские студенты, вовлеченные в вихрь событий Гражданской войны: приход к власти адмирала Колчака и борьбу красного подполья с белыми. Избегая приемов агитационной пьесы, но показывая белых с отрицательной стороны, В. Янчевецкий рассказал историю о том, как ломаются судьбы во времена политических потрясений. Судя по сохранившемуся тексту сценария, «Песнь отчаяния» не была включена в постановку. Позднее он подготовит более актуальные спектакли – «Красноармейская звезда» и «Невеста красного партизана».

* * *

Ты сегодня сошла из трамвая
В темном платье и с бледным лицом.
Вслед глядел я тебе, наблюдая
Как ты скрылась вдали за углом.

Знаю, где ты живешь – там в слободке,
Где стоит покосившийся дом.
Ты проходишь усталой походкой
В темном платье и с бледным лицом.

Продала ты себя, не жалея,
И торгуешь собою шутя.
Отстоять свою волю не смея,
Позабыв, что еще ты дитя.

Каждый тянется с жадной улыбкой,
Чтоб сорвать поцелуй с твоих губ:
Дряхлый старец и юноша гибкий
Или пьяный злодей-душегуб.

Лишь один я тебя пожалею,
Для меня ты – все прежняя ты...
Я к тебе подойти не посмею,
Моя первая радость мечты.

31/XII.1922 (Минусинск)

Трудно объяснить появление в сибирском цикле этого интимного лирического стихотворения, по сюжету явно не относящегося ко времени и месту сочинения (в Минусинске не было трамвайного сообщения). Возможно, это некое обращение к прошлому – тема неразделенной влюбленности характерна для гимназических и студенческих стихов В. Янчевецкого.

КОММУНАРАМ

Он полон был священным жаром
И умирать шел за народ.
Но, погибая, он зовет
Поверить пылким коммунарам.

Теперь Париж в дыму пожаров,
Везде потоком льется кровь.
Но слышу голос: «Верьте, вновь
Воскреснет на земле любовь
На трупах павших коммунаров!».

Под сокрушительным ударом
Их тысячи теперь легли
По улицам и тротуарам
Они валяются в пыли,
И нет пощады коммунарам.

Недвижны бледные черты,
Глаза не блещут прежним жаром.
Несите нежные цветы
Погибшим пылким коммунарам!

Чтоб жизнь свою прожить недаром,
Идите облегчить народ.
Давно он лучшей доли ждет
И, полный веры, он зовет
Идти за пылким коммунаром!

18/III.1923 (Минусинск)

Работая в газете «Власть труда», общаясь с местным партийцами, рабочими и бывшими красными партизанами, В. Янчевецкий принял идеологию нового государства: «Советская власть, ликвидировав военные фронты, сразу же приступила к мирному строительству, которое идет небывальными темпами» (цит. по: [Просветов, 2017, с. 165]). Тем не менее, при первой возможности он с семьей уехал из Сибири. Осенью 1923 г. Янчевецкие обосновались в Москве: «Здесь бьется пульс страны, создается ее будущее» (цит. по: [Просветов, 2017, с. 168]). Но литературным творчеством В. Ян смог заняться только спустя пять лет. В 1934 г., задумав повесть «Чингиз-хан», он записал в тетради «Стихи скитаний» новый, оптимистичный вариант своего сибирского стихотворения «Смерть» (см. ниже).

* * *

Я умереть всегда готов
Среди трудов иль наслажденья
И в мир иной без замедленья
Уйти с улыбкою готов.

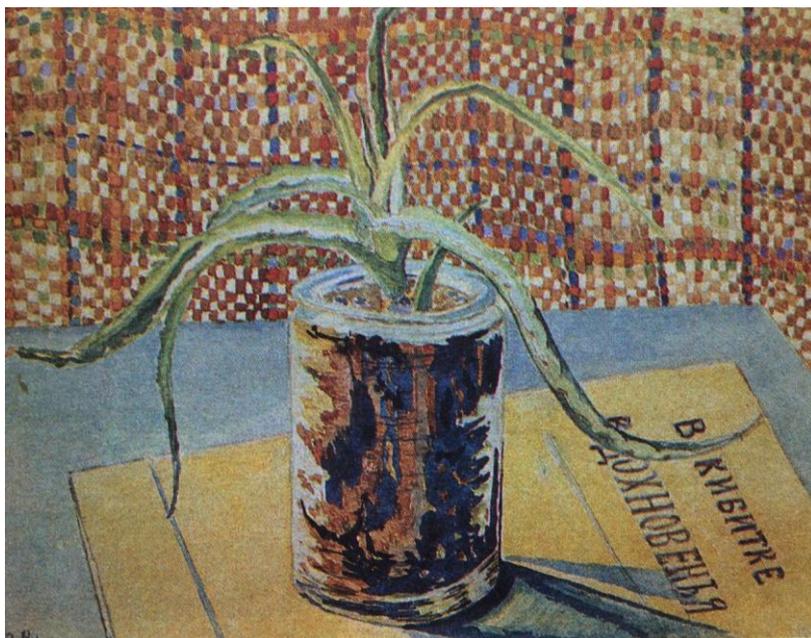
Всегда дитя, умом старик,
Земных просторов гость случайный,
Все то, что здесь казалось тайной,
Хотел узнать бы через миг.

В долине, средь холмов хакасских
К земле тревожно я приник,
Чтобы услышать ветра сказки
И дальний лебединый крик.

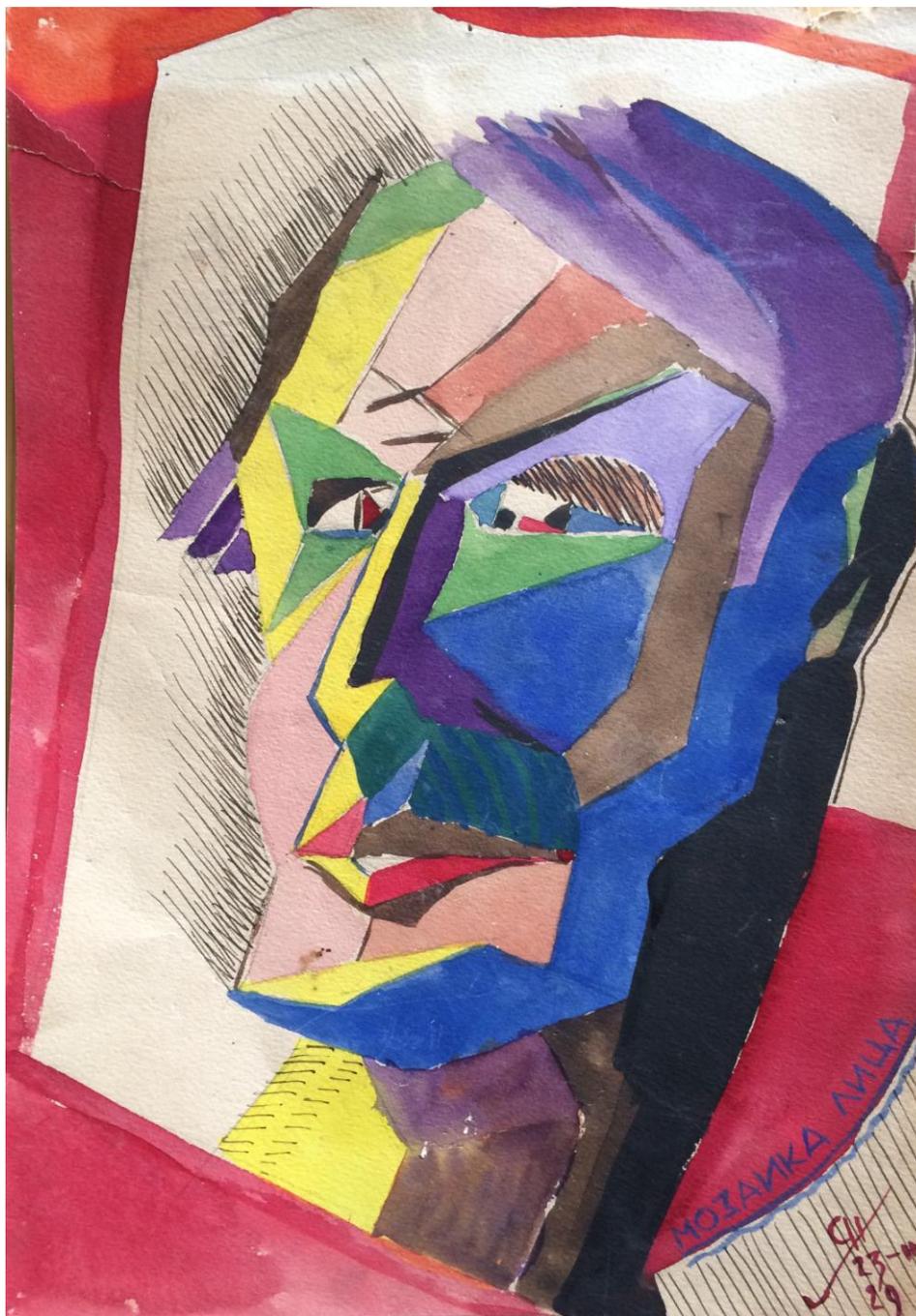
19/XI.1934

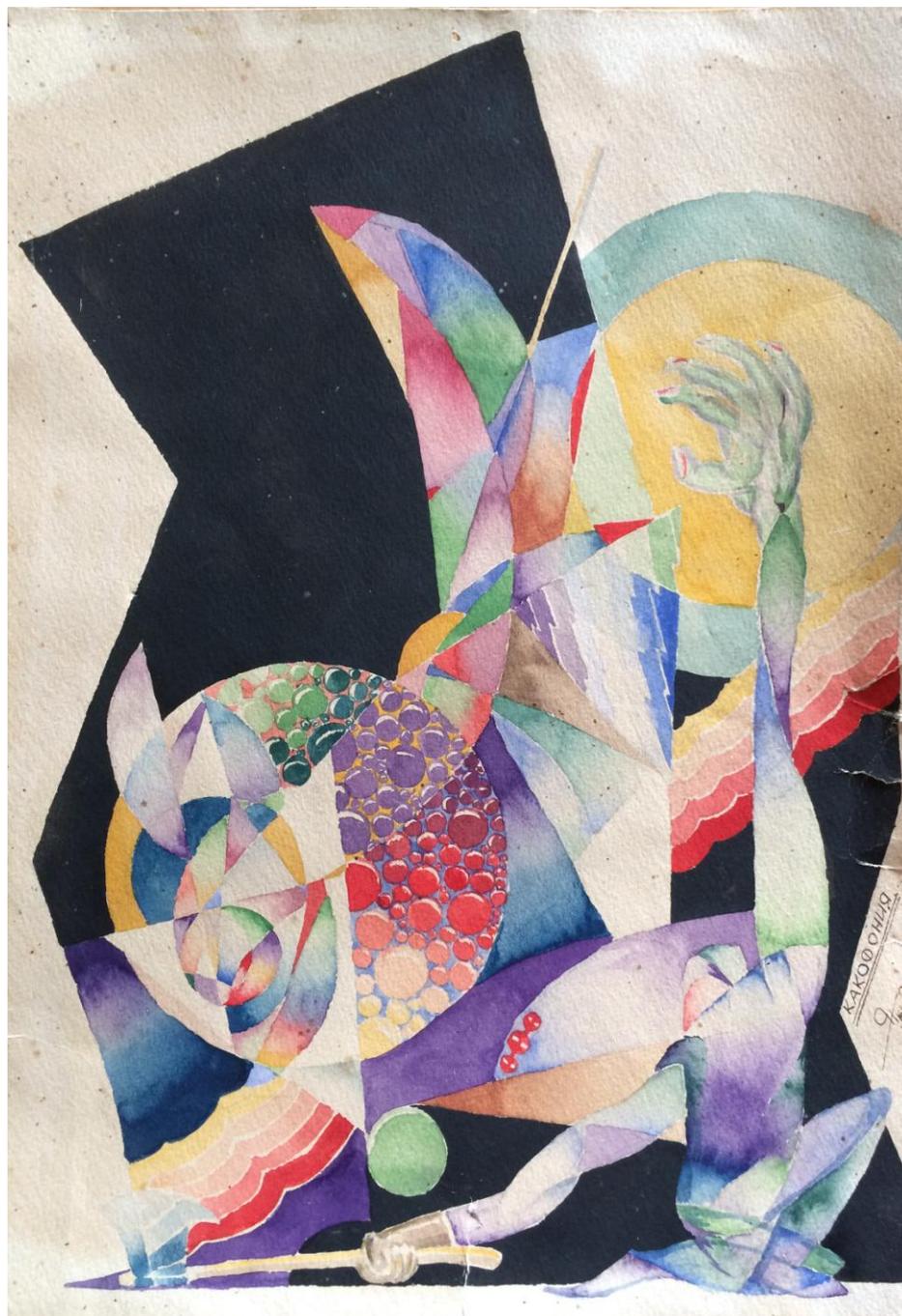
В. Ян. «Вечер» (рисунок-воспоминание о Южной Сибири, 1926 г.)
V. Yan. "Evening" (drawing-remembrance of South Siberia, 1926)

В. Ян. Натюрморт (Москва, 1924 г.)
V. Yan. Still life (Moscow, 1924)

В. Ян. «Мозаика лица» (автопортрет, 1929 г.). Публикуется впервые
V. Yan. "Mosaic of the Face" (self-portrait, 1929). Published for the first time

В. Ян. «Какофония» (1929 г.). Публикуется впервые
V. Yan. "Cacophony" (1929). Published for the first time

Просветов И. В. Неизвестные сибирские стихи Василия Яна

Список литературы

Просветов И. В. Десять жизней Василия Яна: Белогвардеец, которого наградили Сталин. М.: Центрполиграф, 2017. 287 с.

References

Prosvetov I. V. Desyat' zhiznej Vasiliya Yana, Belogvardeets, kotorogo nagradil Stalin [Ten Lives of Vasily Yan: The White Guard who was awarded by Stalin]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2017, 287 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Просветов Иван Валериевич – АС РУС Медиа, шеф-редактор специальных проектов; писатель-историк, биограф Василия Яна (Москва, Россия)
prosvetov@forbes.ru

Information about the Author

Ivan V. Prosvetov – AS RUS Media, chief editor of special projects, writer-historian, biographer of Vasilij Yan (Moscow, Russian Federation)
prosvetov@forbes.ru

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

Поэма Юрия Сопова «Артюр Рембо» (1919): текст и контексты

Ю. П. Зародова¹, Н. О. Ласкина², И. Е. Лоцилов^{3,4}

¹ Государственный областной художественный музей «Либеров-центр»
Омск, Россия

² Образовательный центр «Открытая кафедра»
Новосибирск, Россия

³ Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия

⁴ Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья предвещает публикацию полного текста поэмы «Артюр Рембо» омского поэта Юрия (Петра Ивановича) Сопова (1897–1919), созданной им незадолго до трагической гибели при взрыве в резиденции А. В. Колчака 25 (или 26) августа 1919 г. До настоящей публикации текст был известен лишь фрагментарно, благодаря цитатам, которые включил в газетный некролог ненамного переживший Сопова поэт Георгий Маслов. Ряд деталей позволяет сделать вывод о достаточно точном знакомстве Сопова с биографией Рембо, а не только с отголосками легенды. Поэтому многочисленные места поэмы, где он предпочитает фантазию, следует считать результатом осознанного выбора. В восприятии современников образ автора поэмы отчасти слился с мифологизированным образом ее героя. В первую очередь это касается поэтов круга омского литературно-художественного объединения «Червоная тройка» и литераторов, близких к группе «Памир» («Сибирская бригада»). Поэт Леонид Мартынов (1905–1980) неоднократно обращался к образу Рембо в стихах и прозе – переводил его стихи, сопоставлял его биографию и характер со своими. В статье показано, что восприятие французского поэта в творческой лаборатории Мартынова на протяжении его долгого пути в литературе было опосредовано памятью о поэме Юрия Сопова.

Ключевые слова

Антон Сорокин, Артюр Рембо, Георгий Маслов, группа «Червоная тройка», Леонид Мартынов, сибирская литература, Юрий Сопов

Для цитирования

Зародова Ю. П., Ласкина Н. О., Лоцилов И. Е. Поэма Юрия Сопова «Артюр Рембо» (1919): текст и контексты // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 228–263. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-228-263

© Ю. П. Зародова, Н. О. Ласкина, И. Е. Лоцилов, 2021

Yuri Sopov's Poem "Arthur Rimbaud" (1919): Text and Contexts

Yu. P. Zarodova¹, N. O. Laskina², I. E. Loshchilov^{3,4}

¹ State Regional Art Museum "Liberov Center"
Omsk, Russian Federation

² "Otkrytaya kafedra" Education Center
Novosibirsk, Russian Federation

³ Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

⁴ Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article introduces publication of the full text of the narrative poem "Arthur Rimbaud" by the Omsk poet Yuri (Pyotr Ivanovich) Sopov (1897–1919), written shortly before his tragic death in the explosion at A.V. Kolchak's residence on August 25 (or 26), 1919. The text previously had been known by fragments only, by virtue of quotations included in the newspaper obituary by the poet Georgy Maslov, who briefly survived Sopov. A number of details allow us to conclude that Sopov is fairly accurate when rendering facts of Rimbaud's life and must have been familiar with the French poet's biography, not just with echoes of the legend. Therefore, the numerous occasions in the poem, where he prefers fiction over fact, should be considered as the result of a deliberate choice. In the perception of contemporaries, the image of the author of the poem partially merged with the mythologized image of its hero. First of all, this concerns poets of the circle of the Omsk literary and artistic association "Chervonnaya Troika" and writers close to the group "Pamir" ("Siberian brigade"). The poet Leonid Martynov (1905–1980) repeatedly turned to the image of Rimbaud, translated his poems, compared his image, biography and character to his own, in poetry and in prose. The article shows that the perception of the French poet in Martynov's creative laboratory during his long career was mediated by the memory of Yuri Sopov's poem.

Keywords

Anton Sorokin, Arthur Rimbaud, Georgy Maslov, group "Chervonnaya Troika", Leonid Martynov, Siberian literature, Yuri Sopov

For citation

Zarodova Yu. P., Laskina N. O., Loshchilov I. E. Yuri Sopov's Poem "Arthur Rimbaud" (1919): Text and Contexts. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 228–263. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-228-263

Трагическая судьба и небольшое по объему литературное наследие омского поэта Юрия (Петра Ивановича) Сопова (1897–1919) в последние годы неоднократно оказывались в фокусе внимания исследователей – историков [Лапина, 2015; Штырбул, 2015; 2017; Сопов, 2019] и филологов [Куликова, 2018; 2019]¹.

¹ См. также энциклопедическую статью о поэте [Вайнерман, 2019] и подготовленное А. А. Штырбулом издание его сочинений [Сопов, 2019].

Поэт Юрий Сопов и его жена Пелагея Ксенофонтовна с дочерью <?>. 1919. Омск. Частное собрание [Маслов, 2020, с. 419]
Poet Yuri Sopov and his wife Pelageya Ksenofontovna with her daughter <?>. 1919. Omsk. Private collection [Maslov, 2020, p. 419]

Поэма Сопова «Артур Рембо» (см. приложение 1) относится к его легендарным сочинениям: ее хорошо знали и помнили современники – поэты круга художественного объединения «Червонная тройка» и, позже, литераторы, близкие к группе «Памир» («Сибирская бригада»), где царил своего рода подпольный культ двух белогвардейских поэтов: Георгия Маслова (1895–1920) и Юрия Сопова. Текст поэмы, однако, был известен лишь фрагментарно: благодаря довольно объемным цитатам, которые Маслов включил в текст некролога, напечатанного в газете «Сибирская речь» (см. текст и комментарии: [Маслов, 2020, с. 198–202]).

В основу некролога было положено устное выступление Маслова на вечере памяти Сопова в омском Литературно-художественном кружке 31 (18) августа 1919 г.²:

Для своих 24 лет он написал очень много³. Укажу на лирические поэмы: «Артур Рембо», «Лесная поэма», «Безумие», «Печаль осенних закатов», «Поэма о каблукках» и др., на циклы: «Речные вечера», «Егерские песенки» (готовящиеся к печати) и большое количество отдельных стихотворений.

В настоящее время я имею возможность познакомить читателя с его поэмой «Артур Рембо». Образ Рембо у Ю. Сопова вряд ли совпадает с историческим его лицом. Тем не менее этот суровый мечтатель, ищущий свою Колумбину на Парижских улицах и в Африканских джунглях, схваченный строками капризными и певучими, надолго остается в нашем воображении таким, как он представлялся поэту <...>

Для нас, его друзей, этот образ соединяется с образом самого поэта. Сопов в немногих строках говорит о своем герое до его приезда в Париж. <...>

Его неудержимо влечет в Париж, где он встретит любимую, где он увидит поэта, открывшего ему музыку слов: <...>

Вот наконец и Париж. Но как много в веселых кафэ, на пыльных бульварах, в розовых и голубых будуарах снившихся ему Коломбин. Это место лучшее в поэме. <...>

Поэт не нашел Коломбины в Париже. Он уезжает в Африку, усталый и печальный. <...>

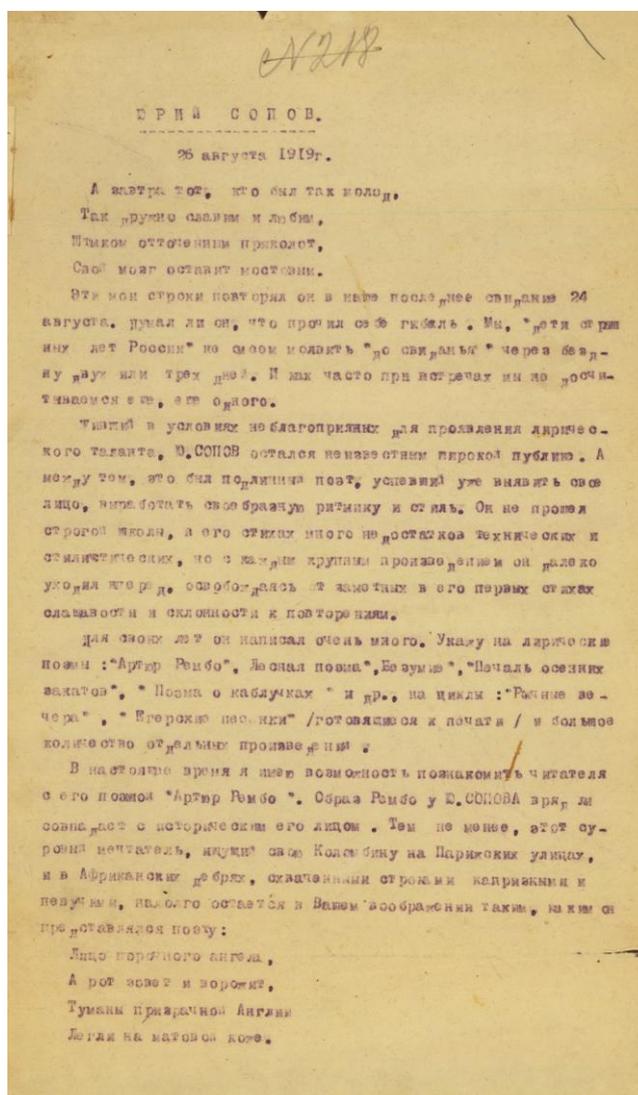
Дальше ритм меняется. Строки быстро делаются короткими и энергичными. <...>

Рембо умирает, но в больших зрачках, истомленных четырьмя кровавыми годами, поэт видит его усталую горечь; он воскресает то в новенькой форме поручика, то в кожаной куртке авиатора. <...>

² Этот вечер положил начало «литературным субботникам» в Омске: «В помещении журнала “Единая Россия”, издаваемого Военно-Экономическим Обществом, организовано устройство систематических литературных субботников. Состоялись уже две субботы. Первая была посвящена творчеству безвременно погибшего Юрия Сопова, вторая докладу Н. М. Тарабукина о познании искусства. Участвуют преимущественно литераторы и художники. Вечера проходят мило и содержательно. Очередной субботник состоится на этой неделе. Профессором Б. П. Денике будет сделан доклад о творчестве Глинки с музыкальными и хореографическими иллюстрациями. Вход по билетам, цена билета 5 рублей» (Русь, 1919, № 58, 10 сент., с. 3; цит. по: [Маслов, 2020, с. 258]).

³ Юрий Сопов погиб в возрасте 22 лет. Друзья не знали его точного возраста, и в литературе часто встречаются разночтения: 1895/1897. Церковная запись, согласно которой он родился 19 января 1897 г., была найдена Н. В. Елизаровой (Омск) (см.: [Сопов, 2019, с. 5]). Еще один документ (военно-призывной), подтверждающий дату, опубликован в: [Лапина, 2015, с. 194].

Я нарочно приводил большие выдержки, чтобы читатели могли почувствовать прелесть этих неровных, быстро изменяющихся строк (цит. по: [Там же, с. 199–201])⁴.

Первая страница машинописи статьи Георгия Маслова
«Юрий Сопов. † 26 августа 1919 г.» (ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 218. Л. 1)
The first page of the machine-driven copy of Georgy Maslov's article
“Yuri Sopov. † August 26, 1919” (GIAOO, 1073–1–218, sheet 1)

⁴ Опущенные нами цитаты воспроизводились А. А. Штырбулом как сохранившиеся фрагменты поэмы в изданиях: [Штырбул, 2005, с. 279–281; Сопов, 2019, с. 52–54].

Юрий Сопов.

(Некролог).

26 августа в Омскѣ, от случайнаго взрыва ручной гранаты погиб, призванный на военную службу, молодой поэт Юрий Сопов.

Петр Иванович Сопов (псевдоним—Юрий Сопов) родился в Омскѣ в 1895 г., в семьѣ чиновника; дѣтство и первые годы юности провел на Дальнем Востокаѣ, затѣм вернулся в Омск, гдѣ поступил в Землемѣрное училище, из котораго вышел не кончив курса. Затѣм, вплоть до призыва на военную службу, служил библиотечным в одной из омских городских библиотек, посѣщал в то-же время в качествѣ вольнослушателя лекціи в Омском политехникумѣ. В началѣ 1919 г. он был призван на военную службу и здѣсь нашел свой трагическій конец.

Писать Сопов стал с ученической скамьи. В 1917 г. вышла отдѣльной книжкой его небольшая лирическая поэма «Сказки прошлаго лѣта» и с этого-же года в рядѣ периодических изданій, по преимуществу омских, появился ряд его лирических стихотвореній. Помимо этого Сопов проявил себя и как художник. Принимал он участіе и в общественной жизни, являясь одним из пионеров по объединенію библиотечных работников в Сибири.

Таковы внѣшніе факты этой недолгой жизни.

Сибирская литература, небогатая силами и талантами, понесла со смертью покойнаго утрату. То немногое, что дал ей Юрий Сопов, отмѣчено искорками истиннаго таланта, которым, быть может, суждено было-бы разгорѣться в яркое пламя. Талант, по преимуществу лирической, романтик по своим настроеніям и основной сущности, искатель новых форм, Сопов выдѣлялся из ряда других поэтов и думалось, что он дал-бы что-то новое и значительное. Но условія нашей жизни сдѣлали иное.

Смерть Сопова, такая нелѣпая и ненужная, является символической для нашего тяжелаго времени.

По уполномочію коллектива
отвѣтственный редактор *С. И. Исаков.*

Издатель
Культурно-Просвѣтительный Союз Алтайскаго края.

Юрий Сопов (Некролог). Сибирский рассвет (Барнаул), 1919, № 10, с. 142
Yuri Sopov (Necrologue). Siberian dawn (Barnaul), 1919, no. 10, p. 142

В газетных сообщениях о вечере говорилось:

31 августа Омский литературно-художественный кружок и редакция журнала «Единая Россия» чествовали память трагически погибшего юноши – вечером, посвященным его памяти. Вступительное слово сказал проф. Б. П. Денике. Яркую и краткую характеристику покойного, как писателя и человека, дал Георгий Маслов. Несколько теплых слов сказал Сергей Ауслендер, отметивший смерть Ю. Сопова, как патриота и гражданина, на его почетном посту. А. Вошакин прочел свое стихотворение, посвященное памяти поэта. Некоторым диссонансом прозвучала речь А. Сорокина, имевшая мало отношения к теме и не чуждая той грубой саморекламы, какая стала его большим местом.

После небольшого перерыва было прочитано много произведений покойного, в том числе лирическая поэма «Артур Рембо» (А. Р-шев <Ю. П. Ромашев?>. Памяти Сопова, «Русь», 1919, № 46, 2 сент., с. 3; цит. по: [Маслов, 2020, с. 254]).

Вечер был открыт проф. Б. П. Денике, сказавшим несколько вступительных слов и предложившим почтить память покойного вставанием. После него говорил поэт Г. В. Маслов, поделившийся личными воспоминаниями о погибшем поэте. Он отметил две стороны характера Сопова, по его мнению, отразившиеся и в творчестве поэта, – рассказал о городском, изысканном, несколько жеманном поэте Сопове и о Сопове, говорящем по-китайски, где-то на Дальнем Востоке принимающем участие верхом на лошади в войне с хунхузами. И под влиянием города, по мнению Маслова, написана тонкая поэма «Артур Рембо», а в воспоминаниях о жизни в Китае – восточные стихотворения Сопова (да и экзотические эпизоды «Артура Рембо») и другая большая его поэма времени каменного века. <...>

После небольшого перерыва проф. Денике прочел целиком поэму «Артур Рембо», после чего были прочитаны наиболее характерные для поэта небольшие его стихотворения (А. В. <Вошакин А. М. (?), Венедиктов А. И. (?>. Памяти Юрия Сопова, «Сибирская речь», 1919, № 191, 3 сент., с. 4; цит. по: [Там же, с. 255]).

Искусствовед Борис Петрович Денике (1885–1941) напечатал в журнале «Единая Россия» некролог, где, в частности, писал:

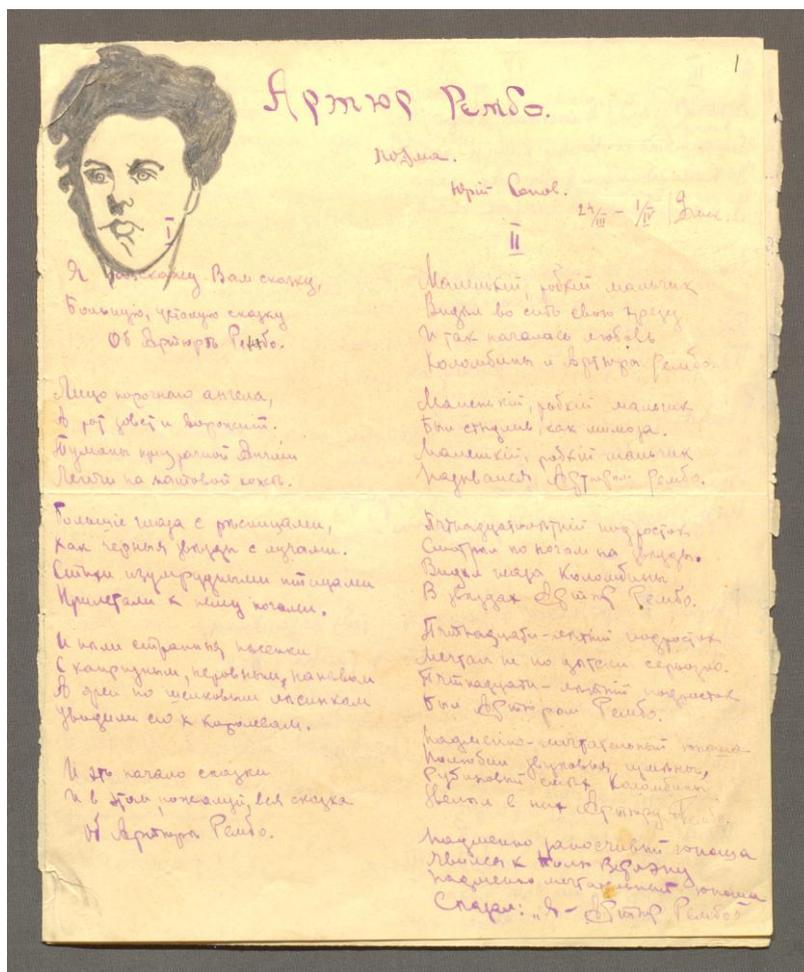
26-го августа при взрыве в Омске безвременно погиб молодой талантливый поэт Ю. Сопов. Он был студент, был призван на военную службу и служил в конвое Верховного Правителя. Литературная физиономия молодого поэта (Ю. Сопову было 24 года) еще недостаточно определилась. Лишь очень немногое ему удалось напечатать. В рукописи после него осталось богатое поэтическое наследие: очень большое количество стихотворений, ряд поэм (особенно интересна лирическая поэма «Артур Рембо»), «Егерские песенки» (готовятся к печати) (Б. П. Д. <Денике Б. П.>. Памяти поэта Ю. Сопова, «Единая Россия», 1919, № 4, с. 7; цит. по: [Там же, с. 257]).

В архивном фонде А. С. Сорокина отложилась заготовка его речи, скандальность которой подтверждается и воспоминаниями К. Н. Урманова⁵ (см. приложение 2).

⁵ «А Сорокин уже подходил к трибуне. Кто-то догадался погасить свет, надеясь этим остановить Сорокина. Но это не помогло.

– Свет правды погасить нельзя!.. – крикнул Антон Семенович, стоя на трибуне, достал из кармана свечу и зажег ее.

Поднялся шум, многие кинулись к дверям, словно в зале начинался пожар. В этой сутолоке незаметно исчез и “придворный поэт”.

Юрий Сопов. Артур Рембо. Поэма. Автограф
(РГАЛИ. Ф. 1346. Оп. 1. Ед. хр. 378. Л. 1)
Yuri Sopov. Arthur Rimbaud. Poem. Autograph
(RGALI, 1346-1-378, sheet 1)

Полный текст поэмы Сопова сохранился среди материалов различного происхождения в виде автографа синими чернилами, на трех листах с оборотами ⁶.

Об этом скандале в газетах не появилось ни строчки; заметка в хронике сообщала: «Ю. Сопов погиб при исполнении служебных обязанностей...» [Урманов, 1965, с. 165]. «Придворным поэтом» мемуарист называет С. А. Ауслендера, который никогда не выступал как поэт (что усугубляет ироничность прозвища); стихотворные вставки в его произведениях неизменно писали другие авторы, от М. А. Кузмина до Н. Я. Шестакова.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1346 (Стихотворения разных авторов). Оп. 1. Ед. хр. 378.

Первый лист украшен перерисовкой портрета французского поэта работы Феликса Валлотона из «Книги масок» Реми де Гурмона [Gourmont, 1896, p. 160; русск. пер.: Гурмон, 1913, с. 168].

История жизни и творчества Артюра Рембо (1854–1891) спровоцировала множество легенд и повлияла на европейскую культуру XX в. не меньше, чем литературное новаторство поэта. «Миф о Рембо», как его определит в 1952 г. Рене Этьембль [Etiemble, 1952], начал складываться еще в 1890-е гг., но окончательно кристаллизовался к середине XX в. Ключевым фактором мифологизации стала загадка внезапного разрыва молодого гения с литературным миром, породившая бесконечный поток интерпретаций (см.: [Панова, 2005]).

А Р Т Ю Р Ъ Р Е М Б О

Жань-Николай-Артюр Рембо родился в Шарлевиль 20 октября 1854 г. Сь самага ранняго дѣтства онъ заявилъ себя несноснымъ сорванцомъ. Его краткое пребываніе въ Парижѣ относится къ 1870—71 году. Онъ послѣдовалъ за Верленомъ сначала въ Англію, затѣмъ въ Бельгію. Послѣ какого-то незначительнаго недоразумѣнія, разлучившаго ихъ, Рембо объѣхалъ свѣтъ, занимался разнообразными ремеслами, служилъ солдатомъ въ голландской арміи, контролеромъ стокгольмскаго цирка Loisset, антрепренеромъ на островѣ Кипрѣ, неогціантомъ въ Харрарѣ. Затѣмъ онъ очутился на мысѣ Гвардафу въ Африкѣ, гдѣ одинъ изъ друзей Витторіо Пика видѣлъ его занимающимся продажей кожъ. Презирая все, что не относится къ грубымъ наслажденіямъ и дикимъ авантюрамъ буйной жизни, столь непохожей на всѣхъ другихъ, онъ добровольно отказался въ эти годы отъ поэзіи. Въ его сборникѣ „Le Reliquaire“ не найдется ни одного подлиннаго стихотворенія, написаннаго позднѣе 1873, хотя онъ умеръ только въ концѣ 1891. Его ранніе стихи слабы, но уже сь 17 лѣтъ онъ начинаетъ проявлять ори-

68

Гурмон Р. Книга масок. Рис. Ф. Валлотона.
[СПб.], 1913, с. 68

Gourmont R. de. The Book of Masks, ill. by F. Vallotton.
[St. Petersburg], 1913, p. 68

В поэме Юрия Сопова отклик на темы и вопросы, которые транслировала французская литература и критика в начале века, и в самом деле сочетается с глубоко индивидуальной интерпретацией универсального сюжета о судьбе поэта.

Воспроизводится каркас лейтмотивов, связанных с биографической стороной мифа о Рембо: явление гениального ребенка, стремительно и трагически развивавшиеся отношения с Полем Верленом, внезапный разрыв с литературой и отъезд в Африку. Ряд деталей позволяет делать вывод о достаточно точном знакомстве Сопова с биографическими фактами, а не только с отголосками легенды, поэтому многочисленные места поэмы, где он предпочитает фантазию (например, в географии африканских путешествий Рембо), скорее всего, следует считать осознанным выбором.

Источников информации о жизни Рембо к 1919 г. было еще сравнительно немного. Большая часть важнейших мемуаров (сестры поэта Изабель Рембо, его друга Эрнеста Делаэ и учителя Жоржа Изамбара) будет опубликована позже. Единственным полным жизнеописанием оставалась книга Патерна Берришона (мужа Изабель Рембо) «Жизнь Жана-Артюря Рембо» [Berrichon, 1897]. В 1910-е гг. наследием Рембо продолжали управлять Изабель Рембо и Патерн Берришон: оба приложили массу усилий для публикации текстов и привлечения интереса нового литературного поколения, но также стремились контролировать интерпретации личности Рембо, в частности «реабилитировать» его в глазах католического крыла французской литературы. В 1912 г. новый всплеск интереса к Рембо был отмечен выходом собрания сочинений с предисловием Поля Клоделя и рядом публикаций в ведущем парижском литературном журнале «La Nouvelle Revue Française», включая воспоминания, фрагменты переписки и программную статью редактора журнала Жака Ривьера. Именно в это время Рембо из маргинальной фигуры истории французского символизма окончательно превращается в мифологизированного *абсолютного поэта*.

В России 1910-х гг. Рембо был известен хуже других французских авторов, причисленных к символистам: публиковались лишь несколько стихотворений в переводах Валерия Брюсова, Иннокентия Анненского и Бенедикта Лившица, часть книги стихотворений в прозе «Озарения» в переводе Федора Сологуба. Однако, по свидетельствам Лившица, Рембо был значимым именем для русских футуристов [Лившиц, 1933, с. 25–26, 144, 151, 162, 227].

Примечательно, что текст Юрия Сопова полностью переворачивает общепринятые коннотации психологического портрета Рембо. Артюрь Рембо во всех воспоминаниях и критических статьях предстает, несмотря на юный возраст, фигурой сильной, независимой и уверенной. Мечтательный влюбленный меланхолик Сопова кардинально противоречит как образу, известному по мемуарам, так и лирическому голосу самого Рембо, для которого характерны жесткая ирония, провокационность и парадоксальность. Трудно предположить случайность такой подмены: вероятнее, что в поэме на рождающийся французский миф вокруг Рембо накладывается личная авторская мифология идеального поэта. Вместе с тем, приписывая Рембо в последней части поэмы роль точки отсчета для современных поэтов и надежды Франции, Сопов интуитивно совпадает с декларациями широкого спектра лидеров французского модернизма – от католического визионера Поля Клоделя до вождя сюрреалистов Андре Бретона – нашедших именно в Рембо пророка нового искусства.

Леонид Мартынов и Сергей Орлов. Омск, 1921
(Личный архив Л. Н. Мартынова)
Leonid Martynov and Sergei Orlov. Omsk, 1921
(Personal archive of L. N. Martynov)

В художественном языке поэмы нельзя усмотреть заметного влияния Рембо, а некоторые мотивы могут отсылать скорее к поэтике Верлена, особенно к сборнику «Давно и недавно» («*Jadis et naguère*», 1884): музыка и пение, усталость, блуждание по городу, персонажи комедии масок. В целом отсылки к французской декадентской культуре у Сопова типичны для их русской рецепции: наиболее оригинальна здесь полубиографическая, полужанровая интерпретация Рембо, добавляющая необычную грань к общеевропейскому культурному мифу.

Коломбина и Пьеро, выступающий в поэме Сопова «дублером» Артюра Рембо, – персонажи итальянской комедии дель арте, возрождение интереса к которой связано с декадентскими течениями во французской литературе рубежа веков. В сборнике «Галантные празднества» («*Fêtes galantes*», 1869, написан до встречи с Рембо) Верлен возводит «маски» не столько к итальянской комедии, сколько к картинам Антуана Ватто и мифологии «галантного» XVIII века. Комические персонажи превращаются в тени, призрачные отголоски давно утраченного мира. Коломбина встречается в двух стихотворениях Верлена – «Пантомима» («*Pantomime*») и «Коломбина» («*Colombine*») – в традиционной ипостаси ветреной девушки, ускользающего объекта желания. Для Рембо эти темы совершенно нехарактерны; нет в его поэзии и постоянного лирического адресата, героини «грез», напоминающей скорее о поэзии русских символистов⁷. Это дает нам повод вер-

⁷ В комментариях к сохранившемуся фрагменту «кукольной комедии» Маслова «Пьеро» [Маслов, 2020, с. 75–76] говорится: «Единственный известный фрагмент из “драматической миниатюры Георгия Маслова”, “написанной для театра марионеток” и под названием “Арлекин и сибирячка” анонсированной для показа на собрании омского литературно-художественного кружка 17 мая 1919 г. (Омский день. В литературно-художественном кружке // Заря. 1919. № 94. 7 мая. С. 3). Совершенно очевидно, что для этого же нестан-

нуться к омским, сибирским контекстам поэмы; отголоски столичных литературных веяний, от Александра Блока до Петра Потемкина, были здесь весьма отчетливы.

Среди хранившихся в личном архиве Леонида Мартынова стихотворений поэта Николая Калмыкова (1904–1922), участника «Червонной тройки», рано погибшего при невыясненных обстоятельствах, есть явно находящиеся в «силовом поле» поэмы Сопова:

В HOTEL'е «ПОД ЛУНОЙ»⁸
*a la Rimbaud*⁹

В hotel'е «Под Луной» на улице старинной
Есть полусон мечты над бархатом небес
Над крышей с чердаком в печали беспричинной
Кривится диск луны в предчувствии чудес.

С колоннами крыльцо и постоянно-сонный
Задумчивый швейцар в ливрее всех тонов.
Прохладный вестибюль, две каменных колонны
И лестница вверх к виденьям лунных снов.

Как сладко отдохнуть от суеты вокзальной,
От шума площадей и сутолки людской
Смотря на небосвод такой спокойно-дальний,
В мансарде-чердаке hotel'я «Под Луной».

Какой-то астролог за ближнею стеною
Открыл тяжелый <том> и что-то стал писать.
И звезды в небесах осеннею гурьбою
Над бледною луной вдруг стали хохотать.

дартного набора кукол (не только Пьеро, Арлекин и Коломбина, но и Сибирячка, Городовой и упоминаемый в масловском тексте Спекулянт) написана и “кукольная комедия” Н. М. Подгоричани “Увы!” (см.: *Подгоричани Нина, гр. Четки из ладана; Шахматные стихи.* М., 2015. С. 173–196; ПБС <Поэзия Белой столицы: Стихи поэтов Омска, 1918–1919. Тобольск, 2016>. С. 231–249). Однако никаких данных о постановке этих пьес нет. Ср. упоминание о поэтических “импровизациях-состязаниях” у А. С. Сорокина: “Л. Мартынова – Н. Калмыкова (того самого, о котором Л. Мартынов вспоминал как о самом талантливом среди творческой молодежи города), Н. Подгоричани – Л. Мартынова и т. д. В первом случае тема: Пьеро (интеллигент, художник) и гражданская война в России. В результате у Л. Мартынова – известный цикл ‘Мулен Руж’, где, в частности: Пьерро, Пьерро, манерный плакса...” (*Шенелева В. Архивные странички // Вестник культуры: Пресс-бюллетень [Омское отделение Советского фонда культуры; Омская обл. писательская организация, Омское бюро пропаганды художественной литературы].* 1991. № 1. С. 6). Возможно, результатом подобного же поэтического состязания стали также пьесы Маслова и Подгоричани (с общими персонажами и сходными сюжетами – чай с водкой и пельменями, невеста-смерть)» [Там же, с. 122]. Можно заподозрить и взаимосвязь между утраченной «Поэмой о каблучках» Сопова и ст-нием Подгоричани «Мои ноги» (*Подгоричани Нина, гр. Указ. соч., с. 125*).

⁸ В фонде А. С. Сорокина сохранился вариант этого стихотворения: ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 632. Л. 39. Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации в цитируемых текстах сохранены.

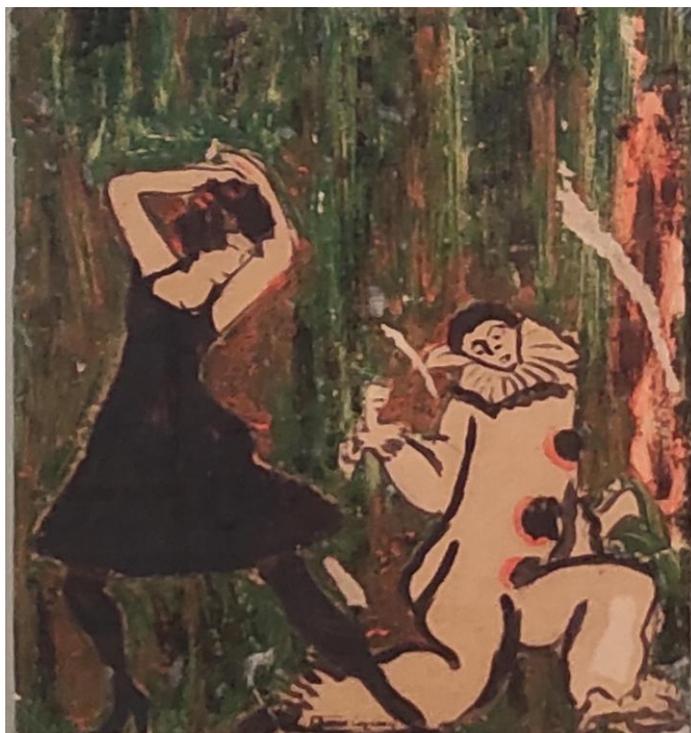
⁹ По-французски правильно было бы: *à la manière de Rimbaud*.

Кривился диск луны страдая мрачным сплином,
И начал уж терять свой бледно-желтый свет
Как мимо пронеслась расцвеченным павлином
Комета, – в небесах оставив легкий след.

Вот на листе совсем смешались впечатленья
Забылся астролог, склонившись над столом
И к полночи летят прозрачные мгновенья
Нортоновских часов на столике ночном.

Июня-июля 1919

[Омский литературный авангард..., 2021, с. 161].

Леонид Мартынов. Танцовщица и Пьеро. Бумага, гуашь, масло, графитный карандаш. Начало 1920-х гг. (работа экспонировалась на выставке: «В БУДУЩЕЕ ПРЫЖОК! “Червоная тройка”. К 100-летию художественного объединения», Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, 14 апреля – 4 июля 2021 г.)

Leonid Martynov. Dancer and Pierrot. Gouache, oil, lead pencil on paper. Early 1920s (The work was exhibited at the exhibition: “*JUMP INTO THE FUTURE!* “Chervonnaya Troika”. To the 100th anniversary of the artistic association”, Omsk Regional Museum of Fine Arts named after M. A. Vrubel, April 14 – July 4, 2021)

Стихотворение имитирует не поэтику Рембо, а характерный мотивный ряд более известного русским читателям круга французских поэтов, в первую очередь Бодлера и Верлена. На это указывают «лунная» доминанта, «сплин», искусственный городской ландшафт, напоминающие о «чердачном Париже» и образе Рембо, смотрящего в поэме Юрия Сопова «с голубого небесного полога». Хотя Рембо действительно некоторое время жил в Париже в мансарде, это скорее типичное представление о богемной жизни конца века. Можно предположить, что ассоциации Рембо с чердаком, городской меланхолией, луной и мечтами восходят к памяти о соповской поэме.

Сочетание «беспричинная печаль» встречается в стихотворении В. Брюсова «У моря», а «сердца печаль без причин» – в брюсовском переводе стихотворения Верлена «Небо над городом плачет» («Il pleure dans mon coeur...»), которому в оригинале предпослан эпитафия из Рембо. В поэтическом «Посвящении Леониду Мартынову» Калмыкова (1920) есть строфа:

Он декламирует Вийона,
Рембо, Верлена и себя
В нестройном гомоне притона
Сумбур любя и не любя
[Омский литературный авангард..., 2021, с. 164].

В стихотворении Калмыкова «Из «Оснеженных эшелонов»» (без даты) Пьеро становится беженцем:

Уснул, согрившись на диване,
Забавный беженец Пьеро.
Стол, чай, недопитый в стакане
И недоеденный пирог.

Лежит английская фуражка,
Шинель на стуле у дверей
Свою же выданную шашку
Сломал и бросил в снег аллеи.

По-видимому, он скрывался
От тех, кто любит красный цвет
Костюм на нем весь истрепался
И на груди помпонов нет.

Он постучался скромно в двери
Спросил – позволят ли войти?
Рассказывал, что за потери
Ему пришлось перенести.

Упомянул о Коломбине,
В каком он эшелоне был...
И жалобно в трубе камина
Подслушивая ветер выл
[Там же, с. 176].

Внимание к французским «проклятым поэтам» отличало и стихи родного брата Леонида Мартынова, Николая Николаевича Мартынова (1899–1966), выступавшего в литературе под псевдонимом «Николай Семенов», у которого были,

например, «Подражательные стихи. В стиле Бодлера» (1921–1922) [Там же, с. 193–196]. В предисловии к собранию произведений омского литературного авангарда начала 1920-х гг. Ю. П. Зародова и И. Г. Девятьярова отметили: «“Начитанные мальчики” и “просвещенные гимназисты”, как называл себя и своих друзей Леонид Мартынов, были хорошо знакомы с современной русской и зарубежной литературой. В круг их чтения, помимо классической литературы, входили К. Д. Бальмонт, Д. С. Мережковский, А. А. Блок, Л. Н. Андреев, П. Верлен, А. Рембо, Ш. Бодлер, С. Малларме и многие другие» [Там же, с. 5].

Имя Сопова в 1926–1927 гг. дважды упомянул Владимир Зазубрин: в докладе «Сибирская литература 1917–<19>26 г. г.», произнесенном на I Съезде сибирских писателей (21–24 марта 1926 г.)?, и в журнале «Сибирские огни». В опубликованной версии доклада, подписанной к печати 7 июня 1927 г. [Маслов, 2020, с. 312], пассаж о белогвардейских поэтах выглядел так:

В колчаковщину в Омске появилась группа поэтов с «направлением». Группа воспевала белое движение. Во главе ее стояли поэты: Ю. Сопов, Г. Маслов, Шестаков и др.¹⁰ Эти поэты писали о Ленине, как о горилле, Колчака же воспевали, как спасителя отечества.

Ю. Сопов погиб во время взрыва во дворе дома Колчака. Поэт стоял часовым у дворца сибирского диктатора. Гибель Ю. Сопова своего рода символ. Горе связавшим судьбу свою с судьбой уходящего, отживающего класса! (Художественная литература в Сибири (1922–1927): Сб. ст. и докл. Новосибирск, 1927, с. 12; цит. по: [Маслов, 2020, с. 312]).

В журнале:

Максимальное развитие борьбы поэтических направлений, которое относится к <19>18–<19>19 годам, через фронты гражданской войны почти не дошло до Сибири. Хотя некоторые негромкие отзвуки происходящего в центре были и здесь. <...> В основной же своей массе писатели в Сибири дрались с оружием в руках, не в переносном, а в прямом смысле этого слова. Скажем, поэт Ю. Сопов стоял с винтовкой на той стороне – с белыми, а поэт А. Оленич-Гнененко – стоял с винтовкой в нашем красном лагере. Так что здесь шел вопрос о борьбе классов, о борьбе политической, о гражданской войне, а не о борьбе поэтических направлений [Зазубрин, 1927, с. 183].

В архивном фонде Антона Сорокина сохранилась статья Леонида Мартынова «Поэты в стане Колчака», скорее всего, задуманная как отповедь Зазубрину¹¹.

¹⁰ В комментарии отмечено: «С незначительными изменениями этот текст вошел в подпункт «Литература и литературные организации (Послеоктябрьский период)» статьи «Литература сибирская» региональной энциклопедии, ср.: «В период колчаковщины в Омске возникла группа писателей (Ю. Сопов, Г. Маслов, Н. Шестаков и др.), ‘воспевавшая’ белый террор Колчака» (Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3. Стлб. 191) [Маслов, 2020, с. 313].

¹¹ «ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 217. Л. 1–6. Машинопись, справа сверху графитным карандашом “№ 217”. На картонной обложке дела ошибочная надпись рукой архивиста “А. Сорокин. Поэты в стане Колчака”. Без даты (не позднее марта 1928 г., когда умер А. С. Сорокин, в чьих бумагах этот текст отложился); скорее всего, это и есть текст той статьи, которую Мартынов готовил “для опубликования в журнале ‘Сибирские огни’ и которая должна была явиться ответом на тезис Зазубрина”, а приводимые в ней стихи и составили “Альманах мертвецов» [Маслов, 2020, с. 337].

Посвященный Сопову раздел, хоть и содержал положенную идеологическую оценку¹², был озаглавлен словами из его «Артюра Рембо» (гл. XI):

В НОВЕНЬКОЙ ФОРМЕ ПОРУЧИКА

В лице Г. Маслова мы имели классика, любителя старинных пиитик, мыслящего о своем пребывании в стане Колчака, как об изгнании. Характерен для своего времени декадентский монашек-расстрига Игорь Славнин. Но ни тот ни другой не показали себя отъявленными реакционерами, как Юрий Сопов. <...>

В своей поэме «Артюра Рембо» Сопов воскрешает Рембо за тем, чтоб поставить и его в ряды «защитников родины»:

Неужели вы трусили, безумный мечтатель.
Неужели вы можете умереть рабом.
Покинув родину – подлей, чем предатель.
Артюра Рембо Артюра Рембо.
Нет, я Вас вижу в дыму окопов
С бомбой в руке, молодым и смеющимся,
А струйки крови текут потоком
По Вашей новенькой форме поручика.

Нужно ли говорить, что Рембо Сопова мало схож с настоящим. Одеть Артюра Рембо, коммунара, анархиста, отрицавшего всю современную культуру, в новенькую форму поручика трудно. Рембо поэта, новатора Сопов как бы не видел. Он видел:

Лицо порочного ангела
А рот зовет и воровит.
Туманы призрачной Англии
Легли на матовой коже...

Он видел, как

Маленькие рабыни с глазами агатовыми
Целовали ноги Рембо...

Таков был Юрий Сопов – истинный реакционер, молодой поэт в новенькой форме поручика. Он умер от случайного взрыва гранаты во дворе казармы [Маслов, 2020, с. 336–337].

В очерке «Литература в Омске за 10 лет» (Рабочий путь (Омск). 1927, № 256 (1906), 7 нояб., с. 8, подпись: «Л. М.») Мартынов называет Сопова в ряду литераторов, причастных к созданию «Цеха пролетарских писателей»¹³ и газеты «Согры» (Вс. Иванов, А. Сорокин) (см.: [Маслов, 2020, с. 329]). В очерке «Отставшие» (Рабочий путь (Омск), 1927, № 76 (1726), 3 апр., с. 5) имя Сопова не встречается, а в опубликованной два года спустя «самостоятельной редакции» [Маслов, 2020, с. 346] «Поэтов в стане Колчака» (Рабочий путь (Омск), 1929, № 11 (2264), 13 янв., с. 4, подпись: «Л. М.») посвященная Сопову короткая глава была названа по-другому и содержала еще более решительную «политическую оценку» поэта:

¹² Тема «Георгий Маслов и Леонид Мартынов» освещена в статье: [Девятыхрова, 2020].

¹³ Об истории отношений Сопова и «Цеха...» см.: [Штырбул, 2017].

ЧЕРНЫЙ ГУСАР

Юрий Сопов имел наиболее резко выраженную политическую физиономию. Это наиболее убежденный и последовательный реакционер из всей группы колчаковских поэтов.

Сопову даже

«...зеленые листья казались мятежниками,
Пережившими своих королей».

Он не воспевал крестов на чужих шинелях. Он сам участвует в битве и пишет о ней.

Атаман Анненков мог похвастать тем, что у него имеется собственный трубадур:

«Ах! На бархатном черном погоне
Белый череп виден так четко».

Сопов звал к победе над большевиками:

«Вас, в бессмертье влюбленные
Зову в золотую Москву.
Вставайте, рыцари нежности,
Противники злобы слепой,
Божьим мечом над мятежниками
Божьим мечом над толпой!»

Из всех колчаковских поэтов один только Сопов воинствует. А Маслов – интеллигент, лишенный любимых книг, и Славнин – бедный монашек-расстрига, воспевали белое движение весьма плаксивыми голосами. Это враги, с которыми не борются, – их просто отбрасывают (цит. по: [Маслов, 2020, с. 345–346]).

Сопов фигурирует в показаниях по делу «Сибирской бригады» (1932) поэта Евгения Забелина:

Особо хочу остановиться на «Альманахе мертвецов». Это тетрадь в 30–40 стр., на которой наклеены вырезки стихов колчаковских поэтов (Ю. Сопова, Г. Маслова и др.).

Эти стихи собрал Мартынов и привез в Москву. На группу приносил их Марков и читал стихи. Явно контрреволюционные, написанные сочным языком, производили сильное впечатление, подогревали нас. Многие из прочитанных стихов смаковались. Стихи эти читались для возрождения памяти Колчака и колчаковщины. Нужно добавить, что стихи эти печатались в газетах – яркие, враждебные к советской власти и большевикам, которые в стихах назывались «белыми гориллами».

Эти стихи давали нам к.<онтр-р.>.<еволюционную> пищу [Растерзанные тени, 1995, с. 86].

Леонид Мартынов переводил Рембо, упоминал его имя в стихах и прозе, и, как кажется, за этими упоминаниями всякий раз стоит «тень» «истинного реакционера» Юрия Сопова, память о его трагической судьбе и поэзии, которую младший поэт, несомненно, ценил, несмотря на приспособленные к условиям советской печати оценки. Перевод «Гласных» Мартынов включил в свою книгу «Эрцинский

лес» (1946)¹⁴, неоднократно публиковал варианты перевода «Пьяного корабля» (1964, 1974, 1976, 1977). Работа над переводами Рембо стала в его творческой лаборатории предметом специальной рефлексии (новелла «К проблеме перевода», стихотворения «Признание», «Проблема перевода», «Пересказ, или Как я перевел «Пьяный корабль» Рембо»).

В мемуарной новелле «К проблеме перевода» внимание к поэзии и личности Рембо объяснено в рамках советской системы ценностей, однако, судя по тому, что поэт упоминает о своем пятнадцатилетнем возрасте, работа над переводом «Гласных» и стихотворение «Признание» относятся к 1920 г. – самому началу литературного пути Мартынова. Но нет сомнений, что оставшиеся неупомянутыми Сопов и его поэма к этому времени были ему знакомы.

Для меня он <<Интернационал>> звучал так, как будто бы его пели бородатые парижские коммунары, среди которых <...> находился и бородатый Поль Верлен, а следовательно, и Артюрь Рембо! Конечно же, я воспринимал, осваивал историю революционного движения не столько через труды Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина, сколько через творения гораздо более близких для моего понимания поэтов, ближайшим из которых мне был Артюрь Рембо, в сущности, такой же мальчик, подросток, как и я. Тот самый Артюрь Рембо, с внешним и творческим обликом которого я был, конечно, знаком и раньше, по книжкам, журналам, по разговорам старшеклассников. Но если для меня, десятилетнего, Рембо был недостижимо взрослым, то, став пятнадцатилетним, я как бы сравнялся с ним, и не было ничего удивительного в том, что однажды я и сделал попытку перевести одно из самых знаменитых его стихотворений – «Гласные».

А – черно, Е – бело, У – зеленое, И – ярко-красное,
О – небесного цвета! Вот так, что ни день, что ни час
Ваши скрытые свойства беру я на вкус и на глаз,
Вас на цвет и на запах я пробую, гласные! –

так начал я. Но как ни бился, дело не пошло дальше, и, вместо того чтобы перевести весь знаменитый сонет, я написал:

Эфиоп ему подал письмо. Адрес был: Эфиопия,
Ставка Негуса, господину Артюрю Рембо.
Разрывая конверт, он подумал: давно уже не был в Европе я.
Это почерк Верлена!

Прочел он:
Все ждут твоего возвращения назад.
Жду и я, и надеюсь, что жду не напрасно я.
Ты ушел, как изгнанник, вернешься дорогой побед.
Твой сонет, – ты, наверно, его не забыл еще, – «Гласные»,
В символ веры своей превратили теперь символисты¹⁵.
Он вспомнил сонет:
А – черно, Е – бело, У – зеленое, И – ярко-красное...

¹⁴ В постановлении бюро обкома ВКП(б) «О работе Омского областного государственного издательства» говорилось: «Вредными, тенденциозными являются переводы Мартынова иностранных поэтов средневековья (Франсуа Виллона, Артура Рембо, Пьера Ронсара и др.)» [Сизов, 2001, с. 57].

¹⁵ Полный текст этого стихотворения («Признание») был напечатан лишь после смерти автора (День Поэзии 1984. М.: Сов. писатель, 1985. С. 65).

* * *

И к чему ни прислушайся—все перепев...
Да, мой перепел, ты и себя перепел.
Но однажды, от радости оторопев,
Ты особую ноту поставил в пробел.

Ту, наверное, что остальным вопреки...
Но, мой перепел, я тебя не попрекну
Переломом мотива, крушением строки,
Несуразицу всю не поставлю в вину.

Пусть та нота—какая-то вовсе не та,
Да, мой перепел, дуй в нее, как стеклодув,
А когда не по горлу тебе высота,
Раздери клочкотаньем разинутый клюв.

* * *

Всю ночь сегодня буря выла
И море зимнее бесилось.
И оттого так смутно было,
И думал я про нашу сирость.

Неужто есть конец, начало,
Но в мире—нам подобных нету?
И оттого так страшно стало
За одинокую планету.

А утром волны отрывали,
Снега от солнца заблестали.
И оттого так беспечальны
Мне дни грядущие предстали.

Леонид Мартынов
1905—1980

ПРИЗНАНИЕ

Эфиоп ему подал письмо.
Адрес был:
Эфиопия.
Ставка негуса.
Господину Артюру Рембо.
Разрывая конверт, он подумал:
— Давно уже не был в Европе я.
Это почерк Верлена.—
Прочел он:
— Все ждут твоего
возвращения назад. Жду и я
и надеюсь, что жду не нап-
расно я. Ты ушел как изг-
нанник, вернешься тро-
пою побед. Твой сонет—
ты, надеюсь, еще не забыл
его: «Гласные» — в символ веры
своей молодежь превратила.—
Он вспомнил сонет:
«А — черно, Е — бело. У — зеленое,
И — ярко-
красное,

О — небесного цвета. Вот, что ни день,
что ни час,
Ваши скрытые свойства беру я на
вкус и на глаз,
Вас на цвет и на запах я пробую,
гласные!»

А! Признание пришло наконец. Или,
может быть, просто я
Издевался над вами, парнасцы, нахальный
юнец,
Раздражая вас детским своим букварем, где
картинки бессмысленно пестрые,
Но, быть может, и верно я звуки ковал
как кузнец,
Раскаляя их добела, докрасна. Все может
быть, но давно притупилось перо мое острое.
Вы добились того, что теперь я купец и
скупец,
И нетрудно понять вам теперь, до чего
на душе у Рембо черно,
И чернилами черными четко теперь я строчу
озабоченно.
Все черно: а черно, е черно, у черно, и черно,
о черно.
Раскаленные добела, докрасна, чувства
остыли мои,
Будто нет мне и дела, что
в Вечность надежно вколочены
Эти белые е
И лазурные о
И зеленые у
И пронзительно красные и!

Леонид Мартынов

Страница из ежегодника «День Поэзии 1984» (М.: Советский писатель, 1985)
с публикацией стихотворения Леонида Мартынова «Признание» <1920–1923?>
A page from the yearbook «Poetry Day 1984» (Moscow: Soviet writer, 1985)
with the publication of the Leonid Martynov's poem «Recognition» <1920–1923?>

Это стихотворение, не вызвавшее особенных откликов, я напечатал много спустя в книжке «Эрцинский лес». А сонета так и не закончив, я вознамерился перевести заново основную, коронную вещь Артюра Рембо – «Пьяный корабль». Тут было всё: попытка просто внести точность в известный мне, далеко не точный перевод Эльснера, попытка объяснить судьбу Рембо и сущность его творчества, которое, не помню уже с чьей тяжелой руки, было объявлено упадочным, декадентским. И, наконец, попытка внести поправку в высказывания моего друга Вивиана Итина, провозгласившего меня только лишь всего-навсего сибирским Джеком Лондоном¹⁶. Я не был против этого, но мне этого казалось мало, – я считал себя, и не безосновательно, причастным не только к уитмено-демократической, но и ко всей европейской культуре. Словом, как бы то ни было, но я взялся за фантазмагорический «Пьяный корабль» Рембо.

Однако работа моя вскоре оказалась прерванной не чем иным, как приближением японского землетрясения¹⁷ [Мартынов, 1977, т. 3, с. 354–355].

В литературных боях.
Сибирские Руслан и Черномор
[Владимир Зазубрин и Леонид Мартынов].
Шарж художника Пятнова <?>
из журнала «Сибирская язва»
(Красноярск, 1927, № 2/3, с. 9)
In The Literary Battles.
Siberian Ruslan and Chernomor
[Vladimir Zazubrin and Leonid Martynov].
Caricature of the artist Pyatkov
from the magazine “Siberian plague”
(Krasnoyarsk, 1927, no. 2/3, p. 9)

¹⁶ Имеется в виду статья В. А. Итина «Новый Джек (О Л. Мартынове)», напечатанная в омской газете «Рабочий путь» 23 апреля 1927 г.

¹⁷ Речь идет о Великом землетрясении Канто, случившемся 1 сентября 1923 г.

Вениамин Ромов (Романов).
Шарж на Леонида Мартынова из газеты «Советская Сибирь»
(1927, № 42 [2183], 20 февр., с. 3)
Veniamin Romov (Romanov).
Caricature of Leonid Martynov from the newspaper "Soviet Siberia"
(1927, No. 42 [2183], February 20, p. 3)

В новелле «Полиглот» – хоть комически поданное, но вполне отчетливое самоотожествление с образом французского поэта. Мартынов вспоминает о редакторе-герое новеллы, И. Б. Ховесом, журнале:

...Ховес неожиданно исчез из Новосибирска. Было сказано, что он куда-то переведен, и, пока мы гадали, куда переведен Ховес – в Москву или на Дальний Восток, вдруг однажды я получил бандероль из Красноярска. Этой бандеролью пришел юмористический журнал «Крокодил». Ведь были же такие времена: юмористический журнал в Красноярске! И в этом журнале был целый разворот иллюстрированных стихотворных пародий некоего Тома Сойера. Одна из них прекрасно имитировала стиль Вани Ерошина. <...> И, наконец, под прекрасным моим портретом, на котором я был изображен Артюром Рембо в ковбойке, и под эпитафией, строкой из моего стихотворения «Братья мои мартины кружатся над водой...», было напечатано следующее: <...> [Мартынов, 2008, с. 530].

Скорее намеренно, чем случайно, Мартынов объединил в этом пассаже два разных шаржа. В своей речи во время круглого стола «пострадавших» от пародистов поэтов «Над кем смеетесь?» в 1973 г. он и правильно назвал красноярский журнал («Сибирская язва»), и сообщил, что автором подписанного «Томом Сойером» бурлеска был сам Исаак Ховес.

Приложение 1

Артюре Рембо Поэма

Юрий Сопов.
24/III – 1/IV Омск

I

Я расскажу Вам сказку,
Больную, усталую сказку
Об Артюре Рембо.

Лицо порочного ангела ¹⁸,
А рот зовет и ворожит.
Туманы призрачной Англии ¹⁹
Легли на матовой коже.

¹⁸ «Ангелические» свойства – общее место всех рассуждений о Рембо: Верлен в книге «Проклятые поэты» писал о лице «ангела в изгнании» (это наиболее вероятный источник для Сопова), Клодель – об «ангеле из Шарлевиля», Жак Ривьер – о Рембо как «ужасном вестнике», сверхчеловеческом совершенном существе.

¹⁹ Поездка в Лондон летом 1873 г. сыграла роковую роль в истории Верлена и Рембо – начавшаяся именно здесь ссора закончилась в Брюсселе выстрелом Верлена, который будет арестован и проведет год в тюрьме. Вернувшись во Францию, Рембо написал «Лето в аду» («Une saison en enfer»).

Большие глаза с ресницами
Как черные звезды с лучами.
Стихи изумрудными птицами
Прилетали к нему ночами.

И пели странные песенки
С капризным, нервным, напевом,
А феи по шелковым лесенкам
Уводили его к королевам.

И это начало сказки
И в этом, пожалуй, вся сказка
Об Артюре Рембо.

II

Маленький, робкий мальчик
Видел во сне свою грезу
И так началась любовь
Коломбины и Артюра Рембо.

Маленький, робкий мальчик
Был стыдлив, как мимоза.
Маленький, робкий мальчик
Назывался Артюром Рембо.

Пятнадцатилетний подросток
Смотрел по ночам на звезды,
Видел глаза Коломбины
В звездах Артюра Рембо.

Пятнадцати-летний подросток²⁰
Мечтал не по детски серьезно.
Пятнадцати-летний подросток
Был Артюром Рембо.

Надменно-мечтательный юноша
Полюбил звуковые изменения,
Рубиновый смех Коломбины²¹
Звучал в них Артюру Рембо.

²⁰ Рембо писал стихи с 11 лет, но возрастом начала его поэтической карьеры действительно стало 15-летие. В течение 1870 г. он выигрывает школьный литературный конкурс, заводит переписку с лидером парнасской школы Теодором де Банвилем, впервые бежит в Париж – и создает ряд своих главных произведений.

²¹ В сонете Рембо «Гласные» (*Les Voyelles*) красный цвет приписывается «И», а в перечислении ассоциаций есть «смех прекрасных губ» («rire des lèvres belles»). (Однако эпитет «рубиновый», как и «изумрудные» выше, чужд и его, и верленовскому лексикону.)

Надменно-заносчивый юноша
Явился к Полю Верлену²².
Надменно-заносчивый юноша сказал:
«Я – Артюрь Рембо».

III

Артюрь Рембо в костюме Пьеро;
Смешной и белый клоун-поэт²³.
У Коломбины – в волосах перо.
У Коломбины – в глазах свет.

Маленькая комнатка – чердачный Париж,
На полу – костюмы; на кровати – тела...
Пьеро, Пьеро, почему ты грустишь?
Пьеро, Пьеро, ты коснулся зла!..

Бьются виски, и горит в груди...
Я искал Коломбину, – нашел швею.
Коломбина ждет: она – впереди;
Иду; ищу Коломбину мою.

²² Здесь текст следует сюжету книги Берришона, который в этой части жизнеописания опускает череду предшествующих литературных знакомств Рембо и концентрируется на Верлене, поселившем Рембо у своих тестя и тещи.

²³ Пьеро, еще один персонаж комедии масок, занимает особое положение во французской традиции. В народной песне «Au clair de la lune», первый куплет которой иногда возводят к XVI в., герой просит у Пьеро перо, чтобы «написать словечко». Текст песни был опубликован в 1866 г. Теофилом Дюмерсаном и мог оказать влияние на символистскую образность, в которой нередки ассоциации Пьеро с ночью, лунным светом, поэзией и эротическими намеками. У Верлена Пьеро появляется не только как абстрактная маска участника «Галантных празднеств», но и как мрачный, напоминающий мертвеца герой стихотворения «Пьеро» в сборнике «Давно и недавно». «Клоун» Пьеро встречается и в прозаическом цикле «Парижские арабески» Ж.-К. Гюисманса. («Stoquis parisiens», 1880) – как нарицательное имя («потасканного пьеро, старого клоуна» [Huysmans, 1905, p. 149]. Зловещие оттенки сюжетов о Пьеро и Коломбине получили распространение благодаря пантомимам парижской труппы «Cercle Funambulesque» (1888–1898), с которой сотрудничали, среди прочих, Гюисманс, Жюль Массне, Сара Бернар, исполнявшая роль Пьеро – в этих версиях часто антигероя и убийцы. «Жуткий» ореол, приписанный декадентами традиционной комедии, мог косвенно повлиять и на решение Сопова привязать Рембо и Верлена к персонажам дель арте. Близок к прочтению Сопова и цикл бельгийского поэта Альбера Жиро «Лунный Пьеро» (Pierrot Lunaire, 1884). Помимо общих декадентских обертонов (усталость, сплин, разбитые мечты), Жиро прямо делает Пьеро альтер эго поэта.

IV

Пьеро, Пьеро, какая страшная у тебя Коломбина,
Артюрь Рембо – какая жуткая тайна у Вас.

Женственно-хрупкий Артюрь Рембо
И похожий на черную гориллу Верлен²⁴;
Кто у кого был рабом?
Кто другого взял в плен?

Поль Верлен и Артюрь Рембо
Злая Коломбина и глупый Пьеро²⁵
Кто для другого был рабом?
Кто разбудил дремавшее зло...

Что их связало общностью уз:
Дружба, любовь... мечта, порок...
Кто погнался за взглядом медуз?
Кто за собою другого увлек?

Пьеро, Пьеро, какую страшную ты нашел Коломбину!
Артюрь Рембо, какая жуткая тайна у Вас!

V

Хорошо войти с холодного бульвара
В освещенный ресторанный зал;
Позабыть об узких тротуарах,
Об уколах ядовитых жал...

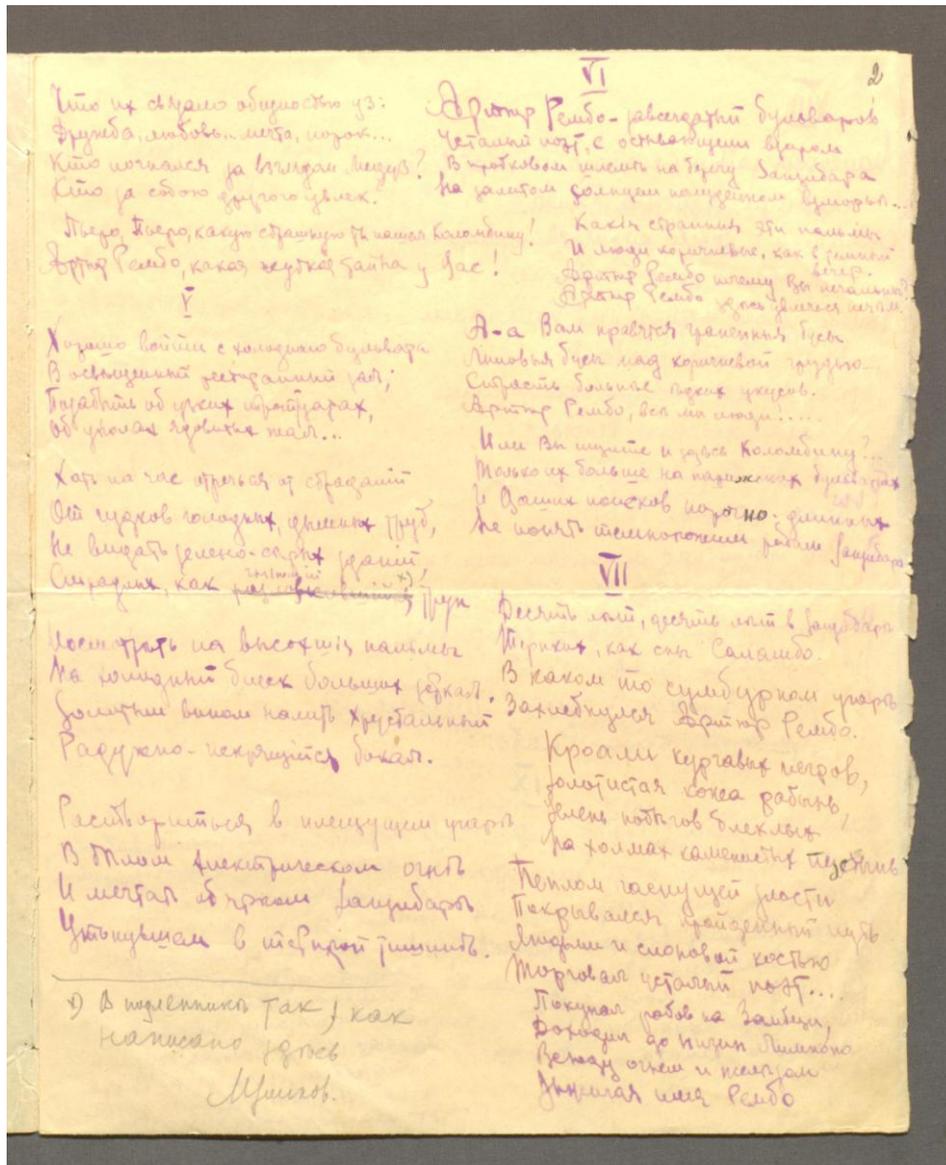
Хоть на час отречься от страданий
От гудков голодных, дымных труб,
Не видать зелено-серых зданий,
Смрадных, как [разложившийся] гниющий²⁶ труп.

Посмотреть на высохшие пальмы,
На холодный блеск больших зеркал.
Золотым вином налить хрустальный
Радужно-искрящийся бокал.

²⁴ Верлена в его окружении считали уродливым, называли «фавном» и «обезьяной», о чем подробно писал в своих воспоминаниях друг поэта Эдмон Лепеллетье [Lepelletier, 1907]. Сам Верлен изображал себя на карикатурных автопортретах огромной человекообразной обезьяной в костюме.

²⁵ Современники единодушно считали «злым» в этой паре Рембо. Даже у Берришона, склонного идеализировать своего героя, жертвой рокового влечения выглядит больше Верлен, замороженный гениальностью и внутренней силой младшего поэта, для которого их отношения лишь один из эпизодов.

²⁶ Карандашом: В подлиннике так, как написано здесь. Л.<> Ушаков <?>. Подробнее о Л. С. Ушакове, в то время редакторе газеты «Пришимье» (Петропавловск), см.: [Левченко, 2020].

Юрий Сопов. Артур Рембо. Поэма. Автограф
(РГАЛИ. Ф. 1346. Оп. 1. Ед. хр. 378. Л. 2)
Yuri Sopov. Arthur Rimbaud. Poem. Autograph
(RGALI. F. 1346. Op. 1. Unit. xr. 378. Sheet 2)

Раствориться в плещущем угаре,
В белом электрическом огне
И мечтать об ярком Занзибаре,
Утонувшем в теплой тишине.

VI

Артюр Рембо – завсегда́тай бульваров,
Усталый поэт, с остывающим взором,

В пробковом шлеме на берегу Занзибара²⁷,
На залитом солнцем полуденном взморье...

Какие странные эти пальмы
И люди коричневые, как в темный вечер.
Артюр Рембо, почему Вы печальны?
Артюр Рембо, здесь увлечься нечем.

А-а, Вам нравятся граненные бусы,
Лиловые бусы над коричневой грудью...
Страсть большая едких укусов.
Артюр Рембо, все мы люди!..

Или Вы ищите и здесь Коломбину?..
Только их больше на парижских бульварах
И Ваших намеков порочно-длинных
Не понять темнокожим рабам Занзибара.

VII

Десять лет, десять лет в Занзибаре,
Терпких, как сны Саламбо²⁸.
В каком-то сумбурном угаре
Захлебнулся Артюр Рембо.

Кроали курчавых негров,
Золотистая кожа рабынь,
Зелень побегов блеклых
На холмах каменистых пустынь.

²⁷ Артюр Рембо прибыл в Африку в конце 1880 г. Большую часть времени он провел на территории Эфиопии и Сомали, в Занзибаре же, согласно Берришону, лишь ненадолго останавливался. Другие африканские топонимы в поэме (Замбези, Лимпопо) тоже не связаны с реалиями жизни Рембо и нацелены лишь на эффекты экзотизма. Можно предположить связь со стихотворением Н. Гумилева «Занзибарские девушки» из цикла «Абиссинские песни» (<1911>), из близких контекстов – вспомнить строки «На литом лиловом луге / Зреют зразы Занзибара» из стихотворения омского поэта Василия Грязнова «Зразы» [Омский литературный авангард..., 2021, с. 239] (отмечено в: [Шепелева, 1994, с. 94]).

²⁸ Главная героиня романа Г. Флобера «Саламбо» – карфагенская жрица богини Танит. В романе нет описаний сновидений Саламбо, но один из ключевых эпизодов начинается с ее пробуждения. Ориенталистская поэтика Флобера повлияла на неоромантический экзотизм, в духе которого написаны африканские части поэмы Сопова.

Пеплом гаснущей злости
Покрывался пройденный путь.
Людьми и слоновой костью
Торговал усталый поэт²⁹...

Покупал рабов на Замбези,
Доводил до низин Лимпопо,
Всюду огнем и железом
Выжигая имя Рембо.

VIII

Маленькие рабыни с глазами агатовыми
Любили Артюра Рембо.
Девушки с кожей коричнево-матовой
Целовали ноги Рембо.
Белый дворец, окруженный пальмами,
Был у Артюра Рембо.
Горели всегда огнями печальными
Глаза Артюра Рембо.
Все в Занзибаре знали страшное
Имя Артюра Рембо.
Дикой грозой над мирными пашнями
Гремело имя Рембо.
Жестокость и кровь набегов карательных
На крыльях славы Рембо.
Но детская нежность, грусть и мечтательность
В душе Артюра Рембо.

IX

Негры сказали: «Рембо умер».
Но это неправда: поэты бессмертны.
Я знаю, он жив в вечернем шуме,
В таинственных вздохах речного ветра.

Это он вечерами синими
Ходит в малиновом зареве...
Ищет свою Коломбину
Лучами заката алого.

В гудении проволок тоскливо влекущем,
В тоске флюгеров на высоких крышах
Его стихов печалью поющих
Больные, усталые напевы слышу.

²⁹ В основном Рембо в Африке торговал оружием. В современных Сопову биографиях не было предположений, что Рембо мог участвовать в работоторговле. (Когда эту гипотезу высказала Энид Старки в 1937 г. [Starkie, 1937], реакции последовали противоречивые, а современные биографы не считают версию доказанной.) Сопов обращается, по-видимому, к общим стереотипам об Африке.

Это он над вечерним городом
Смотрит грустно-серьезно
С голубого небесного полога
Своими глазами звенящими.

Нет, кто полон больших безумий,
Вечны как море, как вздохи ветра.
Я знаю, я знаю: Рембо не умер,
Это неправда: поэты бессмертны.

X

Кто сказал, что Пьеро надевает френчи?..
Кто видел Пьеро в галифэ?
Он всегда красив и застенчив,
Как стекла большого кафэ.

В эти четыре кровавых года
Было столько усталых Пьеро ³⁰,
Что от слез потемнели восходы,
Смешались добро и зло.

Но в душе, утомленной борьбой неравной,
Золотые пели смычки.
И горечь Рембо смотрела в глаза мне
Сквозь их большие зрачки.

XI

Гул канонады, как клекот орлиный.
Пламя и дым забавляются танцами.
Пьеро, скорей! Коломбина погибнет...
Артюр Рембо, спасайте Францию.

Неужели Вы струсили, безумный мечтатель?
Неужели вы можете умереть рабом?
Забывший родину подлец, чем предатель!
Артюр Рембо! Артюр Рембо!

Вы здесь! Я Вас вижу в дыму окопов
С бомбой в руке, молодой и смеющийся.
И струйки крови текут потоком
По Вашей новенькой форме поручика ³¹.

³⁰ Помимо общего разрушительного воздействия Первой мировой войны на европейскую литературу, автор может отсылать и к конкретным судьбам выдающихся французских поэтов: в сентябре 1914 г. на поле боя погиб Шарль Пеге, а незадолго до окончания войны, в 1918 г., от испанского гриппа скончался перенесший до этого тяжелое ранение Гийом Аполлинер.

³¹ Образ мертвого молодого солдата с пятнами крови на форме отсылает к стихотворению Рембо «Спящий в ложбине» («Le dormeur du val», 1870).

День темнеет. Врага отбили.
Но кто-то упал с рассеченным лбом.
Неужели же Вас убили,
Милый Артюре Рембо?

XII

Черная кожа спрятала
Седых висков серебро;
Гладкий шлем авиатора,
Как шапочка у Пьеро.

Воротник из белого меха
Походит на большое жабо.
Куда Вы хотите ехать,
Капризный Артюре Рембо?

Черная улица спрятала
Моего Артюра Рембо
И кожаный шлем авиатора
И большое меховое жабо.

Блестит на ресницах иней;
Слезы, снег, серебро.
Не узнал свою Коломбину
Старый, глупый Пьеро.

XIII

Все усталые ищут ласки,
Как искал Коломбину Пьеро...
И в этом конец всей сказки,
И в этом, пожалуй, вся сказка
Об Артюре Рембо.

1/IV 19

г. Омск

Юрий Сопов

Приложение 2

Антон Сорокин

Омск

Я знаю, что в судьбе писателей имеется что-то роковое, Я знаю<, > что мало счастливых писателей в России. Но это роковое тяготеет в особенности над сибирскими писателями. Я не буду Вам говорить о несчастных писателях Сибири. Моя любимая<, > моя некультурная до сих пор родина Сибирь не ценит сибирских

писателей и художников. Сотни имен стерты со страниц книги жизни временем, произведения которых погибли на страницах сибирских газет, забыты те<,> кто черными буквами бисером выплакивал свои заветные мысли, забыты те<,> кто заливал свою тоску вином. Кто мерз в холодных комнатах<,> кто голодал во имя великой человеческой мысли<,> кто нес свои мысли<,> как в чаше драгоценное вино<,> и получал вместо благодарности издевательства пьющих из великой чаши Сибирской литературы.

<Нрзб> им слава и привет от одного из собратьев их<,> Антона Сорокина.

Прежде чем говорить что-либо о погибшем поэте Юрии Сопове<,> я удивлен.

В Сибири не привыкли жалеть писателей, в Сибири не привыкли после смерти писателя издавать его сочинения... Обычно в Сибири было так: старого заслуженного издателя <<Степного края>> Митрича³² хоронили шесть человек<,> и жена его с дочерью служит в кухарках в Харбине. Многочисленные рукописи хранятся неизвестно где.

Поэта<->мечтателя ботаника М. М. Сязова хоронили человек 20<,> и его три ящика рукописей брошены в пыльных амбарах доктора Хохрякова.

Я не буду говорить о Щапове, которого иркутские заморили с голода.

Я не буду вспоминать прошлое и напомню Вам о современных писателях<.> Их участь не легка. Иван Тачалов<,> по выражению Горького<,> человек страшной жизни<,> был газетчиком – разносчиком, а потом музыкантом в веселом доме, а потом торговцем дегтем и солеными огурцами. Всеволод Иванов был клоуном и таскал шарманку.

Артем Ершов конторщик на железной дороге<.> Кондратий Худяков живописец...

Александр Новоселов долгое время бездействовал на нищенском жаловании<,> и<,> когда стал министром<,> его убили... Когда убита галка<,> то и стая галок долго кричит у трупа убитой, писатели ничего не сказали по поводу погибшего Новоселова. И если мы собрались здесь вспомнить погибшего Юрия Сопова, то благодаря не вам<,> писателям, а тем беженцам из России<,> которые знают, что нужно ценить талантливых людей.

С Юрием Соповым я виделся часто. Я давал советы<,> что нужно делать<,> чтобы составить себе имя. Когда первый раз пришел ко мне Юрий Сопов и прочитал свои стихи<,> я сказал<:> «Плохо!» Но вот Юрий Сопов подружился с Игорем Славниным. Оригинальное творчество Игоря Славнина имело на Сопова хорошее влияние<.> Через год Юрия Сопова нельзя было узнать.

В моем распоряжении находятся 30–40 стихотворений Юрия Сопова<,> написанные Игорю Славнину в тюрьму<.> Это переписка в стихах двух несчастных непризнанных поэтов...

Но вот на конце жизни Юрию Сопову посчастливилось<.> Я устроил ему издание его книжки «Егерь» в газете <<Вперед>> Янчевецкого³³. Его стихи стали

³² Все упомянутые в речи Сорокина имена сибирских литераторов встречаются также в брошюре: *Антон Сорокин. Таланты Сибири и Золото: Памфлет.* Омск: Типография «Иртыш», 1917. 14 с., с рис. Тир. 1000 экз. См. об этом подробно: [Лоцилов, 2016].

³³ Ср.: «Библиотечка “ВПЕРЕД”». Вышли из печати следующие издания военной газеты «Вперед»: № 13. Юрий Сопов. «Егерь» (посм.<ертное> произв.<едение>) ц. 3 р.» («Вперед: Фронтная ежедневная газета» (Омск), 1919, № 148, 16 (3) окт., с. 1; цит. по: [Маслов, 2020, с. 202]). Ни одного экземпляра этого издания, однако, до сего дня обнаружить не удалось.

печатать в «Сибирском рассвете» и в то время, когда признание было близко, когда слава должна бы заметить трудолюбивого писателя, его постигла смерть. Почтим же память убиенного поэта вставанием.

Умер поэт, но живы его слова. Я уверен, что трудами неутомимого и жизнерадостного, любящего искусство профессора Бориса Петровича Дейнеке *так* сочинения Сопова будут изданы и не умрут долгое время. Но вместе со смертью Сопова. У его свежей могилы мы должны знать, что поздно ценить умерших, нужно бережно относиться к живым, и я Вам напоминаю теперь, что крупный поэт, учитель Сопова, Игорь Славнин в настоящее время в тюремной больнице умирает от голодной цинги. И обращаюсь к вам, писателям, и прошу сделать что-нибудь для облегчения его печальной участи.

Но я не верю в помощь писателей. Когда я пришел в «Сибирскую речь» с рукописью некрологом о Юрии Сопове, рассказать я хотел, что говорил мне Юрий Сопов в последний день жизни. Булдеев поэт мне ответил: Ваш некролог не будет напечатан.

На мой ответ, что я писатель с именем, Булдеев ответил мне взволнованно возвышенным голосом. Я знаю что ни Булдеевы, ни Вяткины, ни Ауслендеры, ни Антоны Сорокины, составившие себе имя, защищал родину солдатами *так*, не будут винтовкой защищать родину, не будут, но наша обязанность писателей, позаботятся *так* о тех писателях, которые не имеют имени и которые становятся в ряды солдат.

Румыны, менее культурные люди, ограждают от войны всех своих писателей, но мы, русские люди, делаем все возможное, чтобы убить, заморить и посадить в тюрьму наших оригинальных самобытных талантов... Вот все, что может сказать вам Антон Сорокин.

Источник: ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 371. Л. 82–91. Автограф красными чернилами.

Список литературы

Вайнерман В. С. Сопов Юрий [Петр Иванович] // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб.: Большая Российская энциклопедия; Нестор-История, 2019. Т. 6: С–Ч. С. 10–11.

Гурмон Р. Книга масок / Рис. Ф. Валлотона; пер. Е. М. Блиновой, М. А. Кузмина. [СПб.]: Книгоиздательство «Грядущий день», 1913. 267 с.

Девятьярова И. Г. Георгий Маслов и Леонид Мартынов: встречи в Белой столице (Омск, 1919) // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 236–253.

Зазубрин В. Писатели и Октябрь в Сибири (Доклад на торжественном заседании Новосибирской группы Сибирского Союза Писателей, посвященном десятилетию Октябрьской революции, 11 ноября 1927 года) // Сибирские огни. 1927. № 6. С. 181–191.

Куликова Е. Ю. Поэтика Юрия Сопова (лирика и «Сказка прошедшего лета») // Сюжетология и сюжетография. 2018. № 2. С. 25–35.

Куликова Е. Ю. Юрий Сопов в сибирской газете «Заря» (1919) // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 316–335.

Лапина Л. В. Всего десять месяцев... (Дополнительные сведения к биографии П. И. Сопова) // Дравертские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения П. Л. Драверта (Омск, 25 ноября 2014 г.) / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина Омск, 2015. С. 189–196.

Левченко Н. И. Леонид Степанович Ушаков – редактор газеты «Приишимье» // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 277–301.

Ливищ Б. К. Полутораглазый стрелец. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 300 с.

Лоцилов И. Е. Антон Сорокин: апология Сибири // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. И. Куляпин. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2016. С. 80–95.

Маслов Г. В. Сочинения в стихах и прозе. Материалы к биографии / Сост. В. В. Нехотин, И. Г. Девятьярова. Омск: Тип. «Золотой тираж», 2020. 440 с.

Мартынов Л. Н. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 3: Проза. 416 с.

Мартынов Л. Н. Дар будущему: Стихи и воспоминания. М.: Вече, 2008. 670 с.

Омский литературный авангард 1920-х годов. Поэты «Червонной тройки»: Стихотворения, поэмы / Сост., подгот. текстов, коммент. Ю. П. Зародовой; вступ. ст. Ю. П. Зародовой, И. Г. Девятьяровой (науч. ред.). Омск: Омскбланкиздат, 2021. 356 с.

Панова О. Ю. Рембо и симулякр // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 200–227.

Растерзанные тени / Сост. С. Ю. Куняев, С. С. Куняев. М.: Голос, 1995. 480 с.

Сизов С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1954 гг. (на материалах Западной Сибири): Монография: В 2 ч. Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. Ч. 1: «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953). 224 с.

Сопов Ю. [П. И.] Сломаны крылья орлиные: Стихотворения. Поэмы / Предисл., подгот. текста и коммент. А. А. Штырбула. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. 88 с.

Урманов К. Н. Наша юность: Страницы воспоминаний // Сибирские огни. 1965. № 2. С. 159–171.

Шепелева В. Б. Фонд Короля VI державы // Иртыш. 1994. № 1. С. 74–110.

Штырбул А. А. Дожить до сентября. Судьба поэта Юрия Сопова: историко-литературное исследование. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. 284 с.

Штырбул А. А. Из омских лет Всеволода Иванова: к вопросу об авторстве статьи «Под чужим флагом» // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 322–329.

Berrichon P. La vie de Jean-Arthur Rimbaud. Paris: Mercure de France, 1897. 257 p.

Gourmont R. de. Le Livre des masques. Paris: Mercure de France, 1896. 270 p.

Etiemble R. Le Mythe de Rimbaud: Structure du mythe. Paris: Gallimard, 1952. 507 p.

Huysmans J.-K. Croquis parisiens; À vau-l'eau; Un dilemme. Paris: Stock, 1905. 332 p.

Lepelletier E. Paul Verlaine: sa vie, son œuvre. Paris: Mercure de France, 1907. 568 p.

Starkie E. Arthur Rimbaud in Abyssinia. London: Oxford Clarendon Press, 1937. 159 p.

Архивы

Исторический архив Омской области (ГИАОО), Омск

Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Москва

References

- Berrichon P. La vie de Jean-Arthur Rimbaud. Paris, Mercure de France, 1897, 257 p.
- Devyat'yarova I. G. Georgy Maslov and Leonid Martynov: Meetings in the White Capital (Omsk, 1919). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 236–253. (in Russ.)
- Etiemble R. Le Mythe de Rimbaud: Structure du mythe. Paris, Gallimard, 1952, 507 p.
- Gourmont R. de. Le Livre des masques. Paris, Mercure de France, 1896, 270 p.
- Gourmont R. de. Kniga masok [Book of masks]. Ill. by F. Vallotton; transl. by E. M. Blinova, M. A. Kuzmin. [St. Petersburg], Gryadushchiy den' Publ., 1913, 267 p. (in Russ.)
- Huysmans J.-K. Croquis parisiens; À vau-l'eau; Un dilemma. Paris, Stock, 1905, 332 p.
- Kulikova E. Yu. Poetika Yuria Sopova (lirika i “Skazka proshedshego leta”). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2018, no. 2, p. 25–35. (in Russ.)
- Kulikova E. Yu. Yuri Sopov v sibirskoy gazete “Zarya” (1919). *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 4, p. 316–335. (in Russ.)
- Lapina L. V. Vsego desyat' mesyatsev... (Dopolnitel'nye svedeniya k biografii P. I. Sopova). In: Dravertovskie chteniya [Dravert readings]. Materials of the regional scientific-practical conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of P. L. Dravert (Omsk, November 25, 2014). Omsk, 2015, p. 189–196. (in Russ.)
- Lepelletier E. Paul Verlaine: sa vie, son œuvre. Paris, Mercure de France, 1907, 568 p.
- Levchenko N. I. Leonid Stepanovich Ushakov – redaktor gazety “Priishim'e”. In: *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 277–301. (in Russ.)
- Livshits B. K. Polutoraglazy strelets [Half-Eyed Archer]. Leningrad, Izdatel'stvo pisateley v Leningrade, 1933, 300 p. (in Russ.)
- Loshchilov I. E. Anton Sorokin: apologiya Sibiri. In: Geopoetika pisateley Sibiri i Altaya [Geological poetics of Siberia and Altai]. Ed. by A. I. Kulyapin. Barnaul, AltSPU Press, 2016, p. 80–95. (in Russ.)
- Martynov L. N. Collected works. In 3 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977, vol. 3, 416 p. (in Russ.)
- Martynov L. N. Dar budushchemu: Stikhi i vospominaniya [Gift to the Future: Poems and Memories]. Moscow, Veche Publ., 2008, 670 p. (in Russ.)
- Maslov G. V. Sochineniya v stikhakh i proze. Materialy k biografii [Works in verse and prose. Materials for biography]. Comp. by V. V. Nekhotin, I. G. Devyat'yarova. Omsk, Zolotoy tirazh Press, 2020, 440 p. (in Russ.)
- Omskiy literaturny avangard 1920-kh godov. Poety “Chervonnoy troiki”: Stikhotvoreninya, poetry [Literary Avant-garde in Omsk of the 1920s. Poets of the “Chervonnaya Troika”: Poems]. Comp., prep. and comment. by Yu. P. Zarodova; intr. by Yu. P. Zarodova, I. G. Devyat'yarova (ed.). Omsk, Omskblankizdat, 2021, 356 p. (in Russ.)
- Panova O. Yu. Rembo i simulyakr. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2005, no. 71, p. 200–227. (in Russ.)
- Rasterzannye teni [Ravaged shadows]. Comp. by S. Yu. Kunyaev, S. S. Kunyaev. Moscow, Golos Publ., 1995, 480 p. (in Russ.)
- Shepeleva V. B. Fond Korolya VI derzhavy. *Irtysch*, 1994, no. 1, p. 74–110. (in Russ.)

Shtyrbul A. A. Dozhit' do sentyabrya. Sud'ba poeta Yuriya Sopova: istoriko-literaturnoe issledovanie [To live until September. The fate of the poet Yuri Sopov: historical and literary research]. Omsk, OmSPU Press, 2015, 284 p. (in Russ.)

Shtyrbul A. A. Iz omskikh let Vsevoloda Ivanova: k voprosu ob avtorstve stat'i "Pod chuzhim flagom". In: Russkaya revolyutsiya 1917 goda v literaturnykh istochnikakh i dokumentakh [Russian Revolution of 1917 in literary sources and documents]. Moscow, IWL RAS, 2017, p. 322–329. (in Russ.)

Sizov S. G. Intelligentsiya i vlast' v sovetskom obshchestve v 1946–1954 gg. (na materialah Zapadnoy Sibiri) [Intelligentsia and Power in Soviet Society in 1946–1954 (Based on the materials of Western Siberia)]. Monograph. In 2 vols. Omsk, SibADI Publ., 2001, vol. 1, 224 p. (in Russ.)

Sopov Yu. [P. I.] Slomany kryl'ya orlinye: Stikhotvoreniya. Poemy [Eagle Wings are Broken, Poems]. Intr., prep. and comment. by A. A. Shtyrbul. Omsk, OmSPU Press, 2019, 88 p. (in Russ.)

Starkie E. Arthur Rimbaud in Abyssinia. London, Oxford Clarendon Press, 1937, 159 p.

Urmanov K. N. Nasha yunost': Stranitsy vospominaniy. *Sibirskie ogni* [Siberian Lights], 1965, no. 2, p. 159–171. (in Russ.)

Vainerman V. S. Sópov Yuri [Petr Ivanovich]. In: Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar' [Russian writers 1800–1917. Biographical dictionary]. Moscow, St. Petersburg, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., Nestor-Istoriya Publ., 2019, vol. 6: S–Ch, p. 10–11. (in Russ.)

Zazubrin V. Pisateli i Oktyabr' v Sibiri (Doklad na torzhestvennom zasedanii Novosibirskoy gruppy Sibirskogo Soyuza Pisatelei, posvyashchennom desyatiletiyu Oktyabr'skoy revolyutsii, 11 noyabrya 1927 goda). *Sibirskie ogni* [Siberian Lights], 1927, no. 6, p. 181–191. (in Russ.)

Archives

Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (GIAOO) [The Historical Archive of the Omsk region], Omsk

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [The Russian State Archive of Literature and Arts], Moscow

Сведения об авторах

Зародова Юлия Прокопьевна – научный сотрудник, Государственный областной художественный музей «Либеров-центр» (Омск, Россия)
liberov-centr@mail.ru

Ласкина Наталья Олеговна – кандидат филологических наук, директор образовательного центра «Открытая кафедра» (Новосибирск, Россия)
n-laskina@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9422-1143

Лоцилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия), доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории

Зародова Ю. П. и др. Поэма Юрия Сорова «Артур Рембо» (1919)

литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)
loshch@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3642-2590

Information about the Authors

Yulia P. Zarodova – Researcher, State Regional Art Museum “Liberov Center” (Omsk, Russian Federation)
liberov-centr@mail.ru

Natalya O. Laskina – Candidate of Philology, director of the “Otkrytaya kafedra” Education Center (Novosibirsk, Russian Federation)
n-laskina@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9422-1143

Igor E. Loshchilov – Candidate of Philology, PhD, researcher of Literary Studies Section of the Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Russian Literature and Literary Theory of Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)
loshch@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3642-2590

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-264-280

Восток в творческом сознании Б. Волкова

Е. Н. Проскурина

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена образам и мотивам Востока в поэзии автора восточной эмиграции Бориса Волкова (1894, Екатеринбург – 1954, Сан-Франциско). Творчество этого поэта, писателя, публициста до сих пор не известно отечественному читателю, хотя при жизни он имел довольно широкую публикационную географию: от Харбина до Сан-Франциско. Однако произведения его никогда не переиздавались, а рукопись романа «Царство золотых будд» считается утерянной. К анализу привлечена книга стихов Волкова «В пыли чужих дорог», изданная в Берлине в 1934 г. Из четырех ее частей восточный колорит особенно отчетлив в первой. Отдельные произведения этой части составили объект исследования статьи. Выявлен автобиографический субстрат поэзии Волкова, показано пересечение мотивики и образности с поэтическим миром Гумилева. Исследовано влияние восточного мира, его философских учений на творческое мировоззрение Волкова. В его поэтическом мышлении ощутимы следы суфизма, ислама, философии Лао Цзы. Экзотические образы Китая, Монголии сплетают замысловатый узор в первых циклах книги и встраиваются в изображаемые биографические обстоятельства, раздвигая их семантическую палитру. «Чужое» усиленно пытается сделаться «своим» на уровне философского отношения к миру и судьбе самого поэта. Ему близко поэтическое отношение жителей Востока к жизни и смерти, основанное на древних традициях и обычаях. В стихотворениях отражено смешение переживаний лирического героя, воина и скитальца, обретшего место в жизни в результате остросюжетного поединка с судьбой.

Ключевые слова

Борис Волков, книга стихов «В пыли чужих дорог», литература восточной эмиграции, поэтическая автобиография, восточная философия, культурный и литературный трансфер

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Проскурина Е. Н. Восток в творческом сознании Б. Волкова // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1. С. 264–280. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-264-280

© Е. Н. Проскурина, 2021

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

East in the Creative Mind of B. Volkov

E. N. Proskurina

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the images and motives of the East in the poetry of the author of the Eastern emigration Boris Volkov (1894, Ekaterinburg – 1954, San Francisco). The work of this poet, writer, publicist is still unknown to the domestic reader, although during his lifetime he had a fairly wide publication geography: from Harbin to San Francisco. However, his works were never reprinted, and the manuscript of the novel “The Kingdom of the Golden Buddhas” is considered lost. The analysis involved Volkov’s book of poems “In the dust of foreign roads”, published in Berlin in 1934. Of its four parts, the oriental flavor is especially distinct in the first. Individual works of this part constituted the object of study of this article. The autobiographical substrate of Volkov’s poetry is revealed, the intersection of motives and imagery with the poetic world of Gumilyov is shown. The influence of the Eastern world, its philosophical teachings on the creative worldview of Volkov is investigated. In his poetic thinking, traces of Sufism, Islam, and the philosophy of Lao Tzu are palpable. Exotic images of China and Mongolia weave an intricate pattern in the first cycles of the book, integrating into the depicted biographical circumstances and expanding their semantic palette. “Alien” is trying hard to become “ours” at the level of a philosophical attitude to the world and the fate of the poet himself. He is close to the poetic attitude of the inhabitants of the East to life and death, based on ancient traditions and customs. The poems reflect the confusion of the experiences of the lyrical hero, warrior and wanderer, who has found a place in life as a result of an action-packed duel with fate.

Keywords

Boris Volkov, the book of poems “In the dust of foreign roads”, literature of the Eastern emigration, poetic autobiography, Eastern philosophy, cultural and literary transfer

Acknowledgments

Research is financially supported by the grant of Russian Science Foundation no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer”

For citation

Proskurina E. N. East in the Creative Mind of B. Volkov. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 264–280. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-264-280

Если литературные имена западного зарубежья первой эмиграционной волны получили уже довольно широкую известность в современной России, то персоналии восточной эмиграции по большей части либо малоизвестны, либо не известны совсем. К таким неизвестным литературным именам русского Китая относится Борис Николаевич Волков (1894, Екатеринбург – 1954, Сан-Франциско) – поэт, прозаик, публицист. В библиографических справках о нем приведены лишь скудные сведения. Известно, что он был участником Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. После Октябрьской революции 1917 г. воевал на стороне Белой армии в Иркутске, но в 1919 г. после падения правительства Колчака перешел монгольскую границу. В 1923 г. через Китай эмигрировал в США, где в 1929 г.

получил американское гражданство. Первым браком был женат на Е. П. Витте, дочери барона П. А. Витте – бывшего императорского советника при монгольском правительстве. Умер Волков от травм, полученных в автомобильной катастрофе, в которой погибла его вторая жена В. В. Townley¹.

Волков имел довольно широкую публикационную географию: в американском сборнике «Дымный след» (Сан-Франциско), шанхайском альманахе «Врата», «Калифорнийском альманахе» (Сан-Франциско), «Земле Колумба» (Сан-Франциско), «У Золотых Ворот» (Сан-Франциско), в журналах «Рубеж» (Харбин), «Феникс» (Шанхай), «Вольная Сибирь» (Прага), «Москва» (Чикаго), «Русские записки» (Париж), «Возрождение» (Париж). В 1934 г. в Берлине вышла его единственная книга стихов «В пыли чужих дорог». Волков подготовил на двух языках – русском и английском – издание автобиографического романа «Царство золотых будд». Однако публикация так и не состоялась по неизвестным причинам. В журнале «Вольная Сибирь» за 1929 г. роман анонсировался как выходящий из печати. Здесь приведены «сочувственные отзывы», опубликованные в крупных американских газетах «Окленд трибьюн», «Экзаминер»: «Эта книга, о которой профессор Калифорнийского университета (отдел славянских языков) Александр Каун отзывается как о труде одновременно научном, художественном и более захватывающем, чем роман»; «...то, что пережили Волковы, зачаровывает. Сцены, которые они видели, столь ужасны и кровавы, их бегство из Монголии столь чудесно, что будущий читатель их книги, захваченный рассказом, невольно содрогнется... Через бесконечные степи страны, превышающей в пять раз Францию, Живой бог, сумасшедший барон Унгерн фон Штернберг, монгольские бандиты, московские комиссары, тибетские монахи, американские авантюристы, русские беженцы и преследуемые евреи, – все это было снесено и сжато ветрами: красным вихрем, несущимся из Москвы, и раскаленным до бела – откуда-то со стороны Гобийских пустынь» (Вольная Сибирь, 1929, с. 112–113). Из этих отзывов следует, что их авторы были знакомы с полным текстом романа. Английский вариант под заглавием «Conscript to Paradise» хранится в Гуверовском архиве, где в описи материалов указано наличие цифровой версии: «A digital version of Boris Volkov's "Conscript to Paradise." This version is important because the physical papers only contain partial and messy drafts, whereas this e-version looks to be prepared for publication. DOC is 461 pages» (Partial Register, p. 3). Уже в эмиграции в Америке Волков так писал о себе: «Чего я только в Америке не делал: шоколад, колбасные изделия, натирал полы, проводил дороги, строил дома, грузил и разгружал пароходы. Время остается мало, да и устаем мы изрядно. Писать книги – подвиг. И мне кажется иногда, что не хватит сил» (Вольная Сибирь, 1929, с. 112). Добавим к сказанному, что Волков был одним из организаторов Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско, просуществовавшего с 1927 по 1957 г. В «Новом историческом вестнике» за 2001 г. в специально посвященном этому объединению

¹ В антологии «Русская поэзия Китая» допущены неточности при изложении биографии Б. Волкова. Так, местом его рождения указан Екатеринослав, а первой женой названа не Е. П., а В. П. Витте, см.: (Русская поэзия Китая, 2001, с. 673–674). Уточнения получены нами от внучки Б. Волкова Веры Виннер, живущей в Сан-Франциско, за что мы приносим ей сердечную благодарность. Сведения о первой жене писателя подтверждаются и документами Гуверовского архива, где есть отдельная папка: «Folder 15. Volkov (Witte), Elena Petrovna» (Partial Register, p. 4).

обзоре он назван «наиболее одаренным поэтом» из всех участников кружка (Новый исторический вестник, 2001).

Вместе с тем приведенные краткие сведения скрывают за собой довольно драматическую судьбу Волкова, авантюрные повороты которой наиболее резко в период его службы в Белой армии. В это время будущий писатель занимал должность офицера по особым поручениям в восточном штабе Сибирского правительства, чем были определены его командировки в Восточную Сибирь и Монголию. Членства в Сибирском правительстве, ведшем борьбу против панмонгольского движения Унгерна, было для барона достаточно, чтобы приговорить Волкова к смерти. Чудом избежав расстрела, он бежал из Урги в Хайлар, где по горячим следам событий создал мемуарные тексты «Семеновские застенки (записки очевидца)» и «Об Унгерне (Из записной книжки белогвардейца)». Оба опубликованы в Харбине в 1921 г. «Семеновские застенки (записки очевидца)» подписаны псевдонимом *Даурец Н. П.* и вышли в харбинском издательстве «Маяк». Большая часть записок «Об Унгерне» издана в 1921 г. в харбинской газете «Новости жизни» (1921)². Отдельные фрагменты записок приведены в документальном романе Л. Юзефовича «Самодержец пустыни» (2010), посвященном барону Унгерну. Целиком воспоминания Волкова опубликованы в приложении к книге Б. Соколова «Барон Унгерн. Черный всадник» (Унгерниада, 2007). К этому же периоду относятся воспоминания Волкова «Взятие белыми Троицкосавска и события на русско-монгольской границе (1918–1919 г.)», авторизованная машинопись которых хранится в Гуверовском архиве.

Обращение современных авторов к воспоминаниям об Унгерне показывает, что интерес к личности Волкова активизировался в последние годы в связи с его воспоминаниями о «черном» бароне, личность которого до сих пор притягивает своей предельной контрастностью. У самого Волкова отношение к Унгерну было однозначным. Практически целиком посвятив свои записки «кошмарным кровавым» расправам Унгерна и его сподручных над пленными офицерами, местными жителями и их семьями, своей целью он ставил, помимо прямого свидетельства об описываемых кровавых событиях, сохранение в памяти образа барона как пример «атаманизма», явившегося, с его точки зрения, одной из основных причин поражения Белой армии в Сибири.

Первое знакомство отечественного читателя с Волковым-поэтом связано с выходом в 2001 г. антологии «Русская поэзия Китая», где представлена достаточно объемная подборка его стихов. О таланте Волкова-прозаика можно судить по фрагментам его романа «Царство золотых будд», которые нами обнаружены в журналах «Врата» и «Русские записки». Так, во «Вратах» опубликован рассказ «Потомок Чингис-хана» (Врата, 1935); в «Русских записках» издан рассказ «Степной Ворон» (Русские записки, 1937). Оба рассказа отражают автобиографические события, связанные с периодом Гражданской войны. В рассказе «Степной Ворон» изображен один из переходов героя-повествователя из России в Монголию, биографически соотносящийся со временем службы Волкова в Сибирском правительстве. В «Потомке Чингис-хана» – история неудавшегося побега автора-по-

² Места хранения издания: ГАРФ; Национальная библиотека Чешской Республики, Прага. URL: https://aleph.nkp.cz/F/?func=direct&doc_number=000027442&local_base=SLK (дата обращения 25.04.2021).

вестователя из Монголии в Китай. Однако центр сюжета обоих произведений составляет экзотический мир Монголии, колоритные образы ее обитателей. В «Степном Вороне» это образы проводника-монгола по кличке Степной Ворон и его юной дочери с поэтичным именем Мюсень-гюрель, в «Потомке Чингис-хана» – образы «благородного Намсарая» и старого мудрого ламы, а также некоторых эпизодических персонажей, расширяющих контекстуальное поле сюжета. Знакомясь с чужой страной, автор познает мудрое и поэтичное отношение ее насельников к миру, к жизни и смерти, проникается ее экзотикой, древними традициями и обычаями (подробнее об этом см.: [Проскура, 2020]).

Насколько глубоко вошла тема Востока в сознание Волкова, можно судить по его книге стихов «В пыли чужих дорог», первое название которой было «Реестр моих переживаний» (Вольная Сибирь, 1929, с. 113). Главный смысл книги выражен в эпиграфе, воспроизводящем слова Лао Цзы: «Справедливость и человеколюбие нынешнего времени – пустые звуки: они служат прикрытием жестокости и тревожат сердца людей» (Волков, 1934). По свидетельству самого автора, большая часть сборника к моменту его выхода была опубликована в периодических изданиях Китая и Америки в период с 1921 по 1933 г. Так, открывающий книгу цикл «Пути Чингис-хана» впервые издан в 1925 г. в альманахе «Дымный след», помещенный вслед за ним цикл «Мессер Марко Поло» вышел в «Калифорнийском альманахе» в том же 1934 г., что и книга стихов. Однако сгруппированный под одной обложкой весь стихотворный корпус, в большинстве разделенный на циклы, представляет цельный текст, в котором ощутимо движение авторской мысли как на структурном уровне: делении на части, разделы и подразделы, так и на тематическом, сюжетном, мотивном. В динамических отношениях между прошлым и настоящим прошлому уделено гораздо больше творческого внимания. Автобиографическая доминанта отчетливо слышна в первом названии сборника: в стихотворениях отражено смешение переживаний лирического героя, воина и скитальца, обретшего место в жизни в результате остросюжетного поединка с судьбой.

В книге четыре части. Первая названа «В яркой полосе» и имеет эпиграф из Омара Хайяма: «Не уходи в темнеющие дали. / Живи в короткой яркой полосе». Эта часть содержит циклы: «Пути Чингис-хана», «Мессер Марко Поло», «Партизаны», «Из цикла “Звездный караван-сарай”», «Из цикла “Дракон, пожирающий солнце”», «Проплывающие паруса», а также два не входящих в циклы стихотворения «Гобийские пески» и «Н. Гумилев». Как видно по самим названиям, эта часть предельно насыщена восточным колоритом. Симптоматично, что поэт завершает ее посвящением Гумилеву, поэтический мир которого оказался ему близок многими аспектами: путешествиями по экзотическим странам, восточной мотивикой, образами новых земель, забытых миров, курганов и песков... Есть и биографические сближения в судьбах двух поэтов: оба участники Первой мировой войны, награжденные Георгиевскими крестами за храбрость. У обоих служба в армии была связана с чрезвычайными обстоятельствами: Гумилев служил во взводе конной разведки, Волков – офицером по особым поручениям, также предполагавшим разведывательные действия. В связи с этим можно заключить, что образ Гумилева стал близок Волкову своим воинским пафосом преодоления жизненных треволнений. В стихотворении «Н. Гумилев» фигурой сближения выступает Петр Первый – казалось бы, далекий от поэтического мира Гумилева, как,

впрочем, и от мира Волкова. Нет в стихотворении и образа самого Гумилева, именем которого оно названо. Однако в поэтических грезах лирического героя образ поэта-воина вписан в славную череду Петровских побед, сигнализируя единство судьбы Волкова и Гумилева в сфере *идеального*, контрастом чему оказалась реальная история России первых десятилетий XX в.:

Ах, пронзают сердца амуры,
И от грёз избавленья нет!
Помните ль вы гравюры
Петровских Больших побед?

В грохоте бранной Славы
Проходят года, звеня,
И всадник, вдруг, величавый
Вздыбил на ходу коня. <...>

Вверху развернулся свиток
Словами далёких лет,
И пьём мы хмельной напиток
Петровских Больших побед.

Солдаты в литературе
Дают и встречают бой.
И над ними плывёт в лазури
Облаков кучерявых строй
(Волков, 1934, с. 46).

В стихах Волкова переключки с поэтическим миром Гумилева мерцают в романтизированном изображении поднимающих якоря кораблей, борющихся со стихией смельчаков матросов, мимолетной портовой любви и др., а также восприятию Китая как жизненного причала: «Только в Китае мы якорь бросим, / Хоть на пути и встретим смерть» («Путешествие в Китай» (Николай Гумилев, 1991, с. 167)) – «Моя мечта – настойчиво, упрямо, / В Китай ведет верблюжий караван» («Путь в Катэй» (Волков, 1934, с. 29)). Диалог с Гумилевым ощутим уже на уровне названия двух стихотворений. Также вполне возможно, что именно от Гумилева Волков воспринял эпичность формы своих стихов, наблюдательность, преобладающую над лирической погруженностью в изображаемую картину:

Зардели безбрежные дали. Курганы
Задержал лиловый задумчивый флер.
Замкнули в железную цепь караваны
Одно из заглохших, засохших озер
(«Курганы»)
(Волков, 1934, с. 7).

Усиливают эти свойства используемые во всех четырех стихотворениях цикла «Пути Чингис-хана» трехстопные метры: в «Курганах» – амфибрахий, в «Степи», «Зорях», «Песках» – анапест, что придает звучанию раздумчивость, философичность. Не случайно считается, что трехсложные метры больше соответствуют русской речи соотношением ударных и безударных слогов, чем двусложные (см.: [Чернец, 2005]).

С тех времен, когда люди топором из нефрита
Убивали, сражаясь, в тьме зловонных пещер, –
Смерть героев далеких была также повита
Ароматом курений нам неведомых вер.

Может быть, в тонком слое попираемой пыли –
Их заветные мысли, стоны их матерей!
Может быть, эти люди никогда здесь не жили,
Или ныне на дне мы их бездонных морей.

<...>

Так и ты, и народ твой, и столетья, и эры
Могут в общем движеньи промелькнуть без следа,
И о павших героях, как о людях пещеры,
Ничего не узнают. Ничего. Никогда
(«Пески»
(Волков, 1934, с. 10).

Говоря о близости поэтического мира Волкова и поэзии Гумилева, следует отметить и существенное различие, касающееся истоков и источников творчества двух авторов. Экзотический мир в поэзию Гумилева, как и многих его современников, пришел через посредничество французских поэтов, видевших в культуре Востока новые ресурсы своего вдохновения, «средства для оживления» художественного языка [Петров, 2010, с. 10]. «Восприятие Востока у русских поэтов преломлялось через увлечение французскими “ориентальными” мотивами» [Куликова, 2015, с. 143]. Для Гумилева в его увлеченности «цветами далеких берегов» биографический интерес совпал с литературным, о чем можно судить по его «Африканскому дневнику», «Абиссинским песням», переводу «Малайских пантунов» Ш. Леконта де Лиля, поэтическому циклу «Шатер» и др. «География Гумилева-путешественника подчинена литературным принципам: пространство “собирается” из цитат, которые выдаются за “впечатления”, но в то же время остаются цитатами, отчего стихи обретают “картинность”, становятся “артистическими стихами”, не позволяющими забыть об условности того яркого мира, который создает поэт. <...> Так Гумилев “сочиняет” африканский мир, исследуя его как путешественник и как поэт» [Там же, с. 250–251].

Таким образом, «дальние берега» Гумилева – плод его природной тяги к путешествиям, в отличие от «чужих дорог» Волкова, исхоженность которых носит вынужденный характер³. Литературность, которой также не лишена поэзия Волкова («Путь в Катэй», цикл «Мессир Марко Поло» и др.), – производная от его реальных скитальческих впечатлений. Именно они составляют основу его поэтического мира, что придает стихам свойство лирического документа. Так, например, в примечании к стихотворению «Пески» Волков указывает, что стихи на-

³ Поэзия Гумилева была близка многим представителям восточной эмиграции. Причем поэтов старшего поколения, прошедших тропами войны (А. Ачаира, Арс. Несмелова и др.), привлекала не только поэтика, но в первую очередь сам образ Гумилева – поэта-«конквистадора». Поэты младшего поколения восприняли от него приемы акмеистической поэтики. Подробно см., например: [Забияко, 2007]. Однако творчество Б. Волкова не вошло в круг литературоведческих рефлексий, в том числе и в его связи с творчеством Гумилева, что достойно не одного специального исследования.

писаны в Монголии, в ставке Цецен-хана⁴. Этот правитель жил в XVII в. и погиб от руки своего брата (Записки ИРГО, 1887, с. 240–249). Несомненно, Волков знал об обстоятельствах смерти правителя Джунгарского ханства, что послужило поводом к его невеселым раздумьям, в центре которых мотивы смерти и забвения. От образов забытых «героев далеких» протягивается нить к судьбе самого автора и его поколения. «Пески» словно замыкают в круг рефлексии лирического героя, заявленные в первом стихотворении цикла – «Курганы», где доминантными являются те же мотивы забвения, смерти, к которым прибавляется мотив плача:

...О чем-то забытом рыдает тоскливо
Потомок забытых героев – монгол.

С ним ветер рыдает. Извечно и свято
Он крылья, как дух мятежа, распростер
Над степью, где смуглый наездник когда-то
Поддерживал ночью дозорный костер.

Там, в недрах, скелеты. И витязь, и слуги,
И жены, и кони... Их давит курган.
И вновь не зардеют на звеньях кольчуги
Священные капли сражений и ран.

Уйдут караваны, верблюд за верблюдом,
Как черные птицы, на алый восток
От странно-зеленого озера, чудом
Упавшего в серый, холодный песок
(«Курганы»)
(Волков, 1934, с. 7).

Интересно развертывание времени в этих двух стихотворениях, движущегося от истории в первом, «Курганах», к праистории в четвертом, «Песках». Если в первом довольно отчетлив восточный колорит, то в последнем он стерт. Это своего рода универсальная картина забытой истории человечества в целом, у которой есть трагическая возможность повторения. Не случайно в своих размышлениях поэт использует собирательное существительное «люди». Его голос звучит словно не с уровня земного бытия, а с позиции метаистории.

«Курганы» и «Пески» предстают обрамлением двум поэтическим зарисовкам. В первой, озаглавленной «Степь», чрезвычайно рельефная образная палитра, в центре которой – «бледный ирис», погибающий под ударом конских копыт. Жалость лирического героя к этому нежному созданию пронизывает все лирическое высказывание:

Бледный ирис так жалко! В дымке поднятой пыли
Никнет бархат лиловый под ударом копыт.
Наши кони устали, наши кони все в мыле,
И ковер изумрудный грызунами изрыт.

Вечер сходит на землю. Как хотел бы увлечь я
И тебя своей грустью!.. И умчаться с тобой!..

⁴ Пометы, относящиеся к месту создания произведений, не раз встречаются в книге стихов Волкова, что свидетельствует о важности для него топографического контекста творчества.

– Посмотрите, не правда-ль, это стадо овечье
На зеленом, – как волны, как далекий прибор?

Любопытные глазки – пара узких миндалин,
Провожают нас долго до сверкающих юрт.
Следом злобно несется в блеске желтых подпалин
Пес лохматый, оставив в кучу сбившийся гурт.

Я мечтаю о солнце, о стране, где Озирис
Для любви воскресает, исцеляясь от ран...
Грезит степь, засыпая, и поник бледный ирис.
Бледный ирис склонился на забытый курган.
(Волков, 1934, с. 8)

Стихотворение отличает яркость красок, живописность образного ряда вечерней степи: лиловый бархат ириса, бледнеющий «в дымке поднятой пыли», изумрудный цвет степной травы, на фоне которой движение овечьего стада преобразуется в волны морского прибоя, желтизна подпалин злобного пса, преследующего конный отряд, сверкающие на уходящем солнце далекие юрты. Однако эти краски символизируют не столько цветение мира, сколько его предсмертное величие. ореол смерти, окаймляющий образный ряд и словно материализованный в образе мертвого Озириса, придает элегическое звучание всему поэтическому целому. В онтологическом плане центральный образ бледного ириса становится символом хрупкости мира. Ему вторит образ забытого кургана в финале, служащий коррелятом образам забытых героев и забытых миров в стихотворениях «Курганы» и «Пески».

В стихотворении «Зори» запечатлена ситуация пробуждения конного отряда, в центре которой – микросюжет мимолетной встречи лирического героя с героиней, «степная сказка», в которую врываются разлучные военные обстоятельства.

И когда на востоке полосой зарделось,
Подумал с тревогой: – «Пора и мне» –
Было-б странно сказать вам, что сказать так хотелось –
О любви, о свободе и о весне.

Видеть только мгновенье, и знать, что быть может,
Унесет нашу встречу новых встреч поток...
У костра, за палаткой, грубый голос: «– Треножит
Кто коня так: Товарищ, а не ездок!».

О, степные сказки!.. Весна... И стремя,
Подавая, сказал вам: «– Где бы ни был, – я друг». –
Ночь прошла незаметно. Так летит это время,
И уже рассветает и все рдеет вокруг.

Сняли быстро палатки. Разобрав карабины,
Разъезжаются всадники. – До свиданья! Пора!
На песке умирают, догорая, рубины
Разведенного нами полевого костра.

Вы бросаете в воду вдруг мустанга-монгола.
Он храпит, нервно бьется, но спокойно идет,
В многоводном разливе спит усталая Тола.

И рябинки от всплеска –
Похожи на тонкий лед.
(Волков, 1934, с. 9)

Это стихотворение с разворачивающейся сюжетной ситуацией, построенной по принципу контрапункта. Романтическим грезам героя, его «степной сказке» противопоставлен военный быт, воспроизведенный через грубый оклик, вероятно, командира отряда: «Треножит кто коня так...». Причем, лишь одной репликой: «Товарищ, а не ездок!», – автор иронически разграничивает два враждующих мира. «Товарищ» как собирательный образ бойца Красной армии антитетически противопоставлен образу белогвардейца по шкале всадник-дилетант – истинный воин. Картина расставания поэтизирована редко используемым поэтом приемом метафоризации образов: догорающие угли костра ассоциируются с умирающими рубинами, а водная рябь – с тонким льдом. Оба метафорических образа становятся эмблемой недостижимости новой встречи героев. Сбитый такт жизни отмечен сбивающимся ритмом стиха, одновременно придающим повествовательность всему стихотворному целому: в первой строке три стопы анапеста сбивает отсутствующий безударный слог (вместо предполагаемого «полосою» поэт использует «полосой»), преобразующий анапест в ямб в последней стопе; вторая строка, начатая амфибрахием, также заканчивается двумя ямбическими стопами; в третьей появляется лишний безударный слог, логически разбивающий стих на два двустопника анапеста. В четвертую строку, открывающуюся двумя стопами анапеста, встроено «лишнее» ударение, падающее на союз «и», преобразующее последние две стопы в дактилические. Плавающий ритмический рисунок прослеживается и в остальных четверостишиях, последнее из которых графически разбито на пять строк, что наделяет финальный пуант акцентированно-драматическим звучанием.

Если в стихотворениях «Степи», «Пески» единый ритмический рисунок четырехстопного анапеста с повторяющимися цезурами придает им монотонное звучание, близкое к романскому⁵, то в «Зорях», основой которых также служит четырехстопный анапест, ритмические сбои создают лирическое напряжение, поэтически «удостоверяющее» несовпадение «степной сказки» с реальностью.

Таким образом, в каждом стихотворении цикла прослеживается завершенность лирической ситуации. Тот же принцип сохраняется и в границах всего цикла, где композиционная рамочность фиксирует итог разворачивающейся лирической линии сюжета. Начатая рефлексией над пейзажной картиной вечеряющих курганов, мысль лирического героя движется от истории в праисторию и далее к философии истории, завершаясь неутешительным выводом о полном забвении народов, столетий и эр. В эту картину тотальной утраты исторической памяти вписывается жизнь самого поэта, трудный опыт которой теряет ценность и смысл.

⁵ Возможно, на ритмику Волкова в «Путях Чингис-хана» повлиял певучий речитатив А. Вертинского. В дальнейшем этот ритмический рисунок встречается нечасто и связан с лирическими переживаниями поэтом своей военной биографии. Связь с ритмикой Вертинского находят исследователи также в поэтике представителя Русского Китая А. Ачаира (см.: [Капинос, Полторацкий, 2020, с. 146–147]).

В ракурсе литературности поэзии Волкова интересно первое стихотворение цикла «Мессер Марко Поло»: «В китайском павильоне». Сам цикл, состоящий из трех стихотворений, посвящен любовным мимолетностям Марко Поло. Эпиграф к циклу якобы взят из его «Путешествия», однако, на наш взгляд, представляет собой авторскую мистификацию. Сама фраза: «Теперь я расскажу вам о трех женщинах Марко Поло» (Волков, 1934, с. 11) стилизована под оригинал «Путешествия», где автор часто начинает новую историю словами «теперь расскажу вам». Однако в тексте ни разу не встречается фраза из эпиграфа, как нет в нем и трех любовных историй. Можно говорить лишь о первой истории, являющейся поэтической импровизацией на тему содержащейся в «Путешествии» краткой информации о сопровождении Марко Поло вместе с его отцом Николо и братом отца Маффео китайской принцессы Кокачин к ее жениху, персидскому правителю Аргону. «Когда же пришли к месту, то узнали, что Аргон умер, и невеста была выдана за Казана, его сына» (Поло, 2015, с. 13). Морское путешествие, однако, оказалось долгим и длилось двадцать один месяц. После завершения посольской миссии настал момент расставания Марко Поло и его спутников с принцессой. «Кокачина, жена Казана, что теперь царствует, и, сказать правду, так и сам Казан полюбили послов так, что нет того, чего бы оба не сделали для них, как для родных отцов. Когда три посла уходили домой и прощались, так королева на расставании горько плакала» (Поло, 2015, с. 13). Именно эта история легла в основу стихотворения «В китайском павильоне». Волков преобразует ее в любовную мимолетность Марко и Кокачин, давая героине поэтическое имя «Колокольчики» – возможно, из-за голубого цвета этого цветка: «Kök» означает «синий», а «chín» или «jín» – суффикс, используемый для имени человека. Так «Голубая принцесса», или «Голубка» в интерпретации поэта стала «Принцессой Колокольчики»:

Полюбил её бродяга и повеса,
Дом которого – «Земля под небесами»...
Ах, «Колокольчики» – маленькая принцесса
С такими суженными азиатскими глазами!

Принцесса «Колокольчики» – ещё совсем ребёнок,
Ей не исполнилось четырнадцати вёсен,
И для неё, как говорит поэт: «Звонок
Ветер, перебирающий струны сосен».

Гадает месяц в воде отражением,
Говорят о счастье храмовой завесы складки:
Для принцессы «Колокольчики» – всё полно значением
Какой-то жуткой и радостной загадки.

Как ребёнка, но страстно и грубо
Принцессу «Колокольчики» берёт на колени
И терзает поцелуем губы
Марко Поло – искатель приключений.

Сын расы – новой и полнокровной,
Не дающий, но взять всегда готовый, –
Для него столетья поступью ровной
Не проходят: «День его – день новый»...

Смуглую грудь прикрывает она руками,
Но разве оттолкнуть его – в её власти?
...И на Марко Поло глядят суженными глазами
Тысячелетья и провалы иной страсти
(Волков, 1934, с. 11).

Разностопность строф, колебания стихотворного метра, неточность рифмовки, анжамбеманы – все эти приемы усиливают повествовательность лирического высказывания, придают поэтической мысли свойство вольного течения. Одновременно такая организация стихотворного целого служит поэтической характеристикой героя – «бродяги и повесы», «сына расы – новой и полнокровной», для которого «столетья поступью ровной / Не проходят».

Лирический сюжет стихотворения построен по принципу контрапункта: слабости и силы, неискушенности и опыта, юности и зрелости, а в более крупном плане – двух во многом противоположных культурных кодов, противопоставленных как поэзия и проза. Предчувствиям и ожиданиям юной героиней загадочной, пугающей и одновременно манящей интриги любовного свидания, овеществленным в струнных звуках ветра, водных отражениях месяца, трепете складок храмовой завесы, резко антитетичны грубые, «терзающие» действия героя. На этом противостоянии строится динамика стихотворного сюжета, поддерживаемая динамизмом художественной формы.

Образ Марко Поло вновь появляется в стихотворении «Путь в Катэй», завершающем цикл «Звездный караван-сарай». Здесь Поло представлен как первопроходец, впервые «набросавший» путь в Китай, по которому «сквозь хаос времени, народов, стран» движется в своих мечтах лирический герой Волкова. Причем это в первую очередь духовный путь, разворачивающийся во времени не вперед, а вспять, к древней мудрости Лао Цзы:

От «Рубайят» изящного Хайяма
Сквозь хаос времени, народов, стран, –
Моя мечта – настойчиво, упрямо –
В Китай ведет верблюжий караван.

Зане – исполнятся предсказанные сроки,
Их не узнают мудрецы...
Есть удивительные строки
У Лао-Цзы
(Волков, 1934, с. 29).

Имя О. Хайяма появляется в этом стихотворении не случайно. Скитаясь по странам Азии и Востока, Волков не мог не впитать в себя мудрости этих стран, в том числе философии ислама. Ее максимы поэт неоднократно включает в свои стихи, как, например, в стихотворении «Чай-ханэ», имеющем подзаголовок «Курдистан»:

Рассказы о нас изустно
Переходят из рода в род...
А вечер нисходит грустно
И тихо... Который год?..

И отдыха – поздно иль рано, –
Узнаешь ты: – нет нигде,

«Даже в волнах тумана
На голубой звезде». –

Осыпана в воду роза.
В черной руке – кальян.
Сквозь ткань лепестков, – наркоза
Вдохнет голубой туман.

И молвит вдруг: – «Волей рока.
Вся жизнь наша – лишь ступень...
В дикой стране Пророка
Ложится Святая Тень...»
(Волков, 1934, с. 26).

Стихотворение имеет сложную сюжетную структуру. Из первых двух стоп не вполне понятно, от чьего лица ведется речь: от самого лирического героя или его имплицитного визави, образ которого вырисовывается в третьей стопе несколькими поэтическими мазками. Из кальянного тумана, словно мираж, возникает фигура философствующего собеседника, в речи которого узнается носитель духовной традиции ислама с его главной максимой предопределенности: «Святая Тень» Божества покрывает все мироздание. Однако мотив «воли рока» придает идее божественной предопределенности трагическое звучание – по аналогии с жанром древнегреческой трагедии с ее ведущей функцией рока в судьбе героя. Стихотворению «Долина смерти» поэт предпосылает эпиграф из произведений поэта-суфиста XIII в. Дж. Руми: «Проснись, взгляни, как мир бежит неугомонный. Пойми, что караван идет, – не отставай!» (Волков, 1934, с. 27). Мотивный образ каравана / караванного перехода – характерная деталь восточной поэзии, символизирующий движение жизни: «Как странно жизни караван проходит» (О. Хайям. Рубайт ⁶). В стихотворении Волкова контаминируется символическое и денотативное значение мотива:

Знай, неизведанные дали,
Что скроет сумрачный туман,
И мы, сожженные, искали,
Ведя в пустыни караван.

<...>

Затем, когда был здесь, в пустыне,
Настигнут вихрем караван, –
Лег на песке полоской синей
Со мною рядом – ятаган
(Волков, 1934, с. 27).

В заключительной строфе поэт акцентирует символическую функцию мотива включением в нее усеченной цитаты из эпиграфа, а также прописной «Р» в слове «Раздумий», наделяющей его высоким смыслом философской рефлексии:

Возьми клинок.
И в час Раздумий,
Вернувшись в свой далекий край, –

⁶ <http://www.lib.ru/HAJAM/hajam2.txt> (дата обращения 24.05.2021).

Прочтешь в тоске на нем, как Румий:
– «Проснись!.. Пойми!.. Не отставай!..»
(Волков, 1934, с. 28).

Тема скитания в книге стихов Волкова, на наш взгляд, также соединяет два плана: реальный и символический. Здесь вновь возникает аллюзия на поэзию Руми, символика мотива скитания в которой имеет своим истоком реальные обстоятельства. Известно, что его отец Баха ад-Дин Валад был вынужден бежать из родного города Вахш под угрозой монгольского нападения и после долгих странствий обосновался в Малой Азии. Впечатления скитальческой жизни нашли отражение в философской поэзии Руми, ядром которой стало учение суфизма. Почву для символического истолкования мотивов странствия, путешествия создает само учение о пути суфийского познания, называемом «тарикат» (т. е. «дорога», «путь»). В этом ключе образ тяжелого караванного перехода символизирует этап мистического самосовершенствования (подробнее об этом см.: [Рейснер, 1994]). Отзвуки подобного инициального перехода слышны в мотивной перекличке стихотворения Волкова:

И гроздь звезд...
Их путь отмечен
Жемчужной пылью в тьме веков.
И говорят оне: – «Ты вечен,
Как мы, – будь к вечности готов».

Что из того, что мы когда-то
Пришли к неведомой черте?
Вновь от Востока до Заката
Идем мы те же и не те.

И ты придешь...
(Волков, 1934, с. 27–28).

Ислам, суфизм, философия Лао Цзы – мотивы этих восточных учений сплетают экзотический узор в первых циклах книги «В пыли чужих дорог», встраиваясь в изображаемые биографические обстоятельства и раздвигая их семантическую палитру. «Чужое» усиленно пытается сделаться «своим» – на уровне философского отношения к миру и судьбе самого поэта. Однако щемящее чувство родины оставляет в его душе ничем не восполненный след, о чем можно судить по финальным строкам стихотворения «О желании есть лук»:

Конечно, – артишоки и в масле спаржа, –
Все это доступно здесь – «для средних рук».
Но, представьте:
Кама... плывет баржа,

Ломти черного хлеба, а на них тонко –
Белый
Лук...
(Волков, 1934, с. 56).

Стихотворение относится к американскому периоду жизни Волкова и притягивает к себе совсем иной поэтический ряд, в котором ностальгия по родине про-

явлена «вещными» маркерами. Первое приходящее на память – цветаевское «Но если по дороге – куст / Встает, особенно – рябина...» (Цветаева, 1994, с. 315), а также строчки И. Чиннова:

Но если случайно, сквозь тень и прохладу,
Два желудя мальчик несет на ладони,
Опять – южнорусский июль на исходе,
И будто по озеру или по саду,
Тревожная зыбь по забвенью проходит
(В Россию ветром строчки занесет, 2003, с. 308).

Однако это уже иной ракурс поэзии Б. Волкова, связанный с другими аспектами его литературного диалога, – тема, требующая отдельного исследования. Хотя и восточная тематика предполагает дальнейшее изучение, подступы к которому предприняты, но далеко не исчерпаны в данной работе.

Список литературы

Забияко А. А. Лирика «харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 480 с.

Капинос Е. В., Полторацкий И. С. Строфика А. Ачаира // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия. Проза. Свидетельства. М.: Алетейя, 2020. С. 138–156.

Куликова Е. Ю. «Дальние небеса» Николая Гумилева: Поэзия. Проза. Переводы. Новосибирск: Свиньян и сыновья, 2015. 272 с.

Петров М. А. Симультианность в искусстве. Культурные смыслы и парадоксы. М.: Индрик, 2010. 176 с.

Проскурина Е. Н. Борис Волков. Возвращение забытого имени // Филологический класс. 2020. № 4. С. 60–69.

Рейснер М. Л. Трансформация традиционных мотивов в поэтических произведениях Абдаллаха Ансари (XI в.) // Поэтика средневековых литератур Востока. Традиция и творческая индивидуальность. М.: Наследие, 1994. С. 137–170.

Чернец Л. В. Стихование // Чернец Л. В., Семёнов В. Б., Скиба В. А. Школьный словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 2005. 191 с.

Список источников

Волков Б. В пыли чужих дорог. Берлин: Парабола, 1934. 176 с.

Вольная Сибирь. 1929. № 5.

Врата. 1935. № 2. С. 35–52.

В Россию ветром строчки занесет...: Поэты «парижской ноты». М.: Молодая гвардия, 2003. 375 с.

Записки ИРГО – Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1887. Т. 10, вып. 2: Посольство к Зюнггарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану Капитана от Артиллерии Ивана Унковского и Путевой журнал его за 1722–1724 годы. Документы, изданные с предисловием и примечаниями д. чл. Н. Ив. Веселовского. 276 с.

Николай Гумилев. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 606 с.

Новости жизни. Харбин, 1921. № 189–191, 195, 196, 199, 201. 205, 207, 209.

- Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5).
Поло М. Путешествие. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2015. 272 с.
Русская поэзия Китая. Антология. М.: Время, 2001. 720 с.
Русские записки. 1937. № 2. С. 99–113.
Унгерниада. Записки Б. Н. Волкова // Соколов Б. Барон Унгерн. Черный всадник. М.: АСТ-Пресс Книга, 2007. С. 317–444.
Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2. 591 с.
Partial Register of the Boris N. Volkov Papers, 1915–1963. Hoover Institution Archives 434 Galvez Mall Stanford University. Stanford, CA, 94305-6010 (650) 723-3563.

References

- Chernets L. V. Stikhovedeniye [Poetry]. In: Chernets L. V., Semonov V. B., Skiba V. A. Shkol'nyy slovar' literaturovedcheskikh terminov [School dictionary of literary terms]. Moscow, Prosveshcheniye, 2005, 191 p. (in Russ.)
Kapinos E. V., Poltoratskiy I. S. Strofica A. Achaira [Strophe of A. Achair]. In: Russkiy Kitay i Dal'niy Vostok. Poeziya, proza, svidetel'stva [Russian China and the Far East. Poetry, prose, testimony]. Collective monograph. St. Petersburg, Aleteyya, 2020, p. 138–156. (in Russ.)
Kulikova E. Yu. "Dal'niye nebesa" Nikolaya Gumileva: Poeziya. Proza. Perevody ["Distant Heavens" by Nikolai Gumilyov: Poetry. Prose. Translations]. Novosibirsk, Svin'in i synov'ya, 2015, 272 p. (in Russ.)
Petrov M. A. Simul'tannost' v iskusstve. Kul'turnyye smysly i paradoksy [Simultaneity in art. Cultural meanings and paradoxes]. Moscow, Indrik, 2010, 176 p. (in Russ.)
Proskurina E. N. Boris Volkov. Vozvrashcheniye zabytogo imeni [Boris Volkov. The return of a forgotten name]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2020, no. 4, p. 60–69. (in Russ.)
Reysner M. L. Transformatsiya traditsionnykh motivov v poeticheskikh proizvedeniyakh Abdallakha Ansari (XI v.) [Transformation of traditional motives in the poetic works of Abdallah Ansari (XI century)]. In: Poetika srednevekovykh literatur Vostoka. Traditsiya i tvorcheskaya individual'nost' [Poetics of medieval literatures of the East. Tradition and creative personality]. Moscow, Naslediye, 1994, p. 137–170. (in Russ.)
Zabiyako A. A. Lirika "kharbinskoy noty" kul'turnoye prostranstvo, khudozhestvennyye kontsepty, versifikatsionnaya poetika [Lyrics of the "Harbin Note" cultural space, artistic concepts, versification poetics]. Autoref. Diss. ... Doct. Philol. Sci. Moscow, 2007, 480 p. (in Russ.)

List of Sources

- Nikolay Gumilev. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 1991, 606 p. (in Russ.)
Novosti zhizni [Life news]. Kharbin, 1921, no. 189–191, 195, 196, 199, 201, 205, 207, 209. (in Russ.)
Novyy istoricheskiy vestnik [New Historical Bulletin], 2001, no. 3 (5). (in Russ.)
Partial Register of the Boris N. Volkov Papers, 1915–1963. – Hoover Institution Archives 434 Galvez Mall Stanford University Stanford, CA, 94305-6010 (650) 723-3563.

- Polo M. Puteshestviye [Travel]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo un-ta, 2015, 272 p. (in Russ.)
- Russkaya poeziya Kitaya. Antologiya [Russian poetry of China. Anthology]. Moscow, Vremya, 2001, 720 p. (in Russ.)
- Russkiye zapiski [Russian Notes], 1937, no. 2, p. 99–113. (in Russ.)
- Tsvetaeva M. Collection Works. In 7 vols. Moscow, Ellis Lak, 1994, vol. 2, 591 p. (in Russ.)
- Ungerniada. Zapiski B. N. Volkova [Ungerniada. Notes of B. N. Volkov]. In: Sokolov B. Baron Ungern. Chernyy vsadnik [Baron Ungern. Black horseman]. Moscow, AST-Press Kniga, 2007, p. 317–444. (in Russ.)
- V Rossiyu vetrom strochki zaneset... Poety parizhskoy noty [The wind will bring the lines to Russia... The poets of the Parisian note]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2003, 375 p. (in Russ.)
- Volkov B. V pyli chuzhikh dorog [In the dust of foreign roads]. Berlin, Parabola, 1934, 176 p. (in Russ.)
- Vol'naya Sibir' [Free Siberia], 1929, no. 5. (in Russ.)
- Vrata, 1935, no 2, p. 35–52. (in Russ.)
- Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, 1887, vol. 10, iss. 2, p. 240–249. (in Russ.)

Сведения об авторе

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
proskurina_elena@mail.ru
ORCID 0000-0003-2809-6780

Information about the Author

Elena N. Proskurina – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Section of Literary Studies of the Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
proskurina_elena@mail.ru
ORCID 0000-0003-2809-6780

**«Первая областническая сибирская поэма...»:
Алексей Ачаир, «Казачи» (1927)**

И. Е. Лоцилов^{1,2}, И. С. Полторацкий³

¹ *Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

³ *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья предвзряет републикацию поэмы харбинского поэта Алексея Ачаира (Грызова; 1896–1960) «Казачи», завершенной автором в ноябре 1927 г. Она была издана дважды в 1929 г. в труднодоступных для современного читателя изданиях: в двух выпусках сборника «Вольная Сибирь» (Прага) и в газете «Русское слово» (Харбин). Забытая поэма заслуживает внимания как случай раннего подражания поэмам Марины Цветаевой, в первую очередь «Крысолову», а также как развернутое сочинение, отражающее областнические умонастроения периода «бури и натиска» кружка «Молодая Чураевка», основателем и идеологом которого был ее автор. Кроме того, это самое большое по объему и самое значительное по масштабу сочинение Ачаира, единственная поэма, опубликованная при его жизни. Ачаир воспроизвел характерные приемы поэтики «большой формы» Цветаевой и попытался поставить их на службу задаче пропаганды сибирского областничества. Наряду с определившим художественный строй поэмы влиянием Цветаевой, в ней слышны и отголоски советской «левой», авангардной поэзии (Хлебников, Маяковский, Сельвинский), что делает мозаичным общее впечатление от поэмы.

Ключевые слова

Алексей Ачаир, литература эмиграции, литературные влияния, Марина Цветаева, поэма, русский Китай

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Мы благодарим В. А. Росова (Москва) и Н. И. Левченко (Новосибирск) за консультации, предоставленные сведения и материалы.

Для цитирования

Лоцилов И. Е., Полторацкий И. С. «Первая областническая сибирская поэма...»: Алексей Ачаир, «Казачи» (1927) // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 281–337. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-281-337

**“The First Regional Siberian Poem...”:
Alexey Achair, “Cossacks” (1927)**

I. E. Loshchilov^{1,2}, I. S. Poltoratsky³

¹ *Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

³ *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article precedes the republishing of the poem of the Harbin poet Alexei Achair (Gryzov; 1896–1960) “Cossacks”, completed by the author at the end of 1927. It was published twice in 1929 in hard-to-reach publications for the modern reader: in two issues of the collection “Free Siberia” (Prague) and in the newspaper “Russian Word” (Harbin). The forgotten poem deserves attention as a case of early imitation of Marina Tsvetaeva’s poems, primarily the Pied Piper, and also as a detailed essay reflecting the regional mentality of the “storm and onslaught” period of the “Young Churaevka” circle. In addition, this is the largest in volume and the most significant in scale work of Achair, the only poem published during his lifetime. Achair reproduced the characteristic techniques of Tsvetaeva’s “big form” poetics and tried to put them at the service of the propaganda of Siberian regionalism. Along with Tsvetaeva, who determined the artistic structure of the poem, echoes of Soviet poetry (Khlebnikov, Mayakovsky, Selvinsky) are also heard, which makes the overall impression of the poem mosaic.

Keywords

Alexey Achair, literature of emigration, literary influences, Marina Tsvetaeva, poem, Russian China

Acknowledgments

Research is financially supported by the grant of Russian Science Foundation no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer”.

We thank V. A. Rosov (Moscow) and N. I. Levchenko (Novosibirsk) for advice, information and materials provided.

For citation

Loshchilov I. E., Poltoratsky I. S. “The First Regional Siberian Poem...”: Alexey Achair, “Cossacks” (1927). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 281–337. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-281-337

9 апреля 1928 г. поэт Алексей Ачаир (Алексей Алексеевич Грыззов; 1896–1960) писал из Харбина известному идеологу и деятелю сибирского областничества, редактору выходивших в 1927–1930 гг. в Праге сборников «Вольная Сибирь» Ивану Александровичу Якушеву (1884–1935):

Посылаю Вам с этим письмом свою поэму «Казачи». И большая к Вам просьба, поспособствуйте мне. Она – первая областническая сибирская поэма. Нельзя ли её устроить в «Волну России» к июню месяцу – годовщине 1918–<19>28. Марина Цветаева в Праге? Быть может, Вы её ей покажете? Я не знаком с Цветаевой, но очень хотел бы с ней познакомиться. Её поэзия мне так близка. Сговоритесь с журналом

и о гонораре. Я буду Вам чрезвычайно признателен. Может быть, если эта вещь заслуживает внимания, её можно издать отдельным выпуском? И может быть с иллюстрациями... У Вас ведь есть сибирские казаки, они должны знать обстановку семиречья и станиц по линии...

Эта поэма – часть меня. В ней – моя вера в Сибирь и в сибиряков. Передайте мой поклон всем сибирякам в Праге ¹.

Автор письма не знал, что Цветаева еще в 1925 г. переехала во Францию. Ни в журнале «Воля России», ни в виде отдельного издания поэма Ачаира не была выпущена, однако в 1929 г. Якушев напечатал ее в двух выпусках «общественно-литературного и экономического сборника» «Вольная Сибирь» [Ачаир, 1929]. Примерно тогда же поэма вышла еще раз, в харбинской газете «Русское слово» (выпуск от 15 мая 1929 г.) [Хроника..., 2001, с. 393]; в новейшие издания наследия поэта [Ачаир, 2004; 2009] она не включалась. Лишь в миниатюрном издании, посвященном Ачаиру, под заголовком ««Всеначального войска сибирского круг...» (Отрывки из поэмы “Казаки”))» были воспроизведены фрагменты поэмы [Ачаир, 2013а, с. 154–174], по которым современный читатель может составить лишь приблизительное представление об этом сочинении.

Между тем полный текст поэмы представляет немалый интерес сразу в нескольких аспектах.

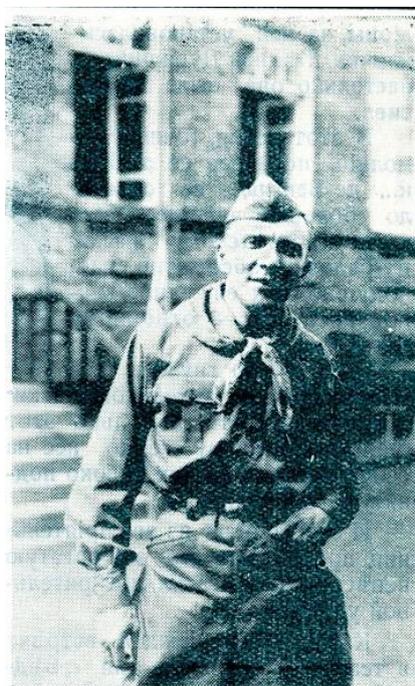
В первую очередь как случай раннего (можно сказать, оперативного) подражания большим поэмам Марины Цветаевой, имя которой упомянуто в письме к Якушеву отнюдь не случайно. Из ряда довольно многочисленных, как всегда в творчестве Ачаира, литературных влияний, стержневым в «Казаках», завершенных в середине ноября 1927 г., несомненно, является цветаевское. Во-первых, и в главных, это «Крысолов», публикация которого завершилась в начале 1926 г. («Воля России» (Прага), 1925, № 4, 5, 6, 7–8; 1926, № 1), и «Поэма лестницы» (там же, 1926, № 11). Видны также следы знакомства с ее сказочными поэмами, которые выходили в виде отдельных изданий: «Царь-девица» (М., 1922) и «Молодец» (Прага, 1924). Сегодняшний читатель «Казаков» в первую очередь вспомнит цветаевский «Перекоп»: обе поэмы посвящены событиям Гражданской войны (у Цветаевой в Крыму, у Ачаира – в Сибири), но говорить о влиянии было бы хронологической ошибкой: «Перекоп» был завершён 15 мая 1929 г. и не публиковался при жизни Цветаевой ².

Кроме того, дата завершения поэмы Ачаира – 14 ноября 1927 г. – близка ко времени создания «Молодой Чураевки». Литературный кружок, основанный Ачаиром в марте 1926 г., взял это название на собрании, состоявшемся в редакции «ХСМЛ журнала» 30 октября 1927 г. Поэма отражает умонастроения Ачаира

¹ ГАРФ. Ф. Р-5870. Оп. 1. Д. 156 (Общество Сибиряков в Чехословацкой республике. 1926–1935). Л. 19 – 19 об.

² Справедливо отметив цветаевское влияние в стихотворении Ачаира «Маслянице», напечатанном в харбинском журнале «Рубеж» в 1928 г., Л. А. Мнухин заблуждался, возводя строки из «Казаков» «Чагин?.. – Васька?.. Ты?.. / Владимир!..» к стихотворению Цветаевой «Советским вельможей...» из цикла «Маяковскому» («– Здорово, Сережа! / – Здорово, Володя!») [Мнухин, 2000, с. 294–295]: поэма Ачаира была написана и издана еще при жизни Маяковского, а цветаевский рекевием был напечатан в лишь в последнем (№ 11–12) выпуске журнала «Воля России» за 1930 г.

в период чураевского Sturm und Drang³, когда на платформе ХСМЛ³ он возводил причудливое сооружение из общеэмигрантского евразийства, сибирского областничества и «Живой Этики» Николая и Елены Рерихов (см: [Росов, 2009; 2018а; 2018в; 2018г; Забияко, 2007, с. 68–88; 2014, с. 249; Забияко, Крыжанская, 2010]).

Руководитель организации „костровых братьев“ А. А. Грызов.

Фотография Алексея Ачаира из журнала «Рубеж» (Харбин),
1929, № 23 (72), 1 июня, с. 15

Photo of Alexey Achair from the magazine “Rubezh” (Harbin),
1929, no. 23 (72), June 1, p. 15

³ С 1924 г. Ачаир занимал пост старшего русского секретаря ХСМЛ (Христианский Союз Молодых Людей; то же, что YMCA – Young Men’s Christian Association [англ.]). В ведомственной справке, сохранившейся в деле Ачаира в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), говорилось: «*Официальная деятельность ХСМЛ. ХСМЛ является мировой организацией, имеющей свои отделения почти во всех странах мира. Официально задачей ХСМЛ является воспитание молодого поколения в духе христианства и культурная помощь тем странам, на территории которых находится ХСМЛ <...> Истинная цель существования ХСМЛ. В Маньчжу Ди-Го ХСМЛ является американской организацией. Здесь он выполняет две задачи: пропагандирует идеи, необходимые для политики Америки; содействует шпионской работе Америки в крае*» [Забияко, 2007, с. 75–76]. Показательна эпиграмма «темного гения» «Молодой Чураевки», поэта Николая Петерца (1907–1944): «Вторники чураевские – гроб, / Где всегда прославленный в народе / Ачаир, американский поп, / Ныне областничество разводит» (цит. по: [Волин, 1997, с. 227]).

Наконец, поэма «Кзаки» важна для понимания литературного пути самого Ачаира. Это самое крупное по объему и значительное по масштабу замысла из дошедших до нас сочинений поэта, единственная подготовленная им к печати поэма⁴.

Благодаря протейскому характеру своей музыки Ачаир достаточно точно воспроизводит поверхностные черты организации текста цветаевского «Крысолова» (и еще не написанного «Перекопа»⁵), вплоть до графического оформления и пунктуационной бижурии. Вместе с тем художественная природа «Крысолова», кажется, вовсе не учитывается им. Особенно наглядно это проявилось, например, в репликах рыночных зазывал из двух поэм; при внешнем сходстве «лирическая сатира» почти курьезным образом оборачивается евразийской или областнической идиллией:

– Ó – вощи да с гряды!
– Сó – вести для судьи!

Кур – ки-цесарки,
Невесты-перестарки,
Свежй, с постельки
Вдовицы-коротельки. <...>

Но – сы приплюснутые:
– Чего бы вкусенького?
Ла – дошки – ширмочками:
– Чего бы жиренького?
[Цветаева, 1997, с. 62];

⁴ Еще одна поэма, «Борис Савинков», была найдена и опубликована В. А. Росовым (см.: [Ачаир, 2013б; Росов, 2018б]); она отмечена определившим ее ритмико-интонационный строй влиянием Гумилева. Сохранившийся фрагмент его первой поэмы, «Огляда» (1922) [Ачаир, 2009, с. 368–372], свидетельствует о знакомстве автора с «Песней о Гайавате» в переводе Ивана Бунина. В письме к И. А. Якушеву от 15 марта 1930 г. Ачаир упоминал еще одно сочинение, не дошедшее до нас, как и многие другие, из-за драматических перипетий жизни поэта, относящееся к большой форме (поэма или цикл стихотворений): «Я хочу напечатать в “Воле России” мою полу-поэму: “Эй, люди!”, которую, м<жду> пр<очим>, я посвятил Марине Цветаевой» (ГАРФ. Ф. Р-5870. Оп. 1. Д. 156. Л. 37).

⁵ Говоря об «авторских интертекстах из “Крысолова”» в «Перекопе», О. Г. Ревзина писала: «Воздержимся от ответа на вопрос, насколько <...> переключка текстов двух поэм входила в сознательный замысел Цветаевой. Однако факт налицо: то, что на уровне вне-текстовой действительности предстает как разное и оценивается по-разному, сквозь призму текста обнаруживает сходство» [Ревзина, 2009, с. 207–208]. Если сюжет в «Крысолове» поддерживается общеизвестной сказочной фабулой, то в «Перекопе» Цветаевой понадобилось обоснование последовательности глав в дневниковой природе их «первоисточника» («Последнего Перекопа не написала – потому что дневника уже не было, а сам перекопец <...> к Перекопу уже остыл» [Цветаева, 1997, с. 178]). Ачаир внедряет в художественную ткань «Кзаков» сюжет романного типа («роман в стихах»), однако в итоге читатель может составить лишь смутное представление об отношениях и перипетиях, связывающих персонажей: Владимира Чагина, Василия Ченцова, Любовь Сергеевну и Варвару. Любопытно, что открывают цветаевский «Перекоп» строки, отсылающие к сибирской памяти: «– Каб не чех! / – Каб не тиф! / Кто-то: – эх! / Кто-то: – жив // бы Колчак... / Солнцёпёк. / Солончак / Перекоп // Наш» [Там же, с. 148].

Татары,
базары,
цветные
шатры.
Палатки
и юрты,
и в юртах –
ковры.

Киргизы
и сарты,
и говор,
и спор.
И бег адъютанта,
и звяканье шпор...
[Ачаир, 1929, V, с. 19];

Поволжье и барки.
Товарки.
Сударки.
Пельмени горячи!
Пельмени горячи!

Самара. Сарепта.
Сарепта. Горчица.
А хлеб-то, а хлеб-то!..
Ползет, волочится...
[Там же, VI–VII, с. 34]

Важно помнить о мелодекламационной практике Ачаира, очаровывавшей современников, особенно молодежь. Приведем два мемуарных свидетельства, авторы которых приводят в качестве примеров именно фрагменты поэмы «Казакки»:

Инициатором Чураевки был молодой казачий офицер, белопоходник, Алексей Алексеевич Грызлов, писавший под псевдонимом Ачаир (Ачаир – сибирская станция, где он родился). Он был очень музыкален, сам подбирал к своим стихам музыку. Поэму «Казакки» он читал, аккомпанируя себе на рояли, легким задорным стаккато:

Стукоток стукоток
Топоток топоток
На восток...

В музыке, в стихах, которые, казалось, лязгали как копыта на мерзлом снегу, слышалась летевшая на конях, не покорившаяся красным, казачья Сибирь.

Всеволод Иванов, редактор большой газеты «Гун Бао», сам считавший себя поэтом, брюзжал:

– Язык дан человеку, чтобы выражать мысли, а не лязг копыт. <...>

Хрупкий, несмотря на свой высокий рост, белокурый и голубоглазый, типичный северянин, Ачаир мало напоминал сибирского казака – они большей частью коренастые, смуглые, черноволосые. Застенчив он был, как девушка, на эстраде Чураевки выступал не так часто, вероятно – из деликатности, чтобы не получалось, что «хозяину аплодируют в силу его хозяйского положения». Гораздо чаще слышала я его на других вечерах, куда его приглашали нарасхват [Крузенштерн-Петерец, 1968, с. 51];

Внешний облик поэта помню отлично. Это был довольно высокий, белолицый, очень мягкий, безусловно вежливый человек. Из-за какой-то контузии во время гражданской войны у него бегали глаза, и гимназисты тоже от него бегали, ибо не любили его многословных поучений о пользе добра.

Таким же – многословным, утомительным, но чистейшим человеком был Ачаир и в своих стихах, которые, впрочем, выигрывали при чтении их под аккомпанемент рояля. Ачаир сам подбирал к ним музыку, и завсегда открытые вечера Чураевки (по вторникам) очень любили его «Пичугу», «Тянь-Шань», «Стукоток-топоток» [Перелешин, 1972, с. 5]⁶.

У поэмы нашлись поклонники в эстетически относительно консервативной среде старых областников: «Известный государственный деятель, агроном и сибиряк И. К. Окулич <(1871–1949)>, проживавший в эмиграции в Канаде, отозвался на эту публикацию в письме к Якушеву от 21 декабря 1929 года: “Стихи Грызова удивительны. В первый момент кажутся набором слов, какой-то декаденщиной, а потом улавливаешь целую картину”» [Росов, 2018в, с. 85].

Газетные рецензенты были менее доброжелательны:

Что сказать о «Казаках» А. Ачаира, названных «поэмой». Написана она рваным стихом, искусственным и иногда искусным, но, в общем, это манера, и манера скучная. Но некоторые картинки, написанные мазками, вышли удачными из-под пера несомненно талантливого автора. Больше бы ему простоты, вместо погони за модернизмом [Могиланский, 1930, с. 6].

Парижский рецензент не удостоил поэму даже упоминанием имени ее автора⁷:

...невразумительная, шелкающая короткими строками, как горохом, длиннейшая поэма «Казаки», вольные упражнения по образцам Маяковского [К., 1930, с. 5].

«Возрождение» вообще выражало скепсис по поводу направления издания – в тоне, напоминающем литературную колонку Гулливера (общий псевдоним В. Ф. Ходасевича и Н. Н. Берберовой):

В Праге выходит на русском языке альманах или литературный сборник «Вольная Сибирь». Тон альманаху дают сибиряки-областники, требующие автономии или даже государственной самостоятельности. Так, некто г. Якушев пишет в последнем номере: «Сибирское областничество не предвещает вопроса о путях имперского строительства. Оно одинаково способно удовлетвориться и на путях сложного унитарного государства, с предоставлением Сибири автономии, как и на путях союзного государства, с предоставлением ей прав штата или частного государства. <...> Вот почему мы являемся не только республиканцами и демократами, но вместе с тем и федералистами. Ибо путь федерации дает все преимущества объединения национальностей и областей России, без тех недостатков централизованного, механического объединения, чем сильно страдала царская Россия, и о чем так много в свое время писали старые областники». Не знаем, от имени кого г. Якушев гово-

⁶ «Тянь-Шань», «Стукоток-топоток» – несомненно, отрывки из «Казаков»; стихотворение «Пичуга» («О, я в Испании не был...»; 1930) Ачаир включил в свою книгу «Тропы» [Ачаир, 1939, с. 52–53].

⁷ Поэма и ее автор полностью были названы в анонсе, сообщавшем о выходе в свет пятого выпуска «Вольной Сибири» («Возрождение» [Париж], 1929, т. 4, № 1424, 26 апр., с. 5).

рит это «мы» и какие силы за «мы» скрываются. Возможно даже, что и ничего не скрывается [Без подписи, 1930, с. 3]⁸.

За именем Маяковского стоит некоторое обобщенно-пренебрежительное отношение к «новым веяниям» в поэзии. Сегодняшние исследователи вспоминают в связи с «Кзаками» имена Блока, Маяковского и Цветаевой, оценивая поэму порой противоположным образом⁹. Отметив, что, например, начало главы II («В станице») воспроизводит ритмико-интонационный и отчасти образный строй стихотворения Иннокентия Анненского «Снег» из «Трилистника ледяного» (1909), обратим внимание на другие влияния, так или иначе связанные с Маяковским и советской поэзией.

Это поэма Велимира Хлебникова «Настоящее», изданная в Москве в 1926 г., и поэма Ильи Сельвинского «Улялаевщина», отрывки из которой стали появляться в советской печати с 1925 г. «Сказка про Северяну» (персонификация Сибири), которую рассказывает в поэме Ачаира старик Ермолаич, написана, в подражание Сельвинскому, неурегулированным тактовым стихом «Улялаевщины». Видимо, оценив убедительность тактовика для передачи суржика (или ритмико-интонационного впечатления, которое он производит), Ачаир смело переносит этот размер в главах II и XIV на имитацию характерных особенностей речи старого сибиряка Тихона Ермолаевича.

К знакомству с творчеством Сельвинского и других конструктивистов восходит у Ачаира, видимо, и задача имитации народной речи, которую он решил прямым наложением диалектных форм на восходящий к Анненскому 2-стопный анапест:

Да старик Ермолаич,
желто-серый – как снег:
– Чо, аль сказку жалате?
Рассказать вам, аль нет?
[Ачаир, 1929, V, с. 16].

⁸ В переписке Ачаира с Георгием Гребенчиковым, впрочем, речь заходит об установочном докладе Л. Д. Троцкого «О Сибири», изданном брошюрой в 1927 г. (см.: [Росов, 2009, с. 255]). Об отзыве анонима Ачаир писал Якушеву 15 марта 1930 г.: «Между прочим, Тамара Андреева очень обижена на отзыв в “Возрождении”. На днях она с присущим ей энтузиазмом (или как иначе?) выражала мне своё возмущение по этому поводу. Впрочем, по адресу некоторых Европейских эмигрантских изданий у нас, восточников, нередко можно слышать такие эпитеты, вроде: “приют для хроников”, “убежище престарелых литераторов” и т. д. Но мы, здешние, конечно, б<ыть> м<ожет> уж слишком запальчивы» (ГАРФ. Ф. Р-5870. Оп. 1. Д. 156. Л. 37). Тамара Петровна Андреева (? – ?), харбинская поэтесса, принадлежавшая к кружку «Акмэ»; в конце 1920-х гг. переехала в США.

⁹ Ср., например: «По масштабу литературного решения и идейному замыслу “Кзаки” соперничают с блоковской поэмой “Двенадцать” (в одном случае изображена русская революция, в другом – Гражданская война), хотя любимым поэтом Ачаира является всё-таки не Александр Блок, а Марина Цветаева» [Росов, 2018б, с. 72]. «В поэме А. Ачаира “Кзаки”, написанной в стиле “Двенадцати” А. Блока, но отличающейся отсутствием художественной формы, единства стиля и беспомощным подражательством, рассказывается о попытках создания автономии в Сибири» [Барсукова, 2008, с. 152]. Предоставим судить читателям поэмы, кто из ученых ближе к истине.

Лощилов И. Е., Полторацкий И. С. «Первая областническая сибирская поэма...»

Когда в «Перекопе» народную речь («землячки сговариваются») потребовалось передать Цветаевой, это получилось у нее и компактнее, и элегантнее, и убедительнее:

Пот-то – наш,
И власть – нам.
Понимаешь?
– Понимаю
[Цветаева, 1997, с. 159].

Объединив вокруг задачи пропаганды областнических идей средствами поэзии наиболее «левые», авангардные тенденции как эмигрантской (Цветаева), так и советской (Сельвинский) поэзии, Ачаир не встретил, кажется, понимания ни в литературном, ни в «областническом» мире, и этот опыт не получил продолжения. «Визитной карточкой лиры поэта» [Штейн, 1997, с. 141] и сегодня остаются его ранние строки, выдержанные в тональности Надсона и Некрасова. В этих строках эмигранты Востока и Запада легче распознавали свидетельство о своей судьбе и о «миссии российского исхода» [Там же, с. 140], чем в «рваном стихе» «Казанков», и запомнили имя их автора:

Не сломала судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
А за то, что нас Родина выгнала –
Мы по свету её разнесли
[Ачаир, 1925, с. 70].

Могила Алексея Ачаира на Заельцовском кладбище (Новосибирск).
Участок 73. Фото И. Е. Лощилова
The grave of Alexei Achair at the Novosibirsk cemetery “Zaeltsovskoe”.
Section 73. Photo by I. E. Loshchilov

Поэма воспроизводится в приложении по: [Ачаир, 1929]. Текст в основном приведен в соответствие с современной пунктуационной нормой, графические особенности оригинала сохранены. Написание имени «Вальтер Скотт» исправлено на «Вальтер Скотт». Написание слов «шопот» и «шопоток» исправлено на «шепот» и «шепоток»; «казаченок», «внученок», «девченка» – на «казачонок», «внучонок», «девчонка»; «невиданый» – на «невиданный»; «итти» – на «идти»; «дышет» – на «дышит»; «не-чет» – на «нечет»; «холщевые» – на «холщовые». Многочисленные случаи авторского пунктуационного творчества с произвольным количеством знаков приведены к виду «...», «!!!», «!..», «?..». В тексте главы V (строфа «По кру́гу – по по́лю – ~ землей пути!») сохранены как значимые «длинные» (утроенные) знаки «тире».

Приложение

Алексей Ачаир

КАЗАКИ

I. КАЗАКИ НА ПОХОДЕ

«Рано утром весной¹
на редут крепостной
раз поднялся пушкарь
поседельй.
Брякнули сабли кольцом,
дернул сивым усом
и раздул свой фитиль
догорелый»¹⁰...

Шепоток.
Шепоток.
Стукоток.
Стукоток.
Топоток.
Топоток.
На восток?
– На восток!..

«Он у пушки стоит,
сам на крепость глядит
сквозь прозрачные волны
тумана.

¹⁰ Из казачьей песни-поэмы сибирского войска времен киргизских набегов. 1-я четверть XIX столетия. <Примеч. автора.>

Вот мелькнул белый флаг
у высоких палат
удальца,
молодца-атамана»...

Два коня идут рядом.
Серый машет хвостом.
Над казачьим отрядом –
в небе коршун – пластом.

Шепоток –
это был.
Шепоток –
это пыль.
Стукоток –
это ключ.
Стукоток –
стук певуч.
Топоток –
от копыт.
Топоток –
это быт.
На восток –
это грань.
На восток –
ну-да, грянь:

«Застучи, моя дубинка ⁱⁱ,
заиграй, моя волынка...
Люба – любя – любя – любя – любя!..
Люба – любя – любя – любя – любя!» ¹¹...
Шепоток – это был от веков.
Шепоток – это пыль от подков.
Стукоток – это ключ по камням.
Стукоток – стук певуч к стремянам.
Топоток – от копыт по земле.
Топоток – это быт на заре.
На восток – это грань от зари.
На восток – ну-ка, грянь – да замри:

А по́ небу, по́-небу серому
не летать соколенку смелому.
Соколенок – голубь: на привязи!
Соколенок малый не выкормлен.

Шепоток – стукоток – топоток...
Землю бьет – переплет – конских ног...

¹¹ Сибирская казачья плясовая песня. <Примеч. автора.>

Между гор – по пескам – кишлаки...
Мимо них – на рысях – казаки...
Шепот –
топот –
стук и
грохот.
Стремена
звонят
о шашки.
Пыльны
белые
рубашки.
Пики –
острые
зубцы...
Бубенцы –
гонцы –
певцы...
Сбиты
мягкие
фуражки
на
нахмуренные
лбы...
Вдоль дороги...
Первый – сотый...
Не считать ли вздумал,
што ты?
Вдоль пути –
столбы –
столбы...

Тридцать первый...
Чет или нечет?
На струне – не коршун – кречет...
Столб бежит тридцать шестой...

Рысью – рысью – по дороге.
По струнам – по теням – ноги.
У версты – три – ста – ... стой!..

С т – о – й!!!
Привал.
С т – о – й!..
Вал.
Муллушка.
Не молельня – крепостца...

Смотрит,
с пояса сняв кружку,
казачонок на отца.

Старый вахмистр
вертит ножку.
Но кисет –
малинов-цвет.
На кисете –
по дорожке –
вышло крестиком:
«при – вет»...

У земляной
груды вала
зной глотнула
духота.
Здесь бежала –
убежала –
утонувшая
вода...

В зное – рек ли?
В жаре – в пекле –
по песку – казачья жизнь.
Пыль – дорога гнется петлей.
Подтянул подпругу – нет ли –
– Са – ди – и – сь!..

Ну-ка, песенники, в ряд!
Выходи перед отряд!
Эй, вы, песенники, – пой:
Где казак, Любуша, твой?
Как в станице, говорят, –
девки ласковы подряд.
Твой казак – как вешний снег.
Был казак – пропал и след...

Кзаки – точно птицы.
Им – летать, да расти...
А станицы – станицы –
где-то там – позади...

II. В СТАНИЦЕ

На морозце крепчатом –
ледяные пути
Со двора казачатам
надо коней вести.

Посиневшие губы.
Пальцы – красный кумач.
На парные, на крупы –
залететь бы –
и вскачь!..

Да старик Ермолаич,
желто-серый – как снег:
– Чо, аль сказку жалате?
Рассказать вам, аль нет?

Задрыгали – зашмыгали
пимами – как ежи.
У шапок уши: дрыг-дрыг-дрыг...
– Скажи-ка!.. расскажи!..

Лед скатился по снегу
голубицы синей.
Вышли по льду на реку
семь казачьих коней...

И на речке, где прорубь,
Где хрусталь, да алмаз –
спит невиданный город.
Начинается сказ...

(Сказка про Северяну).

А как встанет
во весь рост –
как встанет...
Сердце захлестнется –
ноги – хрупь.
Голова дурманится:
чешуйчатый хвост –
Господи, – достанет!..
Человек –
а валится –
в прорубь,
в глубь...

Взвизг, всхруп, топот копыт...

И – как тетива:

Се – ве – ря – на!!!

Владычица, подсоби!

– Дяденька, а, дяденька, дорожка куда-сь?

– Ась?

– Семь чебачков наловили вчерась.

– Вы чо, из охотничков?

Визжит пила у морозца плотничка.

Стучает молоток:
ток – ток,
ток – ток – мосток.
За мосточком – лесенка.

За лесенкой – терем.
На слово, говорит, верим:
потому – песенка.
И говорит гневно:

Северная, брат ты мой,
Северная.
Се – ве – ря – на!
Царевна...

За станицею – школа...
А за школой – разгон:
Кто на Терек –
кто на Дон.
В карьер – марш-марш!
Государя моего –
хорунжий – наш!

Плещет сумрачный Иртыш:
– Или... камыш...
Плачет горько Селенга ⁱⁱⁱ:
– Кобдó... Урга...
Кто на Терек –
кто на Дон –

свой берег,
дом...
Самарканд,
Коканд,
Термез –
из дому,
в лес...

И 16 лет – как сон.
В 17 – встань!..
Пограничный гарнизон.
Тышкан ^{iv}.
Тянь-Шань.

III. ВЕЧЕР В ВОЕННОМ ЛАГЕРЕ (Вальс)

Манят напевы
меж гор огнями...
– Любовь Сергевна,
пришли за Вами!..

Духи и веер...
Платок – надушен...
– Катюша, где Вы?..
– Ах, нет, – не нужно!..

Прическа в газе.
В столовой – встреча.
– Пора уж разве
идти на вечер?..

Манят из мрака
оркестра трубы...
– Темно, однако,
идти до клуба...

Мерцают звезды,
темнеют валы...
– Скажите, поздно
у вас начало?

Палатки – беды.
В тени – друг к другу...
Зовут напевы.
Клянутся трубы...

О, звезды, взять бы –
да с неба – о-земь!!!
– Ах, не соврать бы,
как будто – в 8...

(Мазурка).

Пара за парой!..
Полною чарой –
пейте веселье.
Бегайте в жмурки...

Звуки, сплетайтесь!
Пары, слетайтесь –
в радостном беге –
в темпе мазурки...

Шорох ног.
Шелест трав.
Шепот грез.
Ах!..

Залиты светом –
плавно скользите!
А на паркете –
в зале – цветник.

К люстре от люстры –
светлые ники.
Искристый брызжет
жизни родник...

– Любовь Сергеевна...
Можно ли: Люба?..

Вы точно северный
хрупкий цветок.

В тихом ответе –
алые губы...
Шелест трав –
шепот грез –
шорох ног...

(Буфет).

– Собирайтесь-ка вы, казаченьки,
во единый, во-о кружок!..
– Ты уж пьян, должно быть, Васенька!
Спать пора идти, дружок...

– К черту спячки!
Скоро скачки.
Лопнул приз:
хромой киргиз.
Будь он проклят!
Чо за рохля!
Вся вода –
к копытам вниз...

(Карточная)

– Семь пик!..
– Семь треф!..
– А я держу...
– Ну – восемь!..
– Просим!..

(Биллиардная)

– В лузу... – Ловко!..
– Дуплетом в угол уложу...
– Прошу!..
– Ах, чтоб ее, чертовка!..

(У стойки)

А на стойке
рюмка с рюмкой:
дзинь-дзинь-дзинь!..
А настойки
капля с каплей:

буль-буль-скок!..
– Выпьем, Вася!
Чо, не хочешь,
мамин сын?
Брось ты сотню, –
чо ты хнычешь?
Ну? Глоток!
За здоровье
то-го,
кто не любит
ни-ко-го...
У-рр-а!!!
– Спать пора!

IV. В УЩЕЛЬЕ. ПИКНИК

Шорох ног.
Шелест трав.
Шепот грез.
Ах!..
Шепоток.
Стукоток.
Топоток.
Синий мох.
Синий мрак.
Звон стрекоз.
Ах!
Рокот вод.
Рокоток.
Шум-поток...
Водопад –
дождь и град –
со скалы –
хлынь.
Шум лилов.
Черный ров.
Звон стекла.
На горах снеговые
ковры –
скинь!
Шесть ковров,
пять ковров –
и скала...
В черном рву
громовая
вода –
ринь!

Со скалы
в белый пар,
в черный низ.
Аверху
снеговая
гряда –
синь.
На скале,
на коне
спит киргиз...

Шорох ног.
Шелест трав.
Шопот грез.
Ах!..
Белый мох...
Белый знак.
И откос...
Ах!!!

– Хорунжий Чагин!..
– Хорунжий Чагин...
– Ау!..
– Ау...
В шумящем мраке
ребенок – всякий.
Ау – зову.
– Любовь Серг... Грохот...
И блеск... В потоке
бурлит вода.
– Хорунжий Чагин!!!
В гремящем мраке:
– Вот так всегда!

Ревет ущелье.
Грохочут глыбы.

Цок-цок-цок-цок!..
Скрежещут мелью
подков изгибы,
как говорок.
– Хорунжий!.. Чагин!..
Внизу – во мраке.
– О, Боже мой!..
Глаза сквозь слезы...
Зовут утесы:
– В поток – за мной!!!

На отлогой горе –
аул...
По камням –
водопад
и шум...
– Любованя, скорей!..
Ау!..
Страх коня.
Гром и ад.
И – гул...
Гул гудит, шум шумит, – порог...
И с горы – конь в обрыв!..
И поводья из рук –
И молитва, – как шелест губ.
И на глыбах – борьба – вода...
Словно рыба...
– СЮДА!.. СЮДА!!!...
Берег... берег...
за тем!.. к тому!..
Кто доверит любовь?.. кому?!
.....
И с седла –
над водой –
и крик:
.....
Бьется конь,
вместе с той,
между – глыб.
.....
Два коня...
Тихий взгляд – и блеск...
– Ты меня...
Водопад и плеск...
И сквозь слезы,
целуя:
– Мой!
Ты с откоса...
– И ты со мной!
(Пикник).
– Мы вас ждали, ждали, ждали!..
Скатерть белая на мху.
Камин – серые
скрижали –
на малиновом верху.

Как зеленый,
темный витязь,
смотрит бурая
сосна.
– Чагин, Чагин!.. Ну, садитесь!..
– Эй... вина!

Шум, веселый
говор,
песни,
ржанье,
звон и стук
подков...
– Дериглазов, хоть ты тресни,
а чтоб вовремя был плов!

Два барана,
три барана,
черный масляный
казан!
Девки пьяны,
парни пьяны.
Повар стал,
а был казак!..

А шашлык на угольках:
трах-треск-крах!..
Сало топится в кусках,
с угольком – в руках...

Наливай, сосед соседке,
соседка любит пить вино!..
Подноси сосед соседке...
– Вася, ты уж пьян давно!..

– Люба, что же вы стоите?
Вам не жалко ваших ног?
– Ну, а что ни говорите...
Чагин с Любой – шепоток.

– Сяду... я ведь так... устала...
все в седле – с 6-ти утра...
– Наливай сосед соседке –
соседка выпила!.. Ура!!! ...

V. СКАЧКИ

Татары,
базары,
цветные
шатры.

Палатки
и юрты,
и в юртах –
ковры.

Киргизы
и сарты^v,
и говор,
и спор.
И бег адъютанта,
и звяканье шпор...

Оркестр, два оркестра.
И поле – и гладь...
– Кто первый, кто первый?..
кто будет скакать?..

Зеленый, пунцовый,
оранжевый цвет...
– Ну, приз за Ченцовым!..
– Помилуйте!.. – Нет, –
у Чагина – Быстрый... а Ваське... куда!?..
И смех, серебристый...
– Сюда, господа!

В палатку, в палатку –
в палатке простор, –
пляши хоть в присядку
под звяканье шпор.

А возле – а кругом –
на скамьях – пестро.
Друг с другом – за другом –
шелка – серебро...

Малиновый – серый –
под солнцем цвета...
– Куда вы там сели? –
садитесь сюда!..

Жена командира
и дамы полка.
– Ах, Люба!.. как мило!..
(и взгляд свысока).

У юрты, где тесно –
бутылки: хлоп-хлоп!..
И звуки оркестра –
 в разбрежку,
 в галоп!..

А в юрте,
 где жарко от белых кошом –
влиятельных
 сартов
 поят – кумысом...
– Напился? – Кончало!..
На миг – не дыша...:
– Начало... начало...
Шажком – не спеша –
тут в кителе белом,
красней чем коралл –
среди офицеров
идет генерал...
А в поле – на воле –
где начался круг –
семь всадников бродят,
семь маленьких мух...
Сжимаются губы...
Миг... шорох... молчи!
Берутся за трубы.
Трубят
 трубачи:
– СКАЧИ!.. ЛЕТИ!!.. СТРЕЛОЙ!!!...
Первый вал. Первый взлет. Взлет второй.
По кругу – по полю –
через мосты —
в карьере — в топоте —
взметнув хвосты!!!
И в вихрь — поводьями —
 играй, пусти!.. –
но поповодьями –
 землей пути!
ХЛОП-клуб!.. Через барьер... Bravo!
Ура!.. ура!.. – Кто идет первым, кто вслед?..
– Это Ченцов... – Нет, это Чагин, справа...
Голова в голову, след –
в наступающий след...
«Мы дружно на врагов...^{vi}
на бой, друзья, спешим,

– Что главное в жизни?
– Что вдруг – отнято!..
– Джигиты, джигиты
уж скачут!..
– К местам!..
Развитым, разбитым –
не взрять мечтам.

VI. ДОРОГА. БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Туман... туман...
Умаялся...
– Эх, ты!..
На людей, хоть кнуты
а на скотину...
– Правь на плотину!
– Ишь, ты пакость-то – пегая...
– Хлебушка... накося!..
Стены... бело...
Стены...
Стоп:
ось – над телегою!
– Туман... туман...
белый лоб... патлы – клей...
– Куды тебя
к чорту занесло?
– Пра – вей!..
– По рюмочке, значит, выпили, –
раз – вез – ло...
Ерепенится...
– Как говоришь?.. куды?
– Сворачивай!
– Барыня с дачи вот
едак пела:
разом –
млела!..
Даль-то... даль-то...
бе – ла – я,
пенится...
Туман... туман...
Пути нет:
заслал белый свет!

Из тумана –
тошным-тошно.
Из тумана –
светлым-светло.

Из тумана –
больным-больно.
И ступить нельзя.
И достать нельзя.
Разве сослепу
воплем по небу,
не крестясь:
– Заступница!
Помилуй нас
грешных,
да и в грязь!..
Лапоть-то в дырках,
И онуча вылезла.
– Матушка просвирня
белой ручкой вынесла:
«Пей, говорит, касатик!»
А сзади-то, сзади-то
семь аршин не мереных.
Разве бы поверил бы?
– Куда тебе грязному мужику,
сопляку,
олуху!..
Говорит –
да и по́ уху!
Говорит –
да и по́ уху!
Знай наших, –
да и взашей!

VII. ДОРОГА. СИНИЙ ЦВЕТ

Синь-кафтан.
Небо – сине.
Охота...
– Вы читали... Вальтер
Скотта?
Конь – хвост трубой.
Грива – дугой.
Один. Другой.
Третий.
Ручуки – как плети... ^{vii}
– Читал-ла...
– Ах, вы, милые мои дети!
Губы синие –
(в укусе вымыла)...
– Он уж просил... просил...
Мэ, ву компрене, ма шери ^{viii} –
не партия.

– Не потрафило, значит?
У самой норы хвост волочил!..
– Сво-ло-чи!..
Вслух: на вашей шейке –
родин-ка.
– Ах,
Борис,
оставьте!..
– Все в виц-мундирах...
Государыня вышла...
Бюхляев-то затянулся –
воротником сдавило,
еле дышит –
синь-синешенек...
– Не вылезет,
как бы ни гнулся!
– Почем знать!..
– Почем, спрашиваете?
Для вашего сиясь,
не скупясь,
20 целковых аршинчик.
– От – кладывай!..
– Люстру хрустальную
изволите? – 700!
(Мужики оброк не платят...)
– Изволите от?..
– ...Кладывай!
– Золотой несессер
под английский манер,
для чистки ногтей
у детей.
1000!..
– Из деревни мужики
пришли, погорелые – что ль,
принять, отложить до утра?
– Ишь-ты, обнаглели!..
В баню сперва!
От-кла-ды-вай!

VIII. ДОРОГА. КРАСНЫЙ ЦВЕТ

– По красному бей!..
Робеешь?
Куды прешь?.. Назад!..
Поспеешь!..

Шнуры – как артерии
в глазах,

в мозгу...
На мосту –
взвод
кавалерии...
– Не могу!..
– Можешь, чортов сын,
Мож-жеш-шь!
(На роже –
сытая злоба).
– Мож-жеш-шь!
Обвилась лезвием...
Выхлест – глаз
смотрит...
В оба!
– Справа по три!..
Рысью!!!
– Помяни, Господи,
во царствии Твоем!..
– Сторонись, сомнем!..
– ...тетку Анисью!..
полегли, братики, полегли!..
– Взвод... пли!
Рухнуло
окаанным –
по спаянным.
Светом багряным –
по раненым.
Плавно, напевно,
как струна:
– Слепая царевна
Се-ве-ря-на!
– Община Урала
не пала,
малиново-ал
лампас
и у нас.
Гей... с острога́ми!..
с врагами
померяться силой...
Гей!..
– По красному полю
в волю –

тупым концом –
бей!..

Свинцом
залиты глаза
Язык – как шиш.
– Иртыш... Иртыш!..
не насмотреться- бы, милый!..
– Ишь, взвыла!..
В кузнице красен горн,
в кузнице воздух черн.
Кровь под огнем красна,
кровь под углем черна...
Тошно!..

– Он думал, что я –
нарошно.

Я ему – в ножки:
раз!..
Он мне – каленым
в глаз.
На десятке сошлись,
а то ка-
тор
га.

– Провокатор?

– Да!

– Ловко это ты, –
смышленный!

– Прут-то ведь,
прут,
каленный!..

– Што?! Бунт?!..

– Ни фун... та!.. хле... ба!!! ...

А жандармский погон –
не блин, не калач.

– С испокон
по грешной Руси, –
Владычица, пронеси,
аминь, –
хоть плачь!

Отворот красный.
Властный.
Пухнет.

– ...Под-дернем!..
...под-дернем –
да бухнем!..
– Бунт?!

Сырой
грунт.

IX. ТЯНЬ-ШАНЬ – МОСКВА ^{ix}

Там, где бродит тигр,
где станут верблюды...
Где от смертных игр
крававые следы...
Где снега вершин
на небе чертят грань...
Там царит один –
Тянь-Шань...

Там, где тень садов
скрывает в жаркий зной.
Там, где сок плодов
покой дает земной.
Где снега вершин
на небе чертят грань...
Там царит один –
Тянь-Шань...

Вниз спадают змеями ущелья...
Одинокий слышен зов марала...
Стонут вековые подземелья...
Тайны гор хоронит тишина.

Много лет прошло – не стало сказок...
Много лет прошло – любви не стало...
Только в песне грустного рассказа –
юность не забытая – слышна.

– Вот и мы в столице –
птицы.
Казакам бы только взвиться,
взвиться да лететь,
да реять...
– Надолго, Василь Андреич?
– 28 дней.
Часов
не считал
Василь Ченцов.

Не пошел – под суд!..
Замялось:
Есаул лихой, Ченцов-то!
И откуда что и взялось –
песни, мол... скачки, мол...
джигитовка...
На распутии вот покуда.
Знаю сам, что путь не верен.
Но – в столице. А отсюда
возвращаться... путь – не мерен!..
Разве только буря грянет...
Лето – печка... Мир – как вымер...

– Это с кем ты, Любованя?
– Чагин!.. – Васька!.. – Ты?..
Владимир!..

Расспросы,
вопросы
о старом,
о том,
что было,

что стало,
о всем
да о сем...
– Давно ты?
– Вчера лишь.
– На месяц?
– Ну да.
– Хромаешь?
– Хромаю –
да что!..
ерунда!..
– Любаня,
покушать...
С Васюткой.
Ты пьешь?

...Любаня...
Любаня...
А в голосе –
дрожь...

– Я слышал,
ходил ты
с полком
в Калунду?
– Вернул, брат!

Не вылез.
Не вынес беду...
– А как же?
– А так же...
– В запасе?
– В гробу!
– Брось шутки!
– Без шуток...

А жила –
на лбу...

– А помнишь,
а помнишь?
Джаркент^x
и Хоргос,
и...
как пестрые
ленты –
вопрос
за вопросом...

– ...Соберемся-ка мы, казаченьки
во единый во-о-о кружок!..
Так-то, друг мой, славный Васенька!..
Пьешь?
– Не пью! Не лей, дружок!..

А по скатерти дробно
пальцы:
стук-стук-стук-стук!
А на сердце любовно:
– Любованя, мой друг!..
А по скатерти нервно
дробь дробит... кровь – как дробь.

Северяна царевна –
любовь!..

– Ну, закусим...
Выпей рюмку!

– Ну, давай уж,
так и быть!
Коли слезы –
так уж слезы.
Коли пить –
так будем пить!
– Мать здорова?
– Да, здорова.

– Все в Черлаке? ^{xi}

– У себя.

Тешит старость –
няньчит малых
двух каких-то
казачат.

Одного крестила даже
в честь меня –
Васюткой тож...
– Ну, за здравье
бабки Маши!..

Звон стаканов –
сердца дрожь...

«Не любить – загубить
значит жизнь молодую...» ^{xii}

Коли пить – станем пить...

– Ты не знаешь такую?

– Знаю... знаю...

А ты помнишь
нашу песню:

Пей до дна!

За здоровье

того –

кто...

не любит никого!

Ура!

Так-то брат!

Давно это было...

Сплыло!..

X. КАЗАКИ-СТУДЕНТЫ...

«Юной верой пламенея ^{xiii}

с Лены, с Бии, с Енисея

ради воли и труда,

ради жажды жить светлее

собралися мы сюда...

«И с улыбкой вспоминая

ширь Байкала, блеск Алтая,

всей стране, стране родной

шлем привет мы, призывая

всех, кто с нами, в общий строй...

«Каждый здесь товарищ равный, –

будь же громче, тост заздравный.

Первый тост наш – за Сибирь,

за красу ее и ширь,

а второй – за весь народ,
за святой девиз: вперед!..¹³
– Вперед!..
– Вперед – вперед!..
– Брось, – хозяйка уберет!

Стены в пестренских обоях.
Самовар давно потух.
Варя ходит, беспокоится:
обещали – не идут...

Стук – и – настезь...
Кто за Любой?
– Это Зоя... Вячка!.. ба! –
сам Владимир!..
– Здрассте!
– Любо!
– Занесла сама судьба.
– Ченцов.
Казак.
– Я тоже,
с Дона.
Гаврилка... ты?
– Конечно я!
– А кто сказал?..
– Ну, здесь, как дома!..
– Совсем застыл...
– Сейчас... сейчас!..

Кика с Варей –
две хозяйки.
Тáры – тáры,
та-ра-рám...
– Опоздали...
– Угощай-ка!..

Звон гитары...
Самовар...

Под шум и смех:
тá-ра-ра, тá-ра-ра...
– Ах, ну и снег!..
Тá-ра-ра-тám...
– Мы думали ехать...
та-ра-ра, та-ра-ра...
– Гаврилка уперся: «не-ет,

¹³ Сибирская студенческая песня. Слова – Г. А. Вяткина. Пелась сибиряками-студентами на мотив «Из страны, страны далекой». <Примеч. автора.>

к-а-кая т-е-перь езда!..»
– Вот отсюда...
Скоро ли чай-то?
На Голицынские, –
идет?
– Там вечерка...
– Не опоздаем?
– По Остоженке...
– Довезет!..

Тóры-тóры...
разговоры.
Снег и ветер
на дворе.
А узоры-то
узоры
на завешанном
окне!

Полка. Книжки.
Фортунагов...
Иверонов.
Каблуков...

– Кика!
– Что надо?
– Чай скоро?
– Готов!..

Ложкой, стаканчики,
сахар, халва,
дамские пальчики... –
вот и Москва!
Полдевятого –
голубцы-бубенцы!..
– А поместимся, ребята – мы?
– Молодцы, молодцы!..
Гик!
и по снегу...
пошел –
па-ди!..
Друг к другу со смеху...
– Не упади!..

А в одиннадцать:
– Варя!
– Просим, просим!
– Спляши!

Тесно сдвинулись...
встали –
кругом – стоим
стогом ржи – ...

А в кругу просторном:
каблук – ток-тók-ток!..
При честным – д – народом
д'мне ли не пройти?
Плечики задо-орны,
локоток – ток – пóд-бок...
Дон – моя свобода!..
А любовь?.. Пусти!

Гоп-гоп, черевички,
черевички – стоптаны!
Гоп-гоп, молодички,
молодички – с Дона мы!..

С Дона мы приехали –
милому помеха ли?
Гоп-гоп, черевички,
черевички, кто со мной?

Гоп-гоп, молодички, –
сам молодчик молодой!..

– Казак!.. казак!..
– Бр-рав – в – вооо!..
– Товарищи, сдайте назад,
ну, что вы, право?!.

Гоп-гоп, разойдемся,
мы с тобой не расстанемся!
Гоп-гоп, Василя!..

Варя ходит весела...

XI. ВЕЛИКАЯ-МИРОВАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ...

Заря пó-небу –
война по-миру.
Брат на брата –
солдата...

– А на мельницу попаду?
– Попадешь.
– Невтерпеж работенка!..
– Прибавим!

– Немца сплавим, значит,
судачит –
 ...лишняя лошаденка,
 плуг паровой Эльворти...^{xv}

Не спорьте:
все люди – братья, –
а посла разочтемся!..
На Вену!

– Дай те хрестик одену,
воин христовый!..
– Рас – ста – ем – ся!

Черной змеей из труб
дым – окаянный труд.
Заводы ноне
на обороне!
Стройно.
Спокойно.
Мерно.
Сталь – как огонь – заря...
– Победим наверно...
– Бо – же, ца – ря!

В колокол
– Раз!
ударьте...
Висла.
Карапаты.
Кавказ.
Стройно.
На смерть.
Солдаты...
– Боже, помилуй нас!..
.....

– Война-с?
.....

Тыл шумел.
Тыл чумел.
Тыл озлился.
Тыл орал.
Тыл: Урра!
Суетился –
с ног сбился...

– Эж, ведь, чадит из труб!..
Нога. Голова. Труп...

– Вот бы теперь в штыки!..
Марля. Бинты. Портки.
– Дай нам Берлин да Вену!..
Голод. Хвосты... – Измену?..
У-у-у-у!
Ничего не пойму!

.....
Слезы – огонь из глаз...
Час
смертный
настал.
Он первый, он первый упал!..
У – пал!
Слезы – лучи
огня...
– Меня?..
– Его?..

– Сыночка-то моего!..
Василя!..
убили!
– Что?

– Процентом 100!
Меньше – нельзя!
– Сбыли?
– Сбыл!

Был
тыл.
Пыл
стыл.

Слезы – как сноп – лучей...
– Касатик!..
Солдатик!..
Чей?

Открытая грудь.
Не грудь –
снег.
– Сестрица Варвара, жив?
– Нет!..

Красный лампас –
и рана...

Пикой –
и глаз!..
– Се – ве – ря – на!..

ХII. ЕВРАЗИЯ ^{xvi}

Поволжье и барки.
Товарки.
Сударки.
Пельмени горячи!
Пельмени горячи!

Самара. Сарепта.
Сарепта. Горчица.
А хлеб-то, а хлеб-то!..
Ползет, волочится...

Саратов. Царицын.
А птицы, а птицы...
Им взвиться:
– пельмени горячи!..
– Пельмени горячи!..

И щебет, –
и нет их.
За Астрахань – Каспий.
По блюдечку разлит.
Не выхлебать разве?

.....
С восхода
исхода –
охота –
из стана.
Глядят Туркестана
мечети и клетки.
Пески
и вампиры.
Полмира!
Полмира!
Над Индией
крыша
седого
Памира!

Пельмени – горячи!
Пельмени – мантушки!
На перце каленом.
На сердце лягушки!
И девичьи плечи
скрывает Тянь-Шанем –

горит Семиречье
и плещет ковшами...

из роз ли,
из роз ли,
из рос ли,
из снега –
вино
винограда,
сок града,
сок неба.

.....

На севере тая
станции и стаи.
Слетая с Алтая
и с Тарбагатая –
на герб горносталя –
синицы –
синь-птицы,
как тучи-причуды,
как горы,
как груды,
в дыму ли,
в золе ли –
взметнули...
в руде ли?
века –
облака...

От края до края,
без края – без края –
равнины, берлоги,
белки и остроги.
Из золота... тыны!
– Пушнины, пушнины!
Лисицы, куницы,
бобры и еноты –
для крупного счета.

Еще, да?

Песцы, соболя –
за края, за моря.
А белки потоце –
кто дома попроще...
Измолото хлеба
– до самого неба!

Убито коров –
100.000.000 голов!
– Эй, шаньгою в масло! –
кричи, чтоб погасла!
Не гаснет. Не газ она.
Льдом опоясана,
стыль-глубина –
ледяная страна...
Собаки... олени...
Кулага... ^{xvii}пельмени...
И черные тени,
и синие тени,
и красные тени...
– Пожар!
В жар!..
А кони – как гикни –
так версты, –
как вихри!..
От края – до края...
Без края – без края...
Равнины, тайга ли,
тайга ли, снега ли? –
Не может быть лучше,
не может быть краше!
От Турского стана
и до о-ке-а-на –
все наше, все наше!
Все – наше! Все – наше!
Чрез горы – просторы,
болота – урманы,
Уралы – увалы,
Байкалы – провалы,
Читу – за черту,
за кедра – за недра –
все воля... все воля...
До самого моря.
До самого моря –
великая ширь:
Сибирь.
ХIII. РОССИЯ – СИБИРЬ
Барабанная дробь...
Дробь... робь!.. грабь!..
Рябь... грудь... гробь!..

Оловянная дрожь...
Дрожь... ложь... нож...
Нож... грош... ложь...
Окаянная жизнь...
Грязь... гнус... гнись!..
Гром... гроз... грызть...
О, багряная твердь!..
Дверь... мерь!.. верь!..
Кремль... зверь... смерть...
Москóвия!!!
Багряным – заволокло глаза.
Расеюшка!!!
Шум – шквал – жварь гроза...
Украина!!!
Крик спугнул – кровь сглотнул...
Изранена!!!
Грох телег... гром... град... гул...
А по степи, широко, широко-то как...
А поступи – ток-ток-ток, ток-так-так, так-так!
Невидимо – днем как свет, ночью – тень.
Неслыхано – слово – в куст, знак – в плетень...
Незнамо где – и везде, и нигде.
Не гадало – то во сне, то в избе...
По багряному –
снежный цвет –
весть, как снег.
Оловянному –
свежий свет –
век рассек.
Окаянному –
зелень пруд,
изумруд.
Барабанному –
путь в тайгу –
вольный круг...
А по степи – широко, широко-то как!..
А поступью – ток-ток-ток, ток-так-так, так-так!
От аула – в аул – миг – лет...
Ширь вспорхнула – ковер – в полет!..

Барабанная дробь...
Дробь... робь?.. грабь!..
Рябь... гробь!.. кровь...

Снегом заткана новь.
Хлопья – плоть,
плоть – любовь...

Окаянная жизнь...
Грязь... гнус... гнись!..
гром... гроз... грызть...

Изумрудная высь...
Высь – в высь мчись!..
Мчись в высь – жизнь!..

Московия!..
Нетопырь – то упырь...

Расеюшка!..
Звон, взлет, стон.
Стан – Сибирь!

.....

Две рати,
две рати.
Два брата,
два брата.
Заклятье,
заклятье.
Не надо,
не надо!..

Два друга,
два друга.
На друга,
на друга.
Проклятье,
проклятье!
Меч в руку –
смерть другу!

Станицы – в станы,
лагери – в крепости,
стада – в туманы,
по ветру хлеб пусти!..

Гик –
Крик –
 Гик –
 Миг –
 День – лик.
 Лес пик...

Табуны – топоты,
провода – хлопоты:
седло, образок, конь.
Крестьяне – селами,
казаки – веселыми...
Вилы – кулаки – кол...

Встретились на гряде.
С грудью грудь.
На Урале...
Пулемет – кол.
Бомбомет – вилы.
Артиллерия – кулаки.

Налетели...
На высоте –
грянул гром...
Отыскали –
кол – пулемет,
вилы – бомбомет,
кулаки – артиллерию...

Две рати,
две рати.
Два брата,
два брата.
Два друга,
два друга.
На друга,
на друга...

Багряное знамя –
двухцветное знамя...

Кто с вами – не знаем.
Кто с нами – все с нами!..

Кровь –
белый свет.

Нож –
зелень трав.
Серп –
свежий свет.

Молот –
тайга...

.....

Всевеликого войска донского
первый круг – круг большой – старина...

Всеначального войска сибирского
круг второй – круг – вся страна...

От семи рек – семирек.
Енисей – с енисейцами.
Иркут – с иркутянами.
Селенга – с забайкальцами.
Амур – с амурцами.
Уссури – с уссурийцами.
Иртыш с Ермаковской вольницей.
От крестьян – брат.
Горожан – друг.
Депутат – сибиряк.
Сибиряк – в круг...
И все – за околицу...

«...Депутат большого войскового круга
Владимир Чагин – председателем!...»

Прихрамывая, идет, ведет сына за руку,
вместе с мальчиком – всходит на кафедру...

Слово... Призыв... В ширь...
– «Да здравствует автономная Сибирь!...»

Слезы в глазах стариков.
Шум – зов. Лес рук. Нет слов...

Песнею... Звоном... Гордостью...
– «Да живут все казачьи вольности!...»

Стоном шумит круг.
Шум – гул. Нет слов. Рев рук...

Гневом... Любовью... Светом...
– «Враг у ворот... К победам!»

Круг деревень... аулы...
все потонуло – в гуле...

– Хлеб не отдадим – наш!..
 Дробь... кровь... рябь...
– Скот не отдадим – наш!..
 Грязь... пулемет... хлябь...
– Золото – наше... стой!
 Гром не изгрызть – выть...

– Наша земля. С т о й !..
Мирно в свободе жить.

Точит червь
ночь и день.
Точит слизь
радость – жизнь.
Точит червь,
точит день.
Роет крот –
круглый год.
Точит червь,
стонет кедр.
Клонит ветр...
Встанет? – нет!
Точит червь,
роет крот –
ночь и день,
круглый год...

Рухнуло!..
 Грохот...
 Гул...
Жги!..
 Разноси...
 аул!..

Рухнуло...
 Тяжесть...
 Звон...

Бей!..
 Разбивай...
 села!..

Рухнуло...
 Горечь!..
 Гнет!..

Город...
 Голод...
 Мрет...

Рухнуло...
 Мертвой...
 птицей –
бьются –
 в огне –
 станции!..

– Знаменщик ранен!..
В правую... В руку...

Не удержала –
древко священного
стяга борьбы.
Кара судьбы.
И толпа побежала:
... – Знаменщик ранен!..

Рвите холщовые флаги!
Чистая, алая кровь –
белое сделает – красным!..
Хлещет измученный лагерь...
... – Свобода!.. Свобода!.. Свобода!..

Бегут солдаты
и люди-звери
И конский топот
и звон стекла.
Пустеет площадь.
Вбежали в двери.
Не люди – трусы.
Их жизнь звала:
– Знаменщик р-а-ан-не-н!..

Он мчался впереди
на взмыленном коне.
Он звал и трепетал,
как это полотно.
Неправда!
Умереть ему не суждено.
Он верит и зовет:
– К свободе!..

Пусть конь убежал –
забрызган кровью
бело-зеленый стяг –
погибнет враг:
великой любовью
он будет сражен!
Проклятьями – старых.
Молитвами – жен и детей.
Их любовь – глубока...
И так неглубоко – могила...

Знаменщик...
Он левой рукою сжимает еще
холодное древко.
Слабеет плечо.
Он – ранен.

Рука
точно камень.
Застыла...

На стяге – кровавые пятна и пыль...
Над мертвым
склонившись,
рыдает Сибирь...

Гул – поток.
Шум – исток.
Смерть – исход.
Как поток
топот ног –
на восток.

Черен день.
Ночь черна.
Снег – постель.
Червь точил,
проточил –
до костей.

Снял Урал,
снял Иртыш,
снял Иркут...
Казачи
все идут
и идут...

Снял Байкал,
снял Читку –
снял Амур...
Казачи –
точно всклокоты
бурь...

Снял с земли
Усури,
весь восток.
Казачи –
в кругосветный
поход!..

Мы живали в суровой неметчине ^{xviii}
Нам знаком и Алжир, и Сиам.
Мы ходили по дикой туретчине
и по льдистым Небесным горам...

Нам близки и Памир, и Америка.
И Багдад, и Лионский залив.

Наш казак у восточного берега
упирался в Дежневский пролив...

Легче птиц и оленей проворнее,
рассыпаясь по тысячам мест –
доходил до границ Калифорнии –
одинокий казачий разъезд!..

.....

XIV. СЕВЕРЯНА – ЛЮБОВЬ

«А как встанет
во весь рост,
как встанет! –
сердце захлестнется,
ноги – хрупь...
Голова дурманится...
Чешуйчатый хвост... Господи!..
Достанет!
Человек –
а валится.
В прорубь.
В глубь...

Взвизг... Всхруп... Топот копыт...
И – как тетива –
...Се-ве-ря-на!..

Слушай, внучонок, сказку про быт,
нынче его – не стало!..

Был у меня старик и друг –
Тихон Ермолаич... давно уж!..
Он-то и сказывал.
Посадит нас в круг –
возле проруби-то, на снегу –
холодно, говоришь? –
и начнет петь – за слóвом – слóво...
А мы и слушаем, и дивимся:
кто это «она» –
Северяна – ледяная царевна?!..
Это, внучонок, не человек, а страна,
царство-государство, наверно!..

Вот твоя мать-то, Любава, к нам раз
из городу приехала – молодой еще –
Ермолаич-то созвал всех нас,
ну и ее, конечно – на сборище!
Дак она при словах: до-станет! –
как вскрикнет... да встанет!..

Дак белей рубашки. А была девчонка
не из трусих. Баловница только!
С той поры – ты Ченцова не знал, поди?
все дразнил ее Василий: Се-ве-ря-на!
Ох, она не любила!.. Ну, и правда: крестить
кто ж таким будет прозвищем христиан-то!?

А потом... теперь вот... Она да ты...
Да вот я... Старый с малым, да баба...
Говорится – друзья!.. Эх, отец, кабы!..
Да, ну где ж его взять-то? папу!..

«Казачи – точно птицы, им – летать да расти...»
пел он мальчиком, эдак с тебя вот...
Ну и вот – улетел. Свет – бескрайный, велик!..
Ты вот мать береги!.. Любаву!..

Спит станица-село... Пораскинулась ночь...
Ночь и день... День и ночь... Другие...

На подушке – кудрям – точно луч, точно рожь... –
снятся сны... голубые какие!

14. XI. 27.

Примечания

ⁱ «Рано утром весной ~ догорелый»; «Он у пушки стоит ~ молодца-атамана...» – авторская сноска относится к обеим песенным цитатам. Песня «Пушкаръ» (иногда – «Старый пушкаръ») имеет литературное и более позднее происхождение, чем указано Ачаиром. В основе ее текста лежит первая часть поэмы «Сибирский казак», созданной автором «Конька-Горбунка» [Ершов, 1835, т. 8, с. 7–18]. Песенный текст с вариациями неоднократно печатался без названия и без указания имени автора; см., например, в разделе «Песни разных казачьих войск» с указанием «Сибирского казачьего войска»: [Сборник..., 1890, с. 255–258].

ⁱⁱ «Застучи, моя дубинка ~ Люба – любя – любя – любя – любя!» – народная хороводная песня «Заиграй, моя волынка» (см., например, с указанием «Гамбовской губернии»: [Балакирев, 1895, с. 50–51]). В книге А. С. Фоминцына песня была определена как «близкая к плясовой»; там же высказано предположение, что песня была сложена в среде скоморохов [Фоминцын, 1899, с. 74].

ⁱⁱⁱ *Плачет горько Селенга: / – Кобдо... Урга...* Селенга – река, протекающая на территории Монголии и Бурятии, самый крупный приток Байкала. Кобдо – река в Западной Монголии и Монгольском Алтае. Урга – историческое название города Улан-Батор. Судя по контексту, имеется в виду одна из двух одноименных рек, протекающих в Амурском и Хабаровском краях.

^{iv} *Тышкан* – горная река в Туркестанском крае (ныне территория Панфиловского района Алматинской области Казахстана). Упоминается в стихотворении Ачаира «Романтика» (1942): «Урочище звалось Тышканом. / Ущелье. Скалы

и поток. / Еще арык, прорытый ханом. / На скалах – беленький платок: / там вечный снег <...>» [Ачаир, 2009, с. 188].

^v *Сарты* – наименование зажиточного оседлого населения некоторых районов Средней Азии.

^{vi} «*Мы дружно на врагов... ~ за честь мы стоим!*...» Часто цитируемая в художественной и мемуарной литературе песня, в основе которой лежит сделанный неизвестным автором перевод неофициального гимна Словении «*Naprej zastava Slave*», сложенного в 1860 г. (слова С. Енко, музыка Д. Енко). В 1918–1989 гг. стала гимном Королевства Сербов, Хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославии).

^{vii} *Ручуки* – как плети... Так в печатном оригинале. Не исключено, что слово «ручуки» следует читать: «ручки» или «бунчуки». *Бунчук* – древко с привязанным хвостом коня, знак власти, заимствованный казаками у турок.

^{viii} *Мэ, ву компрене, ма шери...* – «Но вы понимаете, дорогая» («*Mais vous comprenez, ma chérie*», фр.).

^{ix} Глава IX. *Тянь-Шань* – Москва. Первые две строфы («Там, где бродит тигр ~ Там, где тень садов ~ Тянь-Шань...») с добавлением третьей, посвященной подруге юности Ачаира Татьяне Вакирько, были напечатаны 25 декабря 1927 г. в виде самостоятельного стихотворения под названием «Тянь-Шань» в харбинской газете «Русское слово» [Росов, 2018в, с. 85–86]

^x *Джаркент / и Хоргос...* Джаркент (Жаркент) – город, и Хоргос – село у границы Туркестанского края с Китаем (ныне территория Панфиловского района Алматинской области Казахстана).

^{xi} *Черлак* – казачья станица на территории Омского уезда Акмолинской области.

^{xii} «*Не любить – загубить / значит жизнь молодую...*» Из популярной студенческой песни «Наша жизнь коротка» (1860-е гг., автор слов неизвестен).

^{xiii} «*Юной верой пламеня ~ за святой девиз: вперед!*... Текст воспроизведен Ачаиром вместе с уточнением мотива по публикации: [Вяткин, 1914, с. 86]. «Из страны, страны далекой» – песня композитора А. А. Алябьева на слова стихотворения Н. М. Языкова «Песня» (1827).

^{xiv} *Фортунаатов... / Иверонов. / Каблуков...* Лингвист Филипп Федорович Фортунаатов (1848–1914), астроном и геодезист Иван Александрович Иверонов (1867–1916), физикохимик Иван Алексеевич Каблуков (1857–1942), авторы учебников и учебных пособий по различным областям университетской науки.

^{xv} *плуг паровой Эльворти...* Акционерное общество «Роберт и Томас Эльворти» (Елисаветград) производило в 1908–1917 гг. агрономическую технику и земледельческие орудия.

^{xvi} Глава XII. *Евразия*. Полный текст этой главы с пометой «6 октября 1927. 9–20 вечера / Харбин, Манчжурия» был послан автором И. А. Якушеву в виде отдельного стихотворения для публикации в «Вольной Сибири» (см.: [Росов, 2018в, с. 86–91]). Публикация не состоялась, а текст стихотворения был инкорпорирован автором в состав поэмы.

^{xvii} *Кулага* – кисло-сладкая мучная каша с добавлением солода (иногда калины); народное блюдо восточных славян.

^{xviii} «*Мы жили в суровой неметчине ~ одинокий казачий разъезд!*...» – первые три строфы стихотворения Ачаира «По странам рассеяния (Эмигранты)» [Ачаир, 1925, с. 69–70].

Список литературы

- Ачаир*. Первая: Книга стихов. Харбин: Содружество поэтов «Медитат»; Типография «Слово», 1925. 72 с.
- Ачаир А.* Казаки // Вольная Сибирь [Volná Sibíř] / Под общ. ред. И. А. Якушева. Прага: Общество сибиряков в ЧСР [Praha, Spolek Sibiřanů v ČSR], 1929. Вып. V. Общественно-литературный и экономический сборник [Veřejný, literární a hospodářský sborník]. С. 14–23; Вып. VI–VII. Литературно-общественный и экономический сборник [Literární, veřejný a hospodářský sborník]. С. 29–39.
- Ачаир А.* Тропы: Стихи. Харбин: Плотников, 1939. 62 с.
- Ачаир А. А.* Стихотворения: В 2 т. / [Сост. Ю. А. Тарала]. Сан-Франциско: Музей русской культуры, 2004. Т. 1. 199 с.; Т. 2. 142 с.
- Ачаир А.* Мне кто-то бесконечно дорог... Стихотворения / Сост. Ю. А. Тарала; предисл. Е. Таскиной. М.: Янус-К, 2009. 428 с.
- Ачаир А.* Дорога к дому: Стихотворения, письма, документы / Сост. и предисл. А. А. Горшенина; отв. ред. Н. И. Левченко. Новосибирск: Новосибирский миниатюрист, 2013а. 332 с.
- Ачаир А. А.* Борис Савинков: Поэма / Предисл. В. А. Росова // Сибирские огни. 2013б. № 10. С. 124–132.
- Балакирев М. А.* Сборник русских народных песен, составленный М. Балакиревым, с нотами. Лейпциг: Изд. М. П. Беляева, 1895. 81 с.
- [*Без подписи*] Печать // Возрождение (Париж). 1930. Т. 6, № 2024, 17 дек. С. 3.
- Барсукова Н. А.* Литературно-художественные произведения на страницах альманаха «Вольная Сибирь» (Чехословакия, 1926–1935) // V Юдинские чтения: Материалы науч.-практ. конф. (Красноярск, 9–12 октября 2007 г.). Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2008. С. 148–153.
- Волин М.* Гибель Молодой Чураевки // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 209. С. 216–240.
- Вяткин Г. А.* Сибирская студенческая песенка // Сибирский студент (Томск). 1914. № 1. С. 86.
- Ершов П.* <П.> Сибирский казак. Старинная быль // Библиотека для чтения: Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб.: Изд. книгопродавца А. Смирдина, 1835. Т. 8. С. 7–18; Т. 10. С. 11–22.
- Забияко А. А.* Тропа судьбы Алексея Ачаира. Научное издание. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2007. 250 с.
- Забияко А. А.* «Мои это годы, моя это боль и судьба!» // Щеголев Н. А. Победное отчаянье: Собрание сочинений / Сост. А. А. Забияко, В. А. Резвый. М.: Водолей, 2014. С. 238–309.
- Забияко А. А., Крыжанская К. А.* Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова: идеи «сибирского регионализма» в контексте индивидуальной религиозности харбинского поэта // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. Вып. 9. С. 197–219.
- К.* [Рец. на:] «Вольная Сибирь» <VI–VIII> // Возрождение (Париж). 1930. Т. 5, № 1674, 1 янв. С. 5.
- Крузенитерн-Петерец Ю. В.* Чураевский питомник (О дальневосточных поэтах) // Возрождение (Париж). 1968. № 204. С. 45–70.
- Мнухин Л. А.* Марина Цветаева и российские поэты Китая // Россияне в Азии: Литературно-исторический ежегодник (Торонто). 2000. № 7. С. 285–299.

Могиланский Н. [Рец. на:] «Вольная Сибирь». Общественно-литературный и экономический сборник. VI–VII. Прага, 1929 г. Стр. 176. Приложение: «Сибирский архив». II. Стр. 51–102 // *Сегодня* (Рига). 1930. № 20, 20 янв. С. 6.

Перелешин В. Конец Алексея Ачаира // *Новое русское слово* (Нью-Йорк). 1972. Vol. 62, no. 22.825. С. 5.

Росов В. А. «Полно охватить всю Сибирскую Русь»: «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 2009. № 256. С. 239–263.

Росов В. А. «Во имя высших идеалов человечества»: письма Алексея Ачаира в музей Рериха в Нью-Йорке (1932–1935) // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах* / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018а. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. С. 40–53.

Росов В. А. Алексей Ачаир: «Борис Савинков» (поэма) // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах* / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018б. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. С. 72–84.

Росов В. А. Стихи Алексея Ачаира для «Вольной Сибири» // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах* / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018в. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. С. 85–96.

Росов В. А. Сибирская идея: от политики к педагогике. Письма Алексея Ачаира к А. В. Сазонову (1922 – 1925) для «Вольной Сибири» // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах* / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018г. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. С. 54–63.

Ревзина О. Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. 594 с.

Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1890. 289 с.

Фоминцын А. С. Скоморохи на Руси. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1889. 191 с.

Хроника литературной жизни русского зарубежья: Харбин и Китай (1918–1945) / Сост. О. А. Бузуев // *Литературоведческий журнал*. 2001. № 15. С. 380–409.

Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц, Л. А. Мнухина. М.: Терра – «Книжная лавка – РТР», 1997. Т. 3, кн. 1: Поэмы; Поэмы-сказки. 352 с.

Штейн Э. А. Поэты русского Китая (Иконография) // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1997. Кн. 206. С. 138–180.

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва

References

Achair. Pervaya: Kniga stikhov [The First: The Book of Poems]. Harbin, Sodruzhestvo poetov “Meditat”, Tipografiya “Slovo”, 1925, 72 p. (in Russ.)

Achair A. Kazaki. In: Vol’naya Sibir’ [Free Siberia]. Ed. by I. A. Yakushev. Praha, Obshchestvo sibiryakov v ChSR [Praha, Spolek Sibiřanů v ČSR], 1929, iss. V, Obshchestvenno-literaturny i ekonomicheskiy sbornik (Veřejný, literární a hospodářský sborník), p. 14–23; iss. VI–VII, Literaturno-obshchestvenny i ekonomicheskiy sbornik (Literární, veřejný a hospodářský sborník), p. 29–39. (in Russ.)

Achair A. Tropy: Stikhi [Paths]. Harbin, Plotnikov, 1939, 62 p. (in Russ.)

- Achair A. A. Stikhotvoreniya [Poems]. In 2 vols. [Comp. by Yu. A. Tarala]. San Francisco, Muzei russkoy kul'tury, 2004, vol. 1, 199 p.; vol. 2, 142 p. (in Russ.)
- Achair A. Mne kto-to beskonechno dorog...: Stikhotvoreniya [Someone is infinitely dear to me...: Poems]. Comp. by Yu. A. Tarala; intr. by E. Taskina. Moscow, Yanus-K, 2009, 428 p. (in Russ.)
- Achair A. Doroga k domu: Stikhotvoreniya, pis'ma, dokumenty [The road to home: Poems, letters, documents]. Comp. and intr. by A. A. Gorshenin, ed. by N. I. Levchenko. Novosibirsk, Novosibirskiy miniaturist, 2013, 332 p. (in Russ.)
- Achair A. A. Boris Savinkov: Poema. Intr. by V. A. Rosov. *Sibirskie ogni* [Siberian Lights], 2013, no. 10, p. 124–132. (in Russ.)
- [Anonymous] Pechat'. *Vozrozhdenie* [The Renaissance] (Paris), 1930, vol. 6, no. 2024, Dec. 17, p. 3. (in Russ.)
- Balakirev M. A. Sbornik russkikh narodnykh pesen [Collection of Russian folk songs], sostavleny M. Balakirevym, s notami. Leipzig, Izdanie M. P. Belyaeva, 1895, 81 p. (in Russ.)
- Barsukova N. A. Literaturno-khudozhestvennye proizvedeniya na stranitsakh al'manakha "Vol'naya Sibir" (Chekhoslovakiya, 1926–1935). In: V Yudinskie chteniya [5th Yudin readings]. Proc. of sci. and pract. conf. (Krasnoyarsk, October 9–12, 2007). Krasnoyarsk, 2008, p. 148–153. (in Russ.)
- Ershov P. Sibirskiy kazak. Starinnaya byl'. In: Biblioteka dlya chteniya [The Library for Reading]. Zhurnal slovesnosti, nauk, khudozhestv, promyshlennosti, novostey i mod. St. Petersburg, Izdanie knigoprodavtsa A. Smirdina, 1835, vol. 8, p. 7–18; vol. 10, p. 11–22. (in Russ.)
- Fomintsyn A. S. Skomorokhi na Rusi [Jesters in Russia]. St. Petersburg, Tipografiya E. Arngolda, 1889, 191 p. (in Russ.)
- K. [Rets. na:] "Vol'naya Sibir" <VI–VIII>. *Vozrozhdenie* [The Renaissance] (Paris), 1930, vol. 5, no. 1674, Jan. 1, p. 5. (in Russ.)
- Khronika literaturnoy zhizni russkogo zarubezh'ya: Harbin i Kitay (1918–1945). Comp. by O. A. Buzuev. *Literaturovedcheskiy zhurnal* [Literary Journal], 2001, no. 15, p. 380–409. (in Russ.)
- Kruzenshtern-Peterets Yu. V. Churaevskiy pitomnik (O dal'nevostochnykh poetakh). *Vozrozhdenie* [The Renaissance] (Paris), 1968, no. 204, p. 45–70. (in Russ.)
- Mnukhin L. A. Marina Tsvetaeva i rossiyskie poety Kitaya. *Rossiyanе v Azii: Literaturno-istoricheskiy ezhegodnik* [Russians in Asia: Literary and Historical Yearbook] (Toronto), 2000, no. 7, p. 285–299. (in Russ.)
- Mogilyansky N. [Rets. na:] "Vol'naya Sibir". Obshchestvenno-literaturny i ekonomicheskiy sbornik. VI–VII. Praga, 1929 g. Str. 176. Prilozhenie: "Sibirskiy arkhiv". II. Str. 51–102. *Segodnya* [Today] (Riga), 1930, no. 20, Jan. 20, p. 6. (in Russ.)
- Pereleshin V. Konets Alekseya Achaira. *Novoe russkoe slovo* [New Russian Word] (New-York), 1972, vol. 62, no. 22.825, p. 5. (in Russ.)
- Revzina O. G. Bezmernaya Tsvetaeva: Opyt sistemnogo opisaniya poeticheskogo idiolekta [Tsvetaeva with no end. An Experience of Systemic Description of Poetic Idiolect]. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoy, 2009, 594 p. (in Russ.)
- Rosov V. A. "Polno okhvatit' vsyu Sibirskuyu Rus'": "Molodaja Churaevka" v pis'makh Georgiya Grebenshchikova i Alekseya Achaira. *Novy zhurnal* [The New Review] (New York), 2009, no. 256, p. 239–263. (in Russ.)

Rosov V. A. “Vo imya vysshikh idealov chelovechestva”: pis'ma Alekseya Achaira v muzey Rerikha v N'yu-Yorke (1932–1935). In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China at the Far Eastern Frontiers]. Eds. A. P. Zabiyaiko, A. A. Zabiyaiko. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2018, iss. 12. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda, p. 40–53. (in Russ.)

Rosov V. A. Aleksey Achair: “Boris Savinkov” (poema). In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China at the Far Eastern Frontiers]. Eds. A. P. Zabiyaiko, A. A. Zabiyaiko. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2018, iss. 12. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda, p. 72–84. (in Russ.)

Rosov V. A. Sibirskaya ideya: ot politiki k pedagogike. Pis'ma Alekseja Achaira k A. V. Sazonovu (1922–1925) dlya “Vol'noy Sibiri”. In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China at the Far Eastern Frontiers]. Eds. A. P. Zabiyaiko, A. A. Zabiyaiko. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2018, iss. 12. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda, p. 54–63. (in Russ.)

Rosov V. A. Stikhi Alekseya Achaira dlya “Vol'noj Sibiri”. In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China at the Far Eastern Frontiers]. Eds. A. P. Zabiyaiko, A. A. Zabiyaiko. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2018, iss. 12. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda, p. 85–96. (in Russ.)

Sbornik ural'skikh kazach'ikh pesen [Collection of Ural Cossack songs], sobral i izdal N. G. Myakushin. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1890, 289 p. (in Russ.)

Shtein E. A. Poety russkogo Kitaya (Ikonografiya). *Novy zhurnal [The New Review]* (New-York), 1997, vol. 206, p. 138–180. (in Russ.)

Tsvetaeva M. I. Collected Works. In 7 vols. Comp., prep. and comment. by A. A. Saakyants, L. A. Mnukhina. Moscow, Terra – “Knizhnaja lavka – RTR”, 1997, vol. 3, book 1, 352 p. (in Russ.)

Volin M. Gibel' Molodoy Churaevki. *Novy zhurnal [The New Review]* (New York), 1997, vol. 209, p. 216–240. (in Russ.)

Vyatkin G. A. Sibirskaya studencheskaya pesenka. *Sibirskiy student [Siberian student]* (Tomsk), 1914, no. 1, p. 86. (in Russ.)

Zabiyaiko A. A. Tropa sud'by Alekseya Achaira [The path of fate of Alexei Achair]. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2007, 250 p. (in Russ.)

Zabiyaiko A. A. “Moi eto gody, moya eto bol' i sud'ba!”. In: Shchegolev N. A. Pobednoe otchayan'e: Sobranie sochineniy [Victory despair: Collected works]. Comp. by A. A. Zabiyaiko, V. A. Rezvy. Moscow, Vodoley, 2014, p. 238–309. (in Russ.)

Zabiyaiko A. A., Kryzhanskaya K. A. Perepiska A. Achaira i G. Grebenshchikova: Idei “sibirskogo regionalizma” v kontekste individual'noy religioznosti kharbinskogo poeta. In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China on the Far Eastern Frontiers]. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2010, iss. 9, p. 197–219. (in Russ.)

Archives

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation] (GARF), Moscow

Сведения об авторах

Лоцилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия), доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

loshch@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3642-2590

Полторацкий Иван Сергеевич – ассистент кафедры истории и теории литературы Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

ipoltora@gmail.com

Information about the Authors

Igor E. Loshchilov – Candidate of Philology, PhD, Researcher of Literary Studies Section of the Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Russian Literature and Literary Theory of Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

loshch@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3642-2590

Ivan S. Poltoratsky – Assistant of the Department of History and Theory of Literature, Institute of Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

ipoltora@gmail.com

Требования к оформлению статьи

Редакция принимает материалы объемом 0,5–0,7 п. л. в виде файла, набранного в редакторе Word 97-2003: шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал 1,5, поля со всех сторон 2 см, абзацный отступ 0,5 см.

Порядок расположения структурных элементов статьи:

- слева номер УДК;
- по центру строчными буквами (шрифт полужирный) инициалы и фамилия автора статьи;
- по центру строчными буквами – аффилиация автора, почтовый адрес (курсив);
- по центру прописными буквами (шрифт полужирный) заголовок статьи (если название занимает 2 строчки и более, то междустрочный интервал одинарный, точки в заголовке не ставятся);
- по ширине аннотация (не менее 100 слов);
- по ширине ключевые слова (6–8 слов);
- основной текст статьи;
- список литературы;
- инициалы и фамилия автора, аффилиация автора, почтовый адрес, название статьи, аннотация, ключевые слова на английском языке;
- сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках, ORCID и другие коды автора.

Список литературы набирается вручную в конце статьи в алфавитном порядке (кегель 10). Ссылка в тексте на цитируемую работу выглядит так: [Иванов, 2017, с. 51]. Ссылки на материалы, не поддающиеся библиографическому описанию, оформляются в виде сносок внизу страницы ¹.

Образец оформления статьи:

УДК 81:39, 81'23

И. И. Иванов¹, П. П. Петров²

¹ Новосибирский государственный университет

² Институт филологии СО РАН, Новосибирск

ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Систематизируются термины для общего наименования лексических единиц тематической группы «Названия растений и их частей». Дается краткий обзор истории изучения данной лексики и прослеживаются истоки современного этнолингвистического когнитивного подхода, а также описываются возможные перспективы ее изучения.

Ключевые слова: термин, этнолингвистика, картина мира, фитонимы.

Основной текст статьи

Список литературы

Список источников (если есть)

¹ Например: *Зыковская Н. Л.* Лейтмотив в ряду других общесемиотических концептов. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/2/2000_01/008.pdf (дата обращения 19.09.2012).

I. I. Ivanov¹, P. P. Petrov²

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, ivanov@gmail.com

² Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, petrov@ngs.ru

**STUDIES OF PLANT-NAMES AND AN ETHNIC WORLD IMAGE:
DEFINING THE PROBLEM**

This paper proposes a brief review of the history of researches in the vocabulary of plant-names (as well as names of some parts of plants). The author lays special emphasis on the sources of the modern ethnolinguistic approach. Some prospects of the further research are outlined.

Keywords: linguistic terms, ethnolinguistics, world image, phytonyms.

References

Иванов Иван Иванович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, ivanov@mail.ru, +7 (383) 330 47 72)

Ivanov Ivan I. – Candidate of Philology, Senior Researcher of Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, ivanov@mail.ru, +7 (383) 330 47 72)

Петров Петр Петрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, petrov@mail.ru, +7 (383) 330 47 72)

Petrov Petr P. – Candidate of Philology, Senior Researcher of Literary Studies Section of Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, petrov@mail.ru, +7 (383) 330 47 72)

Обязательная англоязычная версия списка литературы (References) размещается в статье с учетом рекомендаций: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/translit.pdf>

Статья подается в электронном виде по адресу zhurnal.syuzhet@yandex.ru, файл, отправленный по e-mail, называется так: ИвановИИ_статья.doc

Контактный телефон: 8 (383) 330 47 72 (понедельник, четверг)